

ISSN 2411-1503

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра археологии, этнографии и музеологии

Лаборатория междисциплинарного изучения
археологии Западной Сибири и Алтая

НИИ гуманитарных исследований

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

Сборник научных статей

Выпуск XXIV

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431
С689

Ответственные редакторы:
А.А. Тишкин, В.П. Семибратов

Редакционная коллегия:
*В.В. Горбунов, С.П. Грушин, Ю.Ф. Кирюшин,
Д.В. Папин, Н.Н. Серегин, Т.В. Тишкина, Я.В. Фролов*

С689 **Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края** [Текст] : сборник научных статей / отв. ред. А.А. Тишкин, В.П. Семибратов. – Вып. XXIV. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. – 264 с.

ISSN 2411-1503

Издание содержит статьи, подготовленные на основе материалов докладов XXIV Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края». Рассматриваются различные вопросы, связанные с проблемами изучения, сохранения и использования археологических, исторических, архитектурных и других памятников культурного наследия. Отдельное место занимают исследования в области археологии и музейной деятельности.

УДК 902(571.150)(08)
ББК 63.48(2Рос-4Алт)я431

Издание подготовлено в рамках реализации гранта Правительства РФ (Постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

ISSN 2411-1503

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ФИКСАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

<i>Грушин С.П., Леонтьева Д.С.</i> Результаты археологической разведки в Чарышском районе Алтайского края	6
<i>Казаков А.А.</i> Комплекс археологических памятников у с. Новозыково Красногорского района	11
<i>Кирюшин К.Ю., Кобзев В.Л., Папин Д.В.</i> К археологической карте памятников эпохи поздней бронзы Барнаульского Приобья	20
<i>Кунгуров А.Л.</i> К археологической карте Краснощековского района (Алтайский край)	26
<i>Пилипенко С.А.</i> Польское каменное надгробие рубежа XIX–XX вв. с берегов оз. Байкал (из собрания «Частного музея минералов В. Жигалова»)	30
<i>Телегин А.Н.</i> К археологической карте Баевского района	34
<i>Целищева М.А.</i> «Барнаульский дрожжевой завод» – памятник архитектуры начала XX в.: история и проблемы его сохранения	36
<i>Целищева М.А., Слуцкий М.А.</i> Утраченный объект культурного наследия «Особняк купеческий» в Барнауле: история и проблемы его сохранения	52
<i>Ябыштаев Т.С.</i> О причинах репрезентации «поднятия на войлоке» зайсана алтайских тёлёсов	58

РАЗДЕЛ 2. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Борисов В.А., Илюшин А.М.</i> Коллекция находок из сборов на поселении Саратовка-4 (к постановке вопроса о новом типе археологических памятников периода поздней бронзы в Кузнецкой котловине)	63
<i>Бородовский А.П., Горохов С.В.</i> Курганная группа Туекта-Нефтебаза-12 на южном склоне Семинского хребта (Онгудайский район Республики Алтай)	69
<i>Головченко Н.Н., Назаров К.А.</i> Находки керамики в с. Рогозиха	75
<i>Дашковский П.К., Демин М.А.</i> Раскопки кургана №29 пазырьской культуры в южной части могильника Ханкаринский дол	78
<i>Дашковский П.К., Ожиганов А.Н.</i> Завершение раскопок курганов скифской эпохи на могильнике Инской дол	83

<i>Илюшин А.М.</i> Шаравинское поселение (по материалам подъемных сборов)	88
<i>Кирюшин К.Ю., Грушин С.П., Фрибус А.В.</i> Каменный пест в форме рога – случайная находка из с. Тоурак Алтайского района Алтайского края	94
<i>Ковалевский С.А.</i> Вклад Н.Л. Членовой в изучение ирменских древностей Алтая	101
<i>Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., Боброва Л.Ю.</i> Находка каменной «пешни» в окрестностях Кемерово (Кемеровская область)	107
<i>Марсадоллов Л.С.</i> Хронологические тенденции развития бронзовых котлов на Алтае и в соседних регионах в хуннское время	111
<i>Мерц В.К., Мерц И.В., Фролов Я.В.</i> Новые находки раннекочевнических погребений в Павлодарском Прииртышье (Казахстан)	118
<i>Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С.</i> Археологическое изучение окрестностей г. Белокуриха	126
<i>Семибратов В.П., Калашиников Д.С., Ситников С.М., Морозов А.Н.</i> Погребальный инвентарь из захоронения на бывшем Нагорном кладбище г. Барнаула	131
<i>Серегин Н.Н., Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С.</i> Начало исследований некрополя сянбийско-жужанского времени на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай)	136
<i>Ситников С.М., Запрудский С.С.</i> Поселение поздней бронзы Гольцовка-I	145
<i>Ситников С.М., Кадничанский И.Е.</i> Новые археологические находки с территории Северной Кулунды	149
<i>Сотникова С.В.</i> Кольцевой ров погребального сооружения как место отправления культа (по материалам памятников синташтинского типа)	156
<i>Стяжкина О.В.</i> Первая культурно-хронологическая концепция древней и средневековой истории населения Верхнего Приобья (Россия)	162
<i>Тишкин А.А., Горбунов В.В., Серегин Н.Н.</i> Радиоуглеродное датирование материалов из курганов раннесредневекового памятника Сростки-I	165
<i>Тишкин А.А., Кирюшин К.Ю., Ушаков Е.С.</i> Находка редкой монеты монгольского времени в Кулунде	174
<i>Тишкин А.А., Мелков В.Н., Симонова Г.В.</i> Изотопный состав углерода $\delta^{13}\text{C}$ и азота $\delta^{15}\text{N}$ в погребенных останках из курганов памятников Яломан-II и III на Алтае	178

Федорук А.С. Бронзовый кельт из с. Баево	185
Федорук А.С. Находки бронзовых изделий с территории Алтайского края (по материалам сайта www.ReviewDetector.ru)	188
Фролов Я.В., Леонтьева Д.С., Грушин С.П. Новый могильник скифского времени в Фирсовском археологическом микрорайоне	195

РАЗДЕЛ 3. МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

Боброва А.И., Тишкин А.А. Оригинальная находка из Прикетья	202
Кимеев В.М. Экомузей «Тазгол»: проектные перспективы и современная реальность	210
Кунгуров А.Л. Каменный топор из Барнаула (Алтайский край)	218
Лихачева О.С. Кинжал «раннескифского» времени из Бийского краеведческого музея	222
Мерц И.В., Плешаков А.А., Мерц В.К. Случайные находки каменных сверленных орудий из фондов Северо-Казахстанского областного музея (Казахстан)	227
Пилипенко С.А., Мушинская Ю.С. Этнографические берестяные ножны из собрания музеев Новосибирской и Иркутской областей	233
Селезнева Е.В. Возможности организации культурно-познавательного туризма на территории Павловского района Алтайского края	239
Тишкина Т.В., Величкина О.Ю. Культурно-образовательная деятельность музея «Мир камня»	245
Толкацкая А.С. Археологические коллекции в экспозициях и выставках Алтайского государственного краеведческого музея в 1950–1980-е гг.	251
Черляков И.Г. Музейно-педагогическая деятельность в сельской школе	257
Шалахов Е.Г. Первые поступления случайных археологических находок в фондовую коллекцию Юринского краеведческого музея (Республика Марий Эл)	260

РАЗДЕЛ 1. ФИКСАЦИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ, ИЗУЧЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ, АРХИТЕКТУРЫ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 902.21(571.150)

С.П. Грушин¹, Д.С. Леонтьева²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*
²*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Барнаул, Россия*

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ЧАРЫШСКОМ РАЙОНЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Летом 2016 г. сотрудниками АлтГУ проводилась археологическая разведка. Маршрут экспедиции включал разные участки территории Чарышского района Алтайского края и посещение краеведческого музея. Одной из задач экспедиции стало обследование памятника Озерки, открытого в 1999 г. П.И. Шульгой и С.А. Суворовым. В ходе работ была получена коллекция артефактов, датируемых периодом раннего неолита. Осмотр долины р. Сосновки позволил выявить четыре новых памятника археологии – визуально фиксируемые объекты: курганный могильник Сосновка-I, II, одиночный курган Щепноха-2, Сосновка-III (каменный ящик). Обследованный участок длиной 4,5 км пролегал от д. Комендантка до базы практик АлтГУ «Голубой Утес», на левобережье Чарыша и в окрестностях р. Чала. На исследуемой территории археологических памятников не выявлено. Определенный научный интерес вызвали фонды районного музея с. Чарышское. На сегодняшний день там хранятся ранее неопубликованные случайные археологические находки: навершие каменной булавы и бронзовые удила, датируемые бронзовым и ранним железным веком, соответственно.

Ключевые слова: Чарышский район, разведка, курган, навершие булавы, удила.

Летом 2016 г. сотрудниками АлтГУ проведена археологическая разведка в Чарышском районе Алтайского края, в результате которой обследованы уже известные памятники археологии и открыты новые. Кроме того, в фондах районного краеведческого музея были изучены отдельные артефакты, поступившие в музей в последнее время от жителей района.

Основным объектом археологического обследования стал памятник Озерки, расположенный в 2 км к югу от одноименного села, в устье р. Трактовая при впадении ее в р. Сосновка. Памятник расположен на террасе, разрушенной дорогой Алейск–Чарышское. Поселение открыто в 1999 г. П.И. Шульгой и С.А. Суворовым [Шульга, 2000]. В 2015 г. сотрудниками АлтГУ проводился осмотр памятника и осуществлял-

ся сбор подъемного материала [Грушин, Кунгуров, Леонтьева, 2016]. В 2016 г. работы на территории памятника были продолжены. С целью выяснения характера залегания культурных отложений в северной части памятника вскрыт небольшой участок размером 2×4 м, площадью 8 кв. м, ориентированный по сторонам света. Раскопки культурного слоя памятника производились вручную, пластами по 25 см. Наибольшая концентрация находок отмечена на 2 и 3 пластах. В ходе шурфовки и сборов подъемного материала обнаружены 19 каменных артефактов и 11 фрагментов керамики. Основная часть керамического материала залегала на 3–4 пластах. Стоит отметить венчик сосуда с декором в виде вертикальных оттисков гладкого штампа и четыре керамических фрагмента, орнаментированных крупным гребенчатым или гладким штампом. Остальной материал оказался без орнамента.

Комплекс каменной индустрии включал артефакты в виде скребков, отщепов, чешуек и аналогичен материалам, полученным в 2015 г., он имеет ярко выраженный призматический характер и хронологически относится ко времени раннего неолита. Керамическая серия очень разнородна, определение культурной принадлежности затруднительно. Единственным определимым фрагментом является венчик, орнамент которого аналогичен декору керамических сосудов афанасьевского поселения Подсинюшка [Грушин, Степанова, 2010]. Афанасьевская культура Алтая на сегодняшний день датируется в рамках XXXVIII–XXV вв. до н.э. [Грушин, 2009; Поляков, 2010].

В ходе работ был обследован участок, расположенный в долине р. Сосновка, от с. Щербноуха до впадения реки в Чарыш. В результате были выявлены четыре археологических объекта.

Курганный могильник Сосновка-I находится на правом берегу Сосновки, в 1,9 км выше устья при впадении ее в Чарыш. Могильник расположен на клиновидном мысе, который возвышается над поймой. Памятник состоит из двух сильно задернованных каменно-земляных курганов со слабо выступающими на поверхности каменными плитами.

Курган №1. Диаметр курганной насыпи 8 м, высота 0,2 м.

Курган №2 находится в 50 м к юго-востоку от кургана №1. Диаметр насыпи 5 м, высота 0,2 м. Раскопки не проводились, культурная принадлежность не определена.

Курганный могильник Сосновка-II зафиксирован в 2,15 км выше устья Сосновки, при впадении ее в Чарыш, в 2,05 км южнее окраины с. Щербноуха, на правом мысовидном берегу. Мыс разрезает лог и ручей, впадающий в Сосновку. Курганные могильники Сосновка-I и Сосновка-II разделены логом и расположены на расстоянии 0,25 км. Памятник состоит из двух курганов.

Курган №1. Диаметр курганной насыпи 12 м, высота 1 м. В объекте фиксируется западина.

Курган №2. Диаметр курганной насыпи 6 м, высота 0,5 м. В центральной части насыпи фиксируется западина округлой формы, диаметром 2,0 м, глубиной 0,5 м. Культурная принадлежность не определена.

Памятник Сосновка-III обнаружен на правом борту Сосновки, в 1,1 км от впадения последней в Чарыш, в 3,2 км от окраины с. Щебнюха, 0,9 км от курганного могильника Сосновка-I. Объект представляет собой ящик из вертикально вкопанных каменных плит, концы которых обнажены на поверхности, он ориентирован по длинной оси З–В. Размеры ящика 1,2×0,7 м. Культурная принадлежность не определена.

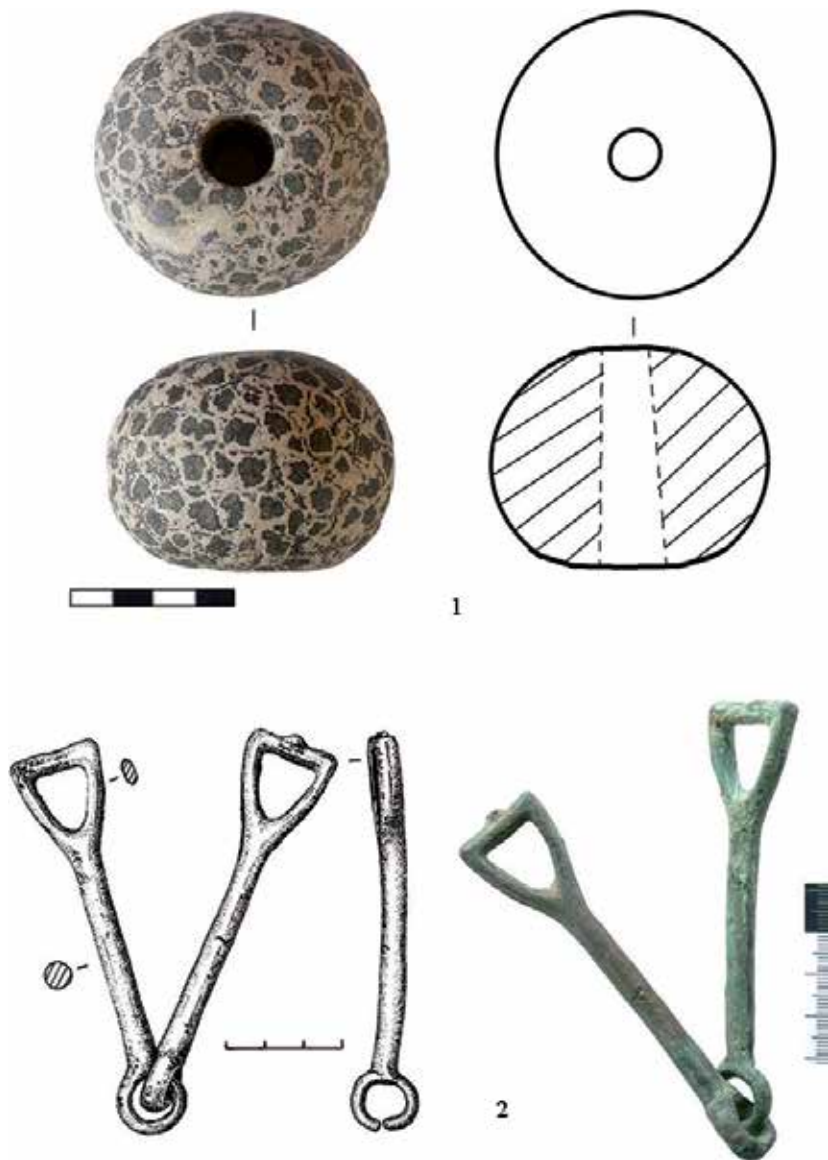
Одиночный курган Щебнюха-2 находится в северо-восточной части с. Щебнюха, возле огорода дома по адресу ул. Нагорная, 9, в 0,22 км северо-восточнее моста через Щебнюху, в 0,28 км севернее Чарыша. Насыпь кургана сложена из каменных глыб, имеет диаметр 8 м, высоту 0,1 м. Поверхность кургана хорошо задернована, однако испытывает сильное антропогенное воздействие. Насыпь перерезает изгородь огорода, а ее поверхность замусорена металлическими частями сельскохозяйственной техники.

Следующий участок обследования, длиной 4,5 км, пролегал от д. Комендантка до базы практик АлтГУ «Голубой Утес», на левобережье Чарыша и в окрестностях р. Чала. Всего на этом участке заложено восемь шурфов, в ходе работ археологических памятников не выявлено.

В фондах районного краеведческого музея с. Чарышское хранятся случайные археологические находки, представляющие научный интерес.

Каменное навершие булавы (рис.-1). Артефакт обнаружен Галиной Ивановной Серебрянниковой в 2014 г. в с. Чарышское, по ул. Баравушенская, на правом берегу Чарыша, в карьере по добыче щебня, у подножья горы. Представляет собой навершие булавы, изготовленной из пятнистой яшмы. Предмет имеет шаровидную форму с призмистым корпусом и гладкой шлифованной поверхностью. Высота корпуса составляет 5,6 см, диаметр – 7,2 см. В центре фиксируется сквозное коническое отверстие для крепления, диаметром 1,4 см.

В Западной Сибири булавы появляются в одиновских комплексах III тыс. до н.э. [Молодин, 2012, с. 153]. Они найдены в окуневских [Вадецкая, Леонтьев, Максименков, 1980, табл. XXI-10 и др.], сеймско-турбинских [Матющенко, Синицина, 1988, с. 85] и кротовских [Молодин, Гришин, 2016, с. 272] комплексах. Подобные предметы известны и в более позднее время в андроновских комплексах [Черников, 1960]. Приведенные аналогии не противоречат и некоторым обстоятельствам находки. По информации директора районного краеведческого музея, Елены Валентиновны Афанасьевой, навершие булавы обнаружено в том же месте, где ранее найден бронзовый кинжал с навершием в виде лошади, выполненной в сейминско-турбинском стиле [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, рис. 1.-1]. Учитывая вышеизложенное, на настоящий момент времени комплекс можно датировать в широком хронологическом диапазоне: период раннего и среднего бронзового века.

Случайные находки из фондов районного краеведческого музея с. Чарышское:

1 – каменное навершие булавы из с. Чарышское;

2 – бронзовые удила с верховой р. Теплая

Бронзовые удила (рис.-2). Случайную находку бронзовых удил в музей передал житель с. Чарышское Алексей Гладких. По словам автора находки, удила обнаружены в верховьях р. Теплая Чарышского района. Точного местонахождения артефакта установить не удалось. Длина изделия 21 см. Бронзовые удила – двусоставные, звенья изделия соединены при помощи замкнутых колец (соединенно-кольчатые). Стержни звеньев (грызла) округлые в сечении, имеют гладкую поверхность. Окончания удил стремечковидного типа с отверстиями колокольчикообразной формы. Удил подобного типа были широко распространены в Евразии [Махортых, 2005; Тереножкин, 1976], в том числе и на территории предгорного и Горного Алтая в «раннескифское» время (конец IX, VIII–VII вв. до н.э.), наибольшую близость предмет находит с удилами из могильника Кок-Су-1, курган №42 [Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 48.-8].

Таким образом, в ходе археологической разведки в Чарышском районе Алтайского края были выявлены новые объекты археологического наследия, расположенные в долине р. Сосновка, некоторые из них находятся в аварийном состоянии. Так одиночный курган Щедноуха-2 частично разрушен огородом, что определяет необходимость реализации охранных мероприятий на объекте.

Библиографический список

Вадецкая Э.Б., Леонтьев Н.В., Максименков Г.А. Памятники окуневской культуры. Л., 1980. 148 с.

Грушин С.П. Радиоуглеродная хронология афанасьевских памятников Горного Алтая // Роль естественнонаучных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2009. С. 110–112.

Грушин С.П., Кунгуров А.Л., Леонтьева Д.С. Новые материалы с памятника Озерки на р. Чарыш // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 75–78.

Грушин С.П., Степанова Н.Ф. Особенности технологии изготовления керамики с афанасьевского поселения Подсинюшка // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 46–53.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 45–53.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 136 с.

Махортых С.В. Уздечные принадлежности юга Восточной Европы в предскифский период // снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 92–95.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. Новосибирск, 2012. Т. 3. 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск, 2016. 452 с.

Поляков А.В. Радиоуглеродные даты афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 158–171.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. 223 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960. 276 с. (МИА. №88).

Шульга П.И. Афанасьевские памятники в северо-западных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 108–114.

S.P. Grushin¹, D.S. Leontieva²

¹Altai State University, Barnaul, Russia;

²Altai Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul, Russia

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION IN THE CHARYSHSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

In the summer of 2016 researchers of Altai State University conducted an archaeological exploration. The route of the expedition included various parts of the Charyshsky district of the Altai Territory and a visit to the Museum of Local Lore, History and Economy. One of the aims of the expedition was the survey of the Ozerki monument, which was discovered in 1999 by P.I. Shulga and S.A. Suvorov. In the course of the work, a collection of artifacts dating to the early Neolithic period was obtained. The exploration of the valley of the Sosnovka river revealed four new archaeological monuments of – visible objects: barrow burial ground Sosnivka-I, II, single barrow Schebnyuha-2, Sosnivka-III (stone box). Next inspected part of 4,5 km long was situated between the village Komendantka and the practice base of Altai State University “Goluboy Utes” on the left bank of the Charysh river and near the Chala river. On the explored territory no archaeological Sites were found. A certain scientific interest was caused by the funds of the district museum of the Charyshskoe village which at present store previously unpublished random archaeological finds: a knob of stone macehead and bronze bar bit, dating to the Bronze and early Iron age.

Key words: Charyshsky district, exploration, barrow, macehead knob, bar bit.

УДК 902.2(571.150)

А.А. Казаков

Барнаульский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия

КОМПЛЕКС АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ У с. НОВОЗЫКОВО КРАСНОГОРСКОГО РАЙОНА

В работе публикуются результаты разведки в Красногорском районе Алтайского края. Несмотря на то, что открытые памятники достаточно часто упоминаются в различных научных публикациях, подробное их описание с детальной привязкой на местности и планиграфическими особенностями приводится впервые. Это касается поселений Новозыково-1, Новозыково-2, Новозыково-3,

Новозыково-4, Новозыково-5. Кроме глазомерных планов, представлены материалы, полученные с этих памятников в результате шурфовки, определена их культурно-хронологическая принадлежность, описана стратиграфическая ситуация на каждом памятнике. Материалы, полученные с поселений, относятся к эпохе палеолита (?), раннего железного века, раннего средневековья и представляют быстрианскую и майминскую археологические культуры. На поселении Новозыково-1 выявлена конструкция, заглубленная в материк. Материал впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: поселение, планиграфия, стратиграфия, культура, ранний железный век, майминская культура, быстрианская культура.

Среди районов Алтайского края Красногорский считается достаточно хорошо обследованным. История изучения археологических памятников этого района изложена в работе М.Т. Абдулганеева [2007, с. 237–244], им же охарактеризованы основные причины неравномерности распределения памятников археологии на его территории [Абдулганеев, 2007, с. 240]. В 2007 г. на территории Красногорского района было выявлено 138 разновременных археологических объектов, результаты исследования которых в подавляющем большинстве опубликованы. Исчерпывающий список архивных источников и публикаций, в которых представлены материалы с этих памятников, представлен в той же работе М.Т. Абдулганеева [2007, с. 298–394].

Несмотря на то, что в литературе уже изложены краткие сведения, без планов и материала, об археологических памятниках, расположенных у с. Новозыково, целесообразна их исчерпывающая публикация. Полученные в результате разведки материалы немногочисленны, однако в науке мелочей не бывает и любая полная информация намного лучше, чем фрагментарная. Учитывая печальную судьбу большинства невыразительных коллекций археологических материалов, которые либо смешиваются, либо теряются, не дойдя до введения в научный оборот [Казаков, 2016, с. 109–110], постараюсь не допустить подобного с указанными коллекциями. Являясь автором всех работ на этих памятниках, необходимо устранить некоторые неточности предыдущих публикаций.

В 1991 г. при обследовании проектируемой автодороги Красногорское–Усть-Иша автором были открыты пять поселений, получивших названия по расположенному рядом селу: Новозыково-1–5. Все они расположены с западной стороны (ниже по течению Иши) от указанного населенного пункта.

Поселение Новозыково-1. Расположено на относительно горизонтальной площадке восточной экспозиции мысовидного выступа горной складки, высотой около 300 м, протянувшейся на 4 км вдоль левого берега Иши по направлению З–В. Мыс образован поймой Иши и р. Ташта – левый приток Иши. Поселение находится на высоте 6–7 м от второй надпойменной террасы Иши, на 23 км автодороги Красногорское–Усть-Иша, в 1,5 км к западу от западной окраины с. Новозыково. Визуально на поверхности не фиксируется (рис. 1.-1).

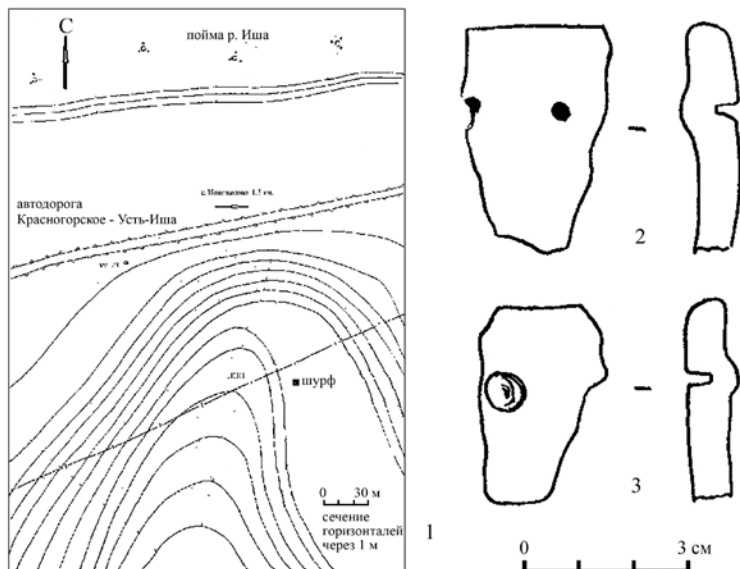

Рис. 1. Поселение Новозыково-1. Глазомерный план и материал из шурфа

На поселении был заложен шурф размерами 1,5×1 м. На глубине 0,5 м от современной дневной поверхности дно шурфа было зачищено по материк. На уровне зачистки в северной части шурфа выявилось темное гумусированное пятно, которое на площади шурфа было выбрано по контуру. Вероятнее всего, шурф попал на край жилища. Судя по разрезам, котлован жилища имел вертикальные стенки и прорезал материк на 0,2–0,25 м. На исследованном участке дно котлована было горизонтальным, ям и других конструкций зафиксировано не было.

Первые находки в шурфе встречены на глубине 0,34 м от современной дневной поверхности. Все они концентрировались в северной части шурфа, на площади, занимаемой пятном. Вероятнее всего, они происходят из заполнения жилища. Всего в шурфе обнаружено 16 фрагментов керамики, из них два – с орнаментом (рис. 1.-2-3). Один украшен по верхнему краю рядом ямок, другой – жемчужником. Судя по составу теста, срезу венчика и орнаментации керамики, поселение относится к раннему железному веку. Учитывая, что поселение Новозыково-1 расположено в ареале распространения памятников быстрианской археологической культуры, с большой долей вероятности можно отнести его именно к этому кругу памятников и предварительно датировать V–I вв. до н.э. М.Т. Абдулганеевым [2007, с. 244] памятник определен более узко – IV–II вв. до н.э.

Учитывая, что до настоящего времени нет опубликованных жилищных конструкций быстрианской культуры, несмотря на наличие как

минимум семи исследованных [Абдулганеев, 2007, с. 293; Абдулганеев, Кунгурова, 2001], в том числе не менее трех на поселении Горный-3 [Абдулганеев и др., 2001, с. 96], поселение Новозыково-1 представляет собой достаточно перспективный объект для дальнейшего изучения.

Поселение Новозыково-2. Расположено на относительно горизонтальной площадке посредине мысовидного выступа горной складки, высотой около 300 м, протянувшейся на 4 км вдоль левого берега Иши по направлению З–В. Мыс образован поймой Иши и двумя логами, прорезающими горную складку с западной и восточной части мыса. Поселение расположено на высоте 9–10 м от второй надпойменной террасы р. Иши, на 24 км автодороги Красногорское–Усть-Иша, в 2,5 км к западу от западной окраины с. Новозыково. Визуально на поверхности не фиксируется (рис. 2.-1).

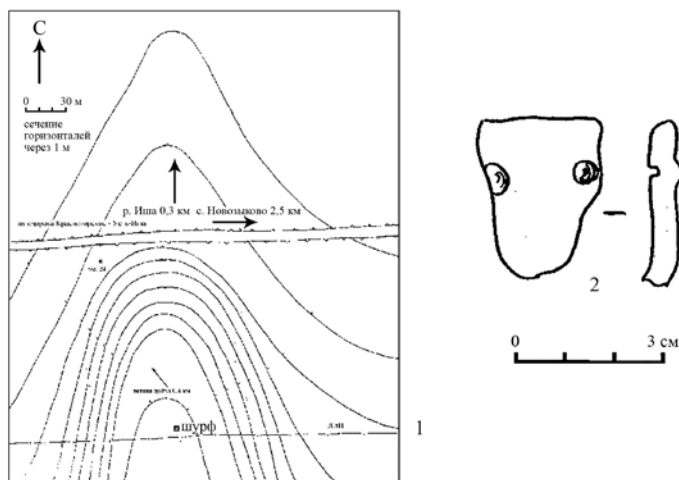

Рис. 2. Поселение Новозыково-2. Глазомерный план и материал из шурфа

На поселении был заложен шурф размерами 1,5×1 м. Мощность культурного слоя порядка 0,5 м. Первые находки встречены на глубине 0,25 м от современной дневной поверхности. Всего были найдены четыре мелких фрагмента керамики, один из которых орнаментирован по верхнему краю венчика рядом жемчужин. Судя по профилировке этого фрагмента, вероятнее всего, он является частью чаши с плоским дном (рис. 2.-2). По составу теста, срезу венчика и орнаментации керамики поселение относится к раннему железному веку. Учитывая, что поселение Новозыково-2 расположено в ареале распространения памятников быстринской археологической культуры, с большой долей вероятности можно отнести его именно к этому кругу памятников и предварительно датировать V–I вв. до н.э. М.Т. Абдулганеевым [2007, с. 244] памятник определен более узко – IV–II вв. до н.э.

Поселение Новозыково-3. Расположено на слабом мысовидном выступе второй надпойменной террасы левого берега Иши высотой 5–6 м, который с юга ограничен подошвой горной складки, с севера и запада – поймой Иши, с востока – оврагом, по дну которого протекает небольшой ручеек, на 25 км автодороги Красногорское – Усть-Иша, в 3,5 км к западу от западной окраины с. Новозыково. Визуально на поверхности не фиксируется (рис. 3.-1).

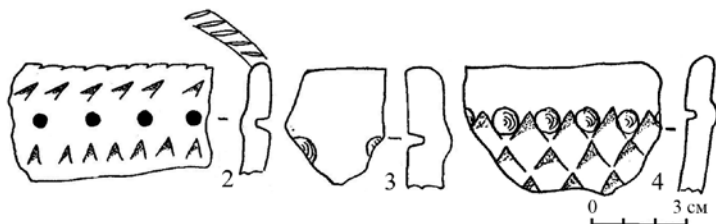
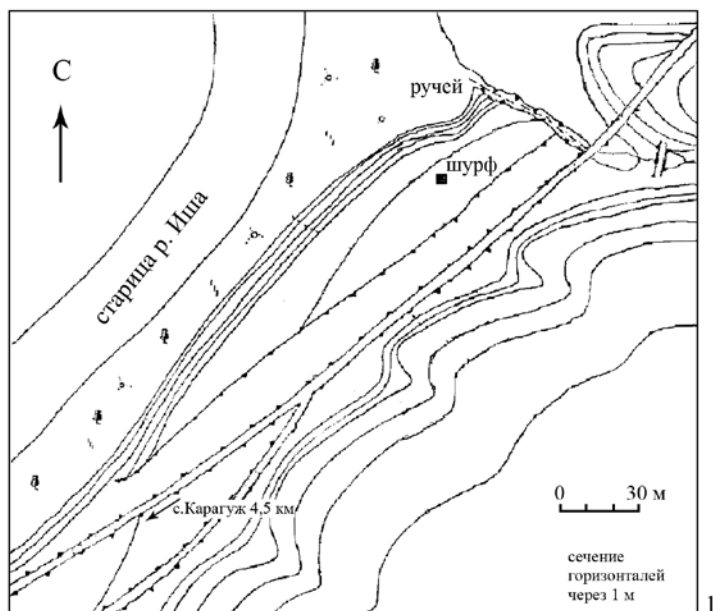

Рис. 3. Поселение Новозыково-3. Глазомерный план и материал из шурфа

На поселении был заложен шурф размерами 1,5×1 м. Мощность культурного слоя порядка 0,5 м. Первые находки встречены на глубине 0,16 м от современной дневной поверхности. Всего найдено 12 фрагментов керамики, которые были достаточно равномерно распределены в культурном слое. Три фрагмента венчика орнаментированы по верху

ямками, жемчужником и отпечатками уголка лопаточки. Причем орнаментальные композиции достаточно сложные и расположены в несколько строк (рис. 3.-2-4). Судя по составу теста, срезу венчика и орнамента керамики, поселение относится к раннему железному веку. Учитывая, что поселение Новозыково-3 расположено в ареале распространения памятников быстринской археологической культуры, с большой долей вероятности можно отнести его именно к этому кругу памятников и предварительно датировать V-I вв. до н.э. М.Т. Абдулганеевым [2007, с. 244] памятник датирован более узко – IV-II вв. до н.э.

В дальнейшем, в этом же году, на поселении автором вскрыта площадь в 408 кв. м. В опубликованных источниках можно найти и другую цифру – 1100 кв. м [Абдулганеев, 2007, с. 244]. Подобное положение объясняется достаточно просто. Исследования на памятнике проводились за счет финансирования дорожно-строительной организацией работ по освобождению площади под строительство от археологического памятника. Мы все, занимаясь археологией, сталкиваемся с проблемой сохранения культурно-исторического наследия, в последнее время практически вся археология стала «новостроечной». Иногда возникают парадоксальные ситуации – зачастую памятник разрушен частично или полностью, а финансирование выделяется уже после начала работ. Несмотря на это, заказчик требует выполнения необходимых формальностей – вскрытия тех площадей, под которые получено финансирование и именно в тех местах, где памятник попадает в зону строительства. И заказчика в этом винить нельзя – так требует закон. В данном конкретном случае основной раскоп площадью более 752 кв. м был заложен на уже изначально разрушенных участках культурного слоя и дал минимальное количество абсолютно неинформативного переотложенного материала, а раскоп площадью 408 кв. м был заложен немного в стороне, на уцелевшем от разрушения культурного слоя месте, и дал интересные материалы, которые в настоящее время готовятся к публикации.

Поселение Новозыково-4. Расположено на слабом мысовидном выступе второй надпойменной террасы левого берега Иши высотой 5–6 м, который с юга ограничен подошвой горной складки, с севера, запада и востока – поймой Иши. Посередине мыс прорезает небольшой овраг, по дну которого протекает ручеек, на 24 км автодороги Красногорское–Усть-Иша, в 3 км к западу от западной окраины с. Новозыково. Визуально на поверхности не фиксируется (рис. 4.-1).

На поселении был заложен шурф размерами 1,5×1 м. Мощность культурного слоя порядка 0,5 м. Первые находки встречены на глубине 0,13 м от современной дневной поверхности. Всего найдено 11 фрагментов керамики, которые были достаточно равномерно распределены в культурном слое. Три фрагмента венчика орнаментированы по верху ямками и жемчужником. Причем орнаментальные композиции достаточно сложные и расположены в несколько строк (рис. 4.-2-4). Судя

по составу теста, срезу венчика и орнаментации керамики, поселение относится к раннему железному веку. Учитывая, что поселение Новозыково-4 расположено в ареале распространения памятников быстринской археологической культуры, с большой долей вероятности можно отнести его именно к этому кругу памятников и предварительно датировать V–I вв. до н.э. М.Т. Абдулганеевым [2007, с. 244] памятник определен более узко – IV–II вв. до н.э.

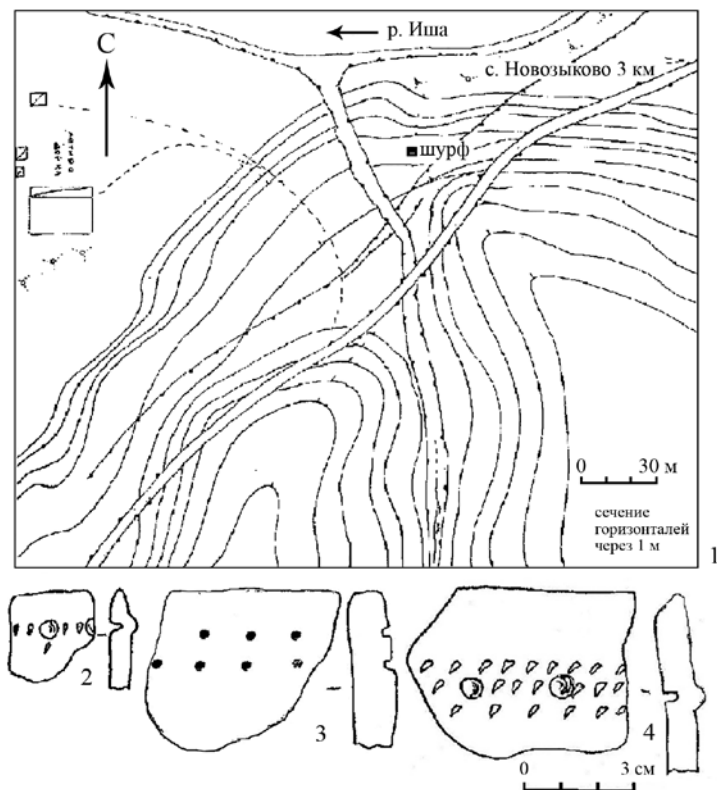

Рис. 4. Поселение Новозыково-4. Глазомерный план и материал из шурфа

Кроме шурфа, никаких работ на площади поселения не производилось. В опубликованных источниках можно найти и другую цифру – исследовано 400 кв. м [Абдулганеев, 2007, с. 245]. Подобное положение объясняется тем, что, вероятнее всего, раскоп площадью 408 кв. м поселения Новозыково-3 был ассоциирован с поселением Новозыково-4.

Поселение Новозыково-5. Расположено на относительно горизонтальной площадке посередине мысовидного выступа горной складки, вы-

сотой около 300 м, протянувшейся на 4 км вдоль левого берега Иши по направлению З–В. Мыс ограничен с севера второй надпойменной террасой Иши, с востока – логом, по дну которого протекает ручеек, впадающий в небольшое, заболоченное озерцо у западного основания мыса, с запада – поймой Иши. Площадка поселения находится на высоте 8–9 м от уровня второй надпойменной террасы Иши, в 4 км к западу от западной окраины с. Новозыково. Визуально на поверхности не фиксируется (рис. 5.-1).

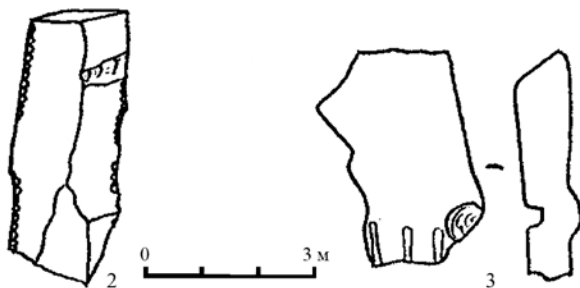
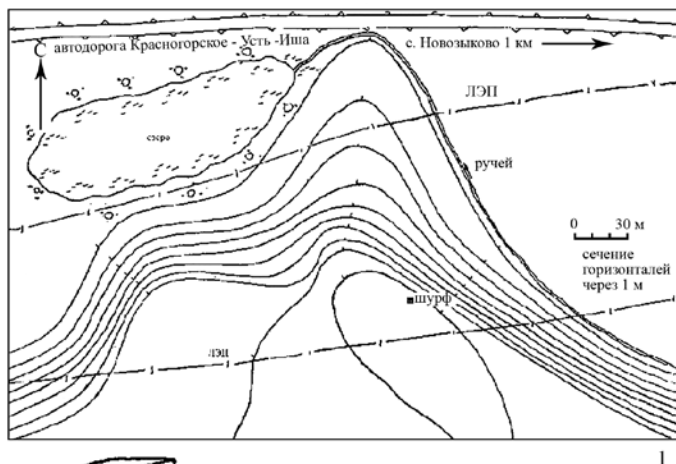

Рис. 5. Поселение Новозыково-5. Глазомерный план и материал из шурфа

На поселении был заложен шурф размерами 2×1 м. Мощность культурного слоя порядка 0,35 м. Первые находки встречены на глубине 0,1 м от современной дневной поверхности. Всего найдено четыре фрагмента керамики и 10 элементов каменной индустрии (шесть отщепов, один пластинчатый отщеп, две ножевидные пластины без подработки и одна ножевидная пластина с подработкой), изготовленные, вероятно, из черного кремня (рис. 5.-2, 3).

Судя по находкам, поселение многослойное. Один комплекс материала представлен материалами каменного века, второй, как можно

заклЮчить по составу теста, срезу венчика и орнаментации керамики, относится к раннему железному веку. Учитывая, что поселение Новозыково-5 расположено в ареале распространения памятников быстринской археологической культуры, с большой долей вероятности можно отнести комплекс раннего железного века именно к этому кругу памятников и предварительно датировать V–I вв. до н.э. М.Т. Абдулганеевым [2007, с. 245] памятник определен более узко – IV–II вв. до н.э.

Таким образом, несмотря на то, что Красногорский район неплохо изучен, на достаточно небольшом участке близ с. Новозыково зафиксировано пять новых археологических памятников. Подобная плотность расположения памятников археологии на этом участке делает его перспективным для дальнейшего исследования. Убежден, что более тщательное обследование этого микрорайона позволит выявить новые памятники археологии.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Красногорский район в древности // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI. 305 с.

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Исследование аварийных поселений скифского времени на р. Бия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 97–101.

Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., Служак И.В., Чекрыжова О.И. Раскопки аварийных памятников на р. Иша // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2001. Вып. XII. С. 93–97.

Казаков А.А. К археологической карте Бийского района и верховьев р. Оби // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XX. С. 109–116.

A.A. Kazakov

Barnaul Law Institute of the Russian Interior Ministry, Barnaul, Russia

COMPLEX OF ARCHAEOLOGICAL SITES NEAR THE NOVOZYKOVO VILLAGE IN THE KRASNOGORSKY DISTRICT

The article publishes the results of exploration in the Krasnogorsky District of the Altai Territory. Despite the fact that the discovered sites have often been mentioned in various scientific publications, their thorough description with detailed reference to the ground and planigraphic characteristics are presented for the first time. They are settlements Novozykovo-1, Novozykovo-2, Novozykovo-3, Novozykovo-4, Novozykovo-5. In addition to the visual plans the article presents materials obtained from those sites as a result of trenching, it identifies their cultural and chronological affiliation, describes the stratigraphic situation at each site. The materials obtained from the settlements date back to the Paleolithic era (?), the Early Iron Age, Early Middle Ages and represent the Bystryanskaya and Mayminskaya archaeological culture. In settlement Novozykovo-1 a construction embedded in the mainland was found. The material is introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: settlement, planigraphy, stratigraphy, culture, early Iron Age, Mayminskaya culture, Bystryanskaya culture.

УДК 902.2«6377»(571.150)

К.Ю. Кирюшин^{1,2}, В.Л. Кобзев¹, Д.В. Папин^{1,2}

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ БАРНАУЛЬСКОГО ПРИОБЬЯ

Работа выполнена в рамках реализации проекта РФФИ №17-11-22011
«Барнаульское Приобье в древности»

В статье рассматриваются материалы нового памятника – поселение Кошкаргаиха-1, на территории Барнаульского Приобья. Приводится история открытия памятника, анализируется состав керамической коллекции, декора глиняных сосудов. Делается вывод о одновременности находок, о широком хронологическом датировании от эпохи бронзы и до нового времени, но основная часть комплекса относится к ирменской археологической культуре эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: Алтай, Барнаульское Приобье, археология, эпоха поздней бронзы.

Барнаульское Приобье является одной из наиболее хорошо изученной в археологическом плане территорий Алтайского края. Широкая обская пойма и приобский лесной массив создавали на правом берегу Оби комфортные условия для ведения комплексного производящего хозяйства в древности. Это сказалось на расположении древних поселений, приуроченных к первой и второй надпойменным террасам и пойменным песчаным дюнам. Выделяются участки с высокой концентрацией памятников (комплексы «Ближние Елбаны», «Фирсовский археологический микрорайон», «Малый Гоньбинский Кордон»), где представлены все периоды древней истории региона [Шамшин, 1997; Кунгуров, 2006]. Период поздней и финальной бронзы связан с традициями ирменской и корчажкинской культур, наиболее изученным объектом является Фирсово-18 [Федорук, Шамшин, Папин, 2008]. Новые материалы, полученные из южной части Барнаульского Приобья, свидетельствуют о широком распространении близких групп населения в указанное время.

Летом 2012 г. одним из авторов статьи на правом берегу старицы Кошкаргаиха в окрестностях с. Малая Речка обнаружены жилищные западины. На протяжении нескольких сезонов высокий уровень воды в Оби не позволял проверить имеющуюся информацию. Осенью 2017 г. двум авторам статьи удалось добраться до местонахождения предполагаемого объекта историко-культурного наследия. Часть поймы Оби осенью 2017 г. оказалась распахана. На фоне распаханной земли хорошо читались восемь жилищных западин. На поверхности почвы около и внутри западин находилось большое количество керамики. Можно

констатировать, что в результате распашки оказалась разрушена часть культурного слоя долговременного поселения периода поздней бронзы.

Поселение Кошкаргаиха-1 расположено в 30 км к югу от Барнаула в Первомайском районе Алтайского края. Памятник находится на правобережье Оби, на правом берегу старицы Кошкаргаиха, в которую впадает Малая Речка, в 2,2 км к юго-западу от охотничьей базы, расположенной на р. Бойничиха и в 2,2 км к северо-западу от западной окраины с. Малая Речка.

Обское правобережье в данном месте представляет собой широкую (до 12 км) заболоченную пойму с множеством стариц и старичных озер, которые перемежаются с гривами и буграми-останцами коренного берега. Высота таких останцов достигает 4 м от пойменного уровня. При паводках вода в Оби поднимается, почти полностью затопливая пойму и подтапливая останец, на котором находится поселение, превращая его в остров. Вода спадает только к августу. Окружающая растительность – луговая, с зарослями кустарниковых ив, осин и берез. Коренной берег Оби, расположенный в 1–1,5 км к западу от памятника, покрыт сосновым лесом.

Поселение расположено на небольшом останце (0,2×0,14 км) подтреугольной формы, который ориентирован длинной стороной по линии З–В, а короткой – по линии Ю–С. С севера и востока останец окружен болотами и старичными озерами старицы Кишкино. Высота останца в наивысших точках осенью 2017 г. составляла более 3 м от уровня воды в старицах Кошкаргаиха и Кукишкина. По территории памятника проходит грунтовая дорога, которая идет из с. Малая Речка по правому берегу старицы Кошкаргаиха, по направлению к охотничьей базе, расположенной на р. Бойничиха.

Семь жилищных западин расположены в один ряд по «длинной» северной и самой высокой части останца. Жилищные западины овальной формы (немного вытянуты по линии З–В); хорошо выражены в рельефе (глубина от 0,7 до 1,2 м); имеют довольно крупные размеры (от 6×4 до 10×8 м). Восьмая западина расположена в стороне от остальных, к северу от самой западной в ряду. Она расположена ниже по сравнению с остальными, не очень хорошо выражена в рельефе.

Находки представлены фрагментами керамических сосудов, из которых основную массу составляют фрагменты тулов и венчиков. Исходя из профилировки большинства крупных фрагментов, сосуды относятся к типу слабопрофилированных горшков и к банкам. В орнаментации наиболее часто используемым элементом являлись различные пояски, ряды ямок, сеточка, елочка, жемчужник, ромбы и горизонтальные линии. Анализ техники нанесения декора позволил выявить, что в коллекции преобладают фрагменты, орнаментированные оттисками гладкого штампа, различного рода вдавлениями и оттисками гребенчатого штампа. Использование в декоре такого мотива, как жемчужник с раз-

делителем в зоне горловины (рис. 1.-4, 5, 6; 2.-8), ромбов, выполненных прочерченными линиями в зоне венчика (рис. 1.-7, 9; 3.-1), елочки, исполненной крупным гребенчатым штампом (рис. 1.-8; 2.-4-6), ма-

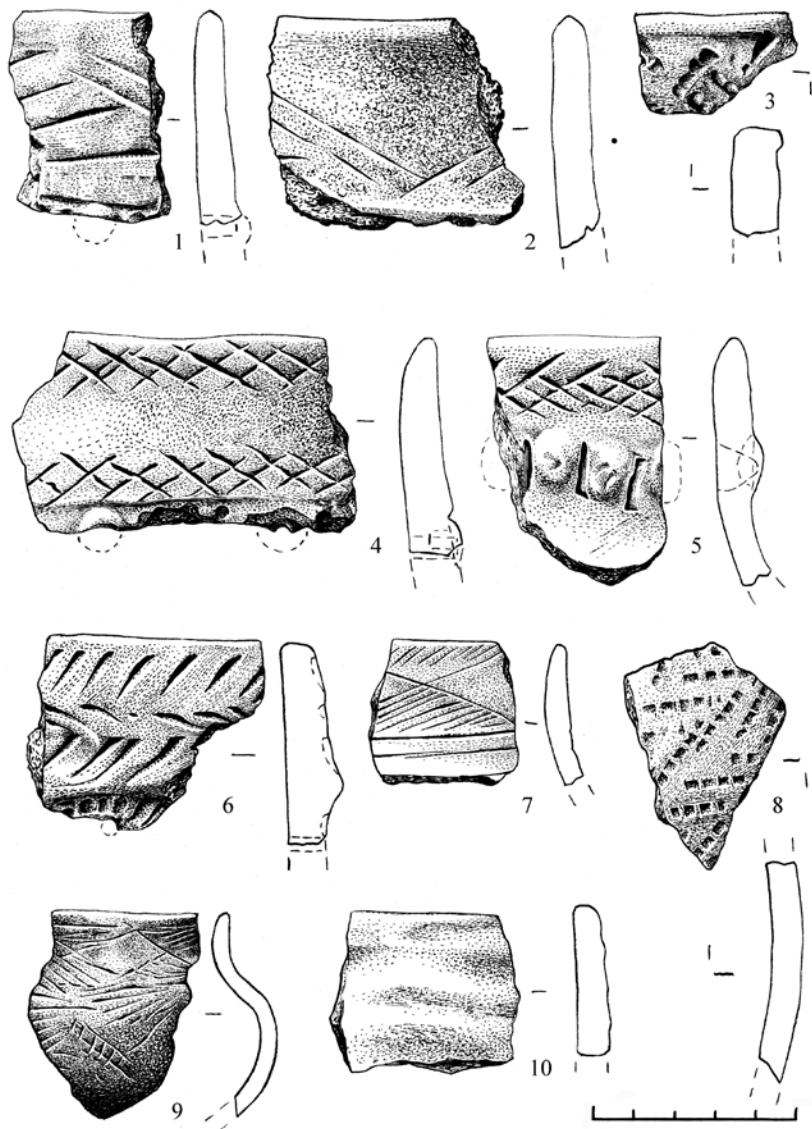

Рис. 1. Материалы поселения Кошкаргайха-1

леньких сосудиков, орнаментированных геометрическим орнаментом (рис. 1.-9), надежно атрибутирует рассматриваемый керамический комплекс в рамках ирменской культуры поздней бронзы Барнаульского Приобья [Федорук, Шамшин, Папин, 2008, рис. 3.-8].

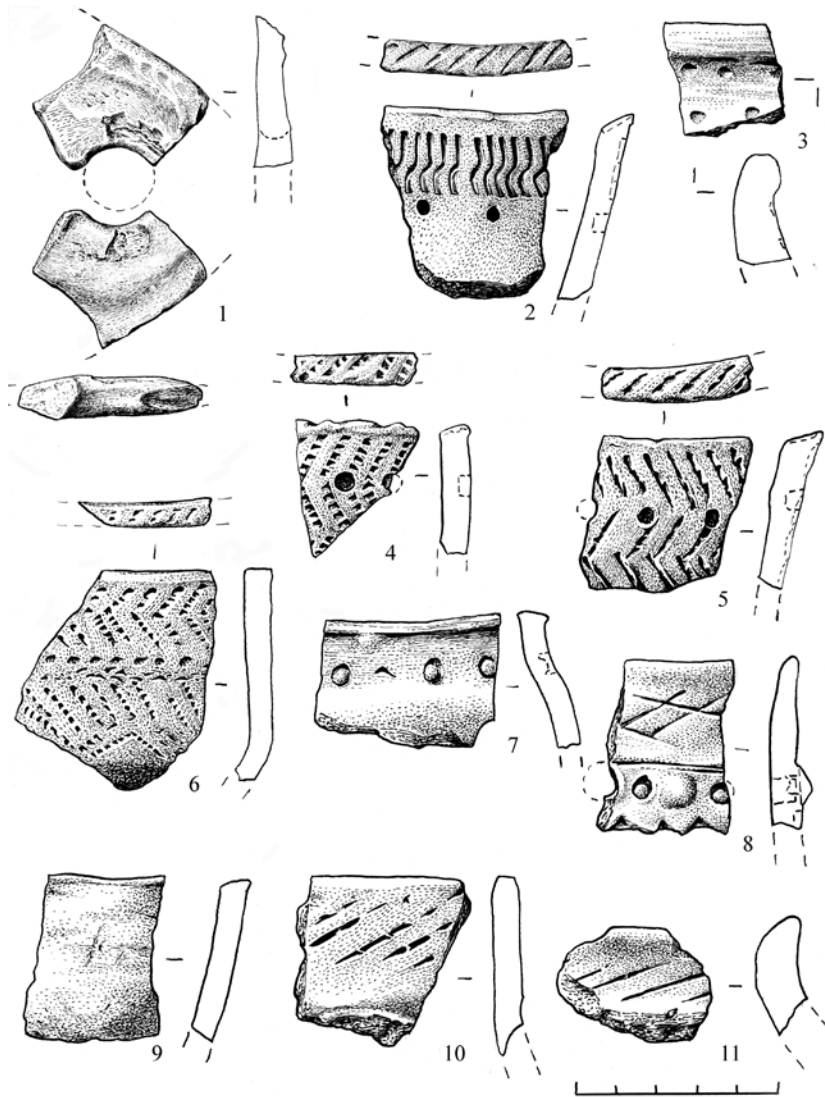

Рис. 2. Материалы поселения Кошкаргайха-1

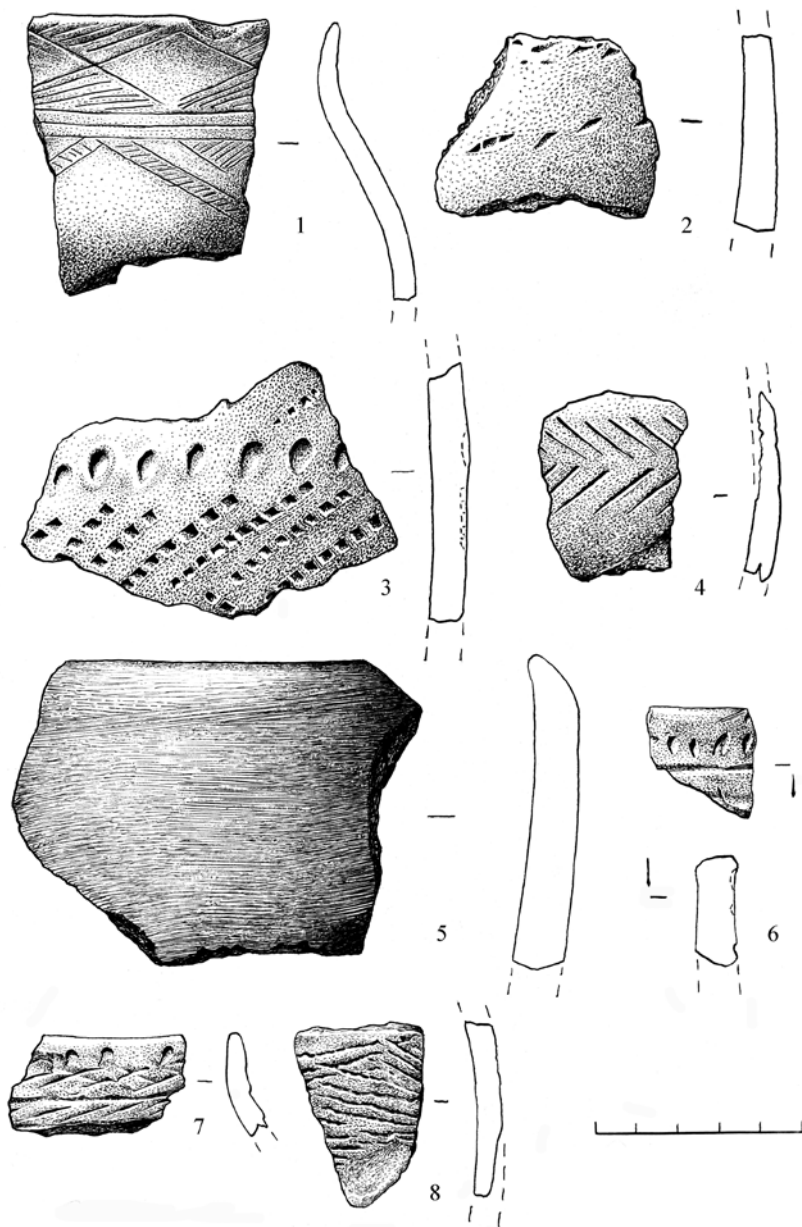

Рис. 3. Материалы поселения Кошкаргайха-1

Вместе с тем в коллекции выделяются три фрагмента керамики инородного происхождения. Первый – это фрагмент сосуда, изготовленный на гончарном круге (рис. 3.-5), относится к деятельности русского населения нового времени, второй фрагмент характеризуется прямым срезом венчика и крупными отпечатками гладкого штампа в сочетании с ямками (рис. 2.-2), что позволяет соотнести его с одинцовскими материалами раннего средневековья [Казаков, 2014], третий фрагмент с заглаженным орнаментом (рис. 3.-8), по всей видимости, связан с периодом ранней бронзы. Таким образом, поселение Кошкаргаиха-1 отражает сложную картину этнокультурного взаимодействия, протекавшего на рассматриваемой территории с бронзового века и до настоящего времени. Наличие представительной коллекции, относимой к ирменской культуре, позволяет предположить существование там крупного поселенческого комплекса периода поздней бронзы.

Библиографический список

Казаков А.А. Одинцовская культура Барнаульско-Бийского Приобья. Барнаул, 2014. 151 с.: ил., табл.

Кунгуров А.Л. Памятники археологии Первомайского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2006. Вып. XV. С. 327–385.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 125–143.

Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон: некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 326.

K. Yu. Kiryushin, V.L. Kobzev, D.V. Papin

Altai State University, Barnaul, Russia;

Institute of Archaeology of Ethnography of SO RAN, Novosibirsk, Russia

ON THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE LATE BRONZE AGE SITES IN THE BARNAUL OB AREA

The article considers the materials of the new site – Koshkargaikha-1 settlement in the territory of Barnaul Ob area. The history of the site's discovery is given, the composition of the ceramic collection and clay vessels ornamentation are analyzed. The conclusion is made about the diversity of the finds, their extensive chronological dating from the Bronze Age and up to the modern era, but the main part of the complex belongs to the Irmenskaya archaeological culture of the Late Bronze Age.

Key words: Altai, Barnaul Ob region, archaeology, late Bronze Age.

УДК 902(671.150)

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ КРАСНОЩЕКОВСКОГО РАЙОНА (Алтайский край)

В статье приводится описание новых памятников Краснощековского района, расположенных в устьевой зоне р. Чагырки – левого притока Чарыша. Данный отрезок долины Чарыша известен прежде всего благодаря наличию большого количества пещер и некрополей скифского времени и эпохи средневековья. Памятников открытого типа, а тем более относящихся к периоду каменного века, известно немного. Публикуемые материалы позволяют не только расширить археологическую источниковую базу, но и зафиксировать специфику расположения памятников различных периодов в предгорной зоне Алтая.

Ключевые слова: стоянка, поселение, некрополь, орудие, керамика, наконечник копья, палеолит, ранний железный век, елунинская культура.

Первая археологическая находка в устьевой зоне Чагырки (левый приток Чарыша, длина водотока 25 км) была сделана в 70-х гг. прошлого века при копании местными жителями могилы в центральной части кладбища с. Усть-Чагырки (рис. 1.-1) [Вистингаузен, 2007].

Местность, где расположено село, находится на границе степных дендрированных мелкопочных эрозионно-денудационных предгорий с выходами скальных пород и фрагментарным суглинисто-щебнистым покровом и низогорных степных ландшафтов. Последние представлены пологоувалистыми пенепленизированными низкогорьями с мощным покровом дефлюкционных и делювиально-пролювиальных суглинков с разнотравно-злаковыми луговыми степями на горных выщелоченных черноземах. Скальные породы представлены преимущественно известняками верхнего отдела кембрийской системы, а также песчаниками, сланцами и конгломератами. Именно в этом месте локализована большая часть пещер, входящих в комплекс «чарышских костеносных карстов», которые привлекали исследователей с XVIII в. [Вистингаузен, 1982; Кунгуров, 2002].

В процессе осмотра С.В. Маркиным и А.Л. Кунгуровым в 2007 г. данного отрезка берега Чарыша, когда был открыт ныне широко известный объект Чагырская пещера [Деревянко и др., 2008], зафиксированы еще несколько памятников, содержащих культурные слои раннего железного и каменного века. Также был осмотрен участок устьевой зоны Чагырки, где расположено кладбище села и в свое время найден на глубине 1,5 м наконечник копья.

Место нахождения **втульчатого наконечника копья** – пологий мыс второй надпойменной террасы, сложенный субаэральным лёссовидным суглинком. Координаты: 51°25'43.12" с.ш. 83°07'26.71" в.д. Высота предполагаемого участка находки 343 м над у.м. (11 м над урезом Чарыша). Мыс образован изгибом поймы левого борта долины Чарыша.

Кладбище занимает его срединную часть, а находка сделана в его центре. Это позволяет предположить наличие некрополя елунинской культуры раннего бронзового века. Погребения в подобных могильниках относительно неглубокие и расположены обычно по центральной оси мысов. Втульчатое массивное копьё с узким пером имеет крюк-клевец, названный А.П. Уманским «багром» (рис. 1.-2) [Уманский, Демин, 1983]. При

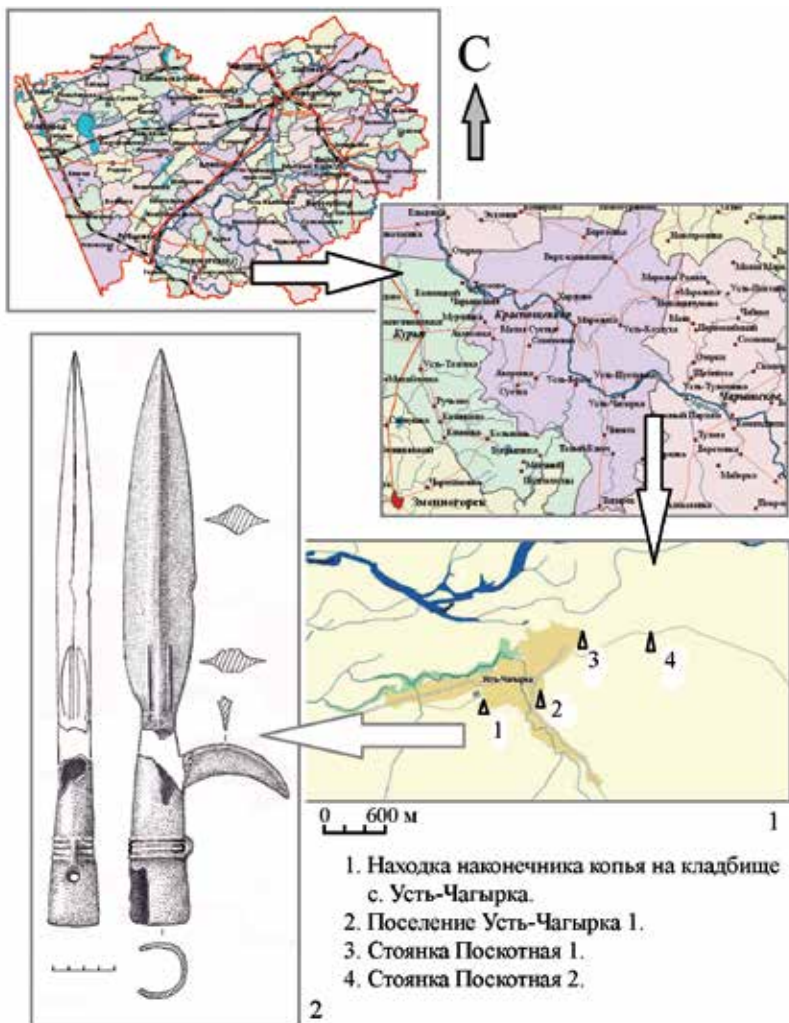

Рис. 1. Расположение археологических памятников около с. Усть-Чагырка (1) и бронзовый наконечник копья, найденный в селе (2)

публикации этой находки позднее она ошибочно указана на рисунке как Бурла, хотя описание в тексте было верным [Киришин, 2002, рис. 151.-2]. Никаких признаков надмогильных сооружений в предполагаемом месте находки законечника не зафиксировано.

Поселение **Усть-Чагырка-1** (рис. 1.-1) находится в 1,5 км к югу от кладбища села и в 2,1 км выше устья Чагырки на правом борту долины речки. Там из горного распадака горы Поскотной (южный склон) вытекает ручей, правый борт долины которого образует в устье мыс высотой 369 м над у.м. (37 м – над урезом Чарыша, 25 м – над урезом Чагырки). Координаты: 51°25'17.14" с.ш. 83°08'38.24" в.д. В разрушениях грунтовой дороги, пересекающей мыс, собрана керамика, имеющая облик посуды раннего железного века. К сожалению, орнамента на фрагментах не зафиксировано. Цвет, обжиг (восстановительный), дресва в качестве отошителя, выраженный внешний ангоб светло-коричневого цвета и профилировка позволяют предварительно отнести материал к пазырыкской культуре Горного Алтая. Ближайшая аналогия фрагментам происходит из поселения около с. Чинета [Дашковский, Кунгуров, Смирнова, 2005].

Стоянка **Поскотная-1**. Памятник расположен на восточной окраине Усть-Чагырки и приурочен к срединному участку северного террасовидного склона горы Поскотной (рис. 1.-1). Координаты: 51°25'58.46" с.ш. 83°08'27.97" в.д. Высота террасы от 17–20 м на уровне бровки до 40 м в месте примыкания к склону. В разрушениях грунтовой дороги и осыпях кромки собрано несколько фрагментов керамики без орнамента, аналогичной по облику материалу поселения Усть-Чагырка-1. Кроме этого, найдено пять каменных изделий. Возможная техника расщепления – призматическая, представленная нуклеидным площадочным изделием (рис. 2.-2), реберчатым сколом (рис. 2.-3) и пластинчатыми снятиями с остатками фасетированных ударных площадок (рис. 2.-4, 5). Все изделия крупных размеров. Один из сколов имеет обработанные оббивкой с дорсала края (рис. 2.-4). Присутствует также первичный крупный отщеп с дорсальным ретушированием кромки (рис. 2.-1). Изделия выглядят достаточно архаично и могут быть отнесены к палеолитическому времени, однако без детализации периодизации и хронологии.

Стоянка **Поскотная-2**. Памятник расположен на выположенном уступе северного склона горы Поскотной, сложенном делювиальной толщей лёссовидного суглинка. Координаты: 51°26'03.90" с.ш. 83°09'04.87" в.д. Высота 425 м над у.м. (93 м над урезом Чарыша). Склон является бортом лога, отделяющего Поскотную от известнякового массива с комплексом Старого Чагырского рудника. В разрушениях найдены два крупных скола палеолитического облика. Сколы имеют обработку кромок и остатки фасетированных ударных площадок. Один из сколов имеет противоположащие дорсальные ретушные выемки (рис. 2.-6), второй – остаток валунной корки и грубую прерывистую ретушь по дистальному краю с дорсала (рис. 2.-7).

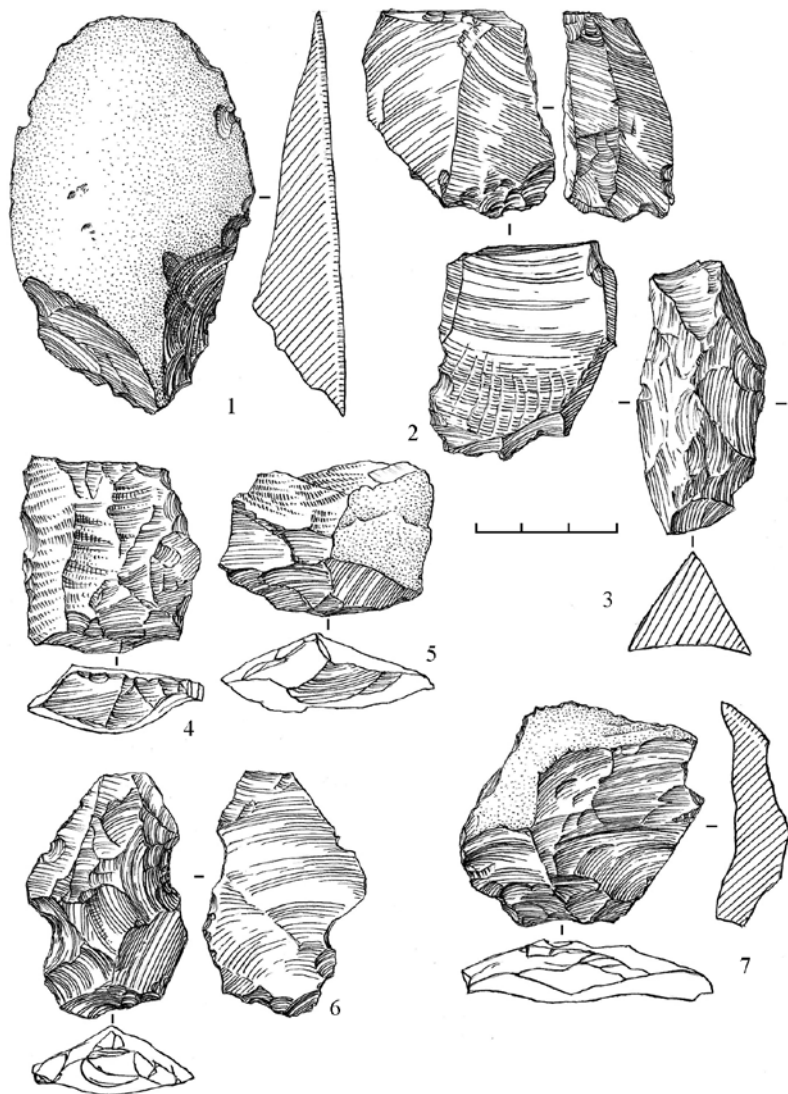

Рис. 2. Каменные изделия с памятников Поскотная-1 (1–5) и Поскотная-2 (6–7)

Находки позволяют предположить достаточно высокую насыщенность археологическими памятниками долины Чарыша. Кроме находок, в пещерах имеется большое количество некрополей и, как показывает поверхностный осмотр местности, стоянок и поселений.

Библиографический список

Вистингаузен В.К. К вопросу о месте находки наконечника копья сейминско-турбинского типа из собрания музея археологии и этнографии Барнаульского педагогического университета // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 91–92.

Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 137–165.

Дашковский П.К., Кунгуров А.Л., Смирнова Л.Н. Археологические находки в окрестностях с. Чинета (Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI, ч. I. С. 294–296.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Зыкин В.С., Кунгуров А.Л. Пещера Чагырская – новая стоянка среднего палеолита Северо-Западного Алтая // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях. Барнаул, 2008. С. 275–278.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.: ил.

Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Ч. I: Палеолитические памятники. Барнаул, 2002. 176 с.: ил.

Уманский А.П., Демин М.А. Наконечники копий сейминско-турбинского типа на Алтае // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 143–150.

A.L. Kungurov

Altai State University, Barnaul, Russia

ON THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE KRASNOSHCHEKOVSKY DISTRICT (Altai Territory)

The article is devoted to the description of new sites in the Krasnoshchekovsky district located in the estuary zone of the Chagyрка river – the left tributary of the Charysh river. This section of the Charysh valley is known mostly due to the presence of a large number of caves and necropolises of the Scythian Time and Middle Ages. Open type site and the sites attributed to the Stone Age are not numerous. Published materials allow not only expanding the archaeological source base, but also fixing the specifics of sites' location in various periods in the Altai foothill zone.

Key words: camp, settlement, necropolis, tool, ceramics, spearhead, Paleolithic, Early Iron Age, Yeluninskaya culture.

УДК 902:069.017(571.5)

С.А. Пилипенко

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия*

ПОЛЬСКОЕ КАМЕННОЕ НАДГРОБИЕ РУБЕЖА XIX–XX вв. С БЕРЕГОВ оз. БАЙКАЛ (из собрания «Частного музея минералов В. Жигалова»)

Сибирь является уникальным регионом, имеющим богатую историю как коренного населения, так и позднее переселившихся туда народов. Одним из эт-

нопоказательных признаков является погребальный обряд и такой его элемент, как надгробие. В период освоения Сибири вместе с различными группами населения с европейской части России проникала традиция использования каменных надгробий над погребением. Со временем формы надгробий были стандартизированы и могли отличаться лишь незначительными деталями. В XX в. в результате процессов урбанизации крупных и мелких городов и исчезновения деревень и поселков исчезают и старинные погосты, которые в свою очередь имеют важное значение для местной истории сибирских населенных пунктов. Таким образом, изучение выявленных редких надгробий рубежа XIX–XX вв. является актуальной задачей современной археологии.

Ключевые слова: Сибирь, Байкал, Слюдянка, поляки, надгробие, крест, католицизм.

До включения Сибири в состав Российского государства местное население придерживалось разнообразных способов увековечивания памяти о предках. С появлением переселенцев-первопроходцев и возникновением острогов, деревень, городов стали проникать и новые элементы погребального обряда, такие как каменные надгробья. По мере развития урбанистических, идеологических и других процессов многие старые погосты были уничтожены без сохранения надгробных памятников. Погост в Сибири в основном утратил свою историческую функцию и мало какой поселок, село или город, за редким исключением, может похвастаться своими дореволюционными погостами. Пожалуй, наиболее полно они представлены в Тобольске и Томске.

Музеефикация погостов продвигается медленно, так как чиновники не видят в этом необходимости. Одним из положительных примеров может служить Бийский некрополь.

Отдельные надгробия выявлены активистами этноархеологического клуба «Кыпчак» в 2008–2009 г. в районе старого Бердска [Пилипенко, Снегурова, 2008, с. 12–15] и в Закаменской части (Октябрьский район) Новосибирска [Пилипенко, 2013, с. 153–156]. Возможны находки надгробий из камня или чугуна в районных музеях, например, в Колыванском районном музее Новосибирской области.

Поэтому постепенное обобщение разрозненной информации о различных видах надгробий на территории Сибири является важной научно-исследовательской проблемой. Надгробные памятники XIX–XX вв. являются также важным источником по эпиграфике, генеалогии и индикатором вероисповедания и культуры в конкретных регионах.

Эта работа посвящена описанию каменного надгробья, выявленного нами в августе 2017 г. в г. Слюдянка близ оз. Байкал.

Слюдянка расположена на западной оконечности оз. Байкал, в 110 км от Иркутска. Среди немногих достопримечательностей города имеется весьма интересный, но небольшой по размерам «Частный музей минералов В. Жигалова». Часть его экспозиции расположена во внутреннем дворе. Среди различных минералов наше внимание привлекла явно искусственного происхождения каменная плита. В настоя-

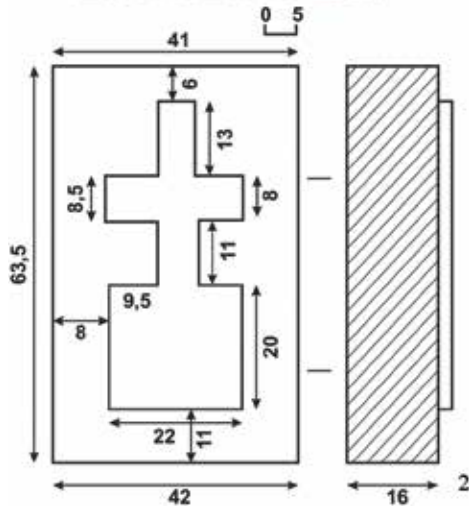
щее время музеем руководит супруга Владимира Жигалова, Людмила Михайловна Жигалова, выполняющая также функцию экскурсовода. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить ее за предоставленную информацию об особенностях обработки камня и условиях его находки.

Каменное надгробие изготовлено из цельного гранитного блока черного цвета. Оно было обнаружено Владимиром Жигаловым в 1989 г.

в устье Выдрихи, при впадении реки в оз. Байкал. Место находки определено в пределах с. Выдрино, расположенного на границе Бурятии и Иркутской области, в 96 км от Слюдянки. Каменное надгробье было перемещено в Слюдянку, где и находится по настоящее время в вышеуказанном музее.

Надгробие представляет собой прямоугольную гранитную плиту, имеющую сколы нижнего правого угла и покрытую лишайниками лицевую поверхность (рис.-1). Размеры надгробья: длина – 63,5 см, ширина верхней грани – 41 см, нижней – 42 см, толщина плиты – 16 см. На лицевой поверхности каменщиком рельефно выполнен крест с одной перекладиной (католического типа), упирающейся в прямоугольную площадку для эпитафий размером 22×20 см. Длина креста от площадки до конца креста – 32 см, ширина лопастей креста – 26 см. Толщина боковых лопастей – 8–8,5 см. Высота рельефа – 2–2,5 см (рис.-2).

Надгробие обрабатывалось орудием типа зубила, следы которого отчетливо видны невооруженным глазом на поверхностях и гранях плиты.

Гранитное надгробие из собрания «Частный музей минералов В. Жигалова»: 1 – фото гранитного надгробья, покрытого лишайником; 2 – чертеж с промерами могильной плиты из музея в Слюдянке

Обнаружение плиты католической ветви христианства в с. Выдрино не представляет собой никакой тайны. До 1917 г. на окраине села располагалось кладбище ссыльных поляков из близлежащего поселения Горного, в котором имелся храм. Так как в селе не было своего погоста и земля оказалась каменной, то хоронить возили в долину у с. Выдрино.

По версии Людмилы Михайловны Жигалиной, надгробие было выброшено по причине брака при его изготовлении. На первый взгляд, плита действительно изготовлена небрежно, но промеры и внешний вид говорят об обратном, хотя и наблюдается незначительное нарушение пропорций на 0,5 см, что для такого материала, как гранит, может быть допустимым в силу его зернистости.

По нашему мнению, отсутствие эпитафии и нарушение пропорций в кресте позволяют предполагать, что это заготовка надгробия. По какой причине оно не было завершено, установить не удалось.

Однако бросается сходство формы надгробия из Слюдянки с заготовкой для надгробия этого же периода из Закаменского некрополя Новосибирска. В обоих случаях надгробия не были завершены и поразительно похожа разбивка рельефной основы для надгробия. С той лишь разницей, что в новосибирском варианте мы имеем дело с православным крестом, следовательно, дополнительной наклонной гранью.

Сходство форм надгробий может быть неслучайным. Так, при работе с надгробиями из Новосибирска и Бердска мы выяснили, что форма каменных и чугунных надгробий четко регламентировалась чертежами и специальной документацией. Во время одной из поездок в Новокузнецк автор мог в этом лично убедиться, сравнив чугунные надгробия из Бердска с надгробиями из Новокузнецка, различие было лишь в орнаментации и незначительных деталях, что, в свою очередь, могло свидетельствовать и об одном месте литья чугунных плит – в пределах Томской губернии Российской империи.

Таким образом, вводимая нами в научный оборот плита, возможно, является заготовкой и предназначалась для увековечивания памяти зажиточного представителя польской общины близлежащей округи. Простой крестьянин вряд ли мог позволить себе каменное надгробие.

Кроме того, польское надгробье маркирует присутствие новой для коренного бурятского населения Байкала традиции погребения в грунтовых ямах с каменным надгробием сверху, свидетельствуя о присутствии новой этнической группы, в частности из Польши.

Библиографический список

Пилипенко С.А. Эпиграфическое наследие дореволюционного Ново-Николаевска // Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность: сб. мат. междунар. науч. конф. Новосибирск, 2013. Т. 1. С. 153–156.

Пилипенко С.А., Снегурова О.К. Надгробия первой четверти XX в. из Ново-Николаевска // История Алтая от древности до наших дней. Курган, 2008. С. 12–15.

S.A. Pilipenko

*Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia*

**THE POLISH GRAVESTONE OF THE TURN OF THE 19–20th
CENTURIES FROM THE COAST OF THE LAKE BAIKAL
(from the collection of the “Private Museum of Minerals of V. Zhigalov”)**

Siberia is the unique region with a rich history of the indigenous people and the people who moved there. One of ethnoindicative signs is the funeral ceremony with such an element as a gravestone. During the exploration of Siberia, various groups of the population from the European part of Russia brought the tradition to use gravestones over the burial. After some time forms of gravestones were standardized and differed only in insignificant details. The urbanization of large and small cities and disappearance of villages and settlements in the 20th century resulted in the disappearance of churchyards which in turn are important for the local history of Siberian settlements. Thus, research of the revealed rare gravestones of the turn of the 19–20th centuries is a relevant problem of modern archaeology.

Key words: Siberia, Baikal, Slyudyanka, the Poles, gravestone, cross, Catholicism.

УДК 902(571.150)

А.Н. Телегин

*Алтайский государственный педагогический
университет, Барнаул, Россия*

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ БАЕВСКОГО РАЙОНА

Рассматриваются материалы курганной группы Паклино-2, расположенной в Баевском районе Алтайского края. Этот памятник был открыт А.Н. Телегиным в 2013 г. и обследован в 2017 г. Некрополь состоит из семи курганов, расположенных на пашне. Поверхность пяти курганов была распахана, а двух других – хорошо задернована. Насыпи этих курганов покрыты воронками грабительских раскопок. Вероятнее всего, создание некрополя Паклино-2 относится к сакскому времени. В пользу этого свидетельствуют особенности планиграфии памятника и следов грабительских раскопок.

Ключевые слова: Паклино-2, Баевский район, курганы, некрополь, сакское время.

В 2013 г. Степной отряд археологической экспедиции АлтГПА осуществлял археологическое обследование отдельных участков территории Баевского района Алтайского края. В ходе этих работ, в 10 км к северо-востоку от с. Паклино, на поле, занятом под пашню, была обнаружена группа из трех курганов. Еще одна группа была зафиксирована на соседнем поле, к юго-западу от первого. Первый памятник, получивший наименование Паклино-1, был обследован и документирован в том же, 2013,

году [Телегин, 2014], а вот второй, Паклино-2, – лишь осенью 2017 г. Результатам этих работ и посвящена настоящая публикация.

На момент обследования в некрополе Паклино-2 насчитывалось, как минимум, семь курганов (рис.).

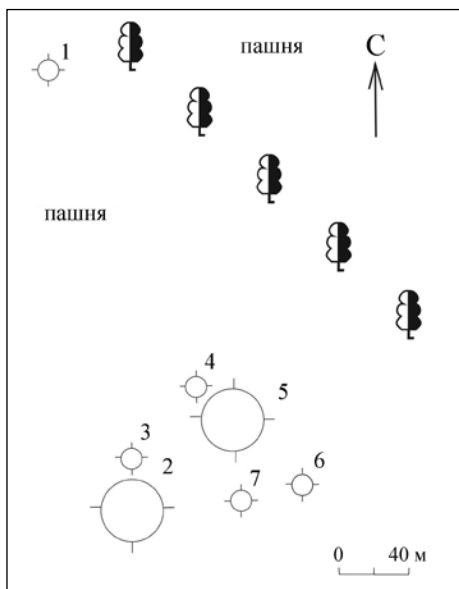
Курган №1 – самый северный в группе, его географические координаты по GPS-приемнику: N 53°09.641', E 081°11.115'. В центре кургана вкопана железобетонная приставка (пасынок) опоры ЛЭП. Поверхность насыпи хорошо задернована, на ней отчетливо читаются воронки, расположенные по окружности. Размер насыпи: диаметр – около 17 м, высота – около 0,5 м.

Курган №2 расположен на расстоянии 265 м к югу (170°) от кургана №1, его географические координаты по GPS-приемнику: N 53°09.483', E 081°11.107'. Поверхность насыпи хорошо задернована, на ней отчетливо читаются воронки. Самая крупная из них – в центре, остальные – вокруг первой. Размер насыпи: диаметр – около 25 м, высота – около 1 м.

Курган №3 находится на расстоянии 31 м к северу (0°) от кургана №2, его географические координаты по GPS-приемнику: N 53°09.498', E 081°11.111'. Насыпь, очень сильно пострадавшая от распашки, едва читается на поверхности поля. Диаметр насыпи – около 10 м.

Курган №4 расположен на расстоянии 81,0 м к север-северо-востоку (27°) от кургана №2, его географические координаты по GPS-приемнику: N 53°09.517', E 081°11.150'. Насыпь, очень сильно пострадавшая от распашки, едва читается на поверхности поля. Диаметр насыпи – около 10 м.

Курган №5 находится на расстоянии 78 м к северо-востоку (49°) от кургана №2, его географические координаты по GPS-приемнику: N 53°09.504', E 081°11.166'. Насыпь кургана распашана, но, несмотря на это, имеет весьма внушительные размеры: диаметр – 30–40 м, высота – около 0,4 м.

План курганной группы Паклино-2

Курган №6 располагается на расстоянии 100 м к востоку (82°) от кургана №2, его географические координаты по GPS-приемнику: N 53° 09.520', E 081° 11.411'. Насыпь, очень сильно пострадавшая от распашки, едва читается на поверхности поля.

Курган №7 находится на расстоянии 63 м к востоку (87°) от кургана №2. Насыпь, очень сильно пострадавшая от распашки, едва читается на поверхности поля.

Принадлежность курганов к скифо-сакскому времени наиболее вероятна. В пользу этого говорят особенности планиграфии памятника и специфика расположения воронок грабительских раскопок.

Библиографический список

Телегин А.Н. Курганная группа Паклино-1 – новый объект на археологической карте Алтайского края // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2013 г. Археология, этнография, устная история: (мат. IX междунар. науч.-практ. конф.). Павлодар; Барнаул, 2014. Вып. 9. С. 109–111.

A.N. Telegin

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

ON THE ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE BAEVSKY DISTRICT

The present article considers materials of the Paklino-2 barrow group located in the Baevsky district of the Altai Territory. This site was discovered by A.N. Telegin in 2013 and examined in 2017. The necropolis consists of seven burial mounds located on the arable land. Five mounds were plowed, and the surface of the other two was turfed. Traces of looting are clearly visible on the surface of these mounds. Most likely, the creation of the Paklino-2 necropolis belongs to the Saka period which is confirmed by the specifics of the planigraphy of the site and traces of looting.

Key words: Paklino-2, Baevsky district, burial mounds, necropolis, Saka period.

УДК 72(571.150)

М.А. Целищева

Алтайская региональная краеведческая общественная организация «Наследие Алтай», Барнаул, Россия

«БАРНАУЛЬСКИЙ ДРОЖЖЕВОЙ ЗАВОД» – ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

В статье рассматривается краткая история появления на территории Сибири в конце XIX – начале XX в. промышленных объектов, таких как дрожже-винокуренные заводы. Здания заводов значительно выделяются среди других построек дореволюционного периода своим объемом и архитектурным решением. Они являются образцами промышленной архитектуры и оказали значительное

влияние на застройку городов Сибири в начале XX в. На основе архивных документов автор рассказывает об истории Барнаульского дрожжевого завода.

Ключевые слова: промышленная архитектура, культурное наследие, памятник архитектуры, объекты культурного наследия.

Дрожжевые заводы как самостоятельные предприятия возникли в середине XIX в. Основным сырьем для производства дрожжей служило зерно, богатое всеми необходимыми для роста и размножения дрожжевых клеток веществами. В начале XX в. для производства хлебопекарных дрожжей дорогое зерновое сырье было заменено отходом свеклосахарного производства – мелассой. Наряду с дрожжами получали и спирт. Дрожжевые заведения делились на два вида – производство прессованных дрожжей на дрожже-винокурных заводах и на заводах без винокурения. В конце XIX в. в Барнауле были два дрожжевых заведения: первое – мещанина Ермолаева, существовавшее с 1892 по 1894 г., и второе – Товарищества пивоваренного производства «Братья Суховы и К», работавшее с 1897 г. по 1 июля 1898 г. Оба эти заведения были закрыты из-за отсутствия опытного мастера, так как выходы и качество дрожжей были плохие, а пригласить мастера владельцы данных заведений сочли для себя не выгодным. Горожане довольствовались привозными дрожжами за 350 верст из Томска, Омска и Семипалатинска. Но из-за дальности расстояния не было возможности получать свежие дрожжи, часть дрожжей в дороге портилась, поэтому торговцы вынуждены были продавать дрожжи по высокой цене по 60–70 коп. за фунт. В 1898 г. возбуждалось два ходатайства по открытию дрожжевых заведений – барнаульским мещанином Узловым и крестьянином Тобольской губернии Булатовым. В августе 1899 г. крестьянин Мамонтов также обратился в Акцизное управление с просьбой разрешить ему открыть в Барнауле дрожжевое заведение без винокурения с затором хлебных припасов по 5 пудов в сутки без перегонки бражки в спирт. Вследствие того, что в Барнауле, при населении в 30 тыс. человек, существовала потребность в сухих прессованных дрожжах, а привозные были очень дорогие, окружной надзиратель ходатайствовал о разрешении Мамонтову открытия в Барнауле дрожжевого завода [ГАТО. Ф. 209. Оп. 2. Д. 270. Л. 8–9, 14]. 11 октября 1899 г. Министр финансов разрешил Мамонтову открыть свое заведение в Барнауле [ГАТО. Ф. 209. Оп. 2. Д. 270. Л. 13]. 30 ноября 1899 г. было обследовано дрожжевое заведение Мамонтова, которое находилось в Барнауле на углу ул. Бийской и Острожного переулка в деревянном доме мещанина Карева, заведение помещалось в одном отделении. В помещении было два чана – заторный и квасильный, а также кадки для дрожжей, винтовой пресс, формовка. Но в 1901 г. Мамонтов свое дрожжевое заведение закрыл [ГАТО. Ф. 209. Оп. 2. Д. 270. Л. 17, 88]. В дальнейшем разные промышленники обращались к вопросу о возобновлении продажи в Барнауле дрожжей. Так, в 1910 г.

барнаульский купец Василий Федорович Сухов имел в Барнауле дрожжевой завод, который, по данным Сибирского торгово-промышленного ежегодника, работал и в 1914 г. [Сибирский..., 1910, с. 10; 1914, с. 59]. 30 декабря 1914 г. в газете «Жизнь Алтая» появилась заметка о дрожжевом кризисе в Барнауле: «Начиная с последних дней перед Рождеством и до 29 декабря барнаульский рынок в буквальном смысле переживал дрожжевой кризис. Местный дрожжевой завод Суховых прекратил выработку дрожжей полтора месяца назад. Новый дрожжевой завод Огорокова не пущен еще в действие. На рынке остались исключительно дрожжи томского завода Зверева. Перед Рождеством запасы дрожжей на местном складе Зверева истощились, а вытребованная из Томска партия задержалась в дороге и прибыла сюда, частью в замороженном виде, лишь 29 декабря. Между тем на Рождество и перед Рождеством лавки осаждались покупателями, ищущими дрожжей. Некоторые лавочники, у которых сохранились запасы дрожжей, продавали их по двойной стоимости» [Жизнь Алтая. 1914. №247].

4 июня 1914 г. Строительное отделение Томского губернского управления разрешило Миролюбовскому товариществу, где одним из главных компаньонов был владелец Томского дрожжевого завода Д.Е. Зверев, построить в Барнауле дрожже-винокуренный завод на правом берегу заводского пруда, месте, принадлежавшем Кабинету Его Величества (оброчная статья под названием «Суховская»). Завод строили в военное время, постройка велась довольно быстро, поэтому в дальнейшем обнаружили ряд дефектов, которые частично были устранены. Так, по проекту солодовня располагалась в нижнем этаже заводского корпуса, но совершенно оказалась не пригодна для выращивания солода, в дальнейшем ее пришлось переводить в другое место. Подвал для дрожжей был построен так, что в этом же помещении находился лед, из-за этого в помещении было сыро, что способствовало развитию грибов, заражавших дрожжи. В дальнейшем было предложено построить новый ледник в другом месте. Буровые артезианские скважины были вырыты не очень глубоко, чем объяснялся недостаток подачи воды, а также они были поставлены далеко от котельного отделения. Барденник был построен впритык к фасадной стороне завода, сделан из дерева с деревянными люками. С этой же фасадной стороны поставлена труба для всасывания воздухоудовкой воздуха для продувания затора. В летнее время барда разлагалась и издавала зловоние. Канализация была выложена из дерева, поглощающие колодцы не достигли своего назначения, фильтров не было. Основной паровой котел ранее уже был в использовании на другом заводе [ГААК. Ф.Р. 932. Оп. 1. Д. 1. Л. 71, 72]. 5 декабря 1914 г. распорядитель Миролюбовского товарищества инженер Александр Матвеевич Огороков обратился к фабричному инспектору Томской губернии с прошением разрешить ему устано-

вить паровой котел батарейной системы давлением пара 8 атмосфер на вновь выстроенным дрожже-винокуренном заводе в Барнауле. 6 декабря 1914 г. барнаульский уездный исправник выдал А.М. Окорокону удостоверение в том, что он не возражает против установки парового котла на заводе [ГААК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 10. Л. 219, 217]. К документам был приложен справочный листок с описанием парового котла: построен на заводе Фицнер и Гампер в Сосновицах в 1905 г., котел батарейной системы из шести кипятильников, материал – литое сименс-мартеновское железо, полная поверхность нагрева котла 863 квадратных фута производится при двух паровых насосах. С 22 декабря 1914 г. принадлежал Миролюбовскому товариществу в Барнауле. Назначение котла – приводить в действие дрожже-винокуренный завод, топка котла осуществлялась каменным углем [ГААК. Ф. 333. Оп. 1. Д. 10. Л. 220–221об]. Продукцией завода были дрожжи и спирт из зерна, которые он начал выпускать в 1915 г. Это был четвертый в Сибири дрожже-винокуренный завод, после чего новых заводов по выработке прессованных дрожжей в Сибири не строилось. 29 ноября 1915 г. через газету «Жизнь Алтая» Миролюбовское товарищество извещало горожан о том, что в продажу поступили сухие прессованные дрожжи, выработанные на построенном товариществом Екатерининским №10 дрожже-винокуренном заводе. С заказами просили обращаться в контору завода: Барнаул, берег заводского пруда [Жизнь Алтая. 1915. №264]. В декабре 1915 г. Миролюбовское товарищество для удобства горожан открыло розничную продажу сухих прессованных дрожжей в доме наследников И.И. Федулова рядом с лавкой ТД «И.И. Федулов с С-ми» [Жизнь Алтая. 1915. №288]. В 1916 г. была выстроена вторая солодовня под жилым домом, а солодовню под заводом закрыли. В 1916 г. дрожжевой завод выработал 189 тыс. кг дрожжей, оптовая продажа производилась на заводе, розничная продажа не менее ¼ фунта дрожжей – в лавке наследников И.И. Федулова на Петропавловской (ул. Ползунова) улице [Жизнь Алтая. 1916. №25]. Помимо дрожжей, в лавке товарищества (в доме наследников Федулова, напротив городской Управы) торговали электрическими лампочками, шнурами, проводом и другими материалами [Жизнь Алтая. 1916. №197]. В ноябре 1917 г. Миролюбовское товарищество объявило о прекращении розничной продажи дрожжей на заводе и сообщило, что дрожжи в дальнейшем будут продаваться в лавке товарищества на ул. Л. Толстого в доме Морозова, а также в городских продовольственных лавках «Сотрудник» и частных лавках [Жизнь Алтая. 1917. №259]. 30 июня 1918 г. предприятие получило Свидетельство №1 на разрешение Екатерининскому №10 дрожже-винокуренному заводу, находящемуся в Барнауле и принадлежащему Миролюбовскому товариществу, производства прессованных дрожжей с 1 июля по 7 июля 1918 г., с соблюдением условий, изложенных в данном документе. На

основании постановления Министра финансов от 7 января 1906 г. №51 норма выхода прессованных дрожжей определялась в 8 фунтов из пуда сухих припасов каждого затора. Таким образом, на выходе должно быть получено не менее 800 фунтов, а из 7 заторов – 5600 фунтов на сумму 4480 руб. Для каждого семидневного процесса назначались ответственный винокур и дрожжевой мастер. Ежедневно из каждого выхода производился отъем дрожжей в количестве 120 фунтов для следующего очередного затора. Такие свидетельства и объявления предприятия получало на каждые 7 дней своей работы [ГАТО. Ф. 209. Оп. 2. Д. 1064. Л. 2, 4, 6, 15, 25, 33, 45, 56, 68, 78, 122]. В третьем квартале 1918 г. завод несколько раз останавливался. Так, 14 июля 1918 г. был составлен акт о временной остановке дрожжеварения на заводе, находящемся в Барнауле и принадлежащем Миролубовскому товариществу. Управляющим заводом гражданином Вологды В.А. Прянишниковым в присутствии контролера III Акцизного округа Томско-Семипалатинского управления Шадрина, рабочих завода и посторонних свидетелей был составлен акт в том, что в 6 утра из-за повреждения магистральной паровой трубы один затор не был сделан на сумму акциза 640 руб. [ГАТО. Ф. 209. Оп. 2. Д. 1064. Л. 11].

В 1920 г. все промышленные предприятия были национализированы. Так, 28 января 1920 г. вышло постановление Алтайского губернского Совета народного хозяйства (Губсовнархоз) о национализации дрожже-винокурного завода Миролубовского товарищества, который перешел со всем имуществом и инвентарем в ведение химического отдела Алтайского губернского Совнархоза, образовав с пивзаводом Винный трест. Рабочих и служащих национализированных предприятий призывали к дружной работе и повышению производительности труда в связи с тем, что «воссоздание промышленности в данное время было основной задачей всего сознательного пролетариата» [ГААК. Ф.Р. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 24].

В 1920 г. в Барнауле проводили осмотр всех зданий и сооружений на предмет пожарной безопасности. 21 июля 1920 г. в присутствии заведующего заведением Шадрина был осмотрен Государственный дрожже-винокурный завод. В документе было отмечено, что здание дрожже-винокурного завода было каменным, состояло из следующих отделений, отделяющихся один от другого каменными стенами: здание четырехэтажное, под ним подвальный этаж со сводами на железных балках, который занят солодовней. Входная дверь в подвал не огнестойкая. Квасильное отделение на втором этаже переходило в фильтрационное, фильтрационное на третьем этаже – в заторное отделение и на четвертом этаже рядом с заторным помещались солододробильное и водоварочное отделения. Потолки первого и второго этажей здания были со сводами на железобетонных балках, третьего этажа – сплош-

ными, а по трем сторонам для солододробилок – на железных балках с деревянным настилом, средняя часть была оштукатурена цементом и окрашена. Полы сделаны из мраморных плиток, в здании имелся водопровод, но на всех этажах отсутствовали водоразделительные краны, дающие возможность устранить пожар. Из подвального помещения до четвертого этажа имелся подъемник для подъема солода в солододробилки, который не имел задвижек, отделявших этаж от этажа. Рядом, вплотную с дверным отверстием, на втором этаже находилось четырехэтажное ректификационное отделение, четвертый этаж которого был занят водонапорной башней. Под ректификационным отделением находился подвальный этаж с огнестойким полом и потолком. Из первого этажа в подвал была устроена узкая деревянная лестница, такие же узкие деревянные лестницы вели из первого на второй и третий этажи. На первом этаже имелся самостоятельный выход на улицу через ворота шириной 2,5 арш., дверное отверстие второго этажа вело в брагоперегонное отделение.

Во время осмотра на первом этаже находилось много порожних ящиков, затруднявших проход к аппарату. Подставные балки и внутренние террасы, примыкавшие к аппарату, были тоже деревянные. От водопроводного бака проходили по всем этажам водопроводные трубы, которые снабжали водой необходимые в производстве чаны и аппараты. Брагоперегонное отделение – четырехэтажное, полы из мозаичной плитки на железных балках, но не сплошные, а с отверстием для проходившего по этажам брагоперегонного аппарата и холодильника. Этажи соединялись между собой узкими деревянными лестницами. На втором этаже дверное отверстие в стене соединялось с фильтрационным отделением. Под брагоперегонным отделением имелся подвальный этаж с бражным чаном. Полы в подвале были огнестойкие, потолки со сводами на железных балках, вход в подвал шел из первого этажа по деревянной лестнице. Глубина подвала в земле 1,3 сажени. Так же, как и в других отделениях, по этажам проходили водопроводные трубы.

В двухэтажном здании в первом машинном отделении на втором этаже размещались лаборатория для акцизного надзора, материальная кладовая и контора. Контора была разделена деревянными перегородками, оштукатуренными с двух сторон. В первом этаже в машинном отделении имелись тесовые перегородки, оштукатуренные с двух сторон, далее шла отгороженная слесарная, за ней инструментальная. В машинном отделении находились две паровые машины по 45 сил и две динамо-машины мощностью до 240 ампер, помещение деревянной дверью соединялось с квасильным отделением. Имелся другой выход через котельное отделение. Полы огнестойкие, на втором этаже – деревянные крашенные. На втором этаже помещение соединялось дверями с фильтрационным отделением. К машинному отделению вплот-

ную примыкало двухэтажное котельное отделение, в нем имелся один паровой котел, и на момент осмотра рабочие приступили к установке второго котла. Пол земляной, потолок (он же крыша) железный. Выход на улицу был организован через широкие ворота. С другой стороны по фасаду примыкало двухэтажное отделение, на первом этаже находились формовочная для дрожжей и лестничная клетка, отделенная тесовой перегородкой, с деревянной лестницей шириной 2 арш. На ней располагались кладовые, где хранилась оберточная бумага. На втором этаже находилась контора завода, состоящая из двух комнат. Деревянные двери были установлены как на первом этаже, так и на втором. Формовочная была соединена с квасильным, а контора – с фильтрационным отделением. К ректификационному отделению примыкал изолированный одноэтажный каменный подвал для хранения спирта. В нем находились две цистерны со спиртом емкостью до 2800 пудов, каждая была поставлена на железные балки с деревянным настилом до половины помещения, с деревянной лестницей в 20 ступеней. К данному помещению примыкал каменный погреб с углублением в земле на 1 сажень, предназначенный для разлива денатурата. Потолок, лестница, балки и все внутреннее устройство были из дерева. Завод освещался электричеством, на момент осмотра электропроводка находилась в порядке. На Государственном дрожже-винокуренном заводе работало 60 человек, из них при заводе жили 30 человек. Сигналом на случай пожара служил свисток (гудок). Пожарной машины и бочек с водой на территории не было. В 5,5 сажени от завода располагалась деревянная кузница, которая не работала. Вблизи завода на горе находился принадлежащий заводу деревянный одноэтажный дом с каменным полуподвалом. На первом этаже размещался рабочий театр, а в полуподвале – школа. Помещение театра освещалось электричеством, делилось на сцену и зрительный зал, который имел два выхода, из них один – через террасу, другой – через парадный вход [ГААК. Ф.Р. 216. Оп. 1. Д. 1755. Л. 216–216об.].

По данным Алтайского ежегодника, в 1921–1922 гг. в Барнауле было одно дрожже-винокуренное заведение, на заводе стоял механический двигатель мощностью 85 лошадиных сил, число наемных рабочих – 65 чел. За первое полугодие 1922 г. Государственный дрожже-винокуренный завод Винтреста с числом работающих 39 рабочих и 10 служащих выпустил продукции: дрожжей – 53609 фунтов, спирта – 115377,1 град. Из приведенных данных губернского Совнархоза о состоянии государственных предприятий за июль, август и сентябрь 1922 г. можно узнать, что в тот период на заводе директором работал А.П. Пентегов. С 1 июля 1922 г. по 1 октября 1923 г. завод выработал дрожжей пресованных 125000 фунтов, спирта сырца – 500000 град. [Алтайский..., 1923, с. 306, 334, 343, 346, 347, 359]. В 1922–1923 гг. завод выработал 45,5 тыс. кг дрожжей [Барнаульский..., 1927, с. 260].

В 1924 г. дрожже-винокуренный завод №4 (правый берег пруда) подчинился Алтайскому губернскому винному тресту, управляющим заведением на правах директора работал А.П. Пентегов. Всего на заводе работали 33 рабочих и 8 служащих. Изготавливали в год дрожжей пресованных 180000 фунтов, спирта сырца – 360000 град. Рядом находился пивоваренный завод, входивший в этот же трест, на котором работали 38 рабочих и 16 служащих. Завод выпускал в год 250000 ведер пива и солода – 16000 пудов [Вся Сибирь..., 1924, с. 249]. В 1924 г. бывший Винтрест был переименован в Пищетрест. Нагрузка завода в 1924–1925 гг., по сравнению с довоенной, по выпуску дрожжей составляла 71% и по выпуску спирта сырца – 79% [Отчет..., 1925, с. 155–157, 160].

28 июня 1924 г. инспектором по труду был составлен ревизионный акт №29 по осмотру пивоваренного и винно-дрожжевого заводов Пищетреста. В акте отмечено, что директором работает Пентегов, рабочих и служащих на заводах числилось 152 человека, в том числе 22 женщины, работали в четыре смены. Владельцами предприятий (арендаторами) выступали Г.Г. Ворсин и Пономарев. Рабочие машинных отделений работали по 6 часов без выходных. Инспектор отметил, что на заводах отсутствовали общие списки рабочих и служащих [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. В актах от 19 января и 9 февраля 1925 г. (№14 и 26) в присутствии заведующего заводом Пономарева инспектор по труду отметил, что завод изготавливает пресованные хлебные дрожжи и винный спирт-ректификат, подчиняется Алтпищетресту. На заводе работали 63 человека, из них 10 женщин. Как замечание он записал отсутствие в котельном отделении вентиляции и то, что лестница, ведущая в подвальное помещение, где хранились дрожжи, не имела соответствующих перил. В итоге инспектор выдал предписание обеспечить всех работниц формовочного отделения спецобувью [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 10. Л. 10, 14]. В июне и июле 1925 г., посетив завод, инспектор труда отметил, что в формовочном отделении нет умывальника, потолок спиртоочистительного отделения промокает, крыша плохая, стена задней комнаты солодильни в подвале завода сырая, ограждение помоста у нового квасильного чана недостаточное, паровой насос (донка) при паровом котле требует ремонта, проталкивание массы дрожжей в формовочную машину происходит вручную, в помещении бондарни ветхий пол. В дальнейшем дирекция завода в кочегарке устроила для рабочих душ, в брагоперегонном отделении установила вытяжную вентиляцию в виде трубы от чана с выходом на улицу. В спиртоочистительном отделении побелили, починили крышу и потолок, в кочегарке сделали верхнее освещение, установили приемный люк для автоматического поступления угля в кочегарку, до проведения водопровода в формовочном отделении поставили умывальник [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 10. Л. 18, 19]. В октябре 1925 г. завод покрасил стены и потолки во всех цехах,

в столярной мастерской перестелили пол, увеличили дневное освещение и сделали новую печь [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 10. Л. 25]. В ноябре 1925 г. на заводе работали 83 человека, в том числе 14 женщин. Женщины по-прежнему переносили тяжести (дрожжи) со второго этажа здания завода в погреб, находившийся во дворе. В формовочном отделении они поднимали тяжести к формовочной дрожжевой машине весом до 4 пудов [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 10. Л. 29].

Из отчета Алтайского треста государственных заводов дрожжевинокуренной, пищевой и пивоваренной промышленности за 1925/26 г. можно узнать, что в систему Алтпищетреста в Барнауле входили следующие предприятия: действующие (основное производство) – пивоваренный завод, завод фруктовых вод, дрожже-винокуренный завод. Подсобные – при пивзаводе – солодовый, при дрожже-винокуренном заводе – ректификация спирта. Бездействовал мыловаренный завод. Далее в отчете шло описание состояния Государственного дрожже-винокуренного завода №4 им. Колядо: построен в 1915 г. на правом берегу пруда, каменные здания в хорошем состоянии. На заводе были установлены бывшие в употреблении паровые котлы, паровые машины и другие ценные аппараты, которые за десять лет уже износились и требовали замены или постоянного ремонта. Вновь усовершенствованных аппаратов на заводе не было, что отражалось на выработке продукции как в количественном, так и в качественном отношении. За отчетный период завод находился в действии 332 дня, нагрузка предприятия к современным мощностям составляла 100%. Завод выполнил производственную программу на 185,2% по изготовлению хлебных прессованных дрожжей (269 583,1 кг) к выработке 1924/25 г., спирта-сырца – 1314448,0 град., или на 226,9% к прошлому году. Всего на двух (с пивзаводом) предприятиях работали 182 человека, из них производственных рабочих – 94, подсобных рабочих – 48, учеников – 6, служащих – 28 и младшего обслуживающего персонала – 6 человек.

В 1925–1926 гг. на заводе провели капитальный ремонт, в котельном отделении забетонировали пол, отремонтировали и покрасили заводское здание, столярную мастерскую, кладовую, отремонтировали паровой котел и паровую машину, перед ледником сделали площадку для каменного угля, проложили тротуар по территории дрожжевого завода до пивзавода длиной 300 м. Приобрели три новых насоса и новый паровой котел [ГААК. Ф.Р. 932. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–5, 14, 29, 35, 41, 75, 124, 175]. В январе 1926 г. составили список национализированных и муниципализированных строений, находившихся в ведении дрожже-винокуренного завода №4 им. Колядо. К национализированным строениям относились каменное здание завода, которое оценивалось в 43965,6 руб., а также амбар, склад, полуподвал, конюшня, навес, кузнеца, два дома жилых и другие строения [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 277. Л. 371]. В 1926 г. были состав-

лены сведения обо всех промышленных предприятиях, находившихся в ведении барнаульского окружного отдела. По состоянию на 1 октября 1926 г. дрожже-винокуренный завод (бывший владелец – Т-во Миролюбовское), расположенный на правом берегу пруда, подчинялся Алтпищестресту. Основное изделие – дрожжи. Завод имел имущество (довоенное) – здания производственного и торгового назначения, жилые здания и службы к ним, различные сооружения, а также техническое оборудование, машины, инструменты, всего на сумму 117430,92 руб. Работали на заводе 62 человека [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 348. Л. 10; Ф.Р. 932. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–5, 14, 29, 35, 41, 75, 124, 175].

Старые дрожже-винокуренные заводы Сибири за десять лет были значительно расширены. Продукция четырех дрожже-винокуренных заводов Сибири в 1926–1927 гг. выразилась в 1214,9 тыс. кг прессованных дрожжей и 276 тыс. ведер 40-градусного спирта. Основным материалом для дрожжевого предприятия являлись солод, мука и крахмал. Перед сибирскими дрожжевыми заводами стояла задача перехода на изготовление сухих дрожжей в виде порошка. Опыты Иркутского дрожже-винокуренного завода по приготовлению дрожжей в виде порошка дали благоприятные результаты как в отношении качества, ничем не уступавших прессованным дрожжам, так и в отношении перевозок на дальние расстояния [Грибунин, 1929, с. 860]. В 1926–1927 гг. на заводе построили линию и вагонетки для перевозки барды, оборудовали лабораторию, установили квасильный чан емкостью до 4250 ведер, установили заторный чан, отремонтировали крышу над котельным отделением, в 1927 г. установили воздушную машину и бродильный чан. За год изготовили дрожжей 264 770 кг [ГААК. Ф.Р. 932. Оп. 1. Д. 3. Л. 2, 3, 38]. В 1927–1928 гг. завод изготовил хлебных прессованных дрожжей 421 875 кг, приобрел в 1928 г. сепараторы [ГААК. Ф.Р. 932. Оп. 1. Д. 3. Л. 49, 79–80, 89]. В 1928 г. была составлена предварительная смета на ремонт оборудования брагоперегонного отделения при заводе на сумму 8861,8 руб. [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 185. Л. 2–9, 11].

В дальнейшем пивоваренный и дрожже-винокуренный заводы были объединены. В апреле 1929 г. составлена анкета предприятий Алтпищестреста. Так, на дрожжепивзаводе, расположенном на правом берегу пруда, работали 143 человека, выпускали пиво, дрожжи, фруктовую воду, квас. Дрожжевое производство располагалось в каменном здании и имело четыре деревянных здания. Жилых каменных зданий было два и одно деревянное. Во всех зданиях имелся водопровод, клуб отапливался калорифером, в общежитии было паровое отопление, а в остальных – печное, все здания имели электроосвещение [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 187. Л. 367]. На 1 апреля 1933 г. (с пивзаводом) работали 169 рабочих и служащих, из них неграмотных было 9, малограмотных – 14 человек. Завод имел свое подсобное хозяйство, в котором было 2 коровы,

68 свиней и 215 кроликов [ГААК. Ф.Р. 333. Оп. 1. Д. 39. Л. 98]. В мае 1935 г. на заседании горисполкома директор дрожжепивзавода выступил с докладом об обеспечении дрожжами хлебопечения города. После этого в июне и октябре 1935 г. рассмотрели вопрос о реконструкции дрожжепивзавода. В апреле 1936 г. на Пленуме барнаульского Горсовета повторно обсудили реконструкцию дрожжевого завода [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 7. Л. 110; Д. 9. Л. 27].

В 1937–1938 гг. специалистами завода было подготовлено несколько смет на проведение капитального ремонта зданий и оборудования. По смете на достройку ледника для хранения дрожжей требовалась сумма 8748,88 руб., а также необходимо было отремонтировать паровой насос системы «Камерон». Приказом от 7 августа 1937 г. №129 барнаульского дрожжепивзавода Крайпищепрома утверждена смета на приобретение бочек для мелассы на сумму 13400 руб. с доставкой из Ленинграда до Барнаула [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 22. Л. 45, 57, 69, 78, 88]. В октябре 1937 г. завод планировал выделить на приобретение оборудования и сушилки для дрожжей 6203,51 руб. [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 22. Л. 234]. 25 февраля 1938 г. составлена смета на капитальный ремонт зданий дрожжевого завода на сумму 7674,83 руб. [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 22. Л. 185–191]. В 1938 г. у барнаульского дрожжепивоваренного завода имелось 25 торговых точек, из них арендованных – 16, принадлежавших заводу – 9. Все точки были очень маленькие по своей площади, требовали капитального ремонта из-за ветхости. Пивной зал на 40 столиков с бильярдами планировалось построить на углу ул. Гоголевской и пр. Социалистического (8,4 тыс. руб.), в нагорной части, на базаре и перед заводом [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 21. Л. 105]. В 1938 г. из Ленинграда на завод прибыл дрожжевой сепаратор с барабаном из нержавеющей стали. На заводе был составлен акт по осмотру целостности внешней упаковки [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 21. Л. 185]. В апреле 1939 г. на Барнаульском дрожжевом заводе, расположенном на ул. Мамонтова, директором работал Труфанов, главным механиком – Черепанов [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 2. Л. 12, 42–43].

В 1939 г. на основании разрешения СНК от 7 февраля 1939 г. №266/299 и приказа Наркомпищепрома РСФСР от 16 февраля 1939 г. №1271 произошли передача Барнаульского государственного дрожжевого завода из системы Крайпищепрома оргкомитета Верховного Совета РСФСР в систему республиканского Государственного треста промышленности НК ПП РСФСР и разделение пивоваренного и дрожжевого завода. В связи с этим был составлен приемо-сдаточный акт, в котором отметили, что дрожжевой завод расположен в Барнауле, в Центральном районе, по ул. Мамонтова, 125 (кв. 483а). Общая площадь завода, согласно генеральному плану, составляла 23000 кв. м, в том числе под застройкой – 1490 кв. м и двором – 21510 кв. м. Главный корпус занимал

630 кв. м, под остальными строениями – 860 кв. м. Дрожжевому заводу отходили два жилых дома, находившиеся на его территории: первый – 7-квартирный, расположенный перед заводом по ул. Мамонтова, 120, общей площадью 329 кв. м, второй – позади завода на горе, общей площадью 460,14 кв. м. В первом доме находился детсад (S-98,0 кв. м), в доме №2 – детские ясли (S-154,56 кв. м).

Производственный план за 1938 г. был выполнен на 59,6%, вместо 850 т выработали 506,5 т дрожжей. На 1939 г. перед заводом опять был поставлен план выработать 850 т дрожжей [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 6. Л. 2]. Корпус здания дрожжевого завода был построен в 1914 г., а в 1936 г. к нему пристроили двухэтажное кирпичное здание упаковочного цеха. Сдача и приемка были произведены по разделу баланса бывшего дрожжепивзавода с выделением дрожжевому заводу балансовых ценностей по состоянию на 1 января 1939 г. [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 6. Л. 1]. По балансу у дрожжевого завода было имущества на 497044,34 руб., в том числе здания и сооружения – на сумму 291198,17 руб., а также механизмы, инструменты, транспорт, сырье, топливо, тара, полуфабрикаты и жилые дома [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 6. Л. 7]. В январе 1941 г. был утвержден план по капитальному строительству за 1940 г. в сумме 170,0 тыс. руб. Фактически план выполнили на 167,4 тыс. руб., в том числе в него вошли постройка и монтаж сушилки, постройка межэтажного перекрытия и надсепараторного чана [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 1. Д. 42. Л. 1–2, 4].

Из отчета о ходе выполнения плана капитального ремонта за январь 1948 г. Барнаульского дрожжевого завода республиканского (затем Главного управления) треста «Росдрожжи» Министерства вкусовой промышленности СССР (год в эксплуатацию – 1914), расположенного на ул. Мамонтова, 156, можно узнать, что в этом месяце завод отремонтировал автотранспорт и электропроводку в здании. В феврале на заводе отремонтировали заторный чан [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 30. Л. 10, 14, 21]. В первом квартале завод имел системные простои из-за отсутствия воды и электроэнергии. Лишь во второй половине марта подача электроэнергии увеличилась и снабжение водой из артезианской скважины пивзавода улучшилось, что дало возможность в марте 1948 г. выработать товарных дрожжей в количестве 11,230 т, дрожжей пекарских – 12,270 т, морса фруктового – 323,62 гектолитров на сумму 1962,8 руб. Но план за первый квартал был выполнен лишь на 33,0%. Подписал отчет директор Соколов [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 30. Л. 39]. В 1948 г. завод принял долевое участие в строительстве электропередачи от Барнаульской ТЭЦ, выделил на строительство артезианской скважины 136,8 тыс. руб., на капитальный ремонт чердачного перекрытия – 14,9 тыс. руб., на приобретение трех цистерн на автомашины для перевозки мелассы – 3,8 тыс. руб. и др. [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 30. Л. 200]. На 1 января 1949 г. на заводе числилось имущество на сумму 358210,91 руб. В под-

собном хозяйстве было 9 коров, 1 боров, 13 овец и 4 свиньи [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 30. Л. 89, 112, 160]. В 1953 г. дрожжевой завод выполнил план по капитальным вложениям на 125,0 тыс. руб., в том числе приобрел оборудование (фильтр-пресс, насосы и др.) на сумму 114,3 тыс. руб. [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 31, Л. 1].

В декабре 1953 г. трест «Росдрожжи» утвердил Положение о республиканском Барнаульском дрожжевом заводе Министерства промышленности продовольственных товаров РСФСР, по которому основная деятельность завода была определена по изготовлению и сбыту дрожжей, со дня регистрации ему присваивались права юридического лица, завод работал на хозрасчете, имел свою печать. Трест назначал директора завода, главного инженера, главного бухгалтера и других номенклатурных работников [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 26. Л. 105]. По генеральному плану на 1954 г. были выделены средства на строительство мелассохранилища на сумму 163,8 тыс. руб., прессовочного цеха – 70,0 тыс. руб., на приобретение оборудования – 125,0 тыс. руб. По данным и.о. директора Пономарева, в 1954 г. завод построил артезианскую скважину подрядным способом, приобрел оборудование, которое установил в основном цехе, всего на сумму 150,0 тыс. руб. [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 31. Л. 2, 3, 5]. По штатному расписанию на 1957 г., подписанному директором завода Т. Арсенкиным, рабочих производственных цехов на Барнаульском дрожжевом заводе числилось 79 человек, в том числе в дрожжевом цехе – 28, формовочно-сушильном – 18, в механическом – 21, в транспортном – 12 (8 грузчиков и 4 водителя) [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 26. Л. 58, 88]. Производственную мощность завода на 1958 г. запланировали в 2400 т дрожжей.

Барнаульский дрожжевой завод Алтайского Сахмаслоспиртотреста с 1 июля 1957 г. входит в систему Управления пищевой промышленности Алтайского Совнархоза в соответствии с Постановлением от 28 июня 1957 г. №1 «О подчиненности предприятий и организаций Алтайского совнархоза по управлениям и трестам». В 1959 г. выпуск дрожжей должен был составить 3000 т [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 26. Л. 46–47, 95]. В марте 1960 г. и.о. директора завода Н. Пономарев утвердил штатное расписание на администрацию завода, в котором числилось 12 человек. Из регистрационной карточки на 31 октября 1960 г., подписанной директором завода К. Машаровым, мы можем узнать, что Барнаульский дрожжевой завод находился на ул. Мамонтова, 170, источник финансирования – хозрасчет, подчинялся Управлению пищевой промышленности Алтайского Совнархоза. Производственная мощность завода за 1960 г. составила 3600 т дрожжей, а на 1961 г. запланировали выпуск 4000 т [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 26. Л. 13, 18, 24, 27, 29, 64, 68, 70, 86]. В 1964 г. завод выпустил 4642 т дрожжей и выполнил план на 113,2%. Из отчета за 1965 г. следовало, что производственный план

по валовой продукции выполнен на 100,8%, на сумму 2493 тыс. руб. (4800 т). В ассортименте были дрожжи хлебопекарские – 4602 т, в том числе фасованные – 3202 т и сухие – 350 т. Дрожжи отгружали в Алтайскую контору «Росбакалея», а также в Змеиногорскую, Новосибирскую, Амурскую и Казахскую конторы, и в Киргизбакалею. По данным директора завода К.У. Машарова, установленные автоматы по обертке дрожжей на заводе в том году не работали [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 43. Л. 1, 20, 23]. С 1969 г. адрес дрожжевого завода сменился, вместо ул. Мамонтова, 170 теперь завод значился по ул. Мамонтова, 242 [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 29. Л. 12, 21, 23, 25]. В 1969 г. на заводе заменили насосы на выкачке дрожжей из бродильных чанов, провели монтаж и сдачу в эксплуатацию насоса в артезианскую скважину №3, заменили воздухо-распределитель системы в дрожжераспильном аппарате №3 и старый сепаратор, закончили строительство водовода с подключением к городской сети и др. [ГААК. Ф.Р. 786. Оп. 2. Д. 29. Л. 30].

В 1992 г. в соответствии с законом Российской Федерации «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» было учреждено акционерное общество открытого типа «Барнаульский дрожжевой завод», генеральным директором был назначен С.В. Вутянов. В акте оценки стоимости зданий и сооружений по состоянию на 1 апреля 1990 г. были перечислены 25 объектов с остаточной стоимостью 279989 руб., в том числе три жилых дома, административное здание, производственный корпус, труба дымовая, забор, железнодорожный тупик, будка трансформаторная, будка артезианской скважины, артезианские скважины, проходная и др. В апреле 1999 г. комиссией в составе специалистов НПЦ «Наследие», ЗАО «Классика» и в присутствии генерального директора ОАО «Барнаульский дрожжевой завод» П.В. Шабалина был составлен акт технического состояния, в котором отметили, что комплекс памятников состоит из производственного и административного зданий, стены кирпичные разноэтажные, ранее здания принадлежали Мирлоубовскому товариществу. Общее состояние зданий неудовлетворительное. Отопление было от местной котельной, имелись электрическое освещение, водопровод и канализация, а вентиляция – только в производственном здании. В итоге специалисты рекомендовали провести текущий ремонт, провести ремонтно-реставрационные работы на основе проектной документации во втором полугодии 1999 г. В этом же году в Творческой мастерской архитектора А.Ф. Деринга (ЗАО «Классика») была выполнена научно-проектная документация по реставрации памятника промышленной архитектуры начала XX в. бывшего Барнаульского дрожже-винокуренного завода, расположенного по адресу: ул. Мамонтова, 242. В 1998–2003 гг. на заводе была проведена автоматизация производства, построены новые объекты (котельная, компрессорная, насосная). В этот период завод разработал и оформил

патенты на производство йодированных дрожжей, дрожжей из зерна, сыворотки и получения фугата для кормления животных. В 2008 г. завод перешел на природный газ. В 2009 г. заводская труба котельной, построенная в 1914 г., была выведена из эксплуатации и законсервирована.

ОАО «Барнаулский дрожжевой завод» являлся единственным производителем хлебопекарных дрожжей в Алтайском крае. Он выпускал прессованные дрожжи, которые использовались хлебозаводами как разрыхлитель теста и в витаминной промышленности – как сырье для получения витаминов D и B₂, в медицине – для получения некоторых лекарственных препаратов и нуклеиновых кислот. Среднегодовая мощность предприятия составляла около 2 тыс. т. В ноябре 2004 г. специалисты НПЦ «Наследие» провели осмотр производственного корпуса ОАО «Барнаулский дрожжевой завод», расположенного по адресу: ул. Мамонтова, 305, и составили акт технического состояния. На момент осмотра общее состояние здания было удовлетворительное. К четырехэтажному объему с двух сторон симметрично примыкали двухэтажные, каждый в три оконные оси по главному фасаду с рустованными лопатками по углам и ступенчатыми столбиками над карнизом. Специалисты отметили, что в 1930-х гг. к существующему объему с восточной стороны пристроен двухэтажный корпус из керамического кирпича, появились постройки с западной стороны, котельная и другие постройки скрыты в настоящее время более поздними строениями. В 1950-х гг. к существующему объему с западной стороны в продолжении главного фасада пристроено двухэтажное крыло из силикатного кирпича. Пристройки и переделки корпусов здания велись по мере эксплуатации и развития завода. Наиболее значительную ценность имеют здания, которые были возведены в 1914 г. На момент осмотра первоначальные корпуса были отстроены, внутри ряд конструкций заменен, главный фасад имел фрагменты поздней кирпичной кладки, но в целом памятник сохранил свой первоначальный вид. В итоге специалисты рекомендовали проводить текущий ремонт один раз в два года.

При осмотре в ноябре 2004 г. здания заводоуправления ОАО «Барнаулский дрожжевой завод», расположенного по адресу: ул. Мамонтова, 242, специалисты НПЦ «Наследие» составили акт технического состояния, где было отмечено, что общее состояние здания удовлетворительное. Одноэтажное с цокольным этажом здание заводоуправления располагается напротив производственных корпусов по северной стороне улицы и обращено входом на север. На момент осмотра здание занимало заводоуправление дрожжевого завода. В 2000–2001 гг. была проведена реконструкция, надстроен мансардный этаж. Деревянные тамбура северного фасада заменены на кирпичные постройки с лестничными клетками. По «красной» линии ул. Мамонтова имелась современная кованая ограда. В итоге специалисты рекомендовали в 2005–2010 гг. провести

реставрацию наружной версты кирпичной кладки. На здании размещена мемориальная доска с текстом: «Здесь в 1765–1766 гг. /на территории бывшего стекольного завода/ был построен и пущен в эксплуатацию первый в мире универсальный тепловой двигатель пароатмосферного типа, изобретенный И.И. Ползуновым». В 2010 г. «Барнаульский дрожжевой завод» продал несколько зданий и земельных участков компании «Тепломер» на общую сумму 13,8 млн рублей. В частности, это административный корпус, склады, земельный участок в Барнауле на ул. Мамонтова, 242, гараж и др. В 2011 г. здание заводоуправления от ООО «Тепломер» перешло в собственность ЗАО «Калейдоскоп».

В декабре 2014 г. «Барнаульский дрожжевой завод» отметил свое столетие. Но уникальное в своем роде предприятие встретило юбилей не в самом лучшем положении. Завод находился в стадии банкротства. Арбитражным судом Алтайского края 25 мая 2015 г. в отношении предприятия была введена процедура наблюдения, функции единоличного исполнительного органа акционерного общества исполняло ООО Управляющая компания «Изумрудная страна». Владелец объекта – компания «Изумрудная страна» – в конце 2015 г. снял охрану предприятия и вывез ликвидное имущество. В октябре 2016 г. начался прием заявок на участие в торгах по продаже имущества обанкротившегося завода. В декабре 2016 г. оборудование и автотранспорт завода вновь были выставлены на продажу. Торги должны были состояться в январе 2017 г. В настоящее время здание завода и административное здание пустуют, разрушаются.

Объект культурного наследия **«Комплекс: дрожже-винокуренный завод Зверева»**, расположенный по адресу: Алтайский край, Барнаул, ул. Мамонтова, 242 / ул. Мамонтова, 305, является памятником промышленной архитектуры начала XX в., согласно постановлению Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169, примером архитектуры периода эклектики с элементами кирпичного стиля. Комплекс включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия РФ с присвоением ему реестрового номера **221721083010005**.

Библиографический список

- Алтайский ежегодник за 1921–1922 хоз. год (первый год издания). Барнаул, 1923. С. 306, 334, 343, 346, 347, 359.
- Барнаульский округ: (стат.-экон. обзор). Барнаул, 1927. С. 260.
- Вся Сибирь: справочная и адресная книга на 1924 г. Л., 1924. С. 249.
- Грибунин В. Дрожжевое производство // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 860.
- Жизнь Алтая. Барнаул, 1914. 30 дек. (№247).
- Жизнь Алтая. Барнаул, 1915. 29 ноября (№264). Л. 1.
- Жизнь Алтая. Барнаул, 1915. 31 дек. (№288). Л. 1.
- Жизнь Алтая. Барнаул, 1916. 31 янв. (№25). Л. 2.

Жизнь Алтая. Барнаул, 1916. 6 сент. (№197). Л. 4.

Жизнь Алтая. Барнаул, 1917. 31 ноября (№259). Л. 1.

Отчет Алтайского Губернского исполнительного комитета 7-му очередному Губернскому съезду Советов за 1923/24 хозяйственный год и I-ю квартиру 1924/25 г. Барнаул, 1925. С. 155, 156, 157, 160.

Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 г. / [изд-е М.П. Кедроливанского]. СПб., 1910. Ч. 2. С. 10.

Сибирский торгово-промышленный ежегодник 1914–1915 гг.: [с приложением шести планов городов, портретов общественных деятелей и многих рисунков] / [изд-е Д.Р. Юнг]. Петроград, 1915. Ч. 2, отд. 4. С. 59.

Источники

Государственный архив Томской области (ГАТО).

Государственный архив Алтайского края (ГААК).

М.А. Tselishcheva

*Altai Regional Local History Non-Government
Organization "Altai Heritage", Barnaul, Russia*

ARCHITECTURAL LANDMARK OF THE BARNAUL YEAST PLANT IN THE EARLY 20TH CENTURY: HISTORY AND PROBLEMS OF ITS CONSERVATION

The article considers the brief history of the industrial facilities located in Siberia in the late 19th – early 20th century, such as yeast plants and distilleries. The buildings are significantly distinguished among other buildings of the pre-revolutionary period by their scope and architectural design. Being the samples of industrial architecture they had a significant influence on urban development of Siberia in the early 20th century. Based on archival records, the article shows the history of the Barnaul Yeast Plant.

Key words: industrial architecture, cultural heritage, architectural landmark, objects of cultural heritage.

УДК 72:008(571.150)

М.А. Целищева, М.А. Слущкий

*Алтайская региональная краеведческая общественная
организация «Наследие Алтай», Барнаул, Россия*

УТРАЧЕННЫЙ ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ «ОСОБНЯК КУПЕЧЕСКИЙ» В БАРНАУЛЕ: ИСТОРИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

На основе архивных источников представляются сведения о здании с момента постройки и до современности, о первом собственнике здания, расстрелянном в 1937 г. за религиозные убеждения, а также описываются проблемы сохранения аварийного здания, начиная с 2001 г. и до принятия решения в 2007 г. о переносе его на новое место. Авторы приводят данные о том, что на сегодняш-

ний момент объект культурного наследия, являющийся памятником архитектуры деревянного зодчества, имеющий ценность как яркий образец деревянной городской застройки начала XX в., стоящий на государственной охране и внесенный в единый государственный реестр Российской Федерации, является утраченным.

Ключевые слова: деревянное зодчество, культурное наследие, памятники истории и культуры, объекты культурного наследия.

Деревянное зодчество – яркая страница в архитектурной летописи Барнаула. Особое внимание строители обращали на угловые дома, оформлявшие пересечения улиц. Часто срезанный угол дома увенчивали небольшим щипцом или башенкой сложного силуэта с тонким шпилем на верху, благодаря чему здание получало интересный архитектурный силуэт [Долнаков, 1982, с. 98].

8 мая 1912 г. барнаульская городская Управа своим постановлением №143 разрешила священнику отцу Митрофану Новикову производство построек, обозначенных на плане литером А, на усадьбе по ул. Гоголевская, 58. Разрешение было выдано с утвержденными чертежами при условии предварительного устройства брандмауэра. Скат крыши не должен был устраиваться на чужой двор, «чтобы не допустить никаких уклонений от Строительного Устава и обязательных постановлений г. Барнаула» [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 24. Л. 56]. Двухэтажное деревянное здание формировало перекресток улицы Гоголевской и Соборного переулка. Стены здания были обшиты профилированной доской и богато декорированы по уличным фасадам пропиленной и накладной резьбой. Первоначально здание полностью использовалось под жилье. По документам городской Думы за 1917–1918 гг. здание по ул. Гоголевской, 58, окладный лист №2110, также числилось за о. Митрофаном Новиковым. В 1917 г. его имущество оценивалось в 1478 руб., а в 1918 г. – 1700 руб. [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 149. Л. 196]. По этим же документам значится, что городской пожар 1917 г. обошел стороной это здание. В 1917–1920 гг. священник М.П. Новиков находился в заштате. В доме, по его словам, он держал квартирантов и одновременно служил законоучителем при Народном доме. С 1920 г. Новиков служил священником в с. Шелаболиха, затем в с. Мереж Каменского округа и других районах края до дня своего ареста. В книге «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» [1998] значится Митрофан Петрович Новиков, родился в 1870 г., в Томской губернии, русский. Священник с. Романово Косихинского района. Арестован 8 февраля 1930 г. Осужден Особой тройкой при ПП ОГПУ по Сибкраю 27 мая 1930 г. по ст. 58-10 УК к административной высылке на постоянное жительство в Туруханский край. Реабилитирован прокуратурой Алтайского края 28 июля 1989 г. В другом издании «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937» [2001] значится Митрофан Петрович Новиков, 1869 года рождения, Томской губернии, русский, служитель религиозного культа,

Барнаул. Арестован 16 июля 1937 г. Осужден тройкой при УНКВД по Запсибкраю 8 сентября 1937 г. по ст. 58-10, 11 УК к ВМН. Расстрелян 16 сентября 1937 г., реабилитирован прокуратурой АК 26 мая 1989 г.

В 1919–1920 гг. часть здания была занята под воинский постой. Так, по сведениям о состоянии городских зданий, занятых воинскими частями в 1920 г., дом Новикова – угол Гоголевской улицы и Соборного переулка – занимала канцелярия второго сводного госпиталя [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 4. Л. 90]. Эти же данные были подтверждены 6 января 1920 г. в списке адресов воинских частей, расквартированных в Барнауле. По ул. Гоголевская, 58 значится канцелярия 2-го сводного госпиталя [ГААК. Ф.Р. 593. Оп. 6. Д. 2. Л. 16]. 16 ноября 1920 г. двухсводный полевой запасный 445-й госпиталь подал сведения в справочное бюро Алтайского губисполкома о нахождении своих подразделений, подтвердив, что его канцелярия по-прежнему находится по адресу: ул. Гоголевская, 58 [ГААК. Ф. 10. Оп. 5. Д. 9. Л. 72]. В списках национализированных домов за 1920 г. под №145 у о. Митрофана Новикова было следующее имущество: дом двухэтажный, ледник, дровяник, уборная. В графе «причина национализации» записано: владелец отсутствует [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 30]. В 1926–1928 гг. здание находилось в ведении городского коммунального хозяйства (Горкомхоз) [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 32. Л. 54]. По представленным сведениям Горкомхоза «О затратах на капитальный ремонт и строительство» за период с 1 октября 1926 г. по 1 января 1928 г., на ремонт здания было израсходовано 264,41 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 85. Л. 7]. По данным городского коммунального хозяйства на 1 октября 1928 г., дом бывшего владельца Новикова был оценен в 12 898,29 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 174. Л. 92]. В ноябре 1928 г. была составлена предварительная смета на ремонт коммунального дома по Гоголевской улице и флигеля. Из документов видно, что часть здания была занята под квартиры, а на первом этаже находился магазин «Динамо». По составленной смете предполагались побелка стен, покраска окон, дверей и пола [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 110. Л. 82, 88]. После проведенного ремонта в начале 1929 г. в здании на первом этаже находился хлебный магазин, магазин общества «Динамо» и парикмахерская [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 142. Л. 9]. В марте 1929 г. была выдана справка артели парикмахеров «Луч», которой разрешалось повесить вывеску на здание по Социалистическому переулку, 21 [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 101. Л. 217]. В 1950–1980 гг. в здании находились райком КПСС и райком ВЛКСМ Центрального района Барнаула. В дальнейшем здание перешло в частную собственность, использовалось под различные конторы и магазины.

При обмерах, выполненных специалистами НПЦ «Наследие» в 2001 г., установлено, что здание имеет многочисленные деформации и перекосы, конструктивное состояние памятника признали неудовлетворительным. Со стороны дворового фасада была устроена лестнич-

ная клетка. По первому этажу выполнен дверной проем под балконом, по второму этажу балконная дверь преобразована в оконный проем.

Рис. 1. Особняк купеческий (Гоголя, 56). Фото 1970–1980-х гг.

Рис. 2. Особняк купеческий (Гоголя, 56). Современный вид

Декор также частично утрачен (подзоры и др.). Элементы резьбы частично заменены при ремонтных работах на похожие, но они выполнены произвольно, не по первоначальному образцу. В 2002 г. сотрудники НПЦ «Наследие» выполнили инженерное обследование двухэтажного деревянного прямоугольного в плане здания без подвала. С западного фасада здание имело глухую брандмауэрную из керамического кирпича стену толщиной 900 мм. Отклонение брандмауэрной стены от поперечных стен доходило до 30 см. Крыша здания была двухскатная с вальмами и фронтоном со слуховым окном. Южный и восточный фасады украшены резьбой. Угол здания оформлен балконом и фронтоном. Площадь здания – 264,91 кв. м. На момент обследования на первом этаже находился магазин, на втором – офисные помещения. Три наружные стены здания были выполнены из бревен диаметром 250 мм с обшивкой из реек, окрашенных масляной краской. При выполнении зондажей обнаружено поражение гнилью до восьми рядов нижних и четырех рядов верхних бревен по высоте, которые трещинами выходили из плоскости до $\frac{1}{2}$ толщины стены. Сгнившие бревна имели потерю сечения до 70%. По мнению специалистов, жесткость конструктивной схемы здания была нарушена более поздним устройством больших холлов на первом и втором этажах, выпиливанием поперечных стен. В целях сохранения объекта культурного наследия специалисты рекомендовали выполнить комплексную реставрацию здания – памятника архитектуры с восстановлением первоначального архитектурного облика. В 2005 г. при составлении акта технического состояния на здание специалисты НПЦ «Наследие» отметили, что деревянный сруб с обшивкой профилированной доской находился в аварийном состоянии: произошло полное нарушение жесткости сруба, образовались трещины, неравномерная усадка стен, а также поражение гнилью и осадка углов. Кирпичная брандмауэрная стена северо-восточного фасада обрушилась, деревянная стропильная крыша с покрытием оцинкованной сталью находилась в аварийном состоянии – был обрушен северный фронтон. Деревянные элементы балкона были в неудовлетворительном состоянии, на момент осмотра балкон не эксплуатировался. В итоге специалисты рекомендовали по причине аварийности здания, угрозы его обрушения закрыть доступ на его территорию и поставить памятник на реконструкцию. В результате инженерного заключения от 10 ноября 2006 г. было обнаружено расслоение рядов кладки, сползание рядов кирпичной кладки от динамических нагрузок, наличие трещин и сколов кирпичей, кладка фундамента находилась в водонасыщенном состоянии. Отсутствовала гидроизоляция фундаментов, наблюдались значительные деформации. Состояние фундаментов было аварийное. Стены имели выпучивание из плоскости до 60 мм в результате нарушения жесткости здания и нагружения перекрытием. Техническое состояние конструкции стен и отделки неудовлетворительное. В 2007 г. при смене собственника здание

вновь обследовалось. На момент осмотра оно не эксплуатировалось, находилось в аварийном состоянии. Территория двора была заболочена, заросла камышом, сорной травой и кустарником, устроена свалка строительного мусора. В итоге специалисты рекомендовали выполнить воссоздание объема здания с возможным переносом и сохранением первоначальных фасадов с использованием сохранившихся элементов декора. После этого новый собственник разобрал здание с целью переноса его на другое место. А на данной площадке он возвел новое из красного кирпича пятиэтажное здание.

Постановлением Алтайского краевого Законодательного Собрания от 28 декабря 1994 г. №169 здание было поставлено на государственный учет как памятник архитектуры регионального значения. Здание имело богатый резной декор в виде наличников, карнизов, ограждения балкона и пр., являлось ярким образцом деревянной городской застройки начала XX в. В соответствии со ст. 64 Федерального закона от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» объект включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением регистрационного номера **221711083150005**.

Библиографический список

Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. Барнаул, 1982. С. 98–123.

Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1919–1930. Барнаул, 1998, Т. 1. 483 с.

Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. 1937. Барнаул, 2001, Т. 3, ч. 2.

M. Tselishcheva, M. Slutskiy

*Altai Regional Local History Non-Government
Organization "Altai Heritage", Barnaul, Russia*

LOST CULTURAL ITEM OF "THE MERCHANT HOUSE": HISTORY AND PROBLEMS OF ITS CONSERVATION

The article deals with the archival data, revealing the information about the building from its construction to the present time and about its first owner, who was shot in 1937 for religious beliefs and also the problems of preservation of the emergency building from 2001 till the decision of 2007 on its moving to a new location. The author points out that this cultural item, being a landmark of wooden architecture and valued as a bright example of wooden urban development of the early 20th century, protected by state and included in the unified state register of the Russian Federation, is now a lost landmark.

Key words: wooden architecture, cultural heritage, landmarks of history and culture, objects of cultural heritage.

УДК 94(571.151)

Т.С. Ябыштаев

Горно-Алтайский государственный университет,
Горно-Алтайск, Россия

**О ПРИЧИНАХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
«ПОДНЯТИЯ НА ВОЙЛОКЕ»
ЗАЙСАНА АЛТАЙСКИХ ТЁЁЛЁСОВ**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (ОГОН)
и Министерства образования и науки Республики Алтай,
проект №17-11-04004а(р)

Статья посвящена традиции избрания главы рода (зайсана) у алтайцев, которая имеет глубокие исторические корни и возрождена в постсоветский период в Республике Алтай с целью решения разных внутриэтнических проблем. Излагаются обычаи, процедура и другие особенности специально реализуемых мероприятий, среди которых особое место занимает церемония «поднятия на войлоке» избранного зайсана. С целью придания сакральности родового события его дата назначается на период новолуния, а место проведения – на родовой территории или в районе проживания большинства его представителей. Приводятся конкретные примеры и иллюстрации. В настоящее время зайсанат рассматривается как институт самоуправления, отражает наличие родовой элиты и ее деятельность. Данное явление требует специального и детального изучения.

Ключевые слова: алтайцы, этнография, род, зайсан, обычаи.

В Республике Алтай в период этнического возрождения возобновилась традиция избрания родового главы, называемого зайсан (*jaisan*). До сих пор в народе живет память об ойратском периоде (XVII – середина XVIII в.), когда предки алтайцев входили в состав Джунгарского ханства. Одним из ойротских титулов остается «зайсан», означающий главу сёока-рода. Считается, что этот термин произошел от наименования китайского титула «цзяй-сян» [Вайнштейн, 1989, с. 580]. В условиях интеграции алтайцев в российское общество родовой принцип управления поэтапно упразднился (XIX – начало XX в.), а вместе с ним упразднилась и должность зайсана. Возрожденный зайсанат призван решать внутриэтнические проблемы соблюдения обычая родовой экзогамии, взаимопомощи, авункулата, урегулирования сватовских расходов и не случайно явился формой этнического самоопределения алтайцев.

Зайсан избирается на собрании-курултае сёока-рода. Для его проведения назначают исполнительный комитет, обязанности которого – разработка сценария, повестки дня и проекта решений предстоящего мероприятия. Место и время проведения объявляется в республиканской газете «Алтайдын чолмоны», выходящей на алтайском языке, и в программах регионального телевидения ГТРК «Эл Алтай». С целью

придания сакральности родового события его дата назначается на период новолуния, а место проведения – на родовой территории или в районе проживания большинства его представителей.

Ранним утром в день проведения праздника старейшины рода совершают ритуал почитания Алтая, называемый «*мүрзүүл*». Для этой цели берут белые ленты, называемые «*жалама*» или «*кыйра*», можжевельник «*арчын*», молоко и угощение (лепешки, сыры) и поднимаются на восточный склон горы. Там со словами благопожелания старший повязывает ритуальные ленты на березу, разжигает небольшой костер и четное количество раз кропит молоком в сторону восхода солнца. Этими действиями выражается почитание Алтая и испрашивание благословения предстоящего мероприятия.

На массовых празднествах алтайцев обычно устанавливают юрту (*айыл*), коновязь (*чакы*) и родовой камень «*көжө таиш*» (дословно «камень-занавес»), на котором высечена тамга сёока и дата проведения родового курултая. С установлением айыла и коновязи как этнокультурных символов образуется «определенная зона одомашненности» родовой территории [Жуковская, 1988, с. 24]. Здесь же готовят ритуальное угощение – мясной суп (*көчө*) из конины или баранины и ячменной крупы. Согласно картине мира алтайцев, человек с его жильем и скотом, живущий отдельно от дикой природы, придя в нее, заявляет о себе символами, каковыми выступают жилище-айыл и коновязь [Тадина, 2011, с. 151–152].

Перед началом родового собрания проводится регистрация участников – в журнале записывают имя, фамилию, возраст, место проживания, работы или учебы и сёок-род. Число прибывших оглашается – из какого сёока и района проживания. Следует отметить, что участники могут быть из родственных сёоков-родов. Так, на праздник сёока тёлёлс приезжают из родственных родов кёбёк, алмат, оргончы, а также сватовских сёоков: кыпчак из Кан-Ябаганской долины (Усть-Канский район), майман Каракольской долины (Онгудайский район) и др. Здесь принимают участие племянники, к числу которых относятся те, у кого мать из рода тёлёлс, организующего курултай.

Современное родовое мероприятие открывается ритуалом торжественного поднятия родового знамени «*мааны*», заимствованным от советского периода, из которого вышло старшее поколение, обычно организующее курултай. На светлом фоне родового знамени изображены священное животное и тамга. Так, на желтом знамени сёока тёлёлс начертан олень (марал), как почитаемое животное, и тамга «*шире*» (престол). Следует отметить, если айыл, коновязь и тамга остаются традиционными этнокультурными атрибутами, то родовое знамя конструируется в наши дни. Обычно на собрании рода оговариваются цвет, размеры и даже материал, из которого оно будет изготовлено.

Как показывает практика проведения родовых собраний, ключевым вопросом остается избрание главы рода – зайсана. В настоящее время избраны 16 зайсанов, объединенных в общественную организацию «Совет зайсанов». Впервые такую должность возродил сёок майман в 1989 г. в долине р. Каракол (Онгудайский район) [Кыдыева, 1994, с. 55]. Среди выдвинутых кандидатов зайсаном становится тот, кто набирает большинство голосов. На курултае сёока чапты (27 июня 2012 г.) избранному зайсану вручили старинный знак власти – плетку «камчы». Новый зайсан формирует исполнительный комитет, в состав которого входят заместители «темичи» из районов проживания представителей сёока-рода. Известны случаи, когда люди, попавшие в чрезвычайную ситуацию, обращались к зайсану за помощью [Тадина, 2009, с. 77–81]. Национальное движение известно в Республике Алтай, поэтому родовая должность зайсана престижна и авторитетна. Избранные родовые главы видят в ней возможность быть вовлеченным в общественную деятельность региона [Ябыштаев, 2013, с. 112–117].

На курултае сёока тёлёс, состоявшемся 10 июля 2013 г., была проведена репрезентация древнего обычая интронизации выбранного зайсана. Он, наряженный в национальную одежду «чекпен», имея мужскую косичку «кежеге», в шапке «бөрүк», был посажен на войлочный ковер белого сакрального цвета. Шестеро мужчин, получившие право по жребью поднять избранного зайсана, дважды по кругу посолонь пронесли его (рис.). В заключение зайсану подвязали шелковую опояску согласно обычаю благословения у алтайцев.

Признание зайсаном рода (фотоснимок автора)

Древнетюркский церемониал обряда «поднимать вверх» (божествам неба) кагана известен из древнекитайской истории «Чжоушу» в переводе Н.Я. Бичурина [1950, с. 229]. О чем Л.П. Потапов [1991, с. 123] написал так: «Упомянутая церемония заключалась в следующем. Избираемого кагана поднимали на войлоке и несли высокие чиновники. Девять раз они совершали круг (по солнцу) и после каждого кланялись ему. Потом его сажали на лошадь и отпускали скакать верхом. Затем они душили его шелковым платком так, что он едва оставался живым. Тогда они быстро развязывали опояску и спрашивали: “Сколько лет ты будешь нашим каганом?”». Ритуал возведения на трон кагана поднятием на войлоке получил доказательство в рунической надписи, найденной на р. Тесь в Северо-Западной Монголии. В ней говорится о поднятии на войлоке, т.е. интронизации, уйгурских каганов в 761–762 гг.: «Новый каган был поднят» [Кляшторный, 1983, с. 81, 88]. В примечании Л.П. Потапов обращает внимание на тот факт, что на обычай поднятия кагана/хана на белой кошме у тюрков и монголов при его избрании указал А.Н. Кононов [1958, с. 95], снабдив свои соображения ссылками на исследовательскую литературу. Древний ритуал возведения избранного главы был связан с представлением о легитимности небесного происхождения, что наделяло его получать и испрашивать небесных патронов о гарантии жизни и благополучия в земном мире.

Таким образом, период возрождения зайсанат в Республике Алтай показал активную позицию алтайцев в деле подъема этнической культуры. В постсоветский период зайсанат рассматривается как институт самоуправления в социально-политическом пространстве региона. В нем нет и не может быть одного лидера: сколько сёоков, столько и знаменитых личностей. Такой установкой объясняется устойчивость родовой структуры алтайцев. Этот принцип общинности во внутриэтнической жизни продолжает действовать до сих пор. Современный зайсанат стал явлением возврата престижа родовой элиты, авторитета старшинства по возрасту, родству, социальному статусу, что вызывает интерес как внутри республики, так и за ее пределами.

Библиографический список

- Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., Т. 1. 1950. 382 с.
- Вайнштейн С.И. Примечания в книге «Из Сибири» В.В. Радлова // Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М., 1989. С. 580–637.
- Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М., 1988. 200 с.
- Кляшторный С.Г. Тэсинская стела // Советская тюркология. 1983. №6. С. 76–90.
- Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л., 1958. 192 с.

Кыдыева В.Я. О празднике алтайских сёюков (послепраздничные размышления о празднике и не только о нем) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. М., 1994. С. 51–57.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 320 с.

Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. №3. С. 77–81.

Тадина Н.А. Картина мира как основа коммуникативной культуры алтайцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2011. №1 (14). С. 146–153 [Электронный журнал]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/tics/va/index.htm>

Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. №1 (20). С. 112–117.

T.S. Iabishtayev

Gorno-Altai State University, Gorno-Altai, Russia

ON THE REASONS OF “RAISING ON THE FELT” OF THE ZAISAN OF THE ALTAI PEOPLE (The Tjojolyos)

The article considers the tradition of electing by the Altai people of the head of the clan (zaisan), which has deep historical roots and was revived in the post-Soviet period in the Republic of Altai in order to solve various intra-ethnic problems. It outlines the customs, procedure and other features of specially kept events, among which a special place is occupied by the ceremony of “raising the chosen zaisan on felt”. In order to make the tribal event more sacred, its date is assigned for the period of the new moon, and the event is held on the patrimonial territory or in the area where the majority of residents live. Specific examples and illustrations are also presented. Currently zaisanat is considered to be the institution of self-government, reflecting the existence of the tribal elite and its activities. This phenomenon requires special and detailed study.

Key words: Altaians, ethnography, genus, zaisan, customs.

РАЗДЕЛ 2. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 903.4«6377»(571.1)

В.А. Борисов, А.М. Илюшин

*Кузбасский государственный технический
университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

КОЛЛЕКЦИЯ НАХОДОК ИЗ СБОРОВ НА ПОСЕЛЕНИИ САРАТОВКА-4

**(к постановке вопроса о новом типе археологических памятников
периода поздней бронзы в Кузнецкой котловине)**

Публикуются и исследуются археологические материалы подъемных сборов, выполненных в разные годы на поселении Саратовка-4, расположенном в долине среднего течения р. Ур на западном подножии Устюжанинского плато. Описание и первичный анализ мотивов орнамента фрагментов керамической посуды и фрагмента бронзового ножа дают возможность провести сравнительный анализ источников и датировать памятник периодом поздней бронзы. Комплексный анализ материалов позволил поставить вопрос о новом типе археологических памятников в этом районе Кузнецкой котловины, в котором сочетаются традиции ирменской и корчажкинской археологических культур периода поздней бронзы.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, поселение Саратовка-4, период поздней бронзы.

Поселение Саратовка-4 расположено на землях Ур-Бедаринского сельского поселения Гурьевского района Кемеровской области на правом берегу р. Ур, в центральной части д. Саратовка (в настоящее время этого населенного пункта практически не существует, сохранилась лишь частная ферма, расположенная на окраине бывшей деревни). Оно находится по разным сторонам оврага, в верховье которого расположен родник, дающий начало ручью, протекающему по дну оврага и впадающему справа в р. Ур. Памятник находится на первой надпойменной террасе, представляющей собой подошву холма, полого спускающуюся к реке, в 2,7 км на восток–северо-восток от с. Ур-Бедари. Через памятник пролегает грунтовая дорога, соединяющая села Ур-Бедари и Подгорное. Памятник был открыт и обследован в 1960-х гг. М.Г. Елькиным, о чем свидетельствует топографическая карта из его архива, где обозначено наличие этого объекта. Однако информация ни в одном из его отчетов об этом памятнике не содержится. В 1999 г. это поселение было обследовано Ю.В. Шириным (информация устного характера от автора). В 2000, 2003, 2005, 2009 и 2016 гг. памятник обследовали сотрудники Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭЭ) по программе мониторинга состояния

объектов археологии в Кемеровской области Гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета (ГНЦ КузГТУ) [Илюшин, 2001, с. 13–14; 2004, с. 13–14; 2006, с. 6–7; 2010, с. 34–35; Борисов, 2017, с. 12–14]. В ходе этих исследований на памятнике была сформирована коллекция артефактов в результате полевых сборов и миниатюрных аварийных раскопок на небольших разрушаемых участках поселения. Цель настоящей работы – ввести в широкий научный оборот материалы этой коллекции и дать культурно-хронологическую интерпретацию объекта культурно-исторического наследия Кузнецкой котловины поселение Саратовка-4.

Исследование 2016 г. показало, что поселение Саратовка-4 системно подвергается естественному и искусственному разрушению. Это происходит вследствие увеличения площади оврага от весенних паводковых вод и эрозии почвы под воздействием ветра, а также по причине функционирования грунтовой дороги (некогда центральной улицы с. Саратовка). Во время исследования памятника в 2016 г. в сыпях грунта на дне и стенках оврага в западной и восточной частях были найдены фрагменты костей животных, а также различные археологические находки: 10 фрагментов керамической посуды и фрагмент окончания бронзового ножа [Борисов, 2017, с. 12–14, рис. 17.-1–11]. Границы памятника (рис. 1) определены условно с учетом обследования и подъемных сборов на этом объекте культурного наследия не только в 2016 г., но и результатов его исследования сотрудниками ККАЭЭ в предшествующие годы. Поселение вытянуто с востока на запад на расстояние приблизительно в 200 м, а с юга на север – на расстояние в 130 м. Площадь памятника, условно, составляет 2,6 га. Состояние памятника можно охарактеризовать как аварийное. Существует необходимость как можно скорее провести аварийные раскопки близ краев разрушаемой оврагом террасы. Целесообразно осуществить закладку шурфов и раскопки на отдельных неразрушаемых участках памятника для установления более точных его границ. В настоящее время территория памятника используется для выпаса скота.

По прежним эпизодическим подъемным сборам поселение интерпретировалось как однослойное, каждый раз было датировано периодом поздней бронзы и отнесено к кругу древностей ирменской археологической культуры IX–VII вв. до н.э. Однако суммарная коллекция артефактов, собранная за все время проведения мониторинга состояния этого объекта, позволяет более полно дать его культурно-хронологическую характеристику. За все время исследования поселения Саратовка-4 сотрудники Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции собрали коллекцию артефактов из 71 фрагмента керамической посуды и 1 фрагмента бронзового ножа. Для того чтобы установить культурную принадлежность и датировку этого памятника, нами привлекаются фрагменты посуды, украшенные орнаментом, венчики

и днаща, а также фрагмент бронзового ножа (рис. 2.-1-24). Находка фрагмента бронзового ножа по причине отсутствия рукояти и части клинка не позволяет его классифицировать. Однако специфический наклон клинка к окончанию и небольшой изгиб в виде крючка на острии имеют аналогии среди находок на погребальных памятниках ирменской археологической культуры Журавлево-1, Журавлево-4, Танай-7 и Сапогово-1, расположенных в Кузнецком Присалаирье [Ковалевский, 2006, рис. 3.-1-3, 6, 7; 4.-7; 5.-1, 9, 15].

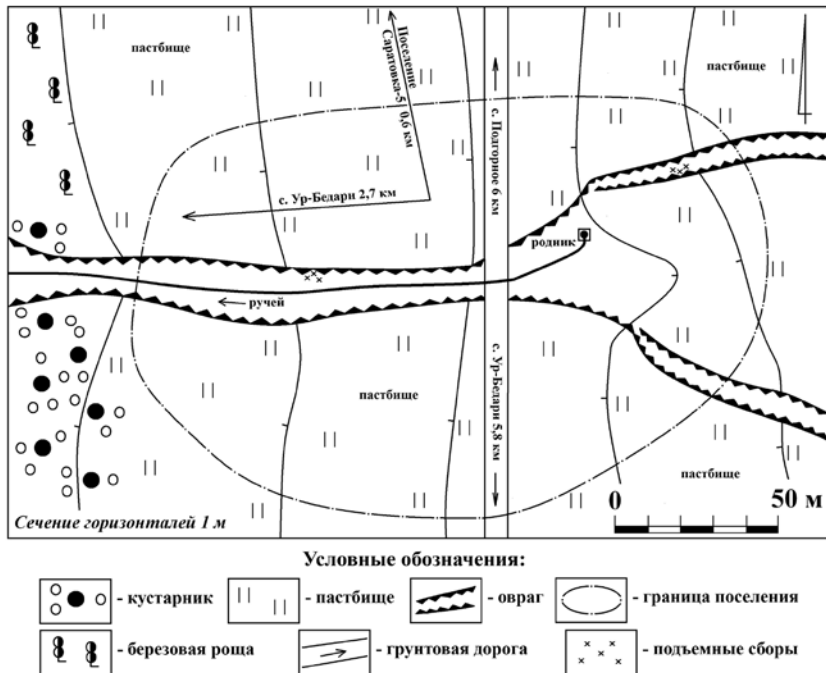

Рис. 1. План-схема расположения поселения Саратовка-4 по результатам исследований 2016 г.

Культурно определяющими артефактами на памятнике являются орнаментированные и без орнамента фрагменты керамической посуды. В орнаментации посуды преобладает резная техника нанесения орнамента, а также присутствуют элементы рельефной и гребенчатой техники нанесения орнамента. Найденные фрагменты керамических изделий не позволяют сделать вывод о форме посуды. Лишь по одному из фрагментов (рис. 2.-21) можно предполагать, что она была плоскостной. Из девяти венчиков (рис. 2.-1, 2, 5, 6, 9, 12-14, 20) два оказались не орнаментированы, а один – лишь частично. Среди мотивов орнамен-

та на венчике фиксируются ряды треугольников, соединенные вершинами и заштрихованные косыми линиями, и ряды треугольников, обращенные вершинами вверх и заштрихованные резной сеточкой. В одном случае имелся ряд косых насечек. Об орнаментации зоны шейки можно судить лишь по трем находкам (рис. 2.-6, 9, 19). Здесь фиксируются такие мотивы, как узкие каннелюры, прочерченные линии, косые насечки (выполненные мелкой гребенкой), жемчужник с разделителем из трех вертикальных насечек или ямок округлой формы. Зона плечика фиксируется лишь на одном фрагменте (рис. 2.-6), где отмечены такие орнаментальные мотивы, как ряд жемчужин, разделенных елочкой из двух наклонных нарезных линий. Другие фрагменты посуды, украшенные орнаментом (рис. 2.-3, 4, 7, 8, 10, 11, 15–18, 22, 23), условно можно относить к зонам плечика или тулова. Они дают общее представление об элементах и мотивах орнаментации керамической посуды. В их числе широкие каннелюры, резные линии, косые насечки, каплевидные вдавления, ямки и жемчужины разных форм, образующие вертикальные и горизонтальные ряды, треугольники и зигзаги. Большое разнообразие элементов и мотивов орнаментации керамической посуды на поселении Саратовка-4 указывает на его этнокультурную многокомпонентность, сформированную носителями традиций ирменской и корчажкинской археологических культур периода поздней бронзы.

Аналогичная ситуация ранее была выявлена на поселении Саратовка-6, которое располагается в 1 км на северо–северо-запад от поселения Саратовка-4 [Илюшин, Ковалевский, Борисов, 2001а, с. 20–28; 2001б, с. 196–198; Ковалевский, Илюшин, 2008, с. 18–32]. На поселении Саратовка-6, расположенном в одной природной экологической нише с поселением Саратовка-4, на подошве Устюжанинского плато было выявлено несколько культурных компонентов – корчажкинский, ирменский, саргаринско-алексеевский и лугавский – с явным преобладанием двух первых и небольшим участием двух последних [Ковалевский, Илюшин, 2008, с. 31]. Это обстоятельство позволяет высказать гипотезу о том, что поселения Саратовка-4 и Саратовка-6 не только близки между собой территориально, но, видимо, являются также синхронными и однокультурными памятниками, основу которых составляют ирменская и корчажкинская археологические культуры периода поздней бронзы. В свою очередь, это позволяет ставить вопрос о том, что в Кузнецкой котловине в долине среднего течения р. Ур в период поздней бронзы имел место своеобразный тип археологических памятников, отражающий факт смешения культурных традиций ирменской и корчажкинской культур с незначительными компонентами других постандроновских культур.

А.Б. Шамшин характеризовал процесс взаимодействия носителей ирменской и корчажкинской культур как важнейший исторический фактор, определивший развитие культуругенеза в период поздней

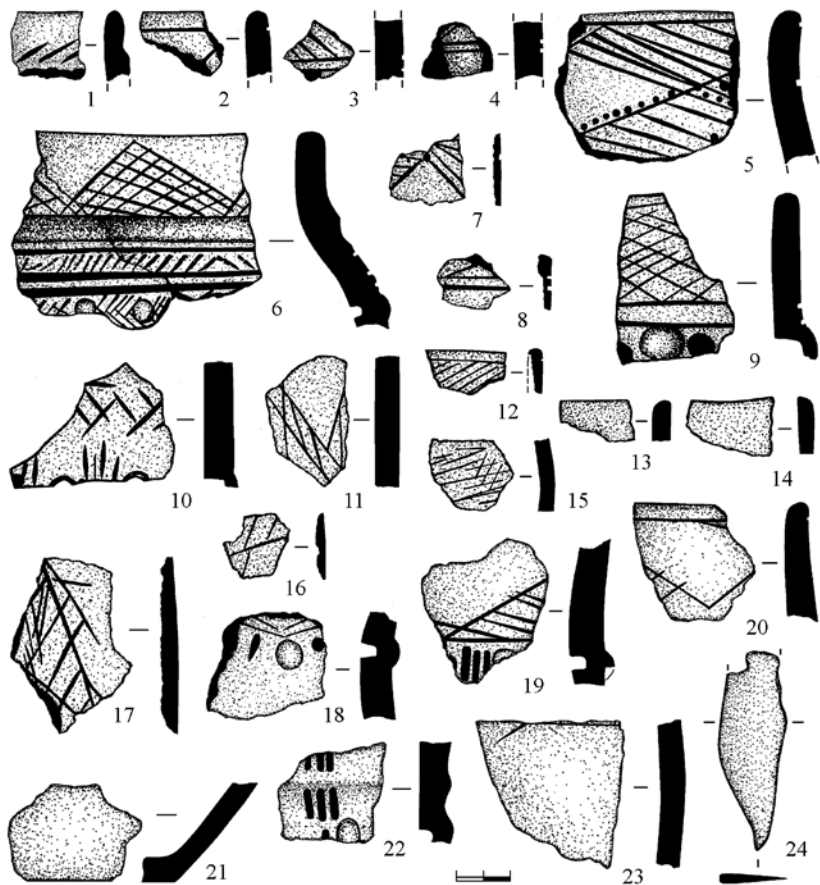

Рис. 2. Поселение Саратовка-4. Подъемные сборы в 2000 (1–5), 2003 (6–8), 2005 (9–17) и 2016 (18–24) гг.: 1–23 – фрагменты керамической посуды; 24 – фрагмент бронзового ножа

бронзы в Барнаульском Приобье, что привело к созданию новой общности – большереченской культуры переходного времени. При этом исследователь ставил вопрос о механизме самих контактов [Шамшин, 2005, с. 149–155]. В исследуемом нами случае артефакты двух культур находятся в одном культурном слое однослойных поселений, что и позволяет ставить вопрос о выделении нового ирменско-корчажнинского археологического типа памятников периода поздней бронзы в пределах Урского археологического микрорайона.

Библиографический список

Борисов В.А. Отчет об археологических разведках в Беловском, Гурьевском и Ленинск-Кузнецком районах Кемеровской области в 2016 г. Кемерово, 2017. 55 с.: ил.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2000 г. на территории Кемеровской области. Кемерово, 2001. 28 с.: ил.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2003 г. на территории Кемеровской области. Кемерово, 2004. 55 с.: ил.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2005 г. на территории Кемеровской области. Кемерово, 2006. 31 с.: ил.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 г. на территории Кемеровской области. Кемерово, 2010. 152 с.: ил.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А. Поселение Саратовка-6 // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001а. С. 20–28.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А., Борисов В.А. Поселение Саратовка-6 – новый памятник эпохи поздней бронзы в Кузнецкой котловине // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: (мат. Всерос. науч.-практ. конф.). Барнаул, 2001б. Вып. XII. С. 196–198.

Ковалевский С.А., Илюшин А.М. Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Саратовка-6 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 18–32.

Ковалевский С.А. Погребально-поминальные памятники ирменской культуры на территории Кузнецкой котловины. Кемерово, 2006. 111 с.: ил.

Шамшин А.Б. Некоторые проблемы изучения памятников эпохи поздней бронзы в лесостепном и степном Обь-Иртышском междуречье // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул, 2005. С. 149–155.

V.A. Borisov, A.M. Ilyushin

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

COLLECTION OF FINDS FROM THE MATERIALS ON THE SARATOVKA-4 SETTLEMENT (to the question of a new type of archaeological sites of the late Bronze Period in the Kuznetsk Depression)

The article publishes and investigates the archaeological materials of excavations carried out in different periods on the Saratovka-4 settlement located in the valley of an average course of the Ur river on the western bottom of the Ustyuzhaninsky plateau. The description and primary analysis of the ornament motives on the fragments of ceramic ware and a fragment of a bronze knife allow carrying out the comparative analysis of sources and dating the site to the late Bronze period. The complex analysis of materials allowed raising the question of a new type of archaeological sites in the Kuznetsk Depression region which combines the traditions of Irmenskaya and Korchazhkinskaya archaeological cultures of the late Bronze Period.

Key words: Kuznetsk Depression, Saratovka-4 settlement, late Bronze Period.

УДК 903.53(571.151)

А.П. Бородовский^{1,2,3}, С.В. Горохов¹

¹*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия;*

²*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, Россия;*

³*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск, Россия*

**КУРГАННАЯ ГРУППА ТУЕКТА-НЕФТЕБАЗА-12
НА ЮЖНОМ СКЛОНЕ СЕМИНСКОГО ХРЕБТА
(Онгудайский район Республики Алтай)**

Летом 2017 г. Центральноалтайским археологическим отрядом Института археологии и этнографии СО РАН была проведена археологическая разведка у подножия южной оконечности Семинского перевала в Онгудайском районе Республики Алтай. В ходе разведки был выявлен ряд объектов археологического наследия, наиболее интересным и масштабным из которых оказался погребально-поминальный комплекс Туекта-Нефтебаза-12, расположенный к северу от с. Туекта-Нефтебаза. Памятник состоит из 95 объектов (89 курганов с каменными конструкциями диаметром от 3 до 20 м, пяти каменных стел и одного каменного изваяния). Объекты на памятнике – раннего железного века (пазырьская культура) и различных периодов средневековья. Наибольший интерес представляет каменное антропоморфное изваяние эпохи раннего железа. Лицевая часть изваяния была частично сбита, что характерно для широкого круга древнетюркских антропоморфных каменных скульптур как результат ритуальных актов вандализма, неоднократно описанных в литературе начала XX в.

Ключевые слова: Республика Алтай, Онгудайский район, Семинский перевал, ранний железный век, средневековье, курганная группа, Туекта-Нефтебаза-12, каменное изваяние, курган, стела.

Масштабные археологические исследования начала второго десятилетия нового тысячелетия на Горном Алтае в рамках обследования трассы планируемого газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай») позволили выявить и картографировать ранее не известные курганные группы в различных административных районах Республики Алтай [Бородовский, 2015б; Бородовский и др., 2016а–в; Бородовский, Горохов, 2017]. Одной из них является обширная курганная группа Туекта-Нефтебаза-12 (рис. 1). Она располагается на правом берегу Туэжты недалеко от ее впадения в Урсул на южном склоне Семинского хребта к северу от с. Туекта-Нефтебаза Онгудайского района Республики Алтай (географические координаты (WGS84): N 50.863324 E 85.830944).

В состав археологического памятника входит 95 объектов. Из них 89 курганов с каменными конструкциями диаметром от 3 до 20 м, пять каменных стел и одно антропоморфное изваяние (рис. 2).

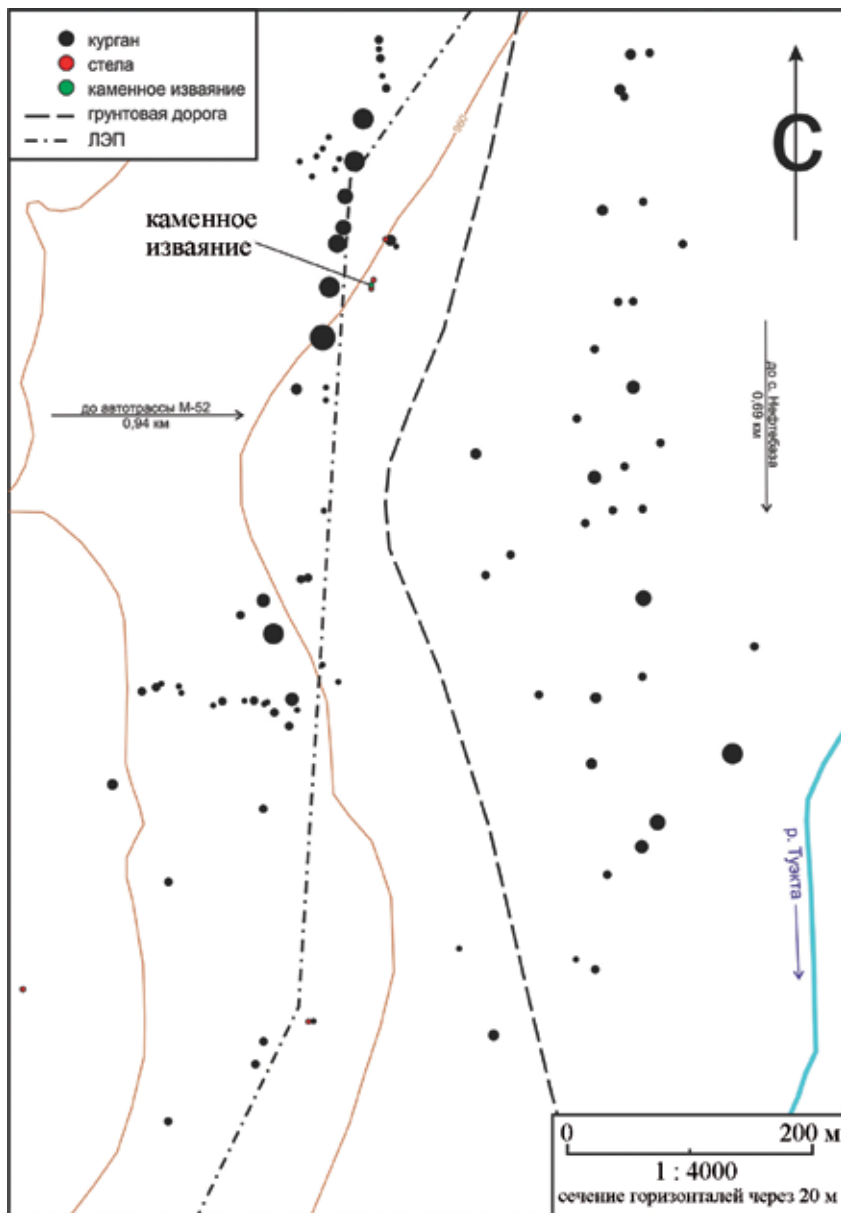

Рис. 1. Топографический план расположения объектов курганной группы Туукта-Нефтебаза-12

Рис. 2. Курганная группа Туекта-Нефтебаза-12:
1 – общий вид памятника и одной из стел (снято с юга);
2 – общий вид на каменное изваяние (снято с юга);
3 – каменное изваяние (снято с востока)

Расположение курганов на некрополе Туекта-Нефтебаза-12 представлено тремя вариантами: 1) по линии Ю–С (совпадает с течением Туекты); 2) по линии З–В (совпадает с течением Урсула); 3) «рассеянный» (отдельные надмогильные и поминальные конструкции располагаются без особого порядка с весьма условным выделением цепочек курганов). Два первых варианта локализируются в основном в западной части некрополя, третий – в восточной. При этом, вне зависимости от характера размещения групп курганов, надмогильные сооружения более внушительных размеров находятся на западном краю некрополя. В расположенных каменных стел на всей площади курганного поля тоже есть определенные закономерности. Большая часть из них фиксируется к востоку от курганов и лишь единичные стелы расположены к западу от них. Такая сложная и многовариантная пространственная структура курганного поля Туекта-Нефтебаза-12 отчетливо свидетельствует о разновременности и, возможно, поликультурности надмогильных и поминальных сооружений, входящих в его состав. Например, исследования на не менее сложном по своей планиграфии некрополе Туекта достаточно отчетливо выявили его разновременность и поликультурность [Евтюхова, 1941; Руденко, 1960, с. 94, рис. 52]. Аналогичная ситуация характерна и для некрополя Шибе [Грязнов, 1940, с. 17–21; Мамадаков, Цыб, 1993].

К югу от Семинского перевала каменные конструкции курганов обладают достаточно выразительными рельефными признаками и слабой задерновкой своей поверхности. Для курганной группы Туекта-Нефтебаза-12 характерна задерновка краев каменных конструкций курганов эпохи железа, диаметр которых составляет несколько метров, тогда как центральная часть надмогильного сооружения вообще не подвержена задерновке.

Каменное антропоморфное изваяние расположено, как и большинство стел на некрополе, с восточной стороны от цепочки курганов, по своим внешним морфологическим признакам относящихся к эпохе раннего железа. Аморфно выделенный в верхней части этого изваяния овал лица имеет определенные аналогии с «раннескифской» каменной скульптурой, недавно обнаруженной в окрестностях с. Ордынское Новосибирской области. На территории Горного Алтая особенно в бассейне Катуня в последнее время выявлено достаточно много таких антропоморфных изваяний, очевидно, составляющих особую разновидность древних монументальных сооружений [Бородовский, 2015а]. Верхняя лицевая часть изваяния была частично сбита, что характерно для широкого круга древнетюркских антропоморфных каменных скульптур как результат ритуальных или более поздних актов вандализма, неоднократно описанных в литературе начала XX в. [Сапожников, 1912]. Каменные антропоморфные изваяния широко распространены на территории Горного Алтая с эпохи бронзы и до средневековья [Кубарев, 2009; Кубарев и др., 1992; Худяков, Бородовский, 1993; Бородовский, Боро-

довская, 2013]. В целом курганную группу можно атрибутировать как погребально-поминальный комплекс эпохи металла, на котором представлена группа курганов эпохи раннего железа (пазырыкская культура) и, возможно, еще ряд разновременных погребальных и поминальных объектов различных периодов эпохи средневековья.

Ранее у подошвы южного склона Семинского хребта выявлен целый ряд масштабных курганных групп эпохи металла. Среди них некрополи у сел Шибе (около 100 объектов), Талда (около 90) и Туэкта (197 объектов) Онгудайского района Республики Алтай [Бородовский и др., 2016а, с. 18–25, 52; 2016б, с. 196, 197, рис. 200–202]. Туэкта-Нефтебаза-12 входит также в обширную группу некрополей эпохи металла, сгруппированных в долине среднего течения Урсула у подошвы южного склона Семинского хребта. Этот орографический объект является не только географической, но и культурной границей на Алтае, что отчетливо представлено в концентрации и расположении объектов археологического наследия [Бородовский и др., 2016в, с. 362, рис. 1001]. В рамках гидрологического контекста пространственного расположения объектов археологического наследия на территории горной речной долины отчетливо представлены две основные модели размещения погребальных и поминальных объектов. Одна из них, как правило, ориентирована параллельно долине магистральной реки (Урсул) [Бородовский, Горохов, 2017]. Другая пространственная модель характерна для долин рек – притоков гидромагистралей (Туэкта, Шибелик, Кулдуайры) [Бородовский, Горохов, 2014]. При этом наибольшая концентрация объектов археологического наследия типична для предустьевых участков. Именно такая топография древних и средневековых некрополей свойственна для подошвы южного склона Семинского хребта.

Библиографический список

Бородовский А.П. Каменные изваяния правобережья Катуня у западного склона хребта Сальджар // Междисциплинарное изучение археологии Западной Сибири и Алтая. Барнаул, 2016. С. 5–7.

Бородовский А.П. Сохранение историко-культурного наследия по трассе проектируемого магистрального газопровода «Алтай» на территории Республики Алтай // *Universum Humanitarium*. 2015а. №1. С. 146–168.

Бородовский А.П. Тюркская ограда с деревянным столбом в центре из урочища Большой Мигуля у западного склона хребта Сальджар // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2015б. Вып. XXI. С. 62–67.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Археологические памятники горной долины нижней Катуня в эпоху палеометалла. Новосибирск, 2013. 220 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Археологические памятники долин р. Шибелик и Кулдуайры у южного склона Семинского хребта // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 64–70.

Бородовский А.П., Горохов С.В. Картография объектов археологического наследия на территории Каракольского природного парка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 13–20.

Бородовский А.П., Горохов С.В., Кубарев Г.В., Богданов Е.С. Археологическое наследие Республики Алтай по трассе проектируемого газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай»): по материалам исследований 2011–2012 гг. Новосибирск, 2016а. Т. 1. 168 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В., Кубарев Г.В., Богданов Е.С. Археологическое наследие Республики Алтай по трассе проектируемого газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай»): по материалам исследований 2011–2012 гг. Новосибирск, 2016б. Т. 2. 388 с.

Бородовский А.П., Горохов С.В., Кубарев Г.В., Богданов Е.С. Археологическое наследие Республики Алтай по трассе проектируемого газопровода «Сила Сибири-2» («Алтай»): по материалам исследований 2011–2012 гг. Новосибирск, 2016в. Т. 3. 368 с.

Грязнов М.П. Раскопки на Алтае // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1940. С. 17–21.

Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного исторического музея. 1941. Вып. XVI. С. 75–117.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск, 2009. 264 с.

Кубарев В.Д., Худяков Ю.С., Бородовский А.П., Черемисин Д.В., Мыльников В.П. Археологические исследования на Средней Катуні // ALTAICA. 1992. №1. С. 43–49.

Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибге // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 59–64.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960. 358 с.

Сапожников В.А. Пути по Русскому Алтаю. Томск, 1912. 172 с.

Худяков Ю.С., Бородовский А.П. Раскопки на Средней Катуні // ALTAICA. 1993. №3. С. 17–20.

A.P. Borodovsky^{1,2,3}, S.V. Gorokhov¹

*¹Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS,
Novosibirsk, Russia;*

²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia;

³Novosibirsk National Research University, Novosibirsk, Russia

**THE TUEKTA-NEFTEBASA-12 MOUND GROUP ON THE
SOUTHERN SLOPE OF THE SEMINSKY MOUNTAIN RANGE
(Ongudaisky district, Republic of Altai)**

In the summer of 2017, the Central Altai archaeological team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (SB RAS) conducted an archaeological exploration at the foothills of the southernmost peak of the Seminsky mountain pass in the Ongudaisky district (The Altai Republic). The survey discovered a number of sites of archaeological heritage, the most interesting and large-scaled of which is represented by the funeral and commemorative complex of Tuekta-Neftebasa-12 located to the north of the Tuekta-Neftebasa

station. The monument consists of 95 sites (89 mounds with stone structures 3–20 m in diameter, 5 stone stelae, and one stone statue). The monument includes items belonging to the early Iron Age (Pazyrykskaya culture) and various Medieval periods. Especially interesting is a stone anthropomorphic statue of the early Iron Age. The facial part of the statue was partially crashed, which is typical of a wide range of the old Turkish anthropomorphic stone statues as a result of ritual barbaric acts described in numerous literature sources since the beginning of the 20th century.

Key words: Altai Republic, Ongudaisky district, Seminsky mountain pass, early Iron Age, Middle Ages, mound group, Tuekta-Neftebasa-12, stone statue, kurgan, stele.

УДК 903.02(571.150)

Н.Н. Головченко, К.А. Назаров

*Алтайский государственный педагогический университет,
Барнаул, Россия*

НАХОДКИ КЕРАМИКИ В с. РОГОЗИХА

Статья посвящена изучению случайных находок русской керамики из с. Рогозиха. Рассматривается состав собранной коллекции. Определяются технологические особенности изготовления и орнаментации венчиков изделий; предполагается, что собранные фрагменты относятся к кухонной посуде и посуде, используемой для хранения и транспортировки продуктов питания. Исходя из анализа керамического материала массы аналогичного материала, а также того, что совместно с керамикой были обнаружены кованые гвозди, остатки сильно корродированных железных предметов, выявленные находки совокупно могут быть датированы первой половиной XX в.

Ключевые слова: Алтайский край, Рогозиха, случайные находки, русская керамика.

Своевременное выявление ранее неизвестных памятников археологии – необходимое условие охраны памятников историко-культурного наследия Алтайского края. Зачастую памятники обнаруживаются по случайным находкам. При этом, как правило, авторами так называемых случайных находок становятся местные жители. Далекое не всегда информация о подобных событиях достигает научные центры, поэтому в тех случаях, когда сведения доходят до исследователей, их проверка воспринимается как одна из первоочередных текущих задач.

Так, осенью 2017 г. в штаб Верхнеобского археологического отряда Алтайского государственного педагогического университета поступило сообщение об обнаружении фрагментов керамики при проведении приусадебных работ по ул. Чкалова в с. Рогозиха Павловского района Алтайского края (рис. 1). В связи с чем были предприняты соответствующие меры по определению историко-культурной принадлежности выявленных находок.

Рис. 1. Местонахождение керамики в с. Рогозиха

Коллекция случайных находок, собранная местным жителем К.А. Назаровым, насчитывает более 200 фрагментов разнотипной русской керамики. Большая часть керамического материала не орнаментирована и представляет собой осколки стенок, среди всей коллекции насчитывается 35 фрагментов венчиков от разных сосудов. Все находки тяготеют к окраинам засеваемого земельного участка, где, по сведениям местных жителей, раньше располагались амбары и баня (рис. 2).

Наибольший интерес в собранной коллекции представляют шесть фрагментов венчиков (рис. 3), исходя из анализа которых можно установить, к какому типу сосудов они относятся. Технологические особенности изготовления и орнаментации венчиков (прочерчивание, вдавления) изделий позволяют предположить, что все они относятся к кухонной посуде и посуде для хранения и транспортировки продуктов питания [Татаурова, 1998; Мамонтова, 2012а]. Примечательно, что в собрании представлена как лепная керамика, так и посуда, изготовленная на гончарном круге. Схожая по оформлению и текстуре посуда представлена в краеведческом музее с. Рогозиха.

Совместно с керамикой были обнаружены кованые гвозди, остатки сильно корродированных железных предметов. Совокупно выявленные находки имеют массу аналогий на аналогичном материале, зафиксированном в различных районах Алтайского края, и могут быть датированы первой половиной XX в. [Мамонтова, 2012б; Фролов, Мамонтова, 2006].

Рис. 2. Местонахождение амбаров и бани на участке обнаружения керамики

Рис. 3. Фрагменты сосудов из с. Рогозиха

Библиографический список

Мамонтова О.С. Кустарное гончарство Алтайского (горного) округа в конце XIX – начале XX в. // Мир науки, культуры и образования. Горно-Алтайск, 2012а. №4 (35). С. 258–261.

Мамонтова О.С. Типология русской керамики Алтайского края конца XIX – первой половины XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2012б. №9 (124). С. 88–95.

Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск, 1998. Т. 3. С. 88–123.

Фролов Я.В., Мамонтова О.С. Русский керамический комплекс XVIII–XX вв. поселения Елбанка-II (Усть-Пристанский район Алтайского края) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск; Омск, 2006. С. 260–264.

N.N. Golovchenko, K.A. Nazarov

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

CERAMICS FINDS IN THE ROGOZIKHA VILLAGE

The article is devoted to the random finds of ceramics from the Rogozikha village. The composition of the collection is considered. Technological features of production and ornament of the rings of products are defined; it is assumed that the collected fragments refer to kitchen utensils and kitchen ware used for storage and transportation of food. The analysis of ceramic material, consideration of the mass of a similar material, and the presence of forged nails, remains of heavily corroded iron objects among ceramic kitchenware allow attributing the finds to the first half of the 20th century.

Key words: Altai district, Rogozikha, random finds, Russian ceramics.

УДК 903.53«638»(571.150)

П.К. Дашковский¹, М.А. Демин²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия*

РАСКОПКИ КУРГАНА №29 ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ЮЖНОЙ ЧАСТИ МОГИЛЬНИКА ХАНКАРИНСКИЙ ДОЛ

Представлены результаты исследования кургана №29 на могильнике Ханкаринский дол. Раскопки проводились Краснощековской археологической экспедицией Алтайского государственного университета при участии Алтайского государственного педагогического университета. В результате раскопок было выявлено парное погребение людей, возможно, мужчины и жен-

шины. Курган оказался ограблен. Зафиксированные при раскопках кургана №29 особенности погребального обряда (вероятное положение умерших на правом боку, ориентация головой на восток, сопроводительное захоронение двух лошадей вдоль северной стенки могилы и др.) и инвентаря имеют устойчивые аналогии в ранее исследованных объектах пазырыкской культуры как на некрополе Ханкаринский дол, так и на соседних могильниках Инской дол и Чинета-II. Курган №29 могильника Ханкаринский дол может быть предварительно датирован IV–III вв. до н.э.

Ключевые слова: погребальный обряд, пазырыкская культура, могильник, Алтай, артефакты, датировка.

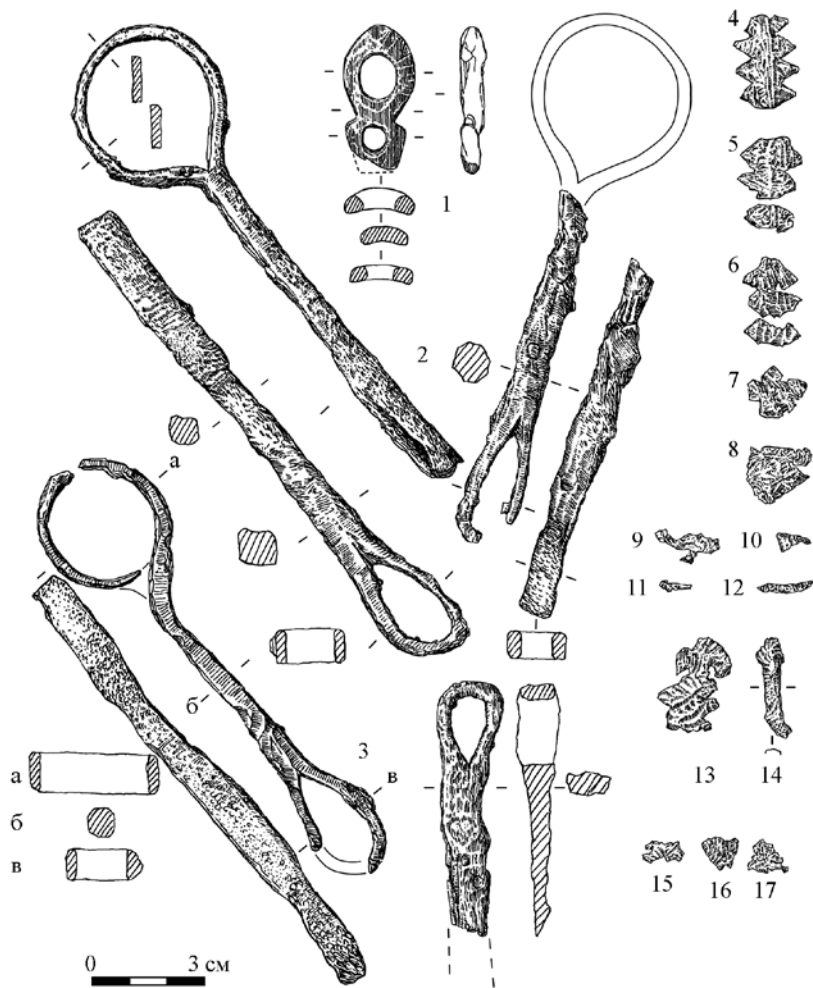
Уже почти на протяжении 20 лет Краснощековская археологическая экспедиция Алтайского государственного университета под руководством П.К. Дашковского проводит раскопки разновременных памятников Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края [Дашковский, 2013; 2017]. В пределах данного археологического микрорайона выявлены объекты верхнего палеолита, афанасьевской, пазырыкской, тюркской, кыргызской и сроткинской культур [Дашковский, Кунгуров, 2003; Дашковский, 2014–2016; 2017; и др.]. На протяжении нескольких лет проводились целенаправленные раскопки курганов пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол, результаты которых частично опубликованы [Дашковский, 2011; Дашковский, Тишкин, Тур, 2007; Дашковский, 2016а; Дашковский Усова, 2011; и др.]. Некрополь Ханкаринский дол зафиксирован на второй надпойменной террасе левого берега Ини (левый приток Чарыша) в 1,2 км к югу–юго-востоку от с. Чинета. При этом в предшествующие годы была исследована основная курганная цепочка, которая насчитывала 24 объекта, из которых в 21 случае выявлены погребения пазырыкского времени. Из-за сильной задернованности долины, в которой расположен могильник, археологические объекты визуально почти не просматриваются. Их удается обнаружить в процессе целенаправленного поиска с помощью металлического шупа. В результате очередного обследования территории некрополя в 2015–2016 гг. удалось выявить в южной части памятника ранее неизвестные курганы пазырыкской культуры. В 2017 г. совместной экспедицией Алтайского государственного университета и Алтайского государственного педагогического университета исследован курган №29 на могильнике Ханкаринский дол, предварительным результатам раскопок которого и посвящена данная публикация.

Курган №29 из-за сильной задернованности почвы не выделялся на современной поверхности. После зачистки насыпи удалось установить точные параметры объекта. Диаметр каменной насыпи, сложенной в 1–2 слоя из мелких и средних по размеру камней, составлял с севера на юг 11,6 м, а с запада на восток – 11 м. Высота сооружения из камня достигала 0,4 м, а вместе со слоем грунта – 0,7 м. В центральной части

насыпи прослежена западина диаметром с севера на юг 4,1 м, а с запада на восток – 3,5 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка – крепиды из более крупных камней диаметром с севера на юг 11,6 м, а с запада на восток – 11 м. Под насыпью кургана выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Могильная яма имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 3,8×2,62×2,26 м. Особенность заполнения могилы в том, что она была плотно забутована камнями. На дне могилы на глубине 2,05–2,2 м от уровня древнего горизонта вдоль южной стенки обнаружено парное погребение людей, возможно, мужчины и женщины. Вдоль южной стенки могилы на глубине 2,01 м выявлены остатки деревянной плахи длиной 0,7 м, шириной 0,05–0,15 м, которая, возможно, являлась частью деревянной рамы. Однако сохранность дерева оказалась очень плохой, поэтому точные параметры деревянной конструкции установить не представляется возможным. Скелеты людей в могиле оказались сильно разрушены, вероятно, в процессе ограбления. Череп первого скелета, лучевые и бедренные кости зафиксированы у юго-восточного угла могилы, у деревянной плахи. Рядом с черепом выявлено пятно черной краски от окрашивания волос. Это указывает на то, что одним из погребенных людей была женщина. Восточнее черепа обнаружены следы органики, вероятно, от ткани. Часть органических остатков была синего цвета. В центральной части могилы выявлен второй скелет человека, который также оказался потревожен грабителями. Вдоль правой руки и у черепа второго погребенного обнаружены мелкие фрагменты золотой фольги (рис.-4–17). Оба умерших первоначально, вероятно, были ориентированы головой на восток. При этом второй погребенный, судя по сохранившимся частично *in situ* костям, был уложен в скорченном положении на правый бок. В 0,5 м к северу от черепа второго погребенного выявлены остатки ритуальной пищи (кости барана).

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 1,65–2,14 м от уровня древнего горизонта на глиняной приступке обнаружено парное сопроводительное захоронение лошадей, которые были уложены параллельно друг к другу на живот и ориентированы головой на восток. В зубах лошадей обнаружены железные кольчатые удила (рис.-2–3). Кроме того, у южной лошади, которая лежала ближе к скелетам людей, в районе ребер также выявлена костяная подпружная пряжка (рис.-1).

Зафиксированные при раскопках кургана №29 могильника Ханкаринский дол особенности погребального обряда (вероятное положение умерших на правом боку, ориентация головой на восток, сопроводительное захоронение лошадей вдоль северной стенки могилы и др.), а также погребальный инвентарь имеют устойчивые аналогии в ранее исследованных объектах пазырыкской культуры как на некрополе Ханкаринский дол, так и соседних могильниках Инской дол и Чинета-II [Дашковский, 2014б; 2014в; 2016а; Дашковский, Мейкшан, 2014; Тиш-

Инвентарь из кургана №29 могильника Ханкаринский дол:

1 – кость, 2–3 – железо, 4–17 – золото

кин, Дашковский, 2008; и др.]. Кроме того, отмеченные особенности погребального обряда и инвентаря находят параллели с аналогичными показателями по памятникам пазырыкской культуры из Центрального и Юго-Восточного Алтая [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев, Шульга, 2007; и др.]. Указанные обстоятельства позволяют отнести курган №29 могильника Ханкаринский дол к пазырыкской культуре Алтая и предварительно датировать IV–III вв. до н.э. Дальнейшее исследование кур-

ганов в южной части некрополя Ханкаринский дол, а также проведение радиоуглеродного анализа будут способствовать изучению этнокультурных процессов в Южной Сибири в скифо-сакскую эпоху.

Библиографический список

Дашковский П.К. Изучение южной группы курганов на могильнике Ханкаринский дол // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г. Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2011. С. 69–71.

Дашковский П.К. Основные направления изучения памятников древних и средневековых кочевников Чинетинского археологического микрорайона на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013. С. 187–190.

Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014а. Вып. VII. С. 46–62.

Дашковский П.К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014бб. С. 207–210.

Дашковский П.К. Предварительные результаты исследования курганов скифо-сакского периода могильника Чинета-II (Алтай) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014в. С. 98–101.

Дашковский П.К. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015а. Вып. VIII. С. 20–29.

Дашковский П.К. Кыргызы на Алтае в контексте этнокультурных процессов в Центральной Азии. Барнаул, 2015б. 224 с.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016а. Вып. IX. С. 42–66.

Дашковский П.К. Курганы эпохи энеолита на могильнике Инской дол (Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2016б. №4 (92). С. 230–237.

Дашковский П.К. Исследования Краснощековской археологической экспедиции на Алтае в 2001–2016 гг.: обзор экспедиционных работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXVIII. С. 83–87.

Дашковский П.К., Кунгуров А.Л. Верхнечинетинский пещерный комплекс на р. Иня (средний Чарыш) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, №1. С. 59–62.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 94–100.

Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Раскопки курганов на памятнике Ханкаринский дол в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2007. Вып. XVI. С. 122–127.

Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3 (47). С. 78–84.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.
Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.
Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.
Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 2: Древности Краснощековского района. Барнаул, 2008. 16 с.

P.K. Dashkovsky, M.A. Demin

Altai State University, Barnaul, Russia;

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

**EXCAVATION OF MOUND NO. 29
OF PAZYRYKSKAYA CULTURE IN THE SOUTHERN
PART OF THE KHANKARINSKY DOL BURIAL GROUND**

The article presents the research results of mound no. 29 on the Khankarinskiy Dol burial. Excavations were conducted by the Krasnoshchekovo archaeological expedition of Altai State University with the participation of Altai State Pedagogical University. The excavations revealed paired burials of people, possibly of a man and a woman. The mound was looted. The features of the burial rite recorded during the excavation of mound no. 29 (probable position of the deceased on their right side, with the head to the east; accompanying burial of two horses along the northern wall of the grave, etc.) and equipment have strong analogies with the previously explored objects of the Pazyrykskaya culture on the Khankarinsky Dol necropolis and the nearby Inskoy Dol and Chineta II burial grounds. Mound no. 29 of the Khankarinsky Dol burial can be tentatively dated to the 4th–3rd centuries BC.

Key words: funeral ceremony, the Pazyrykskaya culture burial, Altai, artifacts, dating.

УДК 903.53(571.150)

П.К. Дашковский, А.Н. Ожиганов

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**ЗАВЕРШЕНИЕ РАСКОПОК КУРГАНОВ СКИФСКОЙ ЭПОХИ
НА МОГИЛЬНИКЕ ИНСКОЙ ДОЛ**

Статья посвящена заключительному этапу изучения курганов скифской эпохи на могильнике Инской дол. В ней приводятся результаты раскопок кургана №16 на указанном памятнике. В кургане обнаружено сильно разрушенное погребение человека, который, вероятно, был ориентирован головой на восток. Вдоль северной стенки могилы зафиксировано сопроводительное захоронение лошади, которая была также ориентирована головой на восток. Из-за ограбления кургана сохранилось незначительное количество предметов инвентаря: железный нож, коственная подпружная пряжка, золотая зооморфная аппликация и мелкие фрагменты фольги. Учитывая особенности погребального обряда и инвентаря, погребение в кургане №16 могильника Инской дол можно отнести

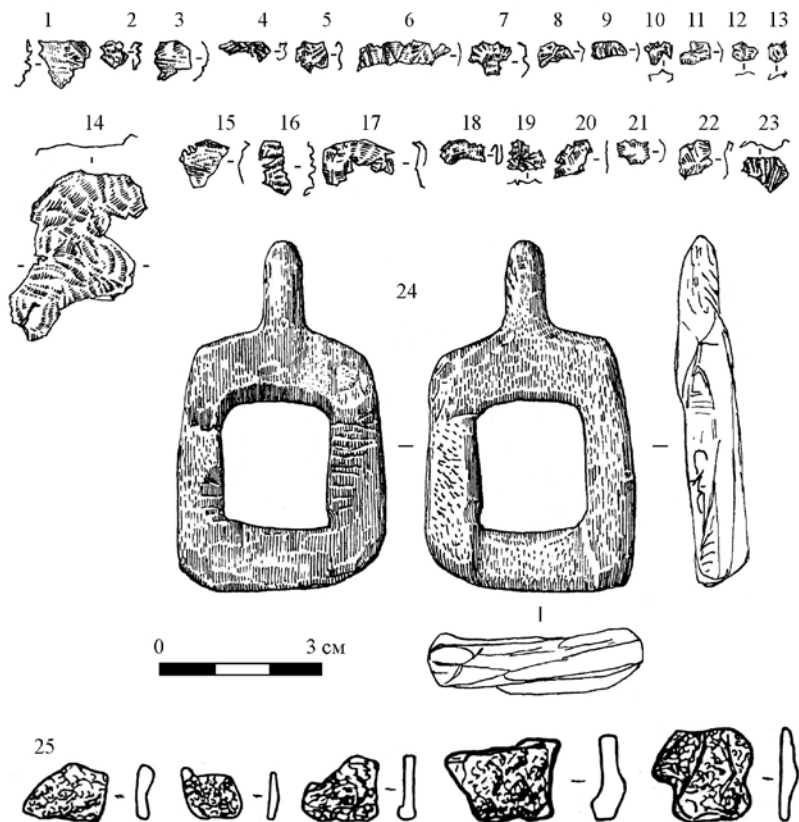
к пазырыкской культуре. Имеющиеся аналогии в погребальном инвентаре среди других памятников пазырыкской культуры позволяют предварительно датировать курган IV–III вв. до н.э.

Ключевые слова: погребальный обряд, пазырыкская культура, могильник, Алтай, артефакты, датировка.

В 2014–2016 гг. Красношековская археологическая экспедиция под руководством П.К. Дашковского проводила раскопки разновременного курганного могильника Инской дол, который обнаружен на второй надпойменной террасе в 2 км к юго-востоку–востоку от с. Чинета на левом берегу Ини в южной части долины [Дашковский, 2013]. В этой же долине, только в северной и восточной ее частях, ранее выявлены могильники Ханкаринский дол и Чинета-II [Дашковский, 2013–2016; 2017; Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; Дашковский, Ожиганов, 2017; и др.]. В 0,8 км к северу от могильника Инской дол протекает р. Ханкара. В 0,7 км к юго-востоку от памятника находится фундамент от здания пионерского лагеря у края берега Ини. Курганы на некрополе сгруппированы в двух зонах. Первая группа находится по обе стороны оврага у края речной террасы. В 0,5 км к северу от выявленного некрополя расположен курганный могильник Чинета-II. Еще один курган №16 выявлен в западной части могильника в 0,35 км к западу от первой группы. Курган №16 находится в 20 м к западу от дороги, ведущей в направлении с. Чинета – с. Тигирек. В предшествующие годы на памятнике была раскопана серия курганов афанасьевской культуры и объектов скифского времени, результаты изучения которых частично опубликованы [Дашковский, 2014а–б; Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; Дашковский, Гончарова, 2015; Дашковский, Мейкшан 2014; и др.]. В данной статье представлены предварительные итоги изучения кургана №16.

Курган №16 выявлен в западной части могильника Инской дол в 0,35 км от основной части объектов этого памятника. До раскопок границы насыпи объекта практически не просматривались. В связи с этим первоначально при проведении разведки было сделано предположение, что в этом месте находятся два небольших кургана, вплотную примыкающие друг к другу. Однако позднее с помощью металлического шупа удалось определить размеры кургана и заложить раскоп. После зачистки насыпи выяснились точные ее параметры. Диаметр каменной насыпи, сложенной преимущественно в один слой из средних по размеру камней, составлял с севера на юг 10 м, а с запада на восток – 9,5 м. Высота каменного сооружения – 0,3 м, а вместе со слоем грунта – 0,5 м. В центральной части насыпи камни лежали не сплошным слоем, поскольку в центре прослеживалась западина диаметром с севера на юг 4 м, а с запада на восток – 3 м. По периметру кургана зафиксирована каменная кольцевая выкладка – крепиды из более крупных камней диаметром с севера на юг 10 м, а с запада на восток – 9,5 м. Под насыпью кургана выявлено могильное пятно подпрямоугольной формы, ориентированное длиной

осью по линии ЮВ–СЗ. Могильная яма имела следующие размеры по уровню древнего горизонта: 3,3×2,45×2,38 м. На дне могилы на глубине 2,29–2,35 м вдоль южной стенки обнаружено сильно разрушенное погребение человека. Кости находились в смещенном положении, за исключением костей рук. Череп обнаружен в центральной части могилы. Вероятно, первоначально умерший лежал на деревянном настиле, тлен от которого обнаружен под костями. При этом, судя по расположению *in situ* костей рук и месторасположению черепа, умерший, вероятно, был ориентирован в могиле головой на восток. В 0,55 м к западу от центра восточной стенки могилы выявлено скопление золотой фольги (рис.-1-13, 15-23) и зооморфная аппликация в виде головы барана (рис.-14). В 0,25 м к западу от скопления фольги найдены плохо сохранившийся железный нож (рис.-25) и остатки ритуальной пищи – кости барана.

Инвентарь из кургана №16 могильника Инской дол:
1-23 – золото; 24 – кость; 25 – железо

Вдоль северной стенки могильной ямы на глубине 1,5–2,2 м обнаружено сопроводительное захоронение лошади. Животное было уложено на живот с подогнутыми ногами и ориентировано головой на восток. В районе ребер выявлена подпружная костяная пряжка (рис.-24).

Курган №16 на могильнике Инской дол имеет определенные аналогии по погребальному обряду (восточная ориентация умершего в могиле, сопроводительное захоронение лошади и др.) и инвентарю в памятниках пазырыкской культуры [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кубарев, Шульга, 2007; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.], в том числе в исследованных ранее как на могильнике Инской дол (курганы №1–3, 10–15), так и на памятниках Ханкаринский дол и Чинета-II [Дашковский, 2014а; 2014в; 2016а; Дашковский, Гончарова, Мейкшан, 2015; Тишкин, Дашковский, 2008; и др.]. Примечательно, что из 10 курганов (№1–3, 10–16) скифской эпохи, раскопанных на могильнике Инской дол, только в двух (курганы №2, 16) обнаружены сопроводительные захоронения лошадей. Таким образом, данный показатель составляет всего 20% от всех раскопанных погребений скифской эпохи на указанном памятнике. При этом сопроводительные захоронения лошадей в погребениях пазырыкского времени на Алтае зафиксированы в 37% курганах [Тишкин, Дашковский, 1998]. Более того, на соседнем могильнике Ханкаринский дол, расположенном в той же долине, что и некрополи Инской дол и Чинета-II, этот показатель еще выше. Так, из 22 раскопанных курганов (100%) на могильнике Ханкаринский дол, в которых выявлены погребения людей скифской эпохи, в 14 объектах (63,6%) зафиксированы сопроводительные захоронения коней [Дашковский, 2016]. Незначительное количество сопроводительных захоронений лошадей в курганах могильника Инской дол объясняется, прежде всего, невысоким социальным и имущественным положением погребенных людей. Инвентарь из раскопанного кургана из-за ограбления представлен крайне немногочисленными предметами. В целом, учитывая особенности погребального обряда и инвентаря, курган №16 можно предварительно датировать IV–III вв. до н.э. Кроме того, планиграфически курган №16 могильника Инской дол близок южной части могильника Ханкаринский дол. В связи с этим не случайно отмечены признаки: например, некоторые вещи (зооморфная аппликация, подпружная пряжка), а также особенности погребального сооружения (масштаб насыпи, наличие крепиды и др.), которые в большей степени зафиксированы при раскопках могильника Ханкаринский дол, а не Инской дол.

Библиографический список

Дашковский П.К. Археологическая разведка в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 128–133.

Дашковский П.К. Стелы и оленные камни из памятников древних кочевников Северо-Западного Алтая // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2014а. Вып. VII. С. 46–62.

Дашковский П.К. Инской дол – новый памятник скифо-сакского периода в Западном Алтае // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Кызыл, 2014бб. С. 207–210.

Дашковский П.К. Исследование оградок тюркской культуры на могильнике Чинета-II // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2015. Вып. VIII. С. 20–29.

Дашковский П.К. Могильник пазырыкской культуры Ханкаринский дол на Алтае: характеристика погребального обряда и основные направления междисциплинарных исследований // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул, 2016а. Вып. IX. С. 42–66.

Дашковский П.К. Курганы эпохи энеолита на могильнике Инской дол (Алтай) // Известия Алтайского государственного университета. 2016б. №4 (92). С. 230–237.

Дашковский П.К. Исследования Краснощековской археологической экспедиция на Алтае в 2001–2016 гг.: обзор экспедиционных работ // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXVIII. С. 83–87.

Дашковский П.К., Гончарова Н.С. Курган афанасьевской культуры на могильнике Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 85–89.

Дашковский П.К., Гончарова Н.С., Мейкшан И.А. Продолжение исследования курганов на могильнике Инской дол // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае. 2014 г.: археология, этнография, устная история. Барнаул, 2015. Вып. 10. С. 40–44.

Дашковский П.К., Мейкшан И.А. Исследование курганов скифского времени на могильнике Чинета-II и Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 94–100.

Дашковский П.К., Ожиганов А.Н. Продолжение исследования курганов скифского времени на могильнике Инской дол // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXVIII. С. 88–91.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катюни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 302 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. 190 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 220 с.

Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007. 282 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 2: Древности Краснощековского района. Барнаул, 2008. 16 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Погребения человека с конем в курганах пазырыкской культуры Горного Алтая // История и культура народов Саяно-Алтая: в прошлом, настоящем и будущем. Горно-Алтайск, 1998. С. 16–19.

P.K. Dashkovskiy, A.N. Ozhiganov

Altai State University, Barnaul, Russia

COMPLETION OF EXCAVATION OF THE SCYTHIAN TIME BARROWS ON THE INSKOY DOL BURIAL GROUND

The article is devoted to the final stage of studying Scythian time barrows on the Inskoy Dol burial ground. The article presents the results of excavations of mound no. 16 on the indicated burial ground. A severely damaged burial of a man with his head probably oriented to the east was found in the barrow. Along the northern wall of the grave an accompanying burial of the horse, with the head to the east was identified. Due to the looting of the barrow a small number of inventory items remain: iron knife, bone buckle, gold zoomorphic appliqué and small pieces of foil. Considering the peculiarities of the funeral rite and the inventory, the burial in barrow no. 16 of the Inskoy Dol burial can be attributed to Pazyrykskaya culture. The existing analogies in the burial inventory among other sites of Pazyrykskaya culture allow preliminary dating of the barrow to the 4th – 3rd centuries BC.

Key words: funeral ceremony, Pazyrykskaya culture burial, Altai, artifacts, dating.

УДК 903.4(571.17)

А.М. Илюшин

*Кузбасский государственный технический
университет им. Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия*

ШАРАВИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ (по материалам подъемных сборов)

Публикуется и исследуется коллекция археологических материалов, сформированная из подъемных сборов Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции, сделанных в разные годы на поселении Шаравинское, расположенном в долине среднего течения Ини. Источники описываются и подвергаются первичному и сравнительному анализу. Делается вывод о том, что артефакты представлены разными хронологическими периодами, но при этом преобладают материалы ирменской археологической культуры IX–VII вв. до н.э. периода поздней бронзы. Фрагменты керамической посуды этой культуры на памятнике характеризуются наличием разных «степных» и «лесных» орнаментов, что на территории Кузнецкой котловины характерно для позднеирменских памятников и объектов переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа.

Ключевые слова: Кузнецкая котловина, Шаравинское поселение, подъемные сборы, период поздней бронзы.

В полевых исследованиях Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) Шаравинское поселение занимает особое место. На момент его обнаружения в середине 1990-х гг. поселение подвергалось ежегодной распах-

ке под посадку картофеля жителями ст. Егозово Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области. Работа ККАЭЭ по исследованию разрушенного культурного слоя и с местными административными органами власти привела к тому, что в 2012 г. посадки картофеля на площади поселения были прекращены. За все время борьбы за сохранение объекта историко-культурного наследия сотрудники ККАЭЭ собрали на поселении коллекцию артефактов, которая позволяет дать развернутую культурно-хронологическую характеристику археологического памятника, что и является целью настоящей работы.

Поселение Шаравинское расположено на землях бывшего совхоза «Ленинуголь» (центральная усадьба пос. Восходящий), на берегу оз. Шаравинское, являющегося старой протокой р. Ини. Памятник находится в 1,2 км на юг–юго-восток от с. Сапогово и 3,5 км на север–северо-запад от ст. Егозово, в 50 м к востоку от автомобильной трассы Ленинск-Кузнецкий–ст. Промышленная, на первой надпойменной террасе, образующей собой подошву гривы, уступами спускающейся в пойму реки. Памятник был открыт и обследован в середине 1990-х гг. З.Ф. Гореевым и А.Н. Рудаковым. Ленинск-кузнецкие краеведы, открывшие памятник, на протяжении нескольких лет в середине 1990-х гг. на поле после уборки урожая картофеля подбирали различные орудия труда из камня (топор, наконецник стрелы, мотыги, ретушер, скребла и др.), кости (скребла, проколки, нож) и керамики (фрагменты посуды), а также большое количество фрагментов колотых костей. Исследователи заложили несколько шурфов и установили, что культурный слой поселения располагается на глубине 0,3–0,4 м от современной поверхности. При публикации этих материалов, основываясь на их сходстве и географической близости с материалами раскопок на курганном могильнике Сапогово-1 [Илюшин, Ковалевский, Сулейменов, 1996], поселение Шаравинское было датировано IX–VII вв. до н.э. и отнесено к кругу древностей ирменской археологической культуры периода поздней бронзы [Гореев, Илюшин, Рудаков, 1998, с. 9–10].

В 2003 г. Шаравинское поселение обследовал Ю.В. Ширин [2004], который тоже отметил аварийное состояние памятника. В 2006, 2008 и 2009 гг. этот объект культурно-исторического наследия обследовали сотрудники ККАЭЭ [Илюшин, 2007; 2008; 2010]. Информация о результатах этих работ частично была введена в широкий научный оборот [Илюшин и др., 2007, с. 100; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 168–169; Илюшин, Бутьян, 2010, с. 127].

В 2006 г. было зафиксировано, что только южная часть поселения была распахана и засеяна картофелем. В этом месте была собрана коллекция фрагментов керамической посуды (рис. 1.-1–7). Состояние памятника было охарактеризовано как аварийное, но при этом отмечалось, что разрушение памятника стало не такое интенсивное, как прежде. По находкам и прежним подъемным сборам поселение предварительно

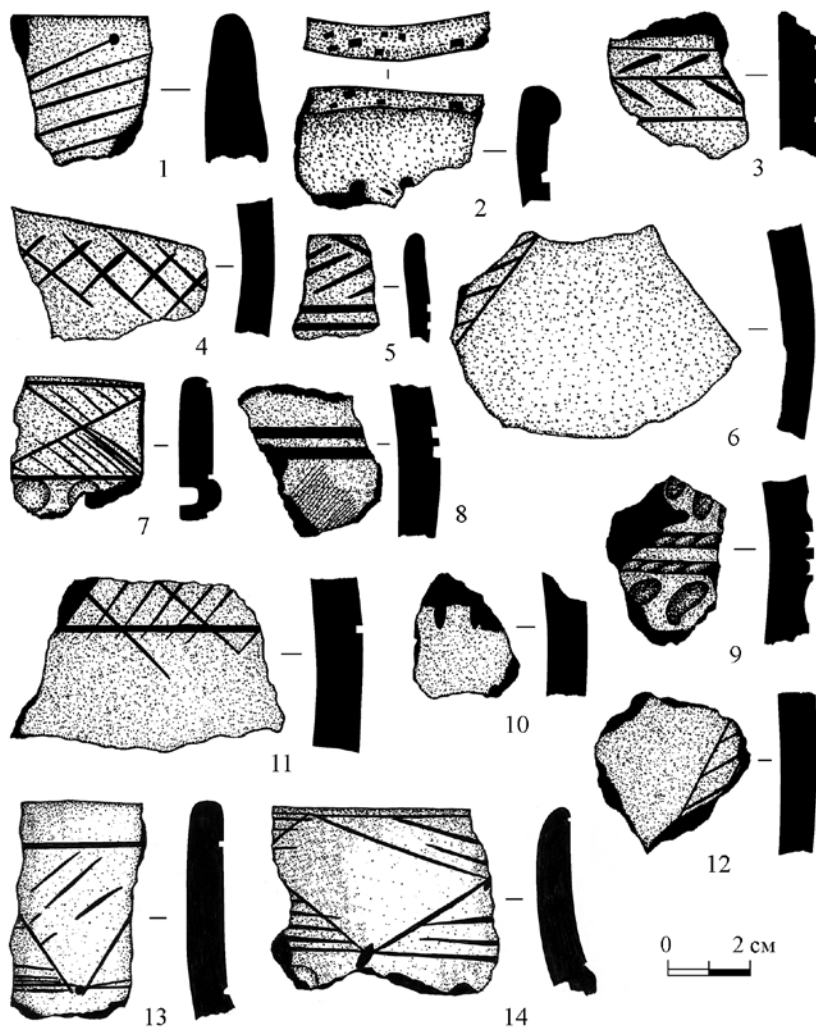

Рис. 1. Поселение Шаравинское. Подъемные сборы 2006 (1–7), 2008 (8–12) и 2009 (13, 14) гг.: 1–14 – фрагменты керамической посуды

было датировано периодом поздней бронзы и отнесено к кругу древностей ирменской археологической культуры (IX–VII вв. до н.э.) [Илюшин, 2007, с. 13–14; Илюшин и др., 2007, с. 100].

Обследование памятника в 2008 г. показало, что он частично подвергается искусственному разрушению под воздействием антропоген-

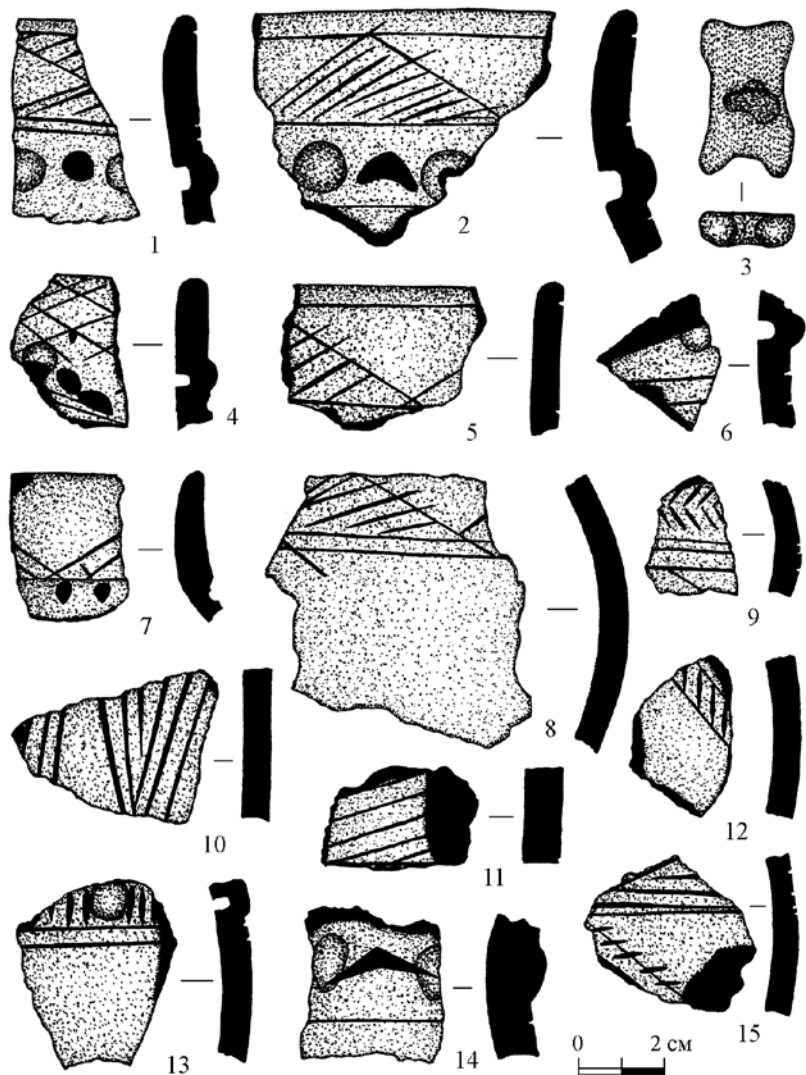

Рис. 2. Поселение Шаравинское. Подъемные сборы 2008 г.:
1, 2, 4-15 – фрагменты керамической посуды; 3 – игральная кость (альчик)

ного фактора и находится в аварийном состоянии. Было выявлено, что северная и центральная части поселения заросли густым травяным покровом и используются под сенокос, а южная часть – под посадку

картофеля. Именно в этом месте в 2008 г. были собраны коллекция орнаментированных фрагментов керамической посуды (рис. 1.-8-12; 2.-1-15) и игральная кость. По этим находкам и прежним подъемным сборам поселение предварительно было датировано периодом поздней бронзы и отнесено к кругу древностей ирменской археологической культуры [Илюшин, 2008, с. 60-61; Илюшин, Сулейменов, Бутьян, 2009, с. 168-169].

В 2009 г. памятник вновь был обследован на предмет фиксации его состояния и поиск подъемных материалов после очередной распашки его южной части под посадку картофеля жителями ст. Егозово. При осмотре потревоженного культурного слоя были найдены, как всегда, многочисленные фрагменты колотых костей животных и два орнаментированных фрагмента венчиков керамической посуды (рис. 1.-13, 14). Состояние памятника характеризовалось как аварийное, но при этом отмечалось, что он подвержен лишь частичному разрушению под воздействием антропогенных факторов. По прежним подъемным сборам и находкам 2009 г. поселение было датировано периодом поздней бронзы и отнесено к кругу древностей ирменской археологической культуры IX-VII вв. до н.э. [Илюшин, 2010, с. 33-34; Илюшин, Бутьян, 2010, с. 127].

В результате полевых исследований ККАЭЭ на Шаравинском поселении была собрана коллекция артефактов (рис. 1.-1-14; 2.-1-15), которая с учетом ранее сделанных находок и результатов исследования культурного слоя [Гореев, Илюшин, Рудаков, 1998, с. 9-10, рис. 3.-1-30] позволяет более обоснованно аргументировать его хронологию и культурную принадлежность.

При исследовании хронологии памятника обращает на себя внимание, что при закладке шурфов и зачистке обнажений грунта в середине 1990-х гг. был установлен факт наличия одного культурного слоя на глубине 0,3-0,4 см от современной поверхности. Распашка культурного слоя позволила сформировать значительную коллекцию артефактов, среди которых преобладают находки периода поздней бронзы (рис. 1.-1, 3-14; 2.-1-15). Это обстоятельство позволяет интерпретировать поселение как однослойное, сооруженное в период поздней бронзы. При этом обращает на себя внимание наличие находок, которые могут быть датированы предшествующим и последующим временем по отношению к периоду поздней бронзы. К числу артефактов предшествующего времени можно отнести каменные изделия (топоры, мотыги, нуклеус и отщепы), найденные в середине 1990-х гг. [Гореев, Илюшин, Рудаков, 1998, с. 9-10, рис. 3.-9, 12, 13]. Подобные находки, датированные неолитом, были зафиксированы при раскопках курганного могильника Сапогово, который располагается в 350 м на север-северо-запад от Шаравинского поселения [Илюшин и др., 1992, рис. 60.-1-23]. Однако отдельные из этих находок могли быть в употреблении и в период поздней бронзы.

К числу артефактов периода развитого средневековья можно отнести лишь один фрагмент венчика керамического сосуда (рис. 1.-2). Аналогии ему имеются на комплексе археологических памятников Торопово-4 [Илюшин, Ковалевский, 2012, с. 84, рис. 12.-2]. Единичность этих находок на данный момент позволяет интерпретировать Шаравинское поселение как однослойное, сооруженное в период поздней бронзы.

По орнаментации фрагментов керамической посуды можно судить о культурной принадлежности памятника. Оценивая раньше эти артефакты (рис. 1.-1, 3-15; 2.-1, 2, 4-15) в разных комбинациях, они были отнесены к ирменской археологической культуре IX-VII вв. до н.э. Собранный за разные годы коллекция в целом не позволяет поменять точку зрения о культурной принадлежности Шаравинского поселения. При этом обращает на себя внимание наличие разных орнаментов «степных» (жемчужник с разделителями) и «лесных» (жемчужник без разделителей, косая нарезная сетка, заштрихованные треугольники), что на территории Кузнецкой котловины характерно для позднеирменских памятников и объектов переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа [Членова, 1994, с. 79-80, рис. 50.-1-14; 51.-1-18; 52.-1-13; и др.].

Библиографический список

Гореев З.Ф., Илюшин А.М., Рудаков А.Н. Новые материалы к археологии Касьминского микрорайона // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово; Гурьевск, 1998. С. 5-14.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 г. на территории Кемеровской области. Кемерово, 2007. 74 с.: 53 ил.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 г. на территории Кемеровской области. Кемерово, 2008. 220 с.: 162 ил.

Илюшин А.М. Отчет об археологических разведках Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 г. на территории Кемеровской области. Кемерово, 2010. 152 с.: 172 ил.

Илюшин А.М., Борисов В.А., Бутьян В.А., Сулейменов М.Г. Исследования Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2006 г. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. №1. С. 98-100.

Илюшин А.М., Бутьян В.А. Археологические разведки Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2009 г. // Профессиональное образование и социогуманитарное знание: тенденции и проблемы. Кемерово, 2010. С. 124-130.

Илюшин А.М., Ковалевский С.А. Комплекс древних поселений в долине реки Касьмы // Труды Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции. Кемерово, 2012. Т. 5. 212 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 126 с.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Бутьян В.А. Результаты полевых разведок Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2008 г. // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2009. №3. С. 165–179.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Ширин Ю.В. Охранные археологические работы в исторической зоне «Кузнецк» и на юге Кемеровской области в 2003 г.: отчет. Новокузнецк, 2004.

A.M. Ilyushin

T.F Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

THE SHARAVINSKY SETTLEMENT (on materials of lifting collecting)

The collection of archaeological materials collected by the Kuznetsk complex archaeological and ethnographic expedition made in different years on the Sharavinskoye settlement, located in the valley of the middle current of the Inya river. The sources are described and subject to the primary and comparative analysis. The conclusion is made that the artifacts are presented by the different chronological periods, but the materials of Irmenskaya archaeological culture of the 9th–7th centuries BC of the late Bronze prevail. Fragments of ceramic ware of this culture on the site is characterized by existence of different “steppe” and “forest” ornaments which in the territory of the Kuznetsk Depression is characteristic for the late Irmenskaya sites and the objects of transitional time from the Bronze to the Iron Periods.

Key words: Kuznetsk Depression, Sharavinsky settlement, lifting collecting, period of late bronze.

УДК 902(571.150)

К.Ю. Кирюшин^{1,2}, С.П. Грушин², А.В. Фрибус³

¹Институт археологии и этнографии. Новосибирск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

³Кемеровский государственный университет, Барнаул, Россия

КАМЕННЫЙ ПЕСТ В ФОРМЕ РОГА – СЛУЧАЙНАЯ НАХОДКА ИЗ с. ТОУРАК АЛТАЙСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В 2013 г. житель с. Тоурак Алтайского района Алтайского края Евгений Селянин нашел в воде у правого берега Песчаной камень, который привлек его внимание своей необычной формой, напоминающей рог животного. Орудие изготовлено из речной гальки. Оно имеет цилиндрическо-коническую форму с расширением к основанию, изогнуто к вершине. Подобные изделия (песты), традиционно связывают с комплексами афанасьевской культуры, в которых они находят многочисленные аналоги как на Алтае, так и в Минусинской котловине. Афанасьевские песты могли выполнять различные функции.

Пест из с. Тоурак имеет изогнутую специально оформленную верхнюю часть. Такая форма рукояти, с учетом трудозатрат на ее оформление, с функциональной точки зрения имеет большое практическое значение. По всей видимости, связь подобных изделий с технологическими процессами металлургии меди могла наделять их двоякой семантикой, а сами песты и схожие с ними жезлы могли выполнять как производственную, так и ритуальную функции. Изделие из Тоурака находит аналогии среди пестов с фигурными навершиями, которые известны в елунинских комплексах периода ранней бронзы Обь-Иртышья.

Ключевые слова: каменный пест, рога, энеолит, период ранней бронзы, ритуальные действия, функциональное назначение.

В 2013 г. житель с. Тоурак Алтайского района Алтайского края Евгений Селянин обнаружил в воде у правого берега Песчаной каменное изделие (рис. 1). Камень, находившийся в воде, привлек внимание Е. Селянина своей необычной формой, напоминающей рог животного (рис. 2). В 2016 г. Евгений Селянин передал находку К.Ю. Кирюшину для научного изучения и передачи в Музей археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета.

Летом 2017 г. берег Песчаной в месте находки был тщательно осмотрен К.Ю. Кирюшиным вместе с Е. Селяниным. Находка сделана в 450 м выше по течению Песчаной от моста, который соединяет с. Тоурак с пос. Пролетарий. По словам находчика, предмет был обнаружен непосредственно в воде у правого берега. В этом месте он низкий (летом 2017 г. не превышал 1 м над уровнем воды). На данном участке – широкая пойма Песчаной, покрытая густым кустарником и луговой растительностью. Во время весенних паводков пойма затапливается. Признаки поселенческого культурного слоя в месте находки изделия отсутствуют, так как непосредственно под слоем дерна мощностью от 0,05 до 0,07 м расположены аллювиальные галечные отложения. На берегу отсутствуют искусственные сооружения, обладающие признаками объекта историко-культурного наследия. На найденном предмете нет следов окатанности, свидетельствующих о его долгом пребывании в воде. Изделие могло попасть в реку случайным образом, где-то выше по течению зимой оно могло вмерзнуть в лед и весной его вместе со льдом могло принести к с. Тоурак. Отметим, что выше по течению Песчаной известны археологические памятники, в том числе и поселение Подворонье периода энеолита, расположенное в 2 км выше по течению реки от местонахождения песта [Папин и др., 2013].

Орудие (рис. 2) изготовлено из речной гальки. Длина изделия составляет 38 см, а вес – 2,48 кг. Оно имеет цилиндрическо-коническую форму с расширением к основанию, изогнуто к вершине. Изделие выполнено путем тщательной оббивки (пикетажа) и шлифовки поверхности. В верхней части изделия следы оббивки (пикетажа) наиболее хорошо заметны на «внутренней» поверхности изгиба (об этом свидетельствуют многочисленные выщерблины). На «внешней» поверхности изгиба следы

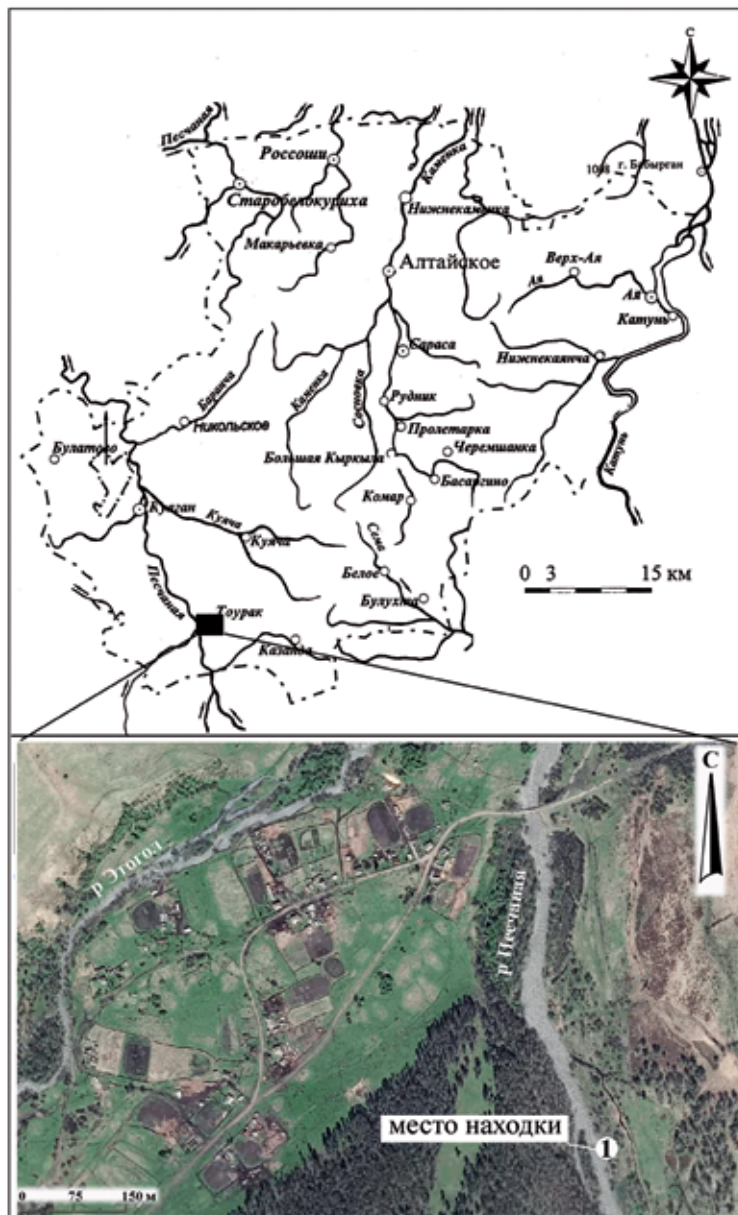

Рис. 1. Местонахождение каменного песта на карте Алтайского района (1) и в окрестностях с. Тураак (2)

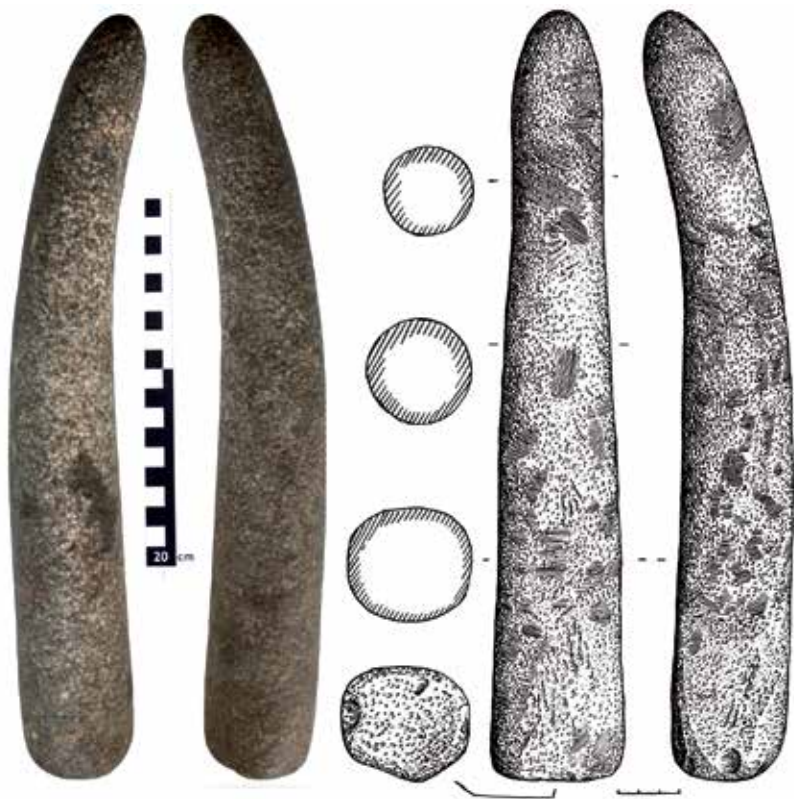

Рис. 2. Случайная находка каменного песта в окрестностях с. Тоурак

пикетажа сработаны в процессе шлифовки поверхности. Можно сделать вывод, что исходная форма камня преднамеренно модифицирована, с целью придать готовому изделию сходство с рогом. Рабочая площадка имела овальную форму, размерами 6×5 см. На ней отмечены многочисленные выбоины – результат использования орудия в качестве песта.

Атрибутация данного предмета, так же как и его датировка и культурная принадлежность, в связи с условиями его обнаружения вне контекста археологического объекта неоднозначна и, несомненно, является дискуссионной. Данная работа имеет целью ввести эту интересную находку в научный оборот и рассмотреть ее место в кругу подобных изделий на территории юга Западной Сибири и сопредельных территориях.

Подобные изделия традиционно связываются с комплексами афанасьевской культуры, в которых они находят многочисленные аналогии. Каменные песты и жезлы известны в материалах афанасьевской куль-

туры как на Алтае, так и в Минусинских котловинах. В Горном Алтае подобные предметы происходят из могильников Первый Межелик-1 (ограды 9, 10), Нижний Тюмечин-1 (ограды 3, 9), Кор-Кобы-1 (ограды 6, 9), Кызык-Телань-1 (ограда 31), Чепош-3 (курган №2), Бертек-33 (курган №1), Курота-2 (курган №2), Сальдяр (ограды 5, 41, 42) и др. [Вадецкая и др., 2014, с. 319]. В значительно меньшей степени подобные находки представлены на афанасьевских поселениях. Известны и в разной степени документированы случайные находки из Майминского, Шебалинского и Чемальского районов. Отметим, что каменные песты широко использовались практически на всем протяжении бронзового века. В частности, они известны в елунинских комплексах периода ранней бронзы Обь-Иртышья [Кирюшин, Грушин, 2009].

Типологически выделяются два основных вида пестов – с выделенной рукоятью и без таковой. Первые в литературе обозначаются различными терминами – колотушки, куранты и т.д. Как правило, все орудия имеют следы сработанности на рабочей плоскости. Размеры изделий различны, однако выделяются и довольно крупные экземпляры, подобные найденному на р. Песчаной. Обращаясь к проблемам функционального назначения афанасьевских пестов и жезлов, необходимо учитывать контекст, в котором обнаружены рассматриваемые предметы. В том случае, когда песты найдены в могилах, определенных закономерностей в их расположении не прослеживается. Чаще всего пест помещался у головы погребенного, у правой руки, рядом с сосудом, реже – в районе таза или ступней, параллельно или перпендикулярно скелету. Обычно эти погребения принадлежат мужчинам. Кроме того, значительное количество рассматриваемых изделий найдено в насыпях оград.

Представляется, что афанасьевские песты могли выполнять различные функции. Не исключено, что значительную роль они играли в производственных процессах, связанных с добычей и первичной переработкой медной руды. Это подтверждают находки афанасьевского времени, сделанные на горной выработке на горе Владимировка, где собрана представительная коллекция подобных орудий [Баженов и др., 2002; Грушин, 2015]. С другой стороны, находки, подобные обнаруженной в Бертеке-33 (курган №1), где был найден сланцевый жезл с естественными вкраплениями пирита, имеют явно ритуальное значение [Савинов, 1994, с. 133].

Пест из с. Тоурак имеет изогнутую специально оформленную верхнюю часть, такая форма рукояти, с учетом трудозатрат на ее оформление, с функциональной точки зрения имеет малое практическое значение. По всей видимости, связь подобных изделий с технологическими процессами металлургии меди могла наделять их двоякой семантикой, а сами песты и схожие с ними жезлы могли выполнять как производственную, так и ритуальную функции.

Условия обнаружения песта вне контекста археологического объекта не позволяют делать окончательные выводы о производствен-

ной либо ритуальной функции изделия. Специфичная форма предмета, выполненного в виде рога крупного рогатого скота, заставляет для решения проблем его хронологии, периодизации, атрибуции и культурной принадлежности обратиться к более широкому кругу аналогов на территории степной и лесостепной Евразии.

Изделие из Тоурака находит аналогии среди пестов с фигурными навершиями, которые известны в елунинских комплексах периода ранней бронзы Обь-Иртышья [Кирюшин, 2009]. Особенно близка по морфологии находка каменного песта с оз. Иткуль с навершием в виде головы медведя [Кирюшин, Грушин, 2009, рис. 1.-8]. Животные играли важную роль в духовной жизни племен степей и лесостепей Евразии в эпоху бронзы. Рога млекопитающих до недавнего времени не являлись предметом специальных исследований. Первой большой работой, посвященной использованию рогов животных в обрядовой деятельности населения степной и лесостепной Евразии в эпоху бронзы, является статья В.А. Подобеда, А.Н. Усачука и В.В. Циминданова [2018, с. 40–51]. В своей работе авторы приводят различные примеры, когда рога животных использовались в контексте разных обрядовых действий: в обрядах, связанных с почитанием огня; они соотносились с водной стихией и были связаны с потусторонним миром [Подобед и др, 2018, с. 40].

В контексте данной работы наиболее актуальны примеры, которые, по мнению исследователей, свидетельствуют о том, что рога соотносились с водной стихией [Подобед и др., 2018, с. 44]. Свидетельством этого, по мнению авторов, является совместное нахождение рогов с костями и чешуей рыб, раковинами моллюсков, с галькой – с предметами, которые являлись символами воды; а также нахождение рогов на дне или в засыпке колодца. Авторы считают правомерным допущение, «что часть обрядов, в которых использовались рога, призвана была испросить у высших сил воду, столь необходимую скотоводам степей» [Подобед и др., 2018, с. 44]. Если признать правомерным это предположение исследователей, то нельзя исключать вероятности того, что пест из Тоурака оказался в воде в результате целенаправленных (культурных, обрядовых) действий.

Одно из возможных направлений исследований в контексте рассматриваемого артефакта – это уже отмеченная выше связь пестов с производственной деятельностью, а именно с горнорудными разработками. В этом отношении важно отметить, что на афанасьевских выработках на г. Владимировка среди обнаруженных предметов присутствуют рога крупного рогатого скота с деревянными сердечниками, которые использовались для раскалывания рудосодержащей породы [Кирюшин, Кунгуров, Тишкин, 2002; Баженов и др., 2002].

Подводя итоги, необходимо отметить, что пест, найденный в Тоураке, создан, вероятно, в среде носителей скотоводческих традиций. Скорее всего, этот артефакт предварительно датируется энеолитом–ран-

ней бронзой, хотя нельзя исключить и более позднюю датировку. Верховья р. Тоурак до сих пор остаются наименее исследованными районами на археологической карте Алтайского края. В этом районе проводилось только несколько разведок и обследованы совсем незначительные земельные участки. Не исключено, что при проведении масштабных археологических исследований в районе с. Тоурак предположения, выдвинутые в данной работе, получат дальнейшее развитие.

Библиографический список

Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Владимировка на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск, 2002. 108 с.

Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул, 2014. 380 с.

Грушин С.П. Владимировка – древнейшая горнорудная выработка в Сибири: итоги и перспективы исследования // Геоархеология и археологическая минералогия. 2015. №2. С. 95–98.

Кiryushin Ю.Ф., Грушин С.П. Предметы мобильного искусства раннего и среднего бронзового века лесостепного Обь-Иртышья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. Вып. 4 (40). С. 67–75.

Кiryushin Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Коллекция древних орудий горнорудного дела с Алтая // Труды Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ. Томск, 2002. Т. 1. С. 21–38.

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Грушин С.П., Семибратов В.П., Фролов Я.В. Работы Северо-Алтайского археологического отряда в зоне проектирования строительства магистрального газопровода «Алтай» в 2011 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 286–304.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Рога животных в обрядах населения степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 40–51.

Савинов Д.Г. Афанасьевская культура // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Уюк). Новосибирск, 1994. С. 130–135.

K. Yu. Kiryushin^{1,2}, S. P. Grushin², A. V. Fribus³

¹*Institute of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk, Russia;*

²*Altai State University, Barnaul, Russia;*

³*Kemerovo State University, Barnaul, Russia*

STONE PESTLE IN THE FORM OF A HORN – RANDOM FIND FROM THE TOURAK VILLAGE (the Altai District of the Altai Region)

In 2013, a resident of the Tourak village in the Altai District of the Altai Region, Yevgeny Selyanin, found a stone near the right bank of the Peschannaya river. The stone attracted E. Selyanin's attention with its unusual shape resembling a horn of an animal. The product is made of river pebbles. The product has a cylindrical-conical shape with the expansion to the base, curved to the top.

Similar products (pestles) are traditionally associated with the Afanasyevskaya culture complexes, in which they find numerous analogies in Altai and in the

Minusinsk depression. Afanasyevskaya culture pestles could fulfill various functions. The pestle from the Tourak village has a curved, specially designed upper part; this shape of the handle, taking into account the labor costs for its design from the functional point of view, is of little practical significance. Apparently, the connection of such products with the technological processes of copper metallurgy could give them double semantics, and the pestles and the wand could perform both productive and ritual functions. The object from Tourak, finds analogies among pestles with figured tops, which are known in the Elunino cult complexes of the early Bronze Age in the Ob-Irtysh area.

Key words: stone pestle, horns, Eneolithic, early Bronze period, ceremonial actions, functional purpose.

УДК 902.2(571.1)

С.А. Ковалевский

*Кузбасский государственный технический университет,
Кемерово, Россия*

ВКЛАД Н.Л. ЧЛЕНОВОЙ В ИЗУЧЕНИЕ ИРМЕНСКИХ ДРЕВНОСТЕЙ АЛТАЯ

Статья посвящена рассмотрению роли известного российского археолога Наталии Львовны Членовой в изучении памятников поздней бронзы лесостепного Алтайского Приобья. Анализируются итоги полевых исследований на данной территории, проведенные Н.Л. Членовой в 1969–1973 гг. (курганные могильники Суртайка-I и Камышенка), и результаты изучения ею материалов карасукской эпохи предшествующих десятилетий. Соответственно, в работе были использованы как материалы полевых отчетов Н.Л. Членовой, так и ее научные публикации. Делается попытка не только показать особенности процесса изучения Н.Л. Членовой ирменской культуры на территории Алтайского Приобья, но и проследить эволюцию ее взглядов (середина 1950-х – 1-я половина 1990-х гг.) на культурно-исторические процессы, происходившие в этом регионе, а также вопросы хронологии и культурной принадлежности.

Ключевые слова: лесостепное Алтайское Приобье, Западно-Сибирская археологическая экспедиция, карасукская эпоха, ирменская культура, Камышенка-I, Суртайка.

Наталии Львовне Членовой и ее роли в российской археологии посвящены публикации В.А. Коренько, С.В. Кузьминых [2011], Ю.Ю. Раткиной [2014] и В.И. Молодина [2015, с. 221–233]. Данная работа призвана показать вклад Н.Л. Членовой в изучение периода поздней бронзы лесостепного Алтайского Приобья. К алтайским материалам Н.Л. Членова впервые обратилась в середине 1950-х гг. В качестве одной из родственной выделенной ею ирменской культуры она назвала тогда алтайскую культуру карасукской эпохи (наряду с культурами Центрального и Восточного Казахстана). Действительно, к тому времени благодаря исследованиям Н.С. Гуляева, В.П. Михайлова, М.Д. Ко-

пытова, С.М. Сергеева, А.П. Маркова и М.П. Грязнова на территории Верхней Оби были исследованы немногочисленные памятники, относимые к карасукской культуре (эпохе).

Обозначенные Н.Л. Членовой культуры, а именно ирменскую, алтайскую культуру карасукской эпохи, а также культуры Центрального (могильники Дандыбай и Бегазы) и Восточного Казахстана (поселения Канай и Малокрасноярка) объединяет, как она считала, андроновское происхождение и некоторое минусинское карасукское влияние. При этом наибольшее сходство с минусинскими материалами, как полагала тогда Н.Л. Членова, демонстрирует именно алтайская культура. Ирменская же культура обнаруживает близость к восточно-казахстанским памятникам [Членова, 1955, с. 38–57].

Изменение представлений Н.Л. Членовой о культурной принадлежности алтайских материалов периода поздней бронзы, по всей видимости, произошло только в 1970 г. Это переосмысление можно связать с процессом накопления во второй половине 1950-х и в 1960-е гг. источникового фонда памятников изучаемой эпохи в различных регионах Западной и Средней Сибири. Немаловажным является, по нашему мнению, и то, что долгое время Н.Л. Членова занималась изучением собственно карасукской и тагарской культур Минусинского региона. С этих позиций возвращение Н.Л. Членовой в конце 1960-х гг. к ирменской проблематике Западной Сибири произошло на более зрелой основе, через призму знакомства с карасукскими материалами.

В 1969 г. Алтайским отрядом Западносибирской археологической экспедиции под руководством Н.Л. Членовой были проведены разведки и раскопки на территориях Красногорского и Усть-Пристанского районов Алтайского края. Стоит отметить, что в разведках принимали участие научные сотрудники Бийского краеведческого музея Б.Х. Кадилов и А.П. Марков (в то время уже вышедший на пенсию). В Красногорском районе Алтайским отрядом были обследованы могильники у сел Быстрянское и Березовка, а также городище на р. Иша, изучавшиеся С.М. Сергеевым еще в 1930-е гг. Были также раскопаны восемь уцелевших курганов могильника Суртайка-I, три из которых были отнесены к концу карасукской эпохи и предварительно датированы VIII–VII вв. или VII в. до н.э., а два кургана были квалифицированы как принадлежащие к эпохе ранних кочевников.

В Усть-Пристанском районе Алтайский отряд проводил изучение курганов у д. Камышенка, сборы на дюне Долгая Грива и небольшие раскопки грунтового средневекового могильника Осинки (в последующем исследовании этого могильника продолжил Д.Г. Савинов). В могильнике Камышенка было раскопано восемь курганов поздней бронзы, датированные Н.Л. Членовой VIII–VII вв. до н.э. и отнесенные к карасукской эпохе. Сборы на Долгой Гриве дали в основном материал ран-

него железа, но были зафиксированы и артефакты карасукской эпохи [Членова, 1969, с. 1–29].

Раскопки курганного могильника Камышенка были продолжены Н.Л. Членовой в 1970 и 1973 гг. В 1970 г. Алтайским отрядом раскопаны 12 курганов на этом некрополе, а также проведены небольшие разведки у д. Камышенка, Клепикова и на берегах оз. Шибаево. Исследованные материалы Камышенки были отнесены уже к ирменской культуре [Членова, 1970а, с. 1–20]. В 1973 г. за один полевой сезон раскопаны 28 курганов и одна землянка, первоначально принятая исследователями за курган. Полученные материалы (за исключением землянки) также отнесены к ирменской культуре. Кроме этих работ, проводились раскопки грунтового могильника Охотничья Грива у оз. Шибаева и поселения Клепиково на р. Курья [Членова, 1973а, с. 1–46].

Материалы раскопок могильника Суртайка-I, произведенных С.М. Сергеевым и А.П. Марковым в 1930-е гг., а также результаты собственных исследований были опубликованы Н.Л. Членовой [1970в, с. 200; 1973б, с. 114–121] в начале 1970-х гг. Для данного памятника ею предложены уже достаточно поздние в рамках поздней бронзы даты, а именно VII–VI вв. до н.э. По наблюдению Н.Л. Членовой, могильник Суртайка-I по ряду особенностей обряда погребения и инвентаря сближается с ирменской культурой. Однако по другим особенностям он отличается от типичных ирменских могильников западносибирской лесостепи и более северных (Плотинная-I, Нижняя Суетка, Камышенка) и, как считала Н.Л. Членова, может быть определен как памятник одного из вариантов ирменской культуры. Своеобразие могильника Суртайка-I, использование камня в погребальных сооружениях объясняется его близостью к Горному Алтаю, где, по предположению специалиста, могла существовать неизвестная пока культура карасукского круга [Членова, 1973б, с. 117–121].

Описательная и аналитическая информация об исследованиях другого курганного могильника Камышенка была частично опубликована Н.Л. Членовой [1970в, с. 200; 1971, с. 212; 1974а, с. 233; 1974б, с. 112–119; 1981, с. 100–108] в ряде статей. Памятник датирован VIII–VII или VII–VI вв. до н.э. и отнесен к одному из вариантов ирменской культуры. По материалам исследованного могильника Н.Л. Членова [1974б, с. 118–119] пришла к заключению о том, что он был оставлен численно значительной группой населения, связанной близким родством с выделенной и более богатой семьей вождя.

Неординарность данного могильника среди других ирменских памятников была продемонстрирована Н.Л. Членовой в статье, посвященной ирменскому погребению женщины с богатым инвентарем в кургане №67. На основании анализа достаточно представительного сопроводительного набора (всего в погребении было 115 украшений), часть кото-

рого уникальна и имеет среднеазиатские аналоги, Н.Л. Членова предположила, что в данном кургане погребена имевшая высокий социальный статус молодая женщина среднеазиатского происхождения, в свадебном уборе, вышедшая замуж за представителя ирменской культуры. Данное предположение было подкреплено целым рядом исторических и этнографических параллелей [Членова, 1981, с. 100–108].

В 1976 г. Н.Л. Членовой были также опубликованы разновременные материалы могильника Змеевка (Красный Яр), раскопанного С.М. Сергеевым в 1930 г. и содержавшего сrostкинские, андроновские и ирменское погребения. На основании стратиграфических и планиграфических данных Н.Л. Членовой [1976, с. 76–83] сформировано заключение о хронологической близости, если не о синхронности, андроновской и ирменской культур.

Эти и другие материалы позволили Н.Л. Членовой сделать ряд выводов, существенно повлиявших на восприятие специалистами ирменской культуры. Уже в 1970 г. в статье, посвященной датировке ирменской культуры, Н.Л. Членова обратилась к материалам Лесостепного Алтая. На основании целой серии вещей (бронзовые удила со стремевидными концами и V-образные псалии, бронзовые ножи, близкие раннетаргарским и большечеренским) из могильников Суртайка-I, Камышенка, Плотинная-I, поселения Долгая Грива памятники Алтая были датированы VII–VI вв. до н.э. [Членова, 1970б, с. 133–149].

В статье 1972 г. Н.Л. Членова привела сводку известных на тот момент памятников поздней бронзы Алтая и объединила их в алтайский вариант ирменской культуры. В данной работе она обозначила отличия ирменских памятников Кулундинской степи и предгорной полосы Алтая от памятников лесостепного Приобья и затронула соотношение еловской и ирменской культур [Членова, 1972, с. 26–29].

Позднее Н.Л. Членова разделила алтайский вариант на североалтайский и предгорно-алтайский. В целом, она считала ирменскую культуру достаточно однородной, однако допускала наличие окраинных вариантов (например, большеложского и розановского). Тогда же она предположила казахстанское происхождение ирменской культуры, опираясь на ее «родственность» памятникам Верхнего Иртыша типа Малокрасноярка-Грушиково, и в меньшей степени центрально-казахстанским памятникам типа Дандыбай-Бегазы [Членова, 1973в, с. 207–209]. Вывод о казахстанском происхождении карасукоидного компонента, повлиявшего на формирование ирменской культуры, был подтвержден Н.Л. Членовой и в более поздней публикации. Бегазы-дандыбаевский компонент, по ее мнению, был привнесен в уже сформировавшуюся ирменскую культуру. Роль же валикового компонента Н.Л. Членова [1994а, с. 76–77] считает незначительной, затронувшей только юго-западные районы расселения ирменского населения.

В дальнейшем Н.Л. Членова неоднократно обращалась к ирменским материалам Лесостепного Алтая, используя их в своих работах. В наиболее развернутом виде это было сделано в монографии «Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири», где для обоснования хронологии ирменской культуры были привлечены материалы всех раскопанных к тому времени памятников (в том числе Алтайского Приобья). Достаточно подробно Н.Л. Членовой были проанализированы материалы алтайских могильников Камышенка и Старший Осинкинский. Последний на основании вещевого комплекса был квалифицирован как наиболее ранний памятник ирменской культуры и датирован IX–VIII вв. до н.э. Достаточно подробно Н.Л. Членова [1994б, с. 10–93] остановилась и на судьбах ирменской культуры, показав процесс постепенного «вызревания» в ее недрах на протяжении VIII–VII вв. до н.э. так называемых ирменско-большереченских памятников.

Таким образом, материалы лесостепного Алтайского Приобья были активно использованы в аналитических работах Н.Л. Членовой и стали важной составляющей ее концепции ирменской культуры. Значение памятников эпохи поздней бронзы Алтая в исследованиях, проводимых Н.Л. Членовой, подчеркивается и тем фактом, что именно их изучению она посвятила три полевых сезона. И даже несмотря на то, что многие концептуальные выводы Н.Л. Членовой подверглись критике, были пересмотрены впоследствии специалистами, значение их для истории российской археологической науки достаточно велико и сегодня.

Библиографический список

Кореняко В.А., Кузьминых С.В. Наталия Львовна Членова: очерк научной биографии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. №2 (15). С. 36–46.

Молодин В.И. Наталия Львовна Членова // Очерки истории сибирской археологии. Новосибирск, 2015. С. 221–223.

Раиткина Ю.Ю. Роль Н.Л. Членовой в изучении памятников эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4–1 (84). С. 178–181.

Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология. 1955. №23. С. 38–57.

Членова Н.Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западно-Сибирской экспедиции. Раскопки курганов у д. Камышенка в 1969 г. // Архив ИА РАН, Р-1, №4020. М., 1969. 29 с.

Членова Н.Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западно-Сибирской экспедиции. Раскопки курганов у д. Камышенка // Архив ИА РАН, Р-1, №4947. М., 1970а. 20 с.

Членова Н.Л. Датировка ирменской культуры // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970б. С. 133–149.

Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 1969 г. М., 1970в. С. 200.

Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 1970 г. М., 1971. С. 212.

Членова Н.Л. Итоги и проблемы изучения карасукской эпохи в Алтайском крае // Археология и краеведение Алтая. Барнаул, 1972. С. 26–29.

Членова Н.Л. Отчет о работах Алтайского отряда Западно-Сибирской экспедиции. Раскопки курганов у д. Камышенка // Архив ИА РАН, Р-1, №6051. М., 1973а. 56 с.

Членова Н.Л. Суртайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // Краткие сообщения Института археологии. 1973б. Вып. 12. С. 114–121.

Членова Н.Л. Ирменская культура и ее локальные варианты // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973в. С. 207–209.

Членова Н.Л. Раскопки на Северном Алтае // Археологические открытия 1973 г. М., 1974а. С. 233.

Членова Н.Л. Раскопки могильника Камышенка на Северном Алтае в 1970 г. // Из истории Сибири. Вып. 15: Материалы по археологии Западной Сибири. Томск, 1974б. С. 112–119.

Членова Н.Л. Андроновские и ирменское погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // Краткие сообщения Института археологии. 1976. Вып. 147. С. 76–83.

Членова Н.Л. Ирменское погребение с богатым инвентарем // Краткие сообщения археологии Сибири, Средней Азии и Кавказа. 1981. Вып. 167. С. 100–108.

Членова Н.Л. Роль миграций в сложении карасукской и ирменской культур Сибири // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994а. С. 75–77.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994б. 170 с.

S.A. Kovalevsky

Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia

N.L. CHLENOVA'S CONTRIBUTION TO STUDYING OF THE IRMENSK ANTIQUITIES OF ALTAI

This article is devoted to the role of the famous Russian archaeologist Natalia Lvovna Chlenova in studying the sites of the late Bronze Age in the forest-steppe Altai Ob area. Analysis is given to the results of field research in this area, conducted by N.L. Chlenova in 1969–1973 (burial grounds of Surtayka-I and Kamyshenka), and the results she obtained studying the materials of the Karasuk period of the previous decades. Accordingly, in the work we used as materials of N.L. Chlenova's field reports and her scientific publications. In this article, an attempt is made not only to show the features of N.L. Chlenova's studying of the Irmenskaya culture in the Altai Ob area, but trace the evolution of her views (mid-1950s – first half of the 1990s) on the cultural and historical processes taking place in the region, along with the questions of chronology and cultural affiliation.

Key words: forest-steppe Altai Ob region, West Siberian archaeological expedition, Karasuk era, Irmenskaya culture, Kamyshenka-I, Surtayka.

УДК 903.2(571.17)

А.Л. Кунгуров¹, В.П. Семибратов¹, Л.Ю. Боброва²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета, Кемерово, Россия

НАХОДКА КАМЕННОЙ «ПЕШНИ» В ОКРЕСТНОСТЯХ КЕМЕРОВО (Кемеровская область)

Статья посвящена описанию каменного изделия с двусторонней обработкой и выделенным череном, которое предназначалось для колки льда. Масивность и особенности расположения черена позволили авторам выдвинуть предположение о специализированном характере орудия, как инструмента для долбления во льду канавок для зимнего сетевого рыболовства. Район Кузнецкой котловины, где предположительно найден артефакт, содержит сырьевые и биоресурсы для изготовления и использования подобных орудий. Возможная датировка находки – неолитическое время.

Ключевые слова: местонахождение, находка, орудие, пешня, лед, прорубь, сеть, датировка, неолит.

В конце 2017 г. в музей «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ поступил необычный каменный артефакт (акт №20/2017 от 07.11.2017 г. Номер по Книге поступлений – КМАЭЭ, КП 510, ВА 100/21; по Книге поступлений – КП номер 510; по вторичному учету – ВА 100/21). Предмет передал в музей житель Кемерово Николай Александрович Гнеденко, обнаруживший его во время строительных работ в куче щебня на дачном участке, который расположен в с. Сухово (ул. Березовая, 9). Место происхождения щебня, привезенного из окрестностей села лет восемь назад, неизвестно. В настоящее время ближайший карьер по добыче щебня из пойменного аллювия Томи расположен в с. Березово в 13–14 км выше по течению реки. Сухово находится на юго-восточной окраине Кемерово, на кромке левого берега Томи.

Данный регион является стыком отрогов Кузнецкого Алатау (правый борт долины Томи) и северного района Кузнецкой котловины (левый борт долины Томи). Это Кузнецко-Салаирская физико-географическая область, расположенная в пределах Алтае-Саянской горной страны вблизи границы с Западно-Сибирской равниной [Удодов, Егорова, Багмет, 2017]. Оконечность Кузнецкого Алатау в районе имеет низковывсотный пенеппленезированный характер. Кузнецкая котловина, занимающая центральное положение в пределах Кузнецко-Салаирской физико-географической области, окаймлена с запада Салаирским кряжем, а с юга и востока – Алатауско-Шорским нагорьем. Северный район котловины представляет собой аккумулятивную слаборасчлененную равнину с широкими и плоскими междуречьями и хорошо врезанными речными долинами (рис. 1). В описываемом районе присутствует пласт крупнога-

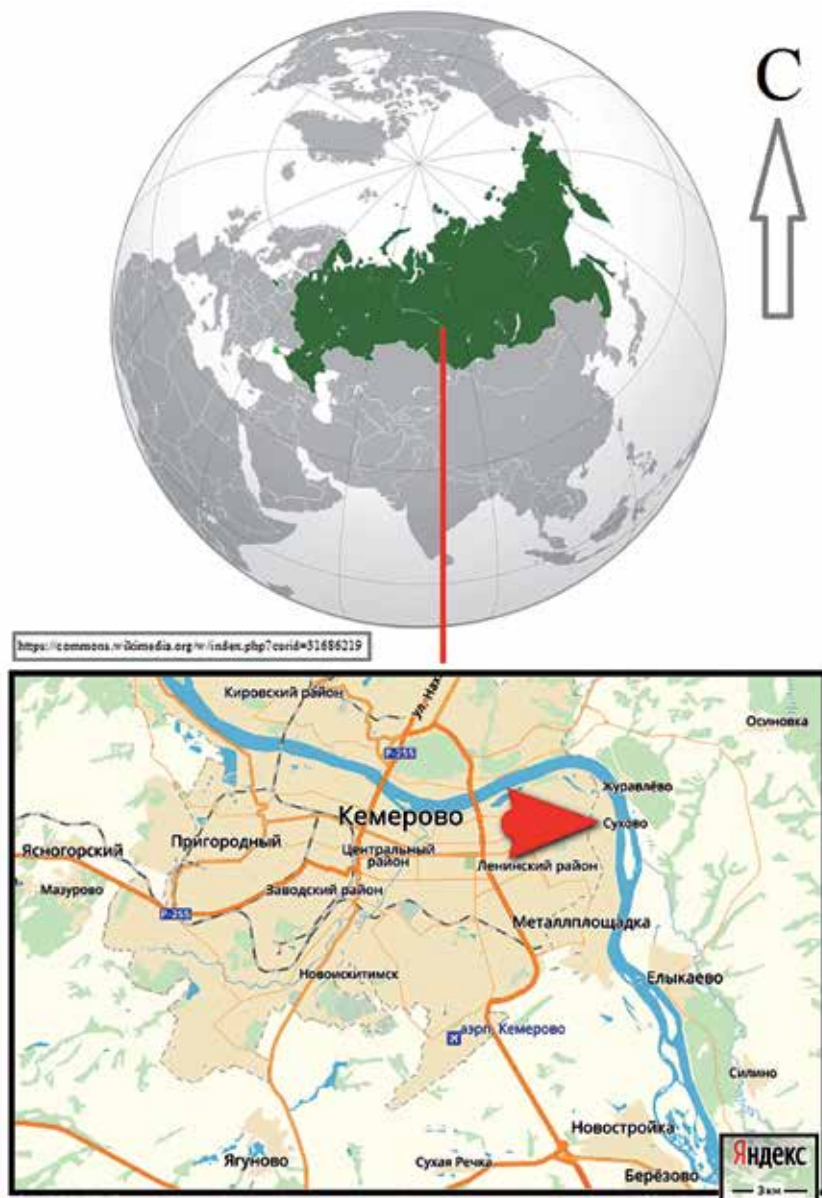

Рис. 1. Расположение места нахождения каменной «пешни» в окрестностях Кемерово

лечникового конгломерата мощностью до 6 м, который Томь вскрывает в нескольких местах. На отмели выносятся отдельности кремневых песчаников, алевролитов, гравелитов и других минералов, имеющих кварц-палеовшпанный полимиктовый состав и зеленовато-серую окраску. Именно такая отдельность-валун и стала основой изготовления найденного в Сухово орудия (рис. 2.-1).

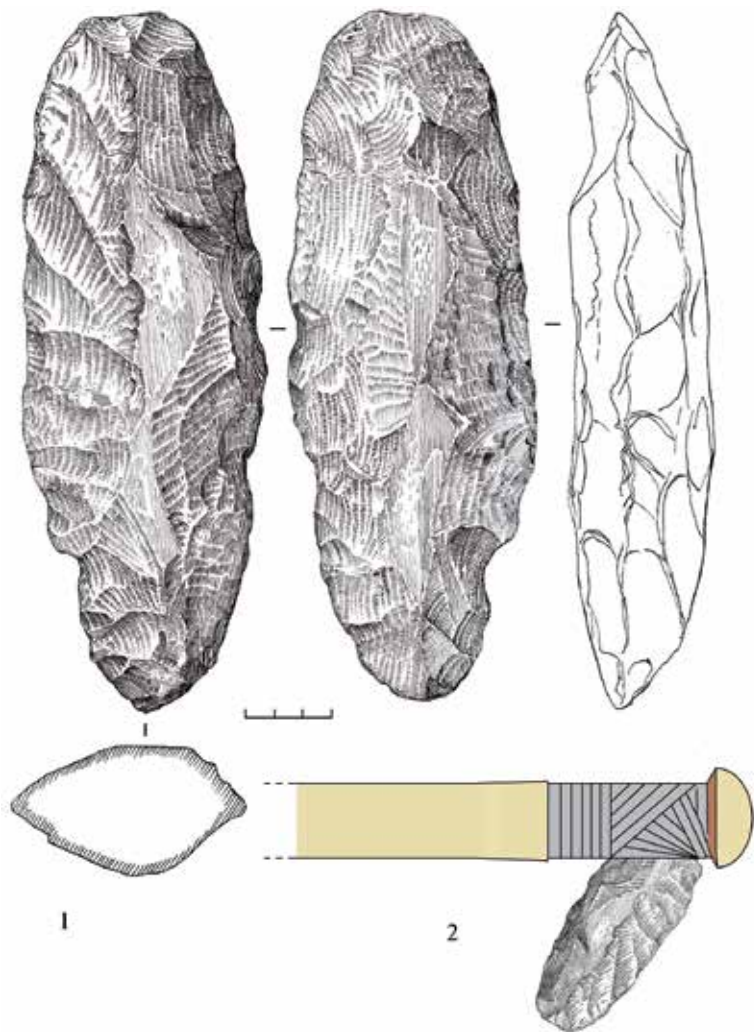

Рис. 2. Каменная «пешня» из с. Сухово (1) и графическая реконструкция крепления этого инструмента к рукояти (2)

Каменное орудие немного окатано, что свидетельствует о его нахождении в воде и объясняет попадание в аллювиальную толщу Томи. Параметры следующие: длина 24 см, максимальная ширина 8,8 см, максимальная толщина 5,5 см. Четко оформлен черен: ширина до 4,2 см, толщина от 4,5 до асимметричного острия-насада. Черен выделен уступами от кромки рабочих краев также асимметрично: с одного края его длина 10,5 см, с другого – 6 см. Поверхность основной рабочей части неровно-трапезиевидного сечения и овальной формы обработана сколами с двух плоскостей. Сколы оставили фасетки различной формы. Удлиненные сколы ориентированы от острия, имеющего четкие овальные очертания, к черену. Широкие сколы направлены перпендикулярно от края. Лезвие в разрезе клиновидное с резким уменьшением толщины в 7,7 см ниже кромки острия. Центральная часть орудия имеет выраженную плоскость с одной стороны и гребень, сформированный дистальными окончаниями фасеток сколов, – с другой (хотя участки плоскости, параллельной противоположному фасу, имеются). Определить наличие на этих участках шлифовки поверхности не удалось, так как поверхность модифицирована абразивным действием течения реки. Авторы склоняются к тому, что шлифовки поверхности не было, а характер плоскостей фасов определяется параметрами отдельности-валуна удлиненной формы, т.е. это остаток валунной корки. При моделировании расположения изделия в рукояти, которая должна иметь очень большую массивность, черен демонстрирует закрепление под острым углом к рукояти (ориентировочно 60°). Такой принцип размещения предполагает использование орудия для вырубания траншей в ледяной поверхности замерзшего водоема (рис. 2.-2). Пешни с угловым размещением рабочего органа из железа, применяемые для зимнего сетевого рыболовства, получили в Сибири наименование «якутских». Изделие из Сухово именовать «якутской пешней», естественно, нельзя, однако мы имеем явный древний прототип подобного рыболовного инструмента.

Библиографический список

Удодов Ю.В., Егорова Н.Т., Багмет Г.Н. Геолого-геоморфологическая характеристика и полезные ископаемые Кемеровской области // Вестник КемГУ. Сер.: Биологические, технические науки и науки о Земле. 2017. №1. С. 53–59.

A.L. Kungurov¹, V.P. Semibratov¹, L.Yu. Bobrova²

¹*Altai State University, Barnaul, Russia;*

²*Museum “Archaeology, Ethnography and Ecology of Siberia”,
Kemerovo State University, Kemerovo, Russia*

FIND OF THE STONE ICE – PICK IN THE VICINITY OF KEMEROVO (the Kemerovo Region)

The article is devoted to the description of a stone product with two-sided processing and a stem which was intended for ice splitting. Massiveness and peculiarities of the location of the stem allowed the authors to propose the specialized character of

the tool as a tool for chiselling grooves in the ice for winter network fishing. The area of the Kuznetsk Basin, where the artifact is supposedly found, contains raw materials and bioresources for the manufacture and use of such tools. Possible dating of the find is Neolithic time.

Key words: location, find, tool, ice-pick, ice, ice-hole, network, dating, Neolithic.

УДК 902(571.1)

Л.С. Марсадалов

Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БРОНЗОВЫХ КОТЛОВ НА АЛТАЕ И В СОСЕДНИХ РЕГИОНАХ В ХУННУСКОЕ ВРЕМЯ

Бронзовые котлы – редкие и важные находки в археологических памятниках Евразии. В статье анализируются котлы хуннского времени, найденные на территории Алтая, Тувы, Прииртышья, Забайкалья и Монголии. Интересно отметить, что котлы неоднократно находят с китайскими лаковыми чашечками, по которым они могут быть наиболее точно датированы (например, котел из кургана №6 в Ноин-Уле – 1-я четверть I в. н.э.). Детальный анализ отдельных частей котлов, а также даты археологических комплексов позволяют наметить их «эволюционное» развитие. По датам курганов можно распределить археологические комплексы с котлами: Сидоровка, курган №1, могильник 2 (ранний) – Иволгинский могильник, курган №119 – Яломан-II, курган №51 – Дырестуй, курган №43 – Ноин-Ула, курган №6 – Кокэль, курган КЭ-7 – Балыктыюль, курган №227 (поздний). В настоящее время можно построить хронологическую схему изменения форм котлов со II в. до н.э. по III в. н.э.

Ключевые слова: бронзовый котел, хронология, хуннское время, курган, Алтай, Тува, Забайкалье, Монголия, Прииртышье.

Введение. Бронзовые котлы довольно редко находят в закрытых археологических комплексах (курганах/могилах) хуннского времени в разных регионах Центральной Азии. В Забайкалье в Иволгинском могильнике из 216 раскопанных там могил только в одной был найден бронзовый котел, в Дырестуйском – в одном из 130 курганов [Давыдова, 1996; Миняев, 1998], а на Алтае в могильнике Яломан-II – в одном из 20 исследованных курганов этого времени [Тишкин, Горбунов, 2006].

В интересной и содержательной работе Н.А. Боковенко и И.П. Засецкой [1993, с. 75], посвященной бронзовым котлам Центральной Азии и Восточной Европы в хуннское и гуннское время, котлы из Ноин-Улы, Иволгинского городища, Монголии и Северного Китая были объединены в одну группу и датированы интервалом в 400 лет, со II в. до н.э. по II в. н.э. Такие «широкие» хронологические рамки на современном этапе исследований мало приемлемы и нуждаются в уточнении их носительных и абсолютных датировок.

Абсолютная датировка археологических комплексов. Для хуннского периода в целом, а также в частности для могильников Сидоровка в Прииртышье и для Иволгинского комплекса объектов в Забайкалье пока немного надежно установленных археологических дат.

Датировка материалов могильника Сидоровка в Прииртышье у разных авторов колеблется в пределах семи веков. Авторы раскопок этого памятника омские археологи В.И Матющенко и Л.В. Татаурова [1997, с. 2, 82] отнесли Сидоровку к позднесаргатскому времени, к II–IV вв. н.э. Рассмотрев хронологию котлов и золотых пластин из Сидоровки, японский археолог Тахакама Шу [2013, с. 232] датировал их III–II вв. до н.э.

Следует отметить, что парные золотые поясные бляхи из кургана №1 Сидоровки, с изображением сцены борьбы дракона с двумя тиграми, наиболее близки по стилю и сюжету к бронзовым бляхам из самого богатого погребения №100 в центре Иволгинского могильника, южнее от погребения №119 с бронзовым котлом. Изображения на золотых поясных бляхах из Сидоровки более четкие и рельефные и являются первичными по отношению к менее четким оттискам на иволгинских пластинах. Если иволгинское погребение №100 датируется I в. до н.э. [Марсадолов, 2017], то курган №1, могилы 2 из Сидоровки более ранний по времени и ныне может быть датирован 2-й половиной II – 1-й половиной I в. до н.э. (рис.-1–2).

Курган №51 могильника Яломан-II на Алтае датируется по археологическим и калиброванным радиоуглеродным определениям ранним усть-эдиганским этапом булан-кобинской археологической культуры, II–I вв. до н.э. [Тишкин, Горбунов, 2006, с. 31–40; Тишкин, 2007, с. 267–270].

К яломанскому котлу близки по оформлению бронзовые котлы из местонахождения Савва и кургана №43 Дырестуйского могильника в Забайкалье (рис.-3, 8–9). Дырестуйский и Иволгинский могильники в целом датируются II–I вв. до н.э. [Миняев, 1998, с. 89, 72, табл. 21], хотя у разных авторов археологическая датировка одних и тех же объектов Иволгинского памятника колеблется в довольно широком интервале – с III в. до н.э. по II в. н.э. [Давыдова, 1995, с. 24–25; Миняев, 1998, с. 72–75 и др.].

Уникальность Иволгинского комплекса объектов заключается в том, что не только для Забайкалья, но и для соседних регионов Евразии, он долгое время являлся единственным эталонным памятником хунну и хуннского времени, где с достаточной полнотой были изучены одновременные городище и могильник. Наряду с традиционными археологическими методами датирования памятников хунну, в последние десятилетия все шире начинают внедряться методы естественно-научного абсолютного и относительного определения возраста образцов –

радиоуглеродный анализ и дендрохронология. Несмотря на все противоречия, за последние 30 лет все более совершенствуется и уточняется методика радиоуглеродного датирования – создается новая высокоточная аппаратура и внедряются методы AMS-датирования, расширяется диапазон задействованных радиоактивных элементов (^{14}C , соотношения C-13/C-12 и др.), разрабатываются математические методы обработки полученных дат и т.д.

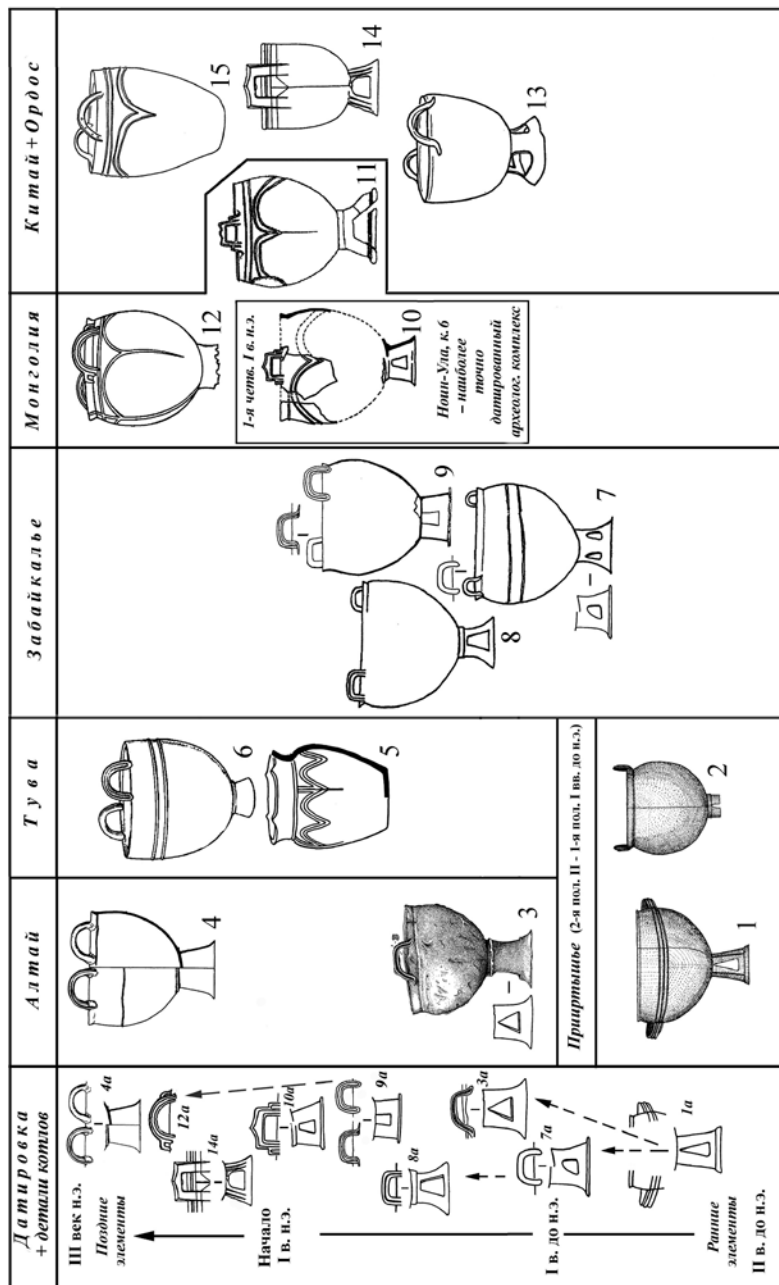
В научной литературе пока известно малое число археологических памятников, когда одновременно с помощью радиоуглеродного метода датировали материалы синхронных объектов – поселения и могильника. Для Иволгинского комплекса объектов был получен ряд таких радиоуглеродных дат. Наиболее вероятные и достоверные радиоуглеродные даты свидетельствуют о жизнедеятельности поселения *в пределах I в. до н.э. – I-й половины I в. н.э.*, а для погребения №138 позволяют уточнить эту дату – *между 50 г. до н.э. и 30 г. н.э.* [Бросседер, Марсадалов, 2010, с. 183–186].

В одном кургане/могиле редко встречаются вместе бронзовый/медный котел и китайские лаковые чашечки – это погребение №119 Иволгинского могильника, курган №43 Дырестуйского могильника в Забайкалье, курган №51 могильника Яломан-II на Алтае и курган №6 могильника Ноин-Ула в Монголии (рис.) [Давыдова, 1996, табл. 35; Миняев, 1998, с. 89; Tishkin, 2011, fig. 9.-7; Руденко, 1962, рис. 29.-6].

Китайская надпись на бортике деревянной лакированной чашечки из кургана №6 в Ноин-Уле указывает на год ее изготовления в одной из мастерских Китая – во 2 г. до н.э., а надпись китайскими иероглифами на фрагменте шелковой ткани из того же кургана – на период правления Ван Мана, 9–24 гг. н.э., т.е. в целом на археологическую дату – 1-ю четверть I в. н.э. [Лубо-Лесниченко, 1969; Миняев, Елихина, 2010, с. 173–180].

По определению химика О.Г. Новиковой из Государственного Эрмитажа, лаковые покрытия предметов из курганов Ноин-Улы менее термостойки, чем изделия из Иволгинского и Яломанского могильников, которые по этому показателю ближе к скифским курганам (Башадару-1, Пазырыкам-4 и 3), так как они содержат в своих лаковых слоях значительные количества тунгового масла, а в Ноин-Уле – покрытие из сока лакового дерева [Тишкин, Хаврин, Новикова, 2008, с. 196–200; Новикова, Марсадалов, Тишкин, 2018, с. 127–128]. Вероятно, этот факт также свидетельствует о более позднем возрасте Ноин-Улы при сравнении с материалами Иволгинского и Яломанского могильников.

К бронзовому котлу из кургана №6 в Ноин-Уле по форме и орнаментации, вероятно и по времени, близки котлы из Бурхан Толгоя и Дурурлик Нарса в Монголии, а также из Лаохэшэнь в Китае (рис.-10–11) [Такахама Шу, 2013, с. 229–230, fig. 4–5, 8].

Хронологическая схема развития бронзовых котлов в хуннское время

Пояснения к рисунку: 1–2 – м-к Сидоровка, к. №1, м. 2 [Матющенко, Татаурова, 1997, рис. 16.-1, 3]; 3 – м-к Яломан-II, к. №51 [Tishkin, 2011, fig. 9.-7]; 4 – м-к Балыктыюль, к. №227 [Сорокин, 1977, рис. 4.-1]; 5 – м-к Кокэль, к. КЭ-7, глиняный сосуд [Вайнштейн, Дьяконова, 1966, с. 282, табл. V.-12]; 6 – м-к Кокэль, к. КЭ-7 (насыпь) [Вайнштейн, 1974, рис. 29.-1]; 7 – Иволгинский м-к, погр. №119 [Давыдова, 1996, табл. 35.-4]; 8 – Сава [Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 5, №17]; 9 – Дырестуйский м-к, к. №43 [Миняев, 1998, табл. 21.-6]; 10 – Ноин-Ула, к. №6 [Руденко, 1962, рис. 29.-6]; 11 – Бурхан Толгой [Такахама Шу, 2013, с. 230, fig. 4]; 12 – Кирон [Руденко, 1962, рис. 29.-в]; 13–15 – Северный Китай (13, 15) и Ордос (14) [Боковенко, Засецкая, 1993, рис. 4, №1, 4, 11]. Составил схему Л.С. Марсадоллов

По железным наконечникам стрел курган №227 на Балыктыюльском могильном поле, в 2 км к юго-западу от Пазырыка на Алтае, был датирован 2-й четвертью I тыс. н.э., т.е. «эпохой вторжения кочевников в Среднюю Азию» [Сорокин, 1977, с. 65], следовательно, более поздним временем, чем другие вышерассмотренные курганы с бронзовыми котлами. Железные наконечники стрел из могильника Кокэль (курган КЭ-7) в Туве по своим формам архаичнее, чем в балыктыюльском кургане №227.

Оформление котлов и их «эволюционное» развитие. При детальном анализе мелких деталей и элементов оформления поддонов/ножек, тулова и ручек котлов, с учетом хронологии археологических памятников, можно попытаться наметить их относительную «эволюционную» схему развития (рис.).

Такой конструктивный элемент, как подовальное расширяющееся вверх тулово котла, больше характерен для более ранних образцов котлов полусферической формы, как, например, в Сидоровке и др. (рис.-1). Начиная с первых веков нашей эры, в Китае и Монголии, а затем в Европе и в других регионах тулово котлов удлиняли вверх, постепенно придавая им почти цилиндрическую форму (рис.-13–14) [Боковенко, Засецкая, 1993].

Орнамент на стенках котлов в виде одной–трех горизонтальных полос сохраняется длительное время (рис.-1, 4, 6, 7). На рубеже тысячелетий была широко распространена орнаментация в виде ряда вертикальных полукруглых «арок» (рис.-10–12, 15), лишь изредка встречаемых в предшествующий период. Не исключено, что форма тулова и «арочный» орнамент на стенках бронзовых котлов, особенно распространенные в Монголии и Китае, повлияли и на оформление глиняных сосудов Тувы хуннуского времени и позднее (рис.-6), которые не имели там таких прототипов в скифское время. Редкость бронзовых котлов у рядовых кочевников способствовала также тому, что в Минусинской котловине и Туве стали имитировать в глине их формы в позднескифское и хуннуское время («котловидные» большие и малые сосуды) [Вайнштейн, 1974; Вайнштейн, Дьяконова, 1966, с. 282, табл. V и др.].

Удлиненные вверх ножки/подставки котлов со временем становятся все более короткими и массивными. Треугольный вырез на ножке котлов вначале был удлиненным вверх (Сидоровка, курган №1), затем

его вершину постепенно скругляли до трапецевидной формы (рис.; Дырестуйский могильник, Ноин-Ула, Бурхан Толгой).

У одного из бронзовых котлов из Сидоровки были две *горизонтальные ручки* (как и у большинства котлов позднескифского времени), а у второго котла меньших размеров – *вертикальные ручки* (рис.-1–2). Ранние вертикальные, низкие небольшие округлые ручки котлов постепенно становились все более высокими и приобретали вначале подпрямоугольную, а затем удлиняющуюся вверх дуговидную/арочную форму, а также украшались все более геометризованным рельефным орнаментом.

Широкие дуговидные ручки с рельефными бортиками на котлах из курганов КЭ-7 могильника Кокэль в Туве (рис.-6) и кургана №227 в Балыктыюле (рис.-4а) относятся к поздним элементам оформления таких деталей. Вероятно, высокие дуговидные/арочные ручки появляются во время, близкое к «арочным» орнаментом на стенках бронзовых котлов и глиняных сосудов на обширной территории Евразии (рис.-10–12, 15, 5).

Анализ конструктивных и оформительских деталей бронзовых котлов из разных регионов, с учетом их хронологии, позволяет наметить относительную последовательность археологических комплексов и могильников (рис.): курган №1, могила 2 могильника Сидоровка (ранний) – погребение №119 Иволгинского могильника – курган №51 Яломана-II – курган №43 в Дырестуе – курган №6 в Ноин-Уле – курган КЭ-7 могильника Кокель – курган №227 в Балыктыюле (поздний).

Заключение. На основании проведенного анализа бронзовых котлов, а также встречаемых вместе с ними предметов с лаковым покрытием можно наметить хронологию вышерассмотренных археологических памятников (рис.).

Нижняя абсолютная дата может быть определена для Сидоровки (курган №1, могила 2) – 2-я половина II – 1-я половина I вв. до н.э.; а для Иволгинского (погребение №119), Яломана-II (курган №51) и Дырестуйского (курган №43) могильников – в рамках I в. до н.э.

Даты лаковой чашечки и шелковой ткани из кургана №6 в Ноин-Уле, в целом относящиеся к 1-й четверти I в. н.э., определяют и археологическую датировку найденных там бронзового котла и других предметов. Абсолютная дата этого Ноин-Улинского кургана является наиболее обоснованной и хронологически «узкой», поэтому бронзовые котлы ноин-улинского типа (рис.-10) могут служить опорной точкой для датирования как предшествующих, так и последующих котлов хуннских типов.

Наиболее поздними по вещевому комплексу на Саяно-Алтае являются бронзовые котлы из кургана КЭ-7 могильника Кокэль в Туве (рис.-6), датированного II–III вв. н.э., а также котел из кургана №227 в Балыктыюле на Алтае (рис.-4), относящийся к III–IV вв. н.э. (более вероятно, к III в. н.э.), хотя их формы и поддоны без отверстий тяготеют к более ранним типам.

Вероятно, наличие в одном кургане бронзового котла и китайской чашечки эр-бэй свидетельствует о высоком социальном статусе погре-

бренных там кочевников хуннского времени. Такие комплексы могут служить в качестве эталонных при датировании других объектов.

Библиографический список

Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского» типа Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей Восточной Европы // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. №3. С. 73–88.

Бросседер У., Марсадалов Л.С. Новые радиоуглеродные даты для Иволгинского археологического комплекса объектов в Забайкалье (предварительные результаты) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат. междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–24 сентября 2010 г.). Улан-Удэ, 2010. С. 183–186.

Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. М., 1974. 224 с.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокэль конца I тыс. до н.э. – первых веков н.э. // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции [1959–1960]. М.; Л., 1966. Т. II. С. 185–291.

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб., 1995. 94 с. + 188 табл. (Археологические памятники сунну. Вып. 1).

Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб., 1996. 176 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 2).

Лубо-Лесниченко Е.И. Китайские лаковые изделия из Ноин-Улы // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969. Т. 10 (7). С. 267–277.

Марсадалов Л.С. Основы сакрально-научных знаний у хуннов Забайкалья // Ранний железный век Евразии от рубежа эр до середины I тыс. до н.э. Динамика освоения культурного пространства: мат. IV науч. конф. «Археологические источники и культурогенез». СПб., 2017. С. 97–101.

Матюшенко В.И., Татаурова Л.В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с.

Миняев С.С. Дырестуйский могильник. СПб., 1998. 233 с. (Археологические памятники сунну. Вып. 3).

Миняев С.С., Елихина Ю.И. К хронологии курганов Ноин-улы // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб., 2010. №5. С. 169–182.

Новикова О.Г., Марсадалов Л.С., Тишкин А.А. Китайские лаковые изделия в Забайкалье и на Алтае в хуннское время // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 106–143.

Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962. 203 с.

Сорокин С.С. Погребения эпохи Великого переселения народа в районе Пазырыка // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1977. Вып. 18. С. 57–67.

Такахама Шу. Происхождение котлов хуннского типа // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. Барнаул, 2013. С. 229–232.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Горный Алтай в хуннское время: культурно-хронологический анализ археологических материалов // Российская археология. 2006. №3. С. 31–40.

Тишкин А.А., Хаврин С.В., Новикова О.Г. Комплексное изучение находок лака из памятников Яломан-II и Шибе (Горный Алтай) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул, 2008. С. 196–200.

Tishkin A.A. Characteristic Burials of the Xiongnu Period at Jaloman-II in the Altai // Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia. Bonn, 2011. P. 539–558 (Bonn Contributions to Asian Archaeology. Vol. 5).

L.S. Marsadolov

The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia

CHRONOLOGICAL TRENDS OF BRONZE CAULDRONS DEVELOPMENT IN ALTAI AND IN THE NEIGHBORING REGIONS IN THE XIONGNU TIME

Bronze cauldrons are rare and important finds in archeological monuments of Eurasia. The article analyzes the cauldrons of the Xiongnu time, found in Altai, Tuva, Irtysh, Transbaikalia and Mongolia. It is interesting to note that cauldrons are repeatedly found with Chinese lacquer cups, on which they can be most accurately dated (for example, the cauldron from barrow no. 6 in Noin-Ula – the 1st quarter of the 1st century AD). A detailed analysis of certain parts of cauldrons, and the dates of archaeological complexes, allow outlining their “evolutionary” development. The dates of the barrows help to group archaeological complexes with cauldrons: Sidorovka, barrow no. 1, burial ground no. 2 (early) – Ivolginsky burial ground, barrow no. 119 – Yaloman-II, barrow no. 51 – Dyrestuy, arrow no. 43 – Noin-Ula, barrow no. 6 – Kokel, barrow KE-7 – Balyktyyul, barrow no. 227 (later). At present, it is possible to construct a chronological scheme how the shape of cauldrons changed from the 2nd century BC to the 3rd century AD.

Key words: bronze cauldron, chronology, Xiongnu time, barrow, Altai, Tuva, Transbaikalia, Mongolia, Irtysh.

УДК 902(574)

В.К. Мерц¹, И.В. Мерц¹, Я.В. Фролов²

*¹Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан;*

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЕ НАХОДКИ РАННЕКОЧЕВНИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ В ПАВЛОДАРСКОМ ПРИИРТЫШЬЕ (Казахстан)

В Казахском Прииртышье остро ощущается проблема охраны археологических памятников. Это связано с повышением интенсивности хозяйственного развития региона. В 2017 г. крупные работы проводились на участке реконструкции автодороги М-38 Павлодар–Семипалатинск. В результате этого строительства разрушен могильник второй половины I тыс. до н.э. Человече-

ские кости и артефакты из погребений были извлечены сотрудниками правоохранительных органов. Основная информация о погребальном обряде этого некрополя была утрачена. В захоронениях обнаружены керамические сосуды. Они характерны для культур сакского круга. Могильник относится к раннему железному веку. Проблемы сохранности памятников археологии в Павлодарском Прииртышье возникают из-за отсутствия координации между строительными организациями и Управлением культуры, архивов и документации Павлодарской области. Часто при обнаружении древних могил строители обращаются в правоохранительные органы, а не в археологические службы. Сотрудники полиции изымают из грунта обнаруженные человеческие останки и артефакты. Археологическая методика не соблюдается.

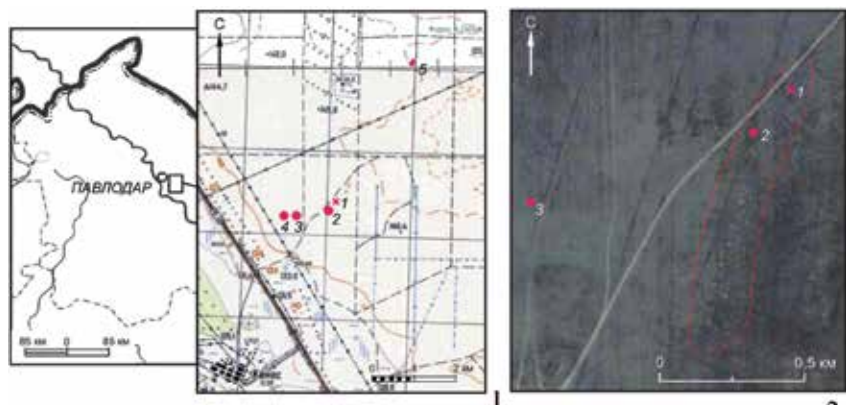
Ключевые слова: Павлодарское Прииртышье, ранний железный век, могильник.

В последнее время в Казахском Прииртышье стала остро ощущаться проблема охраны археологических памятников. Это связано с повышением интенсивности хозяйственного развития региона. Наиболее крупномасштабные работы, включающие расширение дорожных полос, устройство временных обводных путей и грунтовых карьеров, проводятся на участке реконструкции автодороги М-38 Павлодар–Семипалатинск, в результате чего происходит разрушение археологических памятников. Во многом это обусловлено отсутствием координации между строительными организациями и отделом охраны историко-культурного наследия и археологии Управления культуры, архивов и документации Павлодарской области. Данный факт негативно сказывается на сохранности археологических объектов, особенно в тех случаях, когда они не имеют видимых признаков, но здесь многое зависит от внимательности и добросовестности водителей дорожно-строительной техники и руководителей участков. Однако при обнаружении каких-либо археологических предметов и погребений строители, да и простые обыватели, как правило, обращаются в правоохранительные органы, а не в археологические службы. В результате сотрудники полиции, согласно действующим инструкциям, возбуждают уголовные дела и самостоятельно изымают из грунта обнаруженные человеческие останки с сопутствующими артефактами (зачастую небрежно, без соблюдения археологической методики), что приводит к потере ценной научной информации. Затем через определенное время, для прекращения делопроизводства, они обращаются к археологам за экспертным заключением о возрасте находок, после чего еще долго приходится вести переговоры о передаче находок для научного изучения. Такая «работа» стала одной из обычных практик сотрудников центра археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова в последние годы. Активно проводимая просветительская работа среди сотрудников полиции Павлодара пока не приносит нужного эффекта, что невозможно без изменения инструкций и должной поддержки руководства МВД.

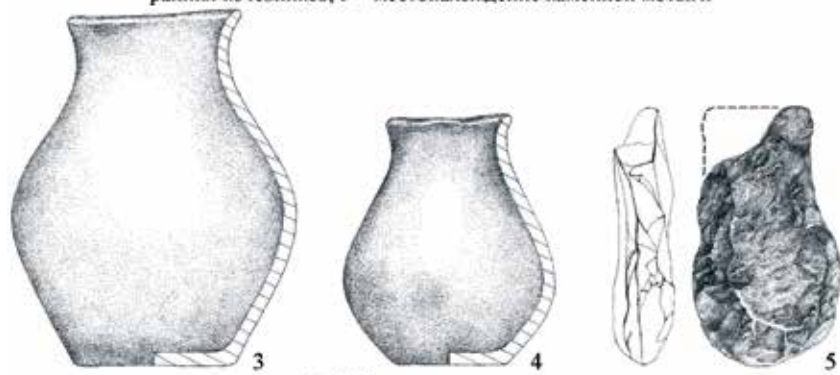
Данное сообщение посвящено одной из таких археологических находок на вышеупомянутом участке реконструкции автодороги М-38 Павлодар–Семипалатинск. Основная задача данного сообщения: обратить внимание на проблему охраны археологических памятников в регионе и ввести в научный оборот хоть и фрагментированный, но ценный для специалистов археологический материал.

Погребения были обнаружены сотрудниками ТОО «АБК-Автодор НС» 11 июня 2017 г. при заборе грунта для возведения насыпи автодороги. Карьер расположен в 2,3 км к северо-востоку от трассы в районе с. Айтим (бывшего с. Кенес) и в 5,2 км от с. Новоямышево Павлодарского района Павлодарской области, GPS-координаты находки: N 51°58'16.68" E 77°19'42.66" (рис.-1, 2). В общей сложности прибывшими на место сотрудниками Павлодарского РОВД были извлечены человеческие останки из четырех захоронений, два из которых содержали по керамическому сосуду. Глубина залегания составила около 1,7 м от дневной поверхности. На основании сделанных сотрудниками полиции фотографий и описаний можно предположить, что умершие находились в вытянутом положении на спине и были ориентированы, предположительно, в северном направлении (вероятно, имело место отклонение на запад или восток). Концентрация погребений позволяет предположить, что они могли располагаться под одной насыпью. После выезда на место их обнаружения и беседы с начальником участка данное место было оставлено нетронутым для возможного дальнейшего изучения. Но впоследствии, когда карьер был отработан и началась его рекультивация уже другой бригадой, 4 сентября 2017 г. данный останец был снесен, что привело к обнаружению на этом участке еще нескольких погребений, человеческие кости из которых также были изъяты сотрудниками полиции. Выезд и обследование местонахождения В.К. Мерцем не дали результатов, поскольку местонахождение было засыпано.

На основании полученной информации можно говорить о том, что древнее кладбище было расположено на поверхности второй надпойменной террасы правого берега Иртыша, занимающей господствующее положение над данной местностью, в 6,5 км к востоку от русла реки. Изучение космоснимков местности при помощи программ Google Earth и SAS Planet позволило выявить, что данная территория некогда была подвержена интенсивной распашке, затронувшей курганный могильник. Памятник состоит не менее чем из десяти курганов, выстроенных в линию в юго-юго-западном – северо-северо-восточном направлении на протяжении 0,7 км, GPS-координаты крайних точек могильника: N 51°57'50.66"; E 77°19'30.16" – N 51°58'13.00"; E 77°19'34.75" (рис.-2). В целом нужно отметить, что надмогильные сооружения не были большими. Соотношение координат найденных

1 – местонахождение погребений; 2–4 – одиночные курганы и могильники ранних кочевников; 5 – местонахождение каменной мотыги

Схемы расположения древних объектов в районе с. Айтим (бывшее с. Кенес) и археологические находки: 1–2 – карты-схемы и космоснимок расположения некрополей; 3–4 – керамические сосуды из разрушенных погребений в карьере; 5 – каменная мотыга из сборов в районе обследованных некрополей

могил с зафиксированными на снимках и на местности курганами позволяет говорить, что разрушенные погребения, по-видимому, относятся к этому памятнику, северная часть которого и была разрушена песчаным карьером. Кроме этого, на распаханых полях к западу от курганного могильника были зафиксированы еще одиночный (N 51°58'4.50" E 77°18'55.30") и группа (N 51°58'6.27" E 77°18'36.86") курганов (рис.-1). По-видимому, возле каждого из них могут находиться скрытые археологические объекты.

В результате произведенных сотрудниками полиции «раскопок» первоначально были найдены скелеты четырех европеоидных мужчин

возрастом от 35 до 60 лет* и два керамических плоскодонных кувшина без орнамента. Позднее были изъяты кости еще одного взрослого мужчины (табл.).

Половозрастные определения умерших из разрушенных погребений на месте карьера в районе с. Айтим, выполненные в Институте судебных экспертиз Павлодарской области

Дата находки	№ скелета	Расовая принадлежность	Пол	Возраст
11 июня 2017 г.	1	европеоидная	муж.	≈ 35–45
11 июня 2017 г.	2	европеоидная	муж.	≈ 50–60
11 июня 2017 г.	3	европеоидная	муж.	≈ 45
11 июня 2017 г.	4	европеоидная	муж.	≈ 35–45
4 сентября 2017 г.	5	определения не выполнены	?	?

Первый сосуд имеет расширяющееся кверху горло (край венчика сколот) и плавный переход к тулову. Шейка невысокая, достигает 1/4 от общей высоты. Высота составляет 18 см, диаметр устья – 9,1 см, тулова – 15,1 см, дна – 8,6 см, толщина стенок – 0,6 см, объем равен 1,6 л. Поверхность заглажена мягким предметом, на горлышке с внешней стороны имеется пригар. Поверхность темно-коричневого цвета с черными пятнами обмазана тонким слоем глины. Тесто плотное, в нем присутствует песок (рис.-3).

Второй кувшин «грушевидной» формы, край венчика немного отогнут, шейка занимает 1/3 от высоты. Высота составляет 12,7 см, диаметр устья – 6,6–6,4 см, тулова – 10,5 см, дна – 6,3 см, толщина стенок – 0,5 см, объем равен 0,55 л. Шейка, в отличие от черного тулова, имеет красно-коричневый цвет, что создает впечатление окрашенности. Поверхность обмазана тонким слоем глины. Тесто плотное, в нем присутствует песок (рис.-4).

Помимо этого, при осмотре окрестностей В.К. Мерцем в 3,6 км к северо-северо-западу от местонахождения погребений, на эродированном песчаном участке дюнообразования была обнаружена каменная мотыга, GPS-координаты находки: N 52°00'04.78"; E 77°21'24.36". Предмет весом 0,5 кг, имеет длину 14,8 см, толщину – 3,3–3,4 см, размер рабочей части (самой широкой) 8,7×7,8 см, на нем фиксируются следы сработанности. Крепление, находившееся в верхней части орудия, обломано с одной стороны, обозначено небольшой выемкой (рис.-5). Все материалы хранятся в фондах Центра археологических исследований ПГУ им. С. Торайгырова.

Культурную принадлежность каменной мотыги определить достаточно сложно, поскольку подобные изделия применялись в широ-

* Половозрастные определения выполнены в Институте судебных экспертиз Павлодарской области.

ком хронологическом диапазоне от неолита до раннего железного века и в настоящее время отсутствуют разработанные классификации данной категории инвентаря. Прямые аналогии наблюдаются с изделиями из тасмолинского слоя поселения Шидертинского-2 и других сакских памятников Центрального Казахстана [Бейсенов, Ломан, 2009, рис. 117], что позволяет отнести ее к раннему железному веку.

Тип кувшиновидных емкостей с расширяющейся горловиной, короткой шейкой и плоским дном средних размеров встречается очень широко. Из наиболее близких аналогий в Павлодарском Прииртышье следует отметить похожие сосуды из могильников Леонтьевка [Арсланова, 1962, табл. III.-6] и Кызылтан [Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014, рис. 2.-3].

Тип кувшиновидных сосудов с расширяющейся горловиной, короткой шейкой и плоским дном средних размеров встречается очень широко. Из наиболее близких аналогий в Павлодарском Прииртышье следует отметить похожие сосуды из могильника Леонтьевка [Арсланова, 1962, табл. III.-6]. Сходный по форме сосуд происходит из могильника Кызылтан [Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014, рис. 2.-3]. Из некрополей Кулунды – похожие сосуды обнаружены в могильниках Кирилловка-3 [Могильников, Телегин, 1992, рис. 5.-4, 6.-1]; Аэродром [Удодов, 1990, рис. 2.-12]; Андроново-1 [Могильников и др., 1991, рис. 2.-8]. Достаточно часто они обнаруживаются в приобских погребениях каменной культуры, например, в таких памятниках, как Новотроицкое-2 [Шульга, Могильников, Уманский, 2009, рис. 25.-9, 29.-7, 34.-1, 49.-4, 60.-14, 68.-2, 73.-15, 90.-5, 95.-7], Рогозиха-1 [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 51.-5, 6] и др.

Второй сосуд из разрушенных погребений, найденных в карьере у с. Айтим, имеющий грушевидную форму с короткой шейкой, открытой горловиной и с расширяющимся ближе к плоскому дну туловом, также широко распространен, но в отличие от первого «универсального варианта» считается, что такой тип более характерен для сакских погребений Казахстана [Могильников, 1997, с. 33]. Сосуды грушевидной формы представлены в могильниках Павлодарского Прииртышья Леонтьевка [Арсланова, 1962, табл. III.-2, 7; IV.-1, 5, 7] и Кызылтан [Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014, рис. 2.-3]. Известны в кулундинских памятниках каменной культуры Кирилловка-3 [Могильников, Телегин, 1992, рис. 5.-3, 6.-2, 4]; Андроново-1 [Могильников и др., 1991, рис. 3.-3] и некрополях раннего железа Верхнего Приобья.

В хронологическом отношении обнаруженные сосуды в карьере у с. Айтим характерны для VI в. до н.э. – I в. н.э. В казахстанских материалах наиболее ранние грушевидные сосуды известны в некрополе Южный Тагискен [Итина, Яблонский, 1997, рис. 22.-5, 66; Могильни-

ков, 1997, с. 33] и бытуют вплоть до первых веков нашей эры [Акишев, Кушаев, 1963, табл. XI]. В Приобских могильниках появляются с VI в. до н.э. и известны до рубежа эр. Наиболее поздние сосуды встречены в могильниках Фирсово-11 [Фролов, 2008, рис. 129.-2] и Быстровка-2 [Бородовский, 2010, рис. 1].

О культурной принадлежности погребений у с. Айтим говорить сложно, в целом обнаруженные предметы характерны для культур сакского круга. Наиболее близкий территориально могильник Леонтьевка В.А. Могильников [1997, с. 5, 7, 34] относит к каменной культуре. Керамический комплекс и погребальный обряд могильника Кызылтан, где раскопана большая серия погребений 2-й половины I тыс. до н.э., обнаруживают сходство с каменной и саргатской культурами [Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014, рис. 2]. По всей вероятности, район Павлодарского Прииртышья был контактной зоной распространения этих двух культур и территорией взаимодействия с культурами саков Центрального и Восточного Казахстана. Имеющиеся на сегодняшний день материалы не позволяют пока выявить самобытную культурную специфику памятников Павлодарского Прииртышья раннего железного века.

Обнаружение нового могильника, относящегося к раннему железному веку, на Павлодарском правобережье Иртыша дает дополнительную информацию о зоне распространения подобных памятников. Находка некрополя у с. Айтим заполняет «белое пятно» между северными могильниками – Леонтьевка, Кызылтан, Чернореченский, Набережное [Арсланова, 1962; Смагулов, Пересветов, Айлыбаев, 2014; Агеева, Максимова, 1959] и наиболее южным в Павлодарском Прииртышье погребальным памятником раннего железного века, которым является курганная группа Саргамыс [Алехин, 1996, с. 385–387].

Библиографический список

Агеева Е.И., Максимова А.Г. Отчет Павлодарской экспедиции 1955 г. // Труды ИИАЭ Казахской ССР. Т. 7: (Археология). Алма-Ата, 1959. С. 32–58.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963. 320 с.

Алехин Ю.П. Исследования в Семипалатинской области Казахстана // Археологические открытия 1995 года. М., 1996. С. 385–387.

Арсланова Ф.Х. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша // Известия АН КазССР. Сер.: Истории, археологии и этнографии. 1962. Вып. 2(19). С. 77–93.

Бейсенов А.З., Ломан В.Г. Древние поселения Центрального Казахстана. Алматы, 2009. 260 с.

Бородовский А.П. Датировка погребений курганной группы Быстровка-2 // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). Новосибирск, 2010. С. 132–142.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. М., 1997. 188 с.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Могильников В.А., Неверов С.В., Телегин А.Н., Уманский А.П. Андронов-И – могильник эпохи раннего железа в восточной Кулунде // Древние погребения Обь-Иртышья. Омск, 1991. С. 127–139.

Могильников В.А., Телегин А.Н. Кириловка-III – могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 107–120.

Смагулов Т.Н., Пересветов Г.Ю., Айлымбаев Т.К. Предварительные итоги раскопок курганов раннего железного века у п. Кызылтан // Маргулановские чтения–2014. Алматы; Павлодар, 2014. С. 221–229.

Удодов В.С. Некоторые результаты археологических исследований на р. Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 39–43.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 480 с.

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009. 329 с.

V.C. Merz, I.V. Merz, Ya.V. Frolov

*S. Toraigyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Kazakhstan;
Altai State University, Barnaul, Russia*

**NEW FINDS OF BURIALS OF EARLY NOMADS
IN PAVLODAR PRIIRTYSHYE
(Kazakhstan)**

The problem of protection of archaeological sites is acute in Kazakhstan Priirtyshye. This is due to the increasing intensity of the economic development of the region.

In 2017, major works was carried out at the site of reconstruction of the M-38 Pavlodar-Semipalatinsk highway. As a result of this construction, the burial ground of the second half of the 1st millennium BC was destroyed. Human bones and artifacts from the burial were extracted by law enforcement officials. The basic information about the burial rite of this necropolis is lost. Ceramic vessels were found in the graves. They are characteristic of the cultures of the Saka circle. The burial ground belongs to the early Iron Age.

Problems of preservation of archaeological monuments in the Pavlodar Priirtyshye arise due to the lack of coordination between construction organizations and the Department of Culture, Archives and Documentation of the Pavlodar Region. When ancient graves are discovered, builders often turn to law enforcement bodies, not archaeological services. Police officers remove human remains and artifacts found in the ground. Archaeological methods are not followed.

Key words: Pavlodar Priirtyshye, early Iron Age, burial ground.

УДК 902(571.150)

Д.В. Папин^{1,2}, А.А. Редников¹, А.С. Федорук¹

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт археологии этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ОКРЕСТНОСТЕЙ г. БЕЛОКУРИХА

В связи с интенсификацией туризма на территории Алтайского края актуальным становится использование объектов археологического наследия и сохранение памятников, попадающих в зону строительства инфраструктуры. Окрестности Белокурихи являются наиболее перспективными в этом направлении вследствие развития туристических субкластеров Белокуриха-2 и Белокуриха-3. В статье описываются результаты проведенных авторами археологических разведок и раскопок. Установлено, что в настоящее время все известные археологические памятники приурочены к рекам Песчаная и Березовка. Делается вывод о перспективных участках расположения объектов археологии. По материалам проведенных спасательных археологических работ на памятнике Ульяновка-3 представлена древняя история региона, начиная с периода палеолита и до раннего железного века. Делается вывод о перспективности использования в туризме объектов археологического наследия в туристической деятельности.

Ключевые слова: Алтай, Белокуриха, археология, туризм, палеолит, эпоха бронзы, ранний железный век.

Несмотря на то, что изучение предгорной зоны северного фаса Алтайских гор (в пределах Алтайского и Смоленского районов Алтайского края) насчитывает более чем столетний период, территория окрестностей Белокурихи обследована не в полной мере.

Археологическое исследование этого участка началось в 30-е гг. XX в. силами сотрудников Бийского краеведческого музея С.М. Сергеева и А.П. Маркова, которые обнаружили несколько памятников [Кунгуров, 1992].

В последующий период и до настоящего времени изучение археологических древностей в Смоленском и Алтайском районах сводится к обследованиям в зонах строительства хозяйственных объектов (работы А.Л. Кунгурова, А.Б. Шамшина, Б.И. Лапшина, М.Т. Абдулганеева, В.П. Семибратова, Н.Ю. Кунгуровой, Ю.Т. Мамадакова, Р.В. Белоусова и др.). Благодаря этому виду работ здесь выявлено большинство известных на сегодняшний день археологических памятников [Абдулганеев, 2009; Кунгуров, Раднер, 2004; Мамадаков, Белоусов, Бородаев, 2009; 2017].

С началом процесса инфраструктурного освоения туристического субкластера Белокуриха-2 начались активные археологические изыскания на прилегающих к Белокурихе территориях.

В 2015 г. археологами ООО «Наследие Сибири» при обследовании линии предполагаемого строительства магистрального газопровода

на окраине Белокурихи был обнаружен комплекс поселений Ульяновка и Жерновный Лог [Мамадаков, Бородаев, Белоусов, 2017].

В 2016 г. авторами статьи начаты комплексные работы по планомерному археологическому изучению территории субкластеров Белокуриха-2 и Белокуриха-3.

В результате проведенных архивных и полевых изысканий было установлено, что непосредственно на территориях указанных субкластеров расположен целый ряд памятников: «Стоянка Зуев Ручей-1», «Поселение Зуев Ручей-2», «Поселение Широкий Лог-1», «Поселение Широкий Лог-2», «Курганный могильник Красный Городок-1», «Могильник Белокуриха», «Грунтовый могильник Ульяновка-1», «Поселение Ульяновка-2», «Ульяновка-3, поселение и могильник», «Поселение Жерновный Лог». Кроме того, на территории непосредственно Белокурихи находится одноименный могильник, а также место обнаружения бронзового псаля (рис. 1). В процессе исследования территории субкластеров была составлена карта перспективных для дальнейшего поиска археологических объектов участков, а также разработан проект с рекомендациями по использованию историко-культурного наследия в туристическо-экскурсионной деятельности.

Рис. 1. Археологические памятники в окрестностях Белокурихи

Следующим этапом стало археологическое обследование участков, связанных со строительством систем энергоснабжения туристско-рекреационного кластера Белокурихи. При обследовании участка трас-

сы, выделенного под строительство ЛЭП, было обнаружено, что в зону предполагаемого строительства попадает часть памятника «Ульяновка-3, поселение и могильник». В связи с этим осенью 2017 г. там были проведены спасательные археологические раскопки.

«Ульяновка-3, поселение и могильник» находится на коренной террасе левого берега Березовки, в 100 м от реки, в 210 м от окраины Белокурихи. Основная площадь территории памятника хорошо задернована. Подвержены разрушению юго-западный обрывистый край террасы, участок грунтовой дороги и стенки врезанных в террасу антропогенных выемок. По словам местных жителей, в 70-е гг. XX в. при хозяйственных работах на участках выемок часто находили фрагменты керамики, кости, бронзовые изделия.

Раскоп, общей площадью 200 кв. м, был заложен в западной части памятника на отводимом под установку опоры ЛЭП участке. С целью захвата наибольшей площади разрушений он был ориентирован вдоль грунтовой дороги и расположенной вдоль нее промоины. Таким образом, удалось изучить место непосредственной установки опоры и примыкающий к нему, поврежденный дорогой и промоиной, участок территории памятника.

Основным результатом раскопок стало исследование трех древних объектов и двух ям, связанных с периодом существования поселения, а также пяти захоронений последующего времени.

При изучении поселенческого слоя обнаружены фрагменты керамических сосудов, кости животных, обломок глиняного изделия, два бронзовых шила, всплески бронзы, фрагмент куранта зернотерки и несколько камней со следами обработки (абразивы, сколы). Эти материалы преимущественно датируются ранним железным веком и близки материалам быстринской археологической культуры. Кроме того, был выделен датируемый каменным веком комплекс, который подробно рассмотрен в отдельной публикации [Кунгуров, Папин, Федорук, 2018].

Раскопанные погребения представлены четырьмя могилами без надмогильных конструкций и одним подкурганном захоронением (рис. 2).

Могила №1. Захоронение на уровне материковой поверхности обнаружено рядом с выкладкой, пристроенной к насыпи каменно-земляного кургана (описание см. ниже). Умерший лежал на левом боку, головой на юго-восток в сильно скорченном положении. Сопроводительный инвентарь отсутствовал.

Могила №2 содержала останки двух погребенных. Скелет №1 лежал на правом боку, головой на восток в скорченном положении. Скелет №2 расположен кучкой вдоль западной стенки могилы. Вероятно, женщина (скелет №1) была подзахоронена к мужчине (скелет №2), при этом мужские кости были сдвинуты в стенке могильной ямы. Погребальный инвентарь в захоронении отсутствовал.

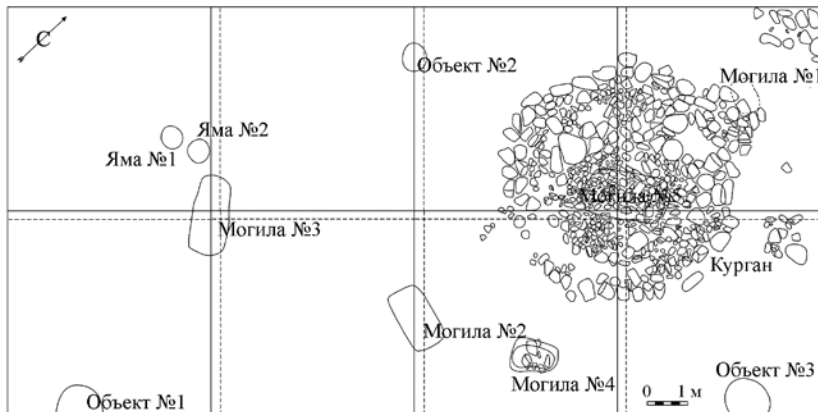

Рис. 2. План раскопа на объекте археологического наследия Ульяновка-3

Могила №3. Выявлена на уровне материковой поверхности. На дне обнаружены останки одного погребенного. Умершая (?) лежала в скорченном положении на правом боку с небольшим разворотом на спину, головой на юго-восток. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. В восточном углу погребения, у черепа, располагался крупный камень – черта, находящая аналогии в погребальной практике быстрианской археологической культуры раннего железного века на Алтае.

Могила №4. Зафиксирована на уровне материковой поверхности. Умерший ребенок (?) лежал на правом боку, головой на восток–северо-восток, в скорченном положении. Возле черепа стоял керамический сосуд. У северной стенки могилы лежал фрагмент позвоночника мелкого рогатого скота (?), между отростками позвонков которого располагался обломок бронзового ножа. Ориентация погребения, инвентарь и особенности обряда погребения позволяют отнести его к кругу культур раннего железного века.

Кроме того, раскопом исследован один курган. Диаметр насыпи составил 5,2–5,9 м. После снятия каменной наброски выявлена *могила №5*. На глубине 2,07 м зафиксирован тлен от продольных деревянных плах, уложенных на деревянную раму. На уровне перекрытия в юго-восточном углу ямы обнаружено два крупных камня. Могила содержала останки одного погребенного. Вероятно, умершая (?) была уложена на спину с подогнутыми и повернутыми вправо ногами, головой на восток–северо-восток. В северном углу могилы стоял керамический сосуд кувшиновидного типа. У левого плеча умершей найдены две пастовые бусины. Под скелетом выявлена еще одна деревянная плаха.

Все исследованные раскопом погребения предварительно можно датировать более поздним, чем поселение, временем, однако также

в рамках раннего железного века. Проведенные аварийные раскопки на памятнике «Ульяновка-3» показали, что освоение исследуемого региона началось еще в период каменного века.

В настоящее время наиболее перспективными для исследования участками на территории субкластеров Белокуриха-2 и 3 являются зона выхода Песчаной из гор, а также водоразделы рек Песчаная, Черновая, ручьи Семенов, Пономарев, р. Березовка. По сообщениям местных жителей, на начальном этапе массовой распашки целинных и залежных земель в 60-е гг. XX в. здесь фиксировалось большое количество земляных курганных могильников и отдельных курганов. Пример курганного могильника «Красный Городок-1» показывает, что все они подвергаются активной распашке, что привело к нивелированию курганных насыпей. Еще одной перспективной для поиска древнейших памятников эпохи камня зоной является р. Песчаная, где глубокая выработанность русла сочетается с высокими террасами.

Библиографический список

Абдулганеев М.Т. Археологические памятники Советского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 365–386.

Кунгуров А.Л. Сергей Михайлович Сергеев // Алтайский сборник. Барнаул, 1992. Вып. XV. С. 177–184.

Кунгуров А.Л., Папин Д.В., Федорук А.С. Коллекция каменных изделий поселения Ульяновка-3 (Алтайский край) // Теория и практика археологических исследований. 2018. №1 (21). С. 17–24.

Кунгуров А.Л., Раднер Д.С. Памятники бронзового и раннего железного веков в окрестностях с. Алтайское (Алтайский район) // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 86–92.

Мамадаков Ю.Т., Белоусов Р.В., Бородаев В.Б. Археологическая разведка в Советском и Алтайском районах Алтайского края // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2009. Вып. 6. С. 43–51.

Мамадаков Ю.Т., Бородаев В.Б., Белоусов Р.В. Археологическая разведка в Смоленском районе Алтайского края весной 2015 г. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 123–125.

D.V. Papin, A.A. Rednikov, A.S. Fedoruk

Altai State University, Barnaul, Russia;

Institute of Archaeology of Ethnography of SO RAN, Novosibirsk, Russia

ARCHAEOLOGICAL STUDY OF THE CITY OF BELOKUROKHA SUBURBS

The intensification of tourism in the Altai Territory makes urgent the use of archaeological heritage sites and the preservation of sites falling into the infrastructure construction zone. The city of Belokurikha is the most promising in this direction due to the development of tourist subclusters of Belokurikha 2 and 3. The article

describes the results of archaeological surveys and excavations carried out by the authors. It is established that at present, all known archaeological sites are confined to the Peschanaya and Berezovka rivers. A conclusion is made about the perspective sites where the archaeological objects are located. Based on the materials of rescue archaeological work on the Ulyanovka 3 site, the ancient history of the region is represented from the Paleolithic period to the early Iron Age. It is concluded that the use of archaeological heritage objects in tourism is considered promising.

Key words: Altai, Belokurikha, Archaeology, tourism, Paleolith, Bronze Age, early Iron Age.

УДК 903.5(571.150)

**В.П. Семибратов, Д.С. Калашников,
С.М. Ситников, А.Н. Морозов**

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ НА БЫВШЕМ НАГОРНОМ КЛАДБИЩЕ г. БАРНАУЛА

Речь в статье идет о находках, сделанных в захоронении начала XX в. на территории барнаульского городского (Нагорного) кладбища в 2016 г. Даются краткое описание находок, их характеристика. Рассматривается теоретическая возможность установления личности умершего с помощью найденных при нем предметов: медальона, иконы, нагрудного знака Николаевской академии генерального штаба и обручального кольца с памятной гравировкой. Также содержится вывод о зонировании территории кладбища по социальному и имущественному признаку на основании сделанных в захоронениях находок.

Ключевые слова: русский погребальный обряд, погребальный инвентарь, находки, нагрудный знак, медальон, икона, обручальное кольцо, Академия генерального штаба, установление личности.

Аварийные работы на территории бывшего Нагорного кладбища в Барнауле ведутся с 2000 г. За это время были вскрыты захоронения, располагавшиеся в северо-восточной, центральной и юго-западной частях кладбища. В 2016 г. работы велись в том числе и в «привилегированной» северо-восточной части, возле лестницы, ведущей на территорию Нагорного парка. Сохранившиеся могилы Н.М. Ядринцева, В.К. Штильке, Ф.В. Геблера и исторические фотографии свидетельствуют, что здесь были расположены могилы людей, обладавших высоким социальным статусом – горных инженеров, общественных деятелей, исследователей Алтая и просто состоятельных жителей города. О том же говорят и материалы захоронений:

– собственно внутримогильные сооружения – склепы [Ведянин и др., 2017, с. 226–229];

– остатки мундиров с серебряным и золотым шитьем, свидетельствующим о высоком звании умершего;

– уникальная находка серебряного позолоченного нагрудного знака выпускника Горного института им. Екатерины Великой [Калашников и др., 2016, с. 206–209];

– чаще, чем в захоронениях, расположенных в других местах кладбища, встречаемые изделия из драгоценных металлов (нательные кресты, медальоны, оклады нательных живописных икон, обручальные кольца).

Одним из таких захоронений стала могила, обнаруженная в апреле 2016 г. Захоронение было осуществлено в деревянном гробу, обитом тканью зеленого цвета с бахромой. Снаружи гроб был дополнительно украшен аппликацией религиозного и растительного характера, выполненной из штампованного картона (?). Гроб помещался внутри кирпичного склепа. Умерший был облачен в длинную одежду из сукна коричневого цвета. Определить покроем не представилось возможным ввиду плохой сохранности. В состав погребального инвентаря входили четыре предмета из драгоценных металлов:

1. Нательный медальон на цепочке (рис.-А).
2. Нательная икона в окладе.
3. Обручальное кольцо (рис.-Б).
4. Миниатюрный нагрудный знак, так называемый *фрачник* (рис.-В).

Нательный двусторонний медальон «Св. великий князь Александр Невский» на цепочке (серебро, позолота, эмаль). Медальон имеет овальную форму размерами 32×22 мм. Толщина пластины – 1 мм. Масса – 25,2 г. Оглавие – фиксированное кольцо.

На лицевой стороне расположено победренное цветное эмалевое изображение мужчины в воинском облачении – пластинчатая броня, воинский плащ красного цвета с круглой «золотой» застежкой на правом плече. Правая рука согнута в локте и поднята на уровень груди. В левой руке, расположенной у бедра, – хоругвь на длинном древке с крестообразным навершием. На белом эмалевом фоне хоругви расположено эмалевое же изображение «Спаса Нерукотворного». Эмалевый слой покрыт бесцветным прозрачным лаком.

В верхней части медальона – заглубленная надпись полукругом: «Св. Велики. Алекс. Невс.». Надпись чеканная. Нанесена инструментом, ударная поверхность которого была покрыта резным геометрическим орнаментом.

Оборотная сторона ограничена невысоким рельефным бортиком, который, в свою очередь, отделен от средника узкой бороздой. В среднике расположена чеканная надпись в три строки: «Спаси И Сохрани». В нижней части стороны находятся три рельефных клейма в двух вдавленных полях: пробирный знак «84» в золотниковой системе; герб Санкт-Петербурга (перекрещенные якоря) – знак Петербургского пробирного управления, и именная марка мастера «ГВ».

Серебряная цепочка медальона имеет «веревочное» плетение.

Нательная живописная икона в окладе «Св. князь Александр Невский». 46×40 мм. Дерево, темпера, серебро, штамповка. Сохранность плохая. Иконный щит без шпонок, выгнут. Сюжет не просматривается. Живописный слой практически утрачен. Прописаны только открытые окладом части фигуры – лицо и кисти рук, что соответствует периоду второй половины XIX в.

Оклад. Рельефное штампованное погрудное изображение святого в одеждах неясного характера. Правая рука поднята на уровень груди, левая – к плечу. Над рельефным «лучистым» нимбом – заглубленная надпись полукругом: «Св. кн. Александр Н». Клейма на торцах оклада не читаются.

Находки из захоронения Нагорного кладбища:
А – медальон «Св. Александр Невский»; Б – обручальное кольцо с памятной гравировкой; В – нагрудный знак «фрочник»; Г – клеймо Якова Ляпунова

Кольцо обрубальное. Диаметр (наружный) – 22 мм. Масса – 6 г. Золото, литье, гравировка. Кольцо простой формы. Лицевая сторона гладкая. Внутренняя поверхность имеет выполненную курсивом гравировку в одну строку: «24 Августа 1907 года». А также два рельефных клейма: клеймо мастера в прямоугольном вдавленном поле «ВЕ»; пробирное клеймо во вдавленном овальном поле «92» (высокопробный ювелирный сплав); изображение женской головы в кокошнике, развернутой влево; два плохо различимых символа, расположенных в две (?) строки.

Миниатюрный нагрудный знак, так называемый *фрачник*, выполнен из позолоченного серебра. 28×19 мм. Масса – 8,5 г.

Сохранность удовлетворительная. Утрачен незначительный фрагмент ленты в нижней части знака справа.

Представляет собой рельефное объемное изображение государственного герба Российской империи – двуглавого орла. Головы орла увенчаны тремя коронами – двумя маленькими, над головами и одной большой. Крылья орла подняты вверх. На груди – рельефное изображение герба Москвы – св. Георгия Победоносца в геральдическом щите. Щит окружен цепью с орденом Св. Андрея Первозванного на ней.

Герб окружен венком из лавровых ветвей (справа) и дубовых ветвей с желудями (слева).

Крепление – штифт с винтовой резьбой, прикрепленный к тыльной стороне центральной части знака – гербу. Крепление к одежде осуществлялось при помощи накручиваемой на штифт гайки, имеющей выпукло-вогнутую форму и две петлеобразные ручки для удобства вращения – так называемый *барашек*.

На наружной стороне гайки, у ее края, расположены рельефные клейма во вдавленных полях: пробирное клеймо «84», общий знак удостоверения – женская голова в кокошнике, повернутая влево, клеймо мастера «АБ».

На оборотной стороне ленты расположены пробирное и удостоверительное клейма, помещенные в одно вдавленное поле (рис.-Г). Позади удостоверительного знака – рельефное клеймо пробирного мастера – «ЛЯ». Предположительно – Яков Ляпунов, в 1898–1904 гг. – управляющий Петербургским пробирным округом и лабораторией министерства финансов. Удостоверительное клеймо данного типа использовалось в период с 1899 по 1908 г. В сочетании с клеймом Я. Ляпунова возможно установить приблизительную дату изготовления нагрудного знака – не ранее 1899 и не позднее 1904 г.

Впервые миниатюрные нагрудные знаки появились после Отечественной войны 1812 г. в качестве замены официальным наградам, которые в силу своего размера не помещались на мундирах все вместе. Первоначальное их название – «кавалерийские». Выходя в отставку,

ветераны носили их на штатском костюме. Со временем «фрачники» стали отдельным направлением символики.

Данный знак, по всей вероятности, представляет собой уменьшенную копию нагрудного знака выпускника Николаевской академии генерального штаба, учрежденного 14 июня 1866 г. [ПСЗРИ, 1868, с. 684–685; Шевелева, 1993, с. 89, табл. 30].

Данные находки дают гипотетическую возможность попытаться установить имя погребенного, чье захоронение было вскрыто в 2016 г. Во-первых, есть возможность проверить метрические книги Барнаульской епархии с целью выяснения имен молодоженов, чье венчание состоялось 24 августа 1907 г. (при условии, что венчание проходило в Барнауле). Во-вторых, достаточно вероятно установить имена выпускников Академии генерального штаба, проходивших службу или проживавших в Барнауле. Наконец, двукратное повторение имени Александр (медальон, икона) в сочетании с образом воина-защитника позволяет достаточно уверенно предполагать, что Александр Невский был святым покровителем умершего. Следовательно, вероятнее всего, умерший действительно в свое время окончил Академию генерального штаба и носил при жизни имя Александр.

Библиографический список

Ведянин С.Д., Калашников Д.С., Семибратов В.П., Ситников С.М. Некоторые данные о похоронном обряде населения г. Барнаула в XIX – начале XX в. (по материалам аварийных работ 2000, 2015–2016 гг. на территории б. Нагорного кладбища) // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. Барнаул, 2017. С. 226–229.

Калашников Д.С., Семибратов В.П., Ситников С.М., Чекрыжова О.И. Нагрудный знак горного инженера из погребения на Нагорном кладбище города Барнаула // Известия Алтайского государственного университета. 2016. №2 (90). С. 206–209.

Именной Высочайший указ «О знаках отличия взамен аксельбантов для окончивших курс в военных Академиях» от 14 июня 1866 г. №43394 // ПСЗРИ. 2-е собр. СПб., 1868. Т. 41. С. 684–685.

Шевелева Е.Н. Нагрудные знаки русской армии: каталог. СПб., 1993. 176 с.: ил.

V.P. Semibratov, D.S. Kalashnikov, S.M. Sitnikov, A.N. Morozov

Altai State University, Barnaul, Russia

FUNERARY INVENTORY FROM THE BURIAL ON THE FORMER NAGORNOE CEMETERY IN BARNAUL

This article is about the finds made in the burial of the early 20th century in the territory of the Barnaul municipal city (Nagornoe) cemetery in 2016. A brief description of the finds, their characteristics are given. The consideration is given

to the theoretical possibility to identify the identity of the deceased person by means of the objects found with him: a medallion, an icon, a lapel badge of the Nikolaevsk Academy of the General Staff and an engagement ring with a memorable engraving. On the basis of the finds made in burials, the conclusion is made about zoning of the cemetery territory on the social and property position.

Key words: Russian funeral rite, funerary inventory, finds, medallion, icon, engagement ring, a lapel badge of the Nikolaevsk Academy of the General Staff.

УДК 903.57(571.1)

Н.Н. Серегин, А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, С.С. Матренин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ НЕКРОПОЛЯ
СЯНЬБИЙСКО-ЖУЖАНСКОГО ВРЕМЕНИ
НА КОМПЛЕКСЕ ЧОБУРАК-I (Северный Алтай)**

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-09-00536а, «Хронология археологических комплексов Алтая хуннуско-сяньбийского времени и раннего средневековья (II в. до н.э. – XI в. н.э.)»), а также в рамках реализации проекта РНФ (№16-18-10033, «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

В статье осуществлена публикация материалов, полученных в ходе раскопок кургана №29 погребально-поминального комплекса Чобурак-I (Чемальский район Республики Алтай). Представлена подробная характеристика обнаруженных вещей, а также зафиксированного обряда захоронения. Основным маркером для определения культурно-хронологической принадлежности раскопанного объекта является сопроводительный инвентарь, который, несмотря на немногочисленность, достаточно информативен. Установлено, что данный объект может быть датирован в рамках рубежа III–IV–V вв. н.э. и отнесен к концу бело-бомского – верх-уймонскому этапу в развитии булан-кобинской археологической культуры. Дальнейшие раскопки некрополя позволят уточнить сделанные заключения, а также расширят имеющиеся представления о специфике данного комплекса.

Ключевые слова: Северный Алтай, Чобурак-I, сяньбийско-жужанское время, курган, сопроводительный инвентарь, погребальный обряд, булан-кобинская культура.

К настоящему времени в результате исследования погребальных памятников Алтая сяньбийско-жужанского времени сформирован обширный корпус археологических материалов, позволяющий рассматривать различные аспекты истории населения региона в тот период. Вместе с тем работы, связанные с получением новых данных и введением их в научный оборот, остаются актуальными. В частности, важными представляются целенаправленные исследования некрополей, предпо-

лагающие последующий комплексный анализ материалов с применением методов естественных наук.

В полевом сезоне 2017 г. Чемальской археологической экспедицией Алтайского государственного университета (АлтГУ) начаты раскопки некрополя сяньбийско-жужанского времени на разновременном погребально-поминальном комплексе Чобурак-I. Данный памятник расположен на правом берегу Катунь, в 3,6 км к югу от с. Еланда Чемальского района Республики Алтай (рис. 1). Он ранее исследовался экспедициями Алтайского государственного университета и Института археологии и этнографии СО РАН в конце 1980-х – начале 1990-х гг., а также в 2007 г. Эти работы были связаны с необходимостью реализации охранных мероприятий в зоне предполагаемого затопления планировавшейся гидроэлектростанции. Однако в связи с закрытием этого масштабного проекта полевые исследования оказались прерваны. В результате деятельности указанных экспедиций на комплексе Чобурак-I вскрыто более 20 объектов, относящихся к энеолиту (афанасьевская

Рис. 1. Карта-схема расположения погребально-поминального комплекса Чобурак-I

культура), а также ко 2-й половине I тыс. н.э. (тюркская культура) [Бородовский, 1994; Семibrатов, Матренин, 2008, с. 55–63, рис. 3–8; Кирюшин и др., 2010, с. 30–39, рис. 14–18]. Начиная с 2015 г. на памятнике проводятся плановые исследования участниками Чемальской археологической экспедиции АлтГУ [Серегин, Горбунов, Тишкин, 2016; 2017]. Одним из важных результатов этих работ стало выявление некрополя сяньбийско-жужанского времени, расположенного в центральной части комплекса Чобурак-I. В июле 2017 г. раскопан крайний, южный курган данного кладбища, получивший порядковое обозначение №29. В настоящей публикации представлено описание данного объекта, а также осуществлена характеристика зафиксированных элементов погребального обряда и сопроводительного инвентаря.

Курган №29 расположен в 70 м к северу от автодороги Чемал–Куюс. До раскопок объект представлял собой небольшую задернованную каменную насыпь округлой формы и практически не фиксировался на поверхности. В процессе зачистки к северу от него зафиксированы и другие подобные конструкции, исследование которых запланировано в следующем полевом сезоне. Для изучения кургана №29 был заложен отдельный раскоп общей площадью 20 кв. м. В результате зачистки выявлено сооружение округлой формы из средних и небольших камней, диаметром до 2,7 м, высотой до 0,3 м. Разборка насыпи не позволила выявить основы в виде крепиды, хотя фиксировалась тенденция расположения нескольких крупных камней по краю сооружения и в верхней части конструкции. Могильная яма находилась в центральной части кургана, со смещением на северо-запад. Она хорошо фиксировалась в материковом слое, в том числе благодаря просевшим камням насыпи, маркировавшим ее очертания. Пятно овальной формы было ориентировано длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Длина пятна составила 2,05 м, ширина – 1,02 м. Выборка заполнения могильной ямы позволила обнаружить едва фиксируемые следы деревянной конструкции, которая предположительно представляла собой раму с перекрытием. Об этом свидетельствуют остатки древесного тлена по обеим сторонам от покойного, а также над скелетом. Захоронение умершего человека находилось на дне ямы, на глубине 0,65 м от уровня древнего горизонта. Покойный был уложен на спину, в вытянутом положении и ориентирован головой в северо-западном направлении. Скелет находился в плохом состоянии – череп и некоторые кости оказались разрушены крупными камнями. В ходе зачистки погребения в районе ног человека обнаружены три железных и один костяной наконечники стрел. В районе грудной клетки зафиксирован железный нож плохой сохранности. На локте левой руки находилась железная пряжка округлой формы с подвижным язычком.

Основным маркером для определения культурно-хронологической принадлежности раскопанного комплекса является обнаруженный сопроводительный инвентарь, который, несмотря на немногочисленность, представляется достаточно информативным.

Трехлопастной наконечник с треугольным пером (2,6×1,2 см) и цилиндрическим упором (рис. 2.-1) обнаруживает актуальные для датировки аналогии, известные в погребальном инвентаре кокельской культуры Тувы и кенкольской культуры Тянь-Шаня 2-й половины III – IV в. н.э. [Дьяконова, 1970, табл. II.-19–22, 24, 31, 32, 35–38, 45, 47; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81, рис. 3, 23; 4.-7, 18, 19; Худяков, 1986, с. 71]. В комплексе вооружения кочевников Алтая сянбийско-жужанского времени известно несколько похожих экземпляров из могильников Айрыдаш-I, Верх-Уймон, Улита [Эбель, 1998, рис. 55.-3; 59.-7; Соенов, 2005, рис. 1.-10; и др.]. Относительная хронология данных наконечников в рамках булан-кобинской культуры, на наш взгляд, охватывает период от рубежа III–IV до конца V в. н.э.

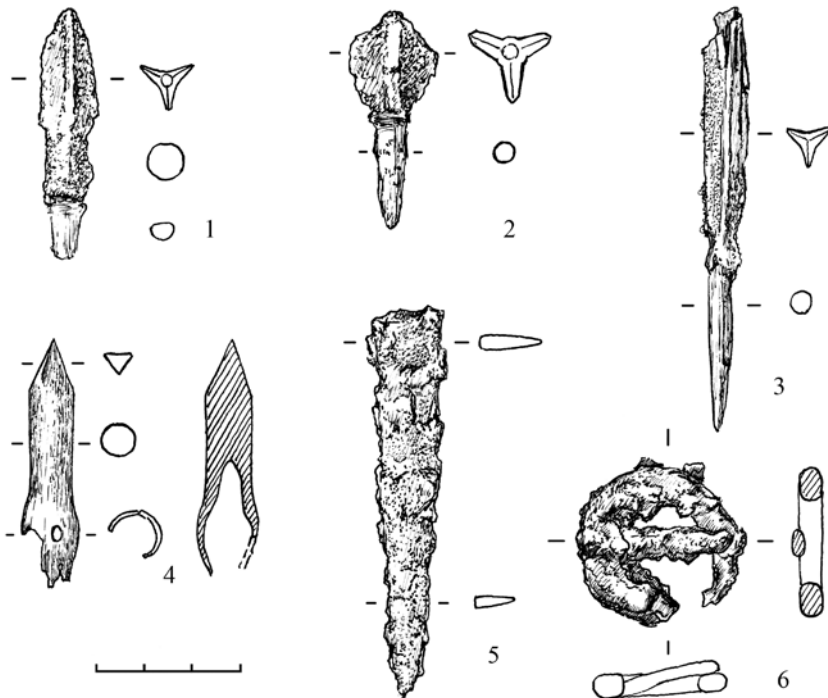

Рис. 2. Предметы из погребения кургана №29 комплекса Чобурак-I

Железный черешковый наконечник стрелы с ромбическим пером (2,3×1,9 см) без упора (рис. 2.-2) относится к широко распространенному типу изделий булан-кобинской культуры, эффективных при стрельбе по незащищенному противнику. В Центральной Азии такие находки впервые стали известны по раскопанным памятникам хунну II в. до н.э. – I в. н.э. [Худяков, 1986, с. 31, рис. 5.-7-9]. У народов восточной части Евразии применение наконечников с различными ромбическими абрисами приобретает массовый характер в 1-й половине I тыс. н.э. [Сорокин, 1956, с. 3-14; Литвинский, 1965, с. 75-91; Худяков, 1986, с. 69-70, 92, 111, рис. 25, 27.-25, 26; 36.-1, 2, 3-6; 49.-1, 2, 3; 1991, с. 52, рис. 25.-2, 6, 15; Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 81, рис. 3.-1, 3-9, 11-19, 4.-1-5, 8, 9, 11-17; Левина, 1996, рис. 92.-21, 22, 26, 35, 36, 37, 45, 46, 47, 50, 51, 54, 56-66; Худяков, Юй Су-Хуа, 2000, с. 38, рис. 1.-28; Ширин, 2003, табл. ХСVI.-16, 17, 27; LIII.-15; Яремчук, 2005, рис. 69.-3; 70.-4; 72.-1; Горбунов, 2006, с. 29-30, 38-39]. Имеющиеся археологические материалы позволяют сделать вывод о бытовании трехлопастных ромбических наконечников у населения булан-кобинской культуры Алтая на протяжении II-V вв. н.э. [Горбунов, 2007]. Они разрабатывались на основе образцов хуннуской военной традиции, отличаясь от монгольско-забайкальских прототипов меньшим размером [Мамадаков, 1990, с. 56, 61].

Трехлопастной черешковый наконечник с узким килевидным пером размерами 5×1 см с цилиндрическим упором (рис. 2.-3) является достаточно редкой находкой в памятниках булан-кобинской культуры. Изделия данной формы без упора зафиксированы в погребениях конца III – IV в. н.э. (Белый-Бом-II, Булан-Кобы-IV) и 2-й половины IV – V в. н.э. (Кок-Паш). Единственный экземпляр с цилиндрическим упором обнаружен на могильнике Яломан-II в закрытом комплексе 2-й половины IV – V в. н.э. (*раскопки А.А. Тишкина, материал пока не опубликован*). Килевидные наконечники распространяются в воинском арсенале населения Алтая, по-видимому, с начала IV в. н.э. Верхняя хронологическая граница их бытования в булан-кобинской культуре определяется V в. н.э. Похожие образцы с кольчатым упором иногда встречаются в оружейном наборе алтайских тюрок 2-й половины V – 1-й половины VII в. н.э. [Горбунов, 2006, с. 39, рис. 26.-9, 24; 77].

Роговой (костяной) наконечник стрелы с круглым пером пятиугольной формы, плавно переходящим в выступающую цельно вырезанную бочонковидную втулку-свистунку (рис. 2.-4), обнаруживает точные аналогии только на территории Алтая в погребениях 2-й половины III – V в. н.э., исследованных на могильниках Айрыдаш-I, Булан-Кобы-IV, Верх-Уймон, Дялян, Улуг-Чолтух-I [Мамадаков, 1990, рис. 45, 75.-33; Эбель, 1998, рис. 47.-1, 3, 4, 5, 6, 9; Худяков, 2002, с. 84, 86; 2016, рис. 2.-1, 2, 7; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А.,

2003, рис. 26.-12; Тетерин, 2004, рис. 7.-7; Соенов, 2005, рис. 1.-5; 2017, рис. 14.-1, с. 121]. Наибольшее количество таких изделий зафиксировано в Северном Алтае в памятниках, локализованных в долине Нижней Катунь, на незначительном расстоянии от исследуемого погребального комплекса Чобурак-I. Данные наконечники имеют, по-видимому, местное, булан-кобинское, происхождение [Мамадаков, 1990, с. 77]. Они разрабатывались на основе роговых (костяных) модификаций с пером треугольной или килевидной формы, отделенным от цельной втулки плечиками [Мамадаков, 1990, рис. 5.-6, 57.-3; Матренин, 2013б, рис. 1.-11; и др.].

Железная подвижно-язычковая пряжка с округлой рамкой (диаметр 3,5 см) и бесщитковым креплением (рис. 2.-5) представляет одну из самых распространенных модификаций ременных застежек, имеющих широкий круг аналогий в памятниках хуннуско-сяньбийско-жужанского времени разных регионов. На Алтае они появляются во 2-й трети II в. до н.э. и отражают проникновение населения, испытавшего сильное влияние снаряжения хунну. Такие пряжки использовались населением булан-кобинской культуры до V в. н.э. включительно [Матренин, 2013а; 2017, с. 30, 41–42; Матренин, Тишкин, 2015, 2016].

Железный нож, сохранившийся в виде фрагмента клинка длиной 8 см, вероятно, был коротколезвийным (бытовым) с черешковым креплением рукояти, без перекрестия (рис. 2.-6). Такие изделия часто встречаются в археологических памятниках Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. [Кубарев, Киреев, Черемисин, 1990, рис. 37.-19, 40.-10, 24, 44.-12, 13, 46.-10; Мамадаков, 1990, рис. 85, 86; Тишкин, Матренин, Шмидт, 2013, рис. 14.-9–12; Соенов, Константинова, 2015, с. 20–21, рис. 5; и др.].

Проведенный сравнительный анализ сопроводительного инвентаря дает основания для отнесения кургана №29 могильника Чобурак-I к сяньбийско-жужанскому времени и определения его датировки в рамках рубежа III–IV–V вв. н.э.

Показатели погребального обряда, зафиксированные в ходе раскопок кургана №29 памятника Чобурак-I, имеют аналогии в материалах комплексов булан-кобинской культуры [Серегин, Матренин, 2016, с. 13, 21, 37, 53, 157, 159–160]. Среди характерных признаков отметим планиграфию (компактное скопление сооружений, сформированных в несколько рядов и ориентированных по линии ЮЗ–СВ), наземную конструкцию (небольшая каменная насыпь, возможно, с крепидой), а также северо-западную ориентировку умершего, похороненного по обряду одиночной ингумации без коня. Наиболее близкие по показателям погребения раскопаны в Северном Алтае на могильниках Айрыдаш-I, Карбан-I, Тыткескень-VI, Дялян [Суразаков, 1990; Контев, 1991; Тетерин, 1991; Кирюшин, Тишкин, Мамадаков, 1992; Кирюшин,

Тишкин, Матренин, 2014]. Данные памятники относятся к бело-бомскому и верх-уймонскому этапам развития названной общности. Приведенные сравнения демонстрируют принадлежность публикуемого закрытого комплекса к концу бело-бомского – верх-уймонскому этапу булан-кобинской археологической культуры. Нет сомнений, что дальнейшие раскопки некрополя позволят уточнить сделанные заключения, а также расширят имеющиеся представления о специфике данного комплекса.

Библиографический список

Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII вв.). Новосибирск, 2003. 224 с.

Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 75–82.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Горбунов В.В. Основные этапы развития военного дела у кочевников Горного Алтая во II в. до н.э. – V в. н.э. // Проблемы сарматской археологии и истории. Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Челябинск, 2007. С. 157–163.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. Т. III: Материалы по археологии и антропологии могильника Кокэль. Л., 1970. С. 80–209.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Семибратов В.П., Тюрина Е.А. Афанасьевские погребальные комплексы Средней Катуни (результаты исследований Катунской археологической экспедиции в зоне строительства и затопления Алтайской ГЭС в 2006–2007 гг.). Барнаул, 2010. 80 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т. Некоторые результаты археологических исследований памятника Тыткескень-VI на Средней Катуни // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул, 1992. С. 125–130, 222–225.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Матренин С.С. Материалы сянбийского времени погребально-поминального комплекса Тыткескень-VI // Теория и практика археологических исследований. 2014. №2 (10). С. 5–24.

Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 75–106.

Контев А.В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Красноярск, 1991. Т. 2. С. 54–55.

Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. Новосибирск, 1990. С. 43–95.

Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 1996. 396 с.

Литвинский Б.А. Среднеазиатские железные наконечники стрел // Советская археология. 1965. №2. С. 75–91.

Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 317 с.

Матренин С.С. Комплексный анализ поясных пряжек кочевников Алтая сянббийско-жужанского времени (по материалам могильника Степушка-I) // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, филология. 2013а. №4/1 (80). С. 228–237.

Матренин С.С. Костяные наконечники стрел кочевников Алтая сянббийско-жужанского времени (по материалам курганной группы Степушка-I) // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул, 2013б. С. 201–205.

Матренин С.С. Снаряжение кочевников Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Новосибирск, 2017. 142 с.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Поясные пряжки кочевников Алтая хуннского времени: классификация и типология // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, филология. 2015. №3/2 (87). С. 143–152.

Матренин С.С., Тишкин А.А. Пряжки в культуре кочевников Алтая жужанского времени (по материалам памятника Яломан-II) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №2 (14). С. 48–66.

Семибратов В.П., Матренин С.С. Исследование погребальных и поминальных памятников тюркской культуры в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 г. // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2008. Вып. 4. С. 54–66.

Серегин Н.Н., Матренин С.С. Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н.э. – XI в. н.э. Барнаул, 2016. 272 с.

Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки ритуальных объектов на комплексе Чобурак-I (Северный Алтай) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 174–182.

Серегин Н.Н., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Раскопки в Чемальском районе // Археологические открытия 2015 г. М., 2017. С. 252–254.

Соенов В.И. Комплекс вооружения населения Верхней Катуні в гунно-сарматскую эпоху // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул, 2005. С. 52–55.

Соенов В.И. Нарушенное воинское погребение на могильнике Верх-Уймон // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2017. №8 (20). С. 117–142.

Соенов В.И., Константинова Е.А. Ремесленные производства населения Алтая (II в. до н.э. – V в. н.э.). Горно-Алтайск, 2015. 248 с.

Сорокин С.С. О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 3–14.

Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуні. Новосибирск, 1990. С. 197–200.

Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 2004. Вып. 1. С. 37–82.

Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник предтюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 155–157.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Степушка-I – памятник кочевников Алтая сяньбийско-жужанского времени // Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов. Челябинск, 2013. С. 258–279.

Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986. 268 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991. 190 с.

Худяков Ю.С. Опыт систематизации предметов вооружения дистанционного боя из памятников айрыдашского типа хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2016. Т. 15, №5. С. 20–30.

Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 79–87.

Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2000. №5. С. 37–48.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н.э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.

Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1998. 198 с.

Яремчук О.А. Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии: дис. ... канд. ист. наук. Чита, 2005. 296 с.

N.N. Seregin, A.A. Tishkin, V.V. Gorbunov, S.S. Matrenin

Altai State University, Barnaul, Russia

**BEGINNING OF STUDIES OF THE XIANBEI – ZHOUSHAN TIME
NECRIPOLIS AT THE CHOBURAK-I COMPLEX
(Northern Altai)**

The article publishes materials obtained during the excavation of burial mound no. 29 at the Choburak-I funeral-ritual complex (Chemal District of the Altai Republic). The authors present a detailed description of the discovered accompanying inventory, as well as a documented burial rite. The main marker to determine the cultural and chronological attribution of the excavated object is the accompanying inventory, which in spite of the scarcity seems quite informative. It is established that this object can be dated within the boundary of the 3rd – 4th – 5th centuries AD and attributed to the end of the Belo-Bom –Verkh-Uymon stage in the development of the Bulan-Cobinskaya archaeological culture. Further excavations of the necropolis will make it possible to clarify the conclusions made and to expand existing ideas about the specifics of this complex.

Key words: Northern Altai, Choburak-I, Xianbei – Zhoushan period, mound, accompanying inventory, burial rite, Bulan-Cubinskaya culture.

УДК 903.4«6377»

С.М. Ситников¹, С.С. Запрудский²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Министерство внутренних дел Российской Федерации, Барнаул, Россия

ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ГОЛЬЦОВКА-1

В ходе проведения археологической разведки по правому берегу Гольцовки в 2006 г. было обнаружено поселение периода поздней бронзы Гольцовка-1. Памятник расположен на правом невысоком берегу Гольцовки, в 7 км к востоку от с. Староалейское и в 1,6 км к югу–юго-востоку от с. Гольцовка. Там зафиксированы остатки двух каких-то конструкций (жилищ?). На береговой части памятника была собрана серия подъемного материала. Керамика представлена фрагментами саргаринско-алексеевской посуды. Имеющийся материал позволяет отнести данный памятник к концу II – началу I тыс. до н.э. Памятник имеет весьма значительные перспективы для дальнейшего изучения.

Ключевые слова: река Алей, поселение, поздняя бронза, керамика, инвентарь, Рудный Алтай.

Верховья р. Алей, благодаря сравнительно благоприятным природно-климатическим условиям и наличию полезных ископаемых, были заселены человеком с глубокой древности. В настоящее время только на территории Третьяковского и Локтевского районов Алтайского края насчитывается более 200 памятников, относящихся к различным археологическим культурам. Среди них такие важные для понимания культурно-исторических процессов, происходивших в северной части степной Евразии, как поселения Гилево-2, Советский Путь-1, Чекановский Лог-1, могильники Локоть-4А, Гилево-10, Чекановский-Лог-2, 10, 10А и др. В различные годы на рассматриваемой территории проводились археологические разведки и раскопки под руководством В.А. Могильникова, М.А. Демина, П.И. Шульги, А.А. Тишкина, А.Л. Кунгурова, Ю.П. Алехина, С.П. Грушина, М.Т. Абдуганеева, В.Б. Бородаева, С.М. Ситникова и других исследователей.

Район Верхнего Алая имеет богатую рудную базу, разработка которой началась еще в глубокой древности. В пользу этого свидетельствуют многочисленные «чуждые» выработки, по которым в дальнейшем русскими рудознатоками были переоткрыты многие месторождения меди и полиметаллов. О большом количестве древних горных выработок писали известные ученые и путешественники: И. Лейбе, П.С. Паллас, И.П. Фальк, И.Ф. Герман, А. Шангин, Г. Спасский, Э. Эйхвальд и др. Только на территории Рудного Алтая, по сводке М.Ф. Розена, насчитывается «около ста точек, на которых велись древние выработки». К сожалению, большинство из них из-за отсутствия датирующих вещей нельзя отнести к какому-либо конкретному периоду. В настоящее время в юго-западной части Алтайского края известны более 15 месторождений полиметаллических руд и одно медноколчедановое, пригодных для современного промышленного использования. Аналогичная картина

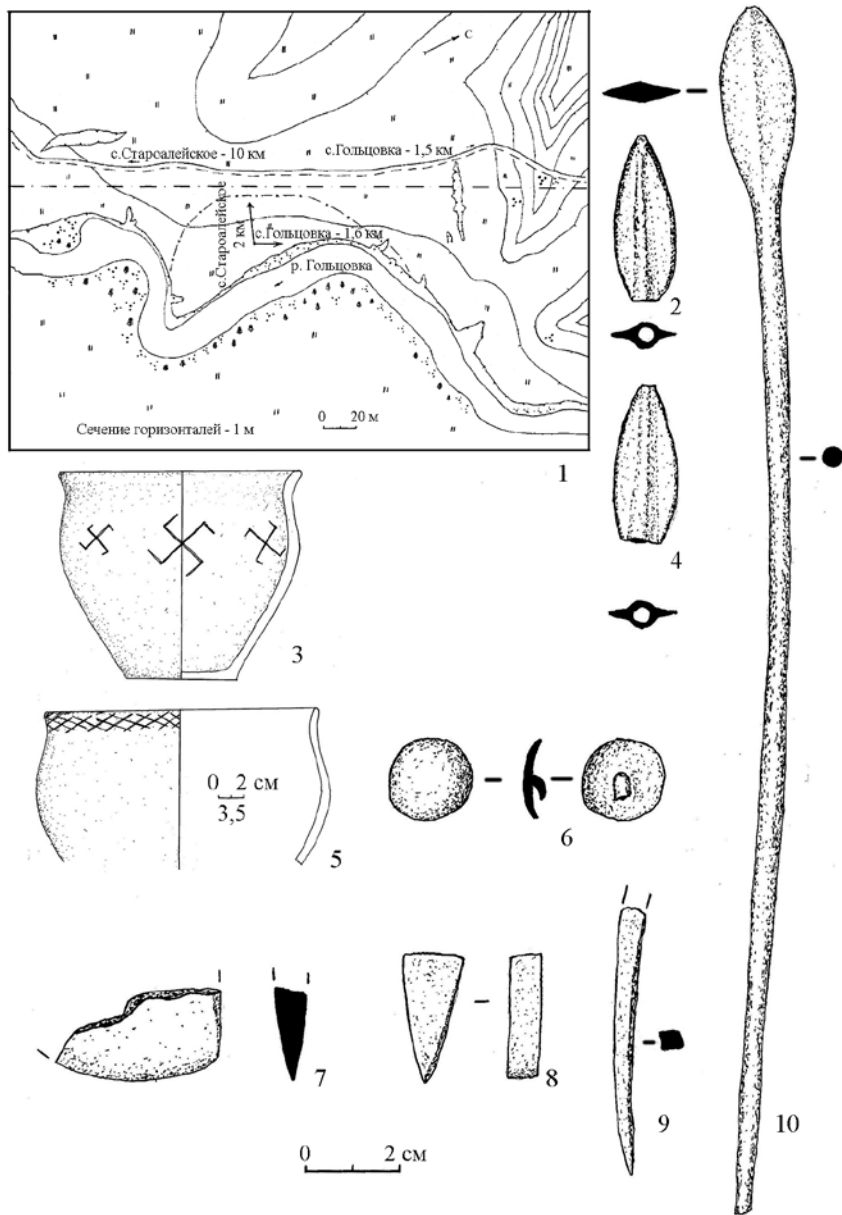
характерна и для Восточного Казахстана. Там большое количество полиметаллических руд сосредоточено на 25 крупных месторождениях: Убинское, Мынчункур, Ленинское, Казанчанкур и др. В целом, полиметаллический пояс Рудного Алтая занимает площадь более 10 тыс. кв. км [Ситников, 2006, с. 151].

В ходе проведения археологической разведки по правому берегу Гольцовки в 2006 г. было обнаружено поселение периода поздней бронзы Гольцовка-1. Памятник расположен на правом невысоком берегу Гольцовки, в 7 км к востоку от с. Староалейское и в 1,6 км к югу–юго-востоку от с. Гольцовка (рис.-1). Поверхность памятника слабозадернована. Юго-восточная часть разрушается Гольцовкой. Там зафиксированы остатки двух каких-то конструкций (жилищ?). На береговой части памятника была собрана серия подъемного материала (рис.-2–10). Керамика представлена саргаринско-алексеевской посудой с характерным орнаментом – налепными валиками, оттисками гладкого и гребенчатого штампов, наколами и насечками. Среди общей серии выделяются два сосуда. Первый орнаментирован свастикообразными узорами в верхней части, второй – косой гладкой сеточкой (рис.-3, 5).

Среди других находок следует отметить обломок бронзового топора (тесла, кельта?) (рис.-7), шила (рис.-9), тесла (долота) (рис.-8), бляхи (?) (рис.-6). Интерес представляет массивный бронзовый наконечник (рис.-10). Аналоги данного изделия авторам не известны. Предмет похож на арбалетный болт, однако отличается меньшими размерами.

В прибрежной части памятника обнаружены два бронзовых двухлопастных, со скрытой втулкой наконечника стрел (рис.-2, 4). Аналогичные изделия являются довольно часто встречающейся категорией находок в период поздней бронзы. На территории Лесостепного Алтая они обнаружены практически на всех памятниках, подвергшихся крупным раскопкам [Иванов, 1993, с. 140, рис. 3–4; Ситников, 2015, с. 230, рис. 84.-7, с. 231, рис. 85.-5]. Изделия данного типа находят многочисленные аналогии как в саргаринско-алексеевских материалах, так и в других культурах эпохи бронзы. Близкие наконечники встречены в алакульском могильнике Шет-1 [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 89, рис. 59] и отличаются лишь слегка вытянутыми пропорциями, что, возможно, свидетельствует об их более ранней датировке. Аналогичные предметы обнаружены в ограде 1 могильника Сангру-3 [Маргулан, 1979, с. 123, рис. 93.-1], поселении Шортанда-Булак [Маргулан, 1979, с. 211, рис. 161.-9].

В Восточном Казахстане подобные наконечники известны из случайных находок на руднике Асу-Булак [Арсланова, 1983, с. 120, рис. 1.-1–5, 24–26] и с поселения Мало-Красноярка [Черников, 1960, с. 231, табл. XXXVI.-4, 6]. В Центральном Казахстане подобные изделия происходят с поселений Мыржик [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 57, рис. 29.-2, 3], Кент [Варфоломеев, 1987, с. 65, рис. 6.-4] и ряда других памятников.

Поселение Гольцовка-1. План и инвентарь

В Павлодарском Прииртышье близкий наконечник встречен на поселении Шауке-2 [Шамшин, Папин, Мерц, 2000, с. 16, рис. 5.-2]. Аналогичные наконечники обнаружены на поселении Ир-2 (Арбатский район Тюменской области) в жилище №2, датирующемся последней четвертью II тыс. до н.э. [Косинская, 1984, с. 48, рис. 3.-14-16] и поселении Жар-Агач в Омской области [Сотникова, 1986, с. 52, рис. 5.-4]. Аналоги прослеживаются и в материалах ирменской культуры [Фролов, 1999, с. 20, рис. 5-16]. Сходные изделия зафиксированы на территории Средней Азии в материалах поздней бронзы [Кузьмина, 1966, с. 131, табл. 6.-6-10, 26] и ряда других регионов.

Наконечники данного типа обычно датируются концом II – началом I тыс. до н.э. [Кузьмина 1966, с. 34], XII–IX вв. до н.э. [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 232], IX–VIII вв. до н.э. [Ермолаева, 1987, с. 93], XII–VIII вв. до н.э. [Аванесова, 1991, с. 158, рис. 39]. По К.Ф. Смирнову [1961, с. 40], аналогичные изделия относятся ко второму типу бронзовых втульчатых наконечников, появляющихся еще в материалах андроновской культуры и существующих до V в. до н.э. Вероятно, наибольший пик распространения изделий данного типа приходится на XII–VIII вв. до н.э.

Таким образом, имеющиеся материалы позволяют отнести поселение Гольцовка-1 к концу II – началу I тыс. до н.э. Памятник имеет весьма значительные перспективы для дальнейшего изучения.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент, 1991. 200 с.

Арсланова Ф.Х. Археологические находки в Казахстане // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 119–125.

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 56–68.

Ермолаева А.С. Памятники переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 64–94.

Иванов Г.Е. Комплекс археологических памятников у пос. Шипуново // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 119–123.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 248 с.

Косинская Л.Я. Поселение Ир-П // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984. С. 45–55.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. М., 1966. Вып. В4-9. 152 с.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. 363 с.

Ситников С.М. К вопросу о горном деле и металлургическом производстве саргаринско-алексеевского населения Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 150–157.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Смирнов К.Ф. Вооружение саврамаатов. М., 1961. 168 с. (МИА. №101).

Сотникова С.В. Поселение Жар-Агач // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Сибири. Омск, 1986. С. 42–55.

Фролов Я.В. Древние памятники Усть-Пристанского района // Нижнее Причарышье: очерки истории и культуры. Барнаул, 1999. С. 6–29.

Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследование поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востокведные исследования на Алтае. Барнаул, 2000. Вып. II. С. 5–20.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М.; Л., 1960. 276 с. (МИА. №88).

S.M. Sitnikov, S.S. Zaprudsky

*Altai State University, Barnaul, Russia;
Ministry of Interior Affairs, Barnaul, Russia*

LATER BRONZE AGE SETTLEMENT GOLTSOVKA-1

During the archaeological survey on the right Bank of the Goltsovka river in 2006 a settlement of the late Bronze age Goltsovka-1 was discovered. The site is located on the right low bank of the Goltsovka river, 7 km east of the Staroaleyskoye village and 1.6 km south – south-east from the Goltsovka village. There were the remains of two structures (dwellings?). On the coastal part of the site a series of lifting material was assembled. Ceramics is represented by a series of the Sargarinsko Alexeevskaya ware. The available material allows attributing this monument to the end of the 2nd – beginning of the 1st thousand BC. The site has very significant prospects for further study.

Key words: Alei river, settlement, late Bronze, ceramics, inventory, Mining Altai.

УДК 902(571.150)

С.М. Ситников¹, И.Е. Кадничанский²

¹*Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;*

²*Камень-на-Оби, Россия*

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ КУЛУНДЫ

Северная Кулунда является интереснейшей культурно-исторической провинцией. Благодаря исследованиям различных научных центров здесь был открыт огромный массив памятников археологии, относящихся к разным культурно-историческим эпохам. В статье отражена серия археологических находок, обнаруженных в Панкрушихинском и Баевском районах Алтайского края.

Основная масса изделий относится к периоду поздней бронзы. Это серп, ножи, кельт, «чеканчики». К раннему железному веку относится бронзовый нож, найденный у р. Прослауха. Железный наконечник стрелы датируется концом I – началом II тыс. н.э. Необходимо отметить большую перспективу сотрудничества с местными краеведами-любителями и районными музеями. Работа в данном направлении позволяет ввести в научный оборот новые археологические материалы и выявить неизвестные ранее памятники.

Ключевые слова: Северная Кулунда, находки, поздняя бронза, ранний железный век, серп, нож, наконечник стрелы.

Северная Кулунда является интереснейшей культурно-исторической провинцией. Благодаря исследованиям различных научных центров там был открыт огромный массив памятников археологии, относящихся к разным культурно-историческим эпохам. Важное значение для воссоздания древней истории данного региона имели исследования А.П. Уманского, В.С. Удодова, Д.В. Папина, К.Ю. Кирюшина, А.С. Федорука, Ю.И. Гельмеля [Уманский, Ситников, 1995; Удодов, 1989–1991; Папин и др., 2014; Кирюшин, Ситников, 2011; Кирюшин, 2017; Гельмель, 2014; Ситников, 2014]. Несмотря на достаточно большой объем исследований, до настоящего времени на данной территории постоянно фиксируются так называемые случайные находки.

Осенью 2017 г. жителю Камня-на-Оби Ивану Егоровичу Кадничанскому местными краеведами были предоставлены фотографии археологических находок, происходящих с территории Северной Кулунды. К сожалению, авторы публикации не имели возможности ознакомиться «вживую» с данными изделиями. Судя по фотографиям, они относятся к широкому хронологическому промежутку от поздней бронзы до средневековья.

Выгнутообушковый нож с выделенной рукоятью, имеющей округлое отверстие в верхней части и широкое лезвие, обнаружен на дороге из с. Подойниково в с. Конево (рис. 1.–/). В литературе подобные изделия получили название ножи «казахстанского типа» [Черников, 1960, с. 82]. Приблизительная длина изделия 21 см, наибольшая ширина клинка – около 4 см. Аналоги данному изделию довольно многочисленны и происходят с территории ареала расселения саргаринско-алексеевского населения. Близкие экземпляры обнаружены в Алейском районе [Кирюшин, Казаков, 1997, с. 176], в материалах могильника Нижняя Суетка [Грушин и др., 2009, с. 78, рис. 2–3], Атасу [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 232] и ряда других памятников. Яркой отличительной чертой ножей данных типов является специфически оформленная, так называемая горбатая спинка клинка. Как правило, временем существования ножей данных типов исследователи считают конец II – начало I тыс. до н.э. [Кузьмина, 1966, с. 47; Аванесова, 1991, с. 28; Грушин и др., 2009, с. 79; Ситников, 2015, с. 40].

Осколок аналогичного изделия обнаружен у с. Конево (рис. 1.–2). Длина изделия приблизительно 9 см, наибольшая ширина клинка – 3 см.

Нож был сломан еще в древности. В верхней сохранившейся части изделия зафиксированы остатки отверстия округлой формы.

Рис. 1. Бронзовые находки с территории Северной Кулунды

Рис. 2. Металлические находки с территории Северной Кулунды

Бронзовый серп представлен изделием с широким полотном, изогнутым обухом и крюком в верхней части. Он обнаружен неподалеку от с. Подойниково (рис. 1.-3). Длина изделия 27 см, наибольшая ширина

6 см. На территории Лесостепного Алтая целые аналогичные экземпляры обнаружены неподалеку от с. Корболиха в Третьяковском районе и на поселении Бурла-3. Обломки, по-видимому, аналогичных изделий происходят с поселений Гилево-2, Советский Путь-1, Чекановский Лог-1-3 [Ситников, 2015, с. 48]. Типологически близкие орудия встречены в материалах поздней бронзы на широкой территории [Черников, 1960, с. 256, табл. LXIII.-6; Гришин, 1971, с. 18; Кожомбердиев, Кузьмина, 1980, рис. 17, 19; Варфоломеев, 1987, с. 65, рис. 6.-1; 1988, с. 94, рис. 3.-1; Аванесова, 1991, с. 138, рис. 19.-36]. В целом данные изделия, видимо, следует датировать концом II – началом I тыс. до н.э. [Кузьмина, 1966, с. 55; Грушин и др., 2009, с. 88; Ситников, 2015, с. 49].

Бронзовый пластинчатый нож со слабоизогнутым обушком и отогнутым вверх окончанием (рис. 1.-4). Он имеет хорошо выраженную рукоять и подтреугольное навершие (возможно, в виде стилизации (?) какого-то животного). Найден в 1,5 км по нижней дороге из Подойниково в Конёво. Длина 16 см, наибольшая ширина клинка 2,4 см, рукояти – 1,5 см. Форма изделия схожа с ножами ирменской культуры [Ковалевский, 2006].

Бронзовый кельт также обнаружен у с. Подойниково (рис. 1.-5–8). Он имеет два валика в верхней части. С левой и правой стороны наблюдаются выступы (возможно, при производстве изделия предусматривались «ушки», не получившиеся в процессе изготовления). Приблизительные размеры изделия 6×4×2,5 см. Судя по размерам и форме, изделие следует относить к VIII–VII (VIII–VI) вв. до н.э. [Папин, Шамшин, 2005, с. 32].

Еще одна серия находок происходит из Баевского района Алтайского края.

Среди них два бронзовых «чеканчика». Первый длиной 15 см, с округлым сечением и прямоугольным отверстием в верхней части был обнаружен в с. Прослауха, на огороде. Верхняя часть слегка приплюснута (рис. 2.-1). Второй, длиной 11 см, с прямоугольным сечением и округлым отверстием в верхней части зафиксирован в районе Жарковского бора (рис. 2.-2). Форма изделий типична для поздней бронзы. Аналогичный предмет зафиксирован В.С. Удодовым на поселении Бурла-3.

Бронзовый пластинчатый нож со слабовыраженной рукоятью и петелькой для подвешивания найден на левом берегу Прослаухи, на огородах одноименного села (рис. 2.-3, 4, 5). Длина изделия 14,5 см, наибольшая ширина лезвия 1,5 см, рукояти – 1,1 см. Форма ножа близка к изделиям «раннескифского» [Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 206, рис. 59.-4] и скифского времени [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 194, рис. 26.-5; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 212, рис. 31; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 185, рис. 64.-19].

Железный, черешковый, с ромбической формой пера и упором на древке наконечник стрелы найден неподалеку от Жарковского бора,

в 400 м от речки Кулунды (рис. 2.-б, 7, 8). Судя по аналогиям, он относится к концу I – началу II тыс. н.э. [Горбунов, 2006].

В заключение хотелось бы отметить большую перспективу сотрудничества с местными краеведами-любителями и районными музеями. Работа в данном направлении позволяет ввести в научный оборот новые археологические материалы и выявить неизвестные ранее памятники.

Библиографический список

Варфоломеев В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 56–68.

Варфоломеев В.В. О культурной принадлежности памятников с валиковой керамикой Сары-Арки // Проблемы археологии Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1988. С. 80–99.

Гельмелъ Ю.И. Из истории изучения археологических памятников Славгородского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 70–73.

Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006. 232 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы. М., 1971. 108 с. (САИ. Вып. В3–12).

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 248 с.

Кириوشин К.Ю. Комплекс неолита – раннего энеолита поселения Новоильинка-III (Северная Кулунда) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 104–109.

Кириوشин К.Ю., Ситников С.М. Проблемы хронологии, периодизации и культурной принадлежности памятников неолита Кулунды // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №4 (48). С. 42–50.

Кириوشин Ю.Ф., Казаков А.А. Бронзовый нож из Алейского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. С. 176–178.

Кириوشин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катгуни. Барнаул, 2004. 292 с.

Кириوشин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 234 с.

Кириوشин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения раннескифского времени. Барнаул, 1997. 232 с.

Ковалевский С.А. Ирменские бронзовые ножи из погребальных комплексов Кузнецкой котловины // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 54–64.

Кожомбердиев И., Кузьмина Е.Е. Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // Советская археология. 1980. №4. С. 140–153.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4–9. М. 1966. 152 с.

Папин Д.В., Федорук А.С., Черных Д.В., Бирюков Р.Ю. Предварительные результаты электромагнитного изучения поселения Бурла-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 162–164.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005. 202 с.

Ситников С.М. К археологической карте Хабарского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 177–184.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Удодов В.С. Некоторые закономерности развития валиковой традиции на Алтае // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 55–57.

Удодов В.С. Некоторые результаты археологических исследований на р. Бурле // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул, 1990. С. 39–43.

Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 74–76.

Уманский А.П., Ситников С.М. Керамические комплексы поселения Новоильинка // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995. №1. С. 46–53.

Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. М., 1960. 285 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. №88).

S.M. Sitnikov, I.E. Kadnikovsky

Altai State University, Barnaul, Russia Kamen-na-Obi, Russia

NEW ARCHAEOLOGICAL FINDS FROM NORTHERN KULUNDA

Northern Kulunda is an interesting cultural and historical province. Thanks to the various research centers, a whole range of archaeological sites belonging to different cultural and historical epochs was discovered. The article describes a series of archaeological finds discovered in Pankrushikhinsky and Baevsky regions of the Altai territory. The bulk of the products refer to the late Bronze Age. They are sickle, knives, celt, cheekers. The bronze knife found near the Paslauga river can be attributed to the early Iron Age. The iron arrowhead is dated to the end of the 1st – beginning of the 2nd millennium BC. Great prospects exist for the cooperation with local amateur historians and regional museums. Work in this direction allows introducing new archaeological materials into scientific circulation and revealing previously unknown monuments.

Key words: Northern Kulunda, finds of the late Bronze-early Iron Age, sickle, knife, arrowhead.

УДК 902.2

С.В. Сотникова

ООО «Центр археологических исследований», Надым, Россия

**КОЛЬЦЕВОЙ РОВ ПОГРЕБАЛЬНОГО СООРУЖЕНИЯ
КАК МЕСТО ОТПРАВЛЕНИЯ КУЛЬТА
(по материалам памятников синташтинского типа)**

В некоторых курганах синташтинской культуры Южного Зауралья фиксируются рвы, окружающие погребальную площадку (курган №25 Большекараганского могильника). На основании аналогий из этнографии высказано предположение, что они сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной во время таяния снега и паводка рвы наполнялись водой. Это привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц. В синташтинских могильниках имеются ритуальные комплексы, включающие деревянную чашу и кости утки (курган №25 Большекараганского могильника, могильник Бестамак). Определенные аналогии синташтинскому погребальному ритуалу с использованием костей утки можно обнаружить в угорской традиции. Весной с возвращением уток обские угры проводили ритуалы, связанные с представлениями о душе-птице и ее возрождении. Вероятно, подобные представления о связи водоплавающих птиц с возрождением существовали в среде синташтинского населения.

Ключевые слова: Южное Зауралье, Казахстан, эпоха бронзы, синташтинская культура, курган, кольцевой ров, культовая практика.

В некоторых курганах синташтинской культуры средней бронзы фиксируются рвы, расположенные под курганной насыпью и окружающие погребальную площадку. Наибольший интерес представляют материалы кургана №25 Большекараганского могильника (Южное Зауралье) [Аркаим..., 2002]. Перед началом раскопок курган №25 представлял собой участок пахотного слоя диаметром около 20 м, высотой 0,3 м. В результате раскопок выявлена погребальная площадка правильной округлой формы диаметром 18–18,5 м, окруженная мощным кольцевым рвом. В пределах площадки и во рву выявлены 15 погребений и 6 ям с останками жертвенных животных. Исследователи считают, что комплекс этого кургана формировался в течение длительного промежутка времени и условно выделяют три основных этапа. На первом этапе были сооружены погребения 7, 16, возможно, 20. Кольцевой ров еще отсутствовал. Второй этап отмечен появлением вокруг площадки рва и оформлением центральной (погребения 9 и 10) и западной-1 (погребения 2, 4, 17, 18) групп погребений. Центральные ямы, по-видимому, функционировали в качестве склепов. Третий этап связан с появлением в западной части комплекса могильных ям, впущенных в ров в процессе его затекания грунтом (погребения 12, 23, 24) [Аркаим..., 2002, с. 17, 20, 23, 26–27]. Особого внимания заслуживает ров, обводящий площадку. Исследователи отмечают, что ров и центральные погребения образуют в совокупности единую, центрально-ориентированную систему, которая организует всю планиграфию

комплекса. Ров был выкопан в один прием, так как нигде не наблюдаются следы его дополнительного углубления и повторных прокопов. Он имел ширину 3–4 м в верхней части и глубину до 1,3 м от уровня древней поверхности, состоял из 12 секций. По-видимому, его копали по общему плану и разметке, но в виде отдельных ям. В результате авторы приходят к выводу, что «функции рва – символические и ритуальные, наличие целой серии перерывов сводит к нулю реальные охранительные функции этого масштабного сооружения» [Аркаим..., 2002, с. 27].

Безусловно, следует согласиться с этим выводом. Но для интерпретации данного архитектурного сооружения представляют интерес центральные могилы, вокруг которых, собственно, и был сооружен ров. Прежде всего, это погребение 10. Очертания ямы в верхней части размыты из-за нор землероев, в районе дна яма имела прямоугольную форму и размеры 3,5×2,5 м. Южная и центральная части ямы носили следы позднейших неоднократных перекопов. Остатки поперечного деревянного перекрытия сохранились лишь в северной части ямы. В северо-восточном углу зафиксированы незначительные фрагменты деревянной камеры. В заполнении встречены фрагменты шести человеческих костяков: А – мужчина 18–22 лет, Б – женщина 15 (?) лет, В – ребенок возраста 4±1 год, Г – ребенок старше 2 лет, Д – ребенок возраста 1 год±6 месяцев, Е – ребенок до 6 месяцев (новорожденный). Выявлены останки жертвенных животных – лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Погребальный инвентарь, встреченный в заполнении, представлен фрагментами четырех сосудов, медным шилом, «лопаточкой» из рога, плоским костяным диском с центральным отверстием, пятью разрозненными клыками корсака, бусинами из камня (15 экз.) и меди (1 экз.). Вдоль северной стенки ямы сохранился в нетронутom виде участок дна шириной 0,7–0,8 м. Находящиеся там предметы были погребены под остатками деревянного перекрытия ямы. Параллельно стенке располагалось восемь сосудов (№34–41). Сосуды №38 и 39 находились внутри сосуда №37. Сосуд №36 – деревянный, в виде полусферической чаши. Под этим сосудом были расчищены кости утки (исходно – часть тушки). Под сосудом №41 (миниатюрный остророберный горшочек с двумя отверстиями на шейке) залегали кости дикого кабана – две первые и две вторые фаланги конечностей двух особей в сочленениях. На костях расчищены две пастовые бусины. Возле сосуда №41 находился кусок древесной смолы, под ним – медная спиралька и кусочек металла. К северу от этого сосуда находились медное шильце, оконтуренное органическим тленом, еще один кусок древесной смолы, костяное изделие круглой формы с центральным отверстием и треугольными нарезками по краю, две подвески из клыков лисицы и собаки. Две аналогичные подвески располагались к востоку от сосуда. В северо-восточном углу ямы лежали три каменных наконечника стрелы, в районе северо-западного угла – белемнит. У северной стенки, на 60 см выше дна, найден медный топор-тесло.

В полу ямы выявлены два детских погребения. Захоронение «Ж» располагалось в юго-западном секторе, в яме размерами 0,60×0,25 м, углублено в дно погребальной камеры на 7–8 см. Ребенок захоронен скорченно, на правом боку, головой на север. Прямо под костяком, в ямке стоял сосуд №42, устье которого было перекрыто бедренными костями скелета. В ногах костяка – семь астрагалов и три фаланги овцы, три клыка корсака. На черепе – дисковидная бусина из серпентинита. Возраст ребенка 1,5 года ± 6 месяцев. Захоронение «З» располагалось в северо-западном секторе в яме размерами 0,65×0,25 м, углублено в дно погребальной камеры на 5 см. Ребенок захоронен скорченно, на правом боку, головой на север. За спиной лежал набор астрагалов (кабан – 1 экз., овца – 7 экз., коза – 3 экз., сайга – 2 экз.). На черепе – оригинальная каменная бусина с шишечками. Возраст ребенка 1,5 года ± 6 месяцев [Аркаим..., 2002, с. 41, 43, 47].

Для интерпретации назначения рва, окружающего подкурганную площадку с двумя центральными могилами, представляется допустимым привести достаточно отдаленные аналогии, которые сохранились в японских письменных источниках. В «Кодзики» и «Нихон сёки» есть известная легенда о том, что душа отважного воителя Ямато-такэру после его погребения в кургане превратилась в большую белую птицу (лебедя). Сын Ямато-такэру, государь Тюай, повелел по всем провинциям страны изловить «белую птицу» и вскормить ее в пруду у гробницы отца. Для него изловили несколько птиц. Действительно, в японских дворцовых прудах и во рвах с водой, окружавших гигантские царские курганы, гнездились водоплавающие птицы, которых подкармливали, чтобы они не улетали далеко. Даже сейчас на гигантских «царских» курганах, где сохранилась хотя бы часть опоясывающих их рвов с водой, все еще гнездятся водоплавающие, в том числе белые птицы: лебеди, гуси, цапли, журавли, утки. В древности глиняные изображения (ханива) таких птиц изготавливали в массовом порядке и устанавливали непосредственно во рвах вокруг курганов или на их вершине [Бакшеев, 2004, с. 445–446].

Вновь обращаясь к материалам кургана №25 Большекараганского могильника, можно высказать предположение, что весной, во время таяния снега и паводка, опоясывающий подкурганную площадку ров наполнялся водой и становился пристанищем, пусть даже временным, для перелетных птиц – гусей, лебедей, уток. Весьма значимым представляется находка в погребении 10 ритуального комплекса, состоящего из деревянного сосуда в сочетании с костями утки. Не менее важным является также то, что центральные погребения (9, 10) и ров были созданы, по мнению исследователей, в одно время. Поэтому связь ритуального комплекса из погребения 10 и рва, заполнявшегося весной водой, представляется весьма вероятной.

Большекараганское погребение с костями утки и деревянной чашей – не единственное в синташтинской культуре. Подобный ритуальный комплекс обнаружен в синташтинском погребении 35 могильника Бестамак (Казахстан, Костанайская область), где была захоронена женщина 25–30 лет. Могильная яма крупных размеров 3,4×1,9 м ориентирована по линии ЮВ–СЗ. Над перекрытием зафиксированы костяки двух лошадей ногами друг к другу, головой на северо-запад. У задних конечностей лошадей располагались кости конечностей от четырех овец. На дне могилы находился костяк женщины скорченно, на левом боку, головой на северо-запад. В области шеи обнаружены 17 пастовых бусин, на левой руке – бронзовый браслет, на черепе – две каменные бусины синего цвета. В головах – четыре сосуда, причем маленький помещен внутрь самого большого. Под развалом большого сосуда – бронзовый серп. Слева от сосудов, в юго-западном углу найдены проколка и две бронзовые скрепки от деревянного изделия (сохранился древесный тлен). В 0,1 м от них лежали в анатомическом порядке кости крыла утки, а также просверленный астрагал крупного рогатого скота. Также в головах, ближе к центру ямы, лежали два бронзовых ножа, стамесочка с роговой рукояткой и штыковидное орудие. В северном углу рядом с сосудом найдены два каменных наконечника стрелы, каменный пест (?). За спиной – костяное орудие, бронзовый шплинт. В ногах – бронзовая стамесочка с деревянной рукоятью, бронзовая игла, две бронзовые скрепки, костяное пряслице, маленький неорнаментированный сосуд [Калиева, Логвин, 2009, с. 38–43]. В данном могильнике погребение 35 не было окружено рвом. Однако представляет интерес замечание исследователей, что остатки конструкций в виде рвов прослежены в незатронутой разрушением части раскопа [Калиева, Логвин, 2009, с. 34].

Погребения с костями водоплавающих птиц достаточно редко встречаются в синташтинских могильниках и сопровождаются нестандартным набором инвентаря. Вероятно, эти находки свидетельствуют о неординарном статусе погребенного.

Определенные параллели синташтинскому погребальному ритуалу с использованием костей утки можно обнаружить в угорской традиции. Согласно лингвистическим данным, контакты угорского и индоиранского населения уходят в глубокую древность. В культуре обских угров ритуал, связанный с перелетными птицами (утками), имеет отношение к куклам упыт-акань. Среди северных хантов и манси был распространен обычай изготавливать куклы после смерти умершего. В угорской этнографии содержатся сведения о двух видах ритуальных кукол – упыт-акань (опыт-акань) и иттарма (иттерма). Кукла упыт-акань изготавливалась из волос умершего и его родственников. Такие куклы были распространены у березовских и казымских хантов [Карьялайнен, 1994, с. 110; Мартынова, 1998, с. 132, 135–136; Соколова, 1979, с. 252]. Кукол

держали дома до прилета диких уток, а затем сжигали в ходе особого ритуала [Карьялайнен, 1994, с. 110; Мартынова, 1998, с. 135; Чернецов, 1959, с. 151].

Сведения о ритуалах, связанных с куклами *упыт-акань*, имеются в работе К.Ф. Карьялайнена. Он отмечает, что «если на Казыме умирает тот, кто уже научился вязать узлы, с его головы срезают волосы, которые вкладывают в куклу умершего... В солнечные дни ее вынимают и сажают на стол во время семейных трапез. Так заботятся о кукле умершего мужчины пятьдесят, а о кукле умершей женщины сорок дней и в это время не посещают их могил. По истечении этого срока куклу при необходимости хранят в сундуке до дня сожжения. Но нельзя сжигать, если реки покрыты льдом. Если человек умер поздней осенью, так что дни поминовения (50–40) не закончились до замерзания рек, куклу сжигают только следующей весной во время возвращения диких уток» [Карьялайнен, 1994, с. 110]. По свидетельству В.Н. Чернецова [1959, с. 151], на окраине селения для изображения покойного строится небольшой шалашик, «перед входом которого кладется убитая утка головой на север. Шалашик вместе с куклой сжигается, а утку родственники варят и съедают. Если человек умер осенью или зимой, то изображение его хранят до весны, пока не прилетят утки. Обряд сжигания куклы производится непременно при «верховом», т.е. южном ветре». По данным Е.И. Ромбандеевой, северные манси обряд сожжения волос умершего устраивают с прилетом уток. Для этого строят специальный шалашик, куда кладут волосы, разложенные на 4–5 пучков, и маленькую утку [Ромбандеева, 1993, с. 112–113].

Изготовление куклы *упыт-акань* было тесно связано с представлениями о магической силе волос. По данным З.П. Соколовой [1995, с. 143], волосы человека считались местом обитания души-дыхания *лили*, которая после смерти человека и проведения соответствующих обрядов вселялась в новорожденного младенца. Как отмечал В.Н. Чернецов [1971, с. 81], эта «реинкарнирующая» душа, по воззрениям обских угров, «связывалась с дыханием и жизненным началом человека и представлялась в виде птицы, живущей у его головы».

Такие обряды, по-видимому, были приурочены к благоприятному, «светлому» периоду годового цикла, который начинался с прилетом птиц, вскрытием рек, теплыми ветрами. Вероятно, только в этот период душа-птица могла достичь Верхнего мира. В «темный» зимний период годового цикла Верхний мир становился недоступным. Такие представления были широко распространены у сибирских народов. Например, алтайские «белые шаманы» камлали лишь летом, в теплую погоду, поскольку зимой «замерзает» [Косарев, 2003, с. 212].

Прямое перенесение этнографических данных на синташтинский материал невозможно. Однако на основании аналогий из этнографии

можно высказать предположение, что рвы вокруг курганов сооружались с учетом использования их в культовой практике. Весной рвы во время таяния снега и паводка наполнялись водой. Это привлекало к ним перелетных водоплавающих птиц. В синташтинских курганах обнаружены ритуальные комплексы, включающие деревянную чашу и кости утки. Определенные параллели синташтинскому погребальному ритуалу с использованием костей водоплавающих птиц можно обнаружить в обско-угорской этнографии. Обско-угорские аналогии позволяют предполагать существование в среде синташтинского населения представлений о душе-птице, которая возрождается с прилетом водоплавающих птиц в ходе отправления определенных ритуалов.

Библиографический список

Аркаим: некрополь (по материалам кургана №25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002. Кн. 1. 216 с.

Бакшеев Е.С. Небесные девы, пернатые одежды. Орнитологический код в традиционной японской культуре (на примере мотива «Хагоромо») // Человек и природа в духовной культуре Востока. М., 2004. С. 435–462.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. №9. С. 32–58.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1994. Т. 1. 152 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания. М., 2003. 352 с.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998. 235 с.

Соколова З.П. Похороны у казымских хантов // Полевые исследования Института этнографии 1977 г. М., 1979. С. 249–253.

Соколова З.П. Изображения умерших у хантов и манси // Шаманизм и ранние религиозные представления. М., 1995. С. 143–173.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут, 1993. 208 с.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Труды Института этнографии. Новая серия. М., 1959. Т. 51. С. 114–156.

Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Свод археологических источников. М., 1971. Вып. В 4–12. 119 с.

S.V. Sotnikova

ООО “The Center of Archaeological Research”, Nadym, Russia

ANNULAR MOAT OF THE FUNERAL CONSTRUCTION AS THE PLACE OF CULT PERFORMANCE (on the materials of the Sintashta type burial sites)

In some barrows of the Sintashtinskaya culture of the Southern Trans-Urals, moats surrounding the burial place were discovered (barrow no. 25 of the Bolshakaragansky burial ground). Based on analogies from Ethnography, it was suggested that they were built with the consideration of their use in the cult practice. In spring, during the melting of snow and flooding, the moats were filled with

water, thus attracting migratory waterfowl. In Sintashta burial grounds there are ritual complexes, which include a wooden bowl and duck bones (barrow no. 25 of the Bolshekaragansky burial ground, Bestamak burial ground). Certain analogies of the Sintashta funeral rite with the use of duck bones could be found in the Ugric tradition. In spring with the return of the ducks, the Ob-Ugric peoples performed the rituals connected with notions about the soul-bird and its rebirth. Probably, similar notions about the connection of waterfowl with the rebirth existed among the Sintashta population.

Key words: Southern Trans-Urals, Kazakhstan, Bronze Age, Sintashtinskaya culture, barrow, annular moat, cult practice.

УДК 94(470)

О.В. Стяжкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**ПЕРВАЯ КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ
НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ (Россия)**

Целенаправленное изучение археологического наследия на юге Западной Сибири начинается с 1920-х гг. Тогда же установление хронологии и интерпретация выявленных памятников становятся основными темами в работах исследователей. Одним из первых, кто предпринял попытку обобщить имевшиеся сведения и новые полученные результаты археологических изысканий, стал М.П. Грязнов. Опираясь на опыт предшественников, он разработал систематическую последовательность смены культур населения, проживавшего на Алтае и на территории южной части Верхнего Приобья, от неолита до эпохи железа. Эта концепция была представлена в одной из публикаций, о которой речь идет в данной статье. Несмотря на имеющиеся недостатки, работа М.П. Грязнова заложила основу для дальнейшего перспективного изучения археологии региона и до сих пор востребована.

Ключевые слова: Алтай, Верхнее Приобье, М.П. Грязнов, экспедиция, 1920-е гг., археологические памятники, раскопки, последовательность смены культур.

Летом 1920 г. М. Грязнов, будучи студентом физико-математического факультета Томского университета и находясь на практике в составе географической экспедиции, работавшей в предгорьях Саян, случайно попал в археологический отряд под руководством С.А. Теплоухова. С того момента он увлекся археологией, и начались его систематические полевые работы [Балашова, 2004, с. 7].

Несмотря на то, что археологическое наследие Сибири и Алтая, в частности, неизменно привлекали к себе внимание археологов, все же некоторые районы оставались малоизученными или же неизученными вовсе. К числу таковых до 1925 г. относилась и территория верхнего течения Оби.

В 1924–1925 гг. в ходе деятельности Алтайской экспедиции Русского музея (под руководством С.И. Руденко) М.П. Грязнов участвовал в исследованиях достаточно обширного региона и провел самостоятельные археологические изыскания. Так, при обследовании долины Оби между городами Бийск и Барнаул, он особое внимание уделил урочищу Ближние Елбаны, как «самому интересному месту по всему пройденному по р. Оби пути» [Грязнов, 1956, с. 6]. Но в силу сложившихся обстоятельств тогда произвести систематическое археологическое изучение там не удалось. Лишь только с 1946 г. были организованы полномерные раскопки разновременных памятников [Грязнов, 1956, с. 6]. Следует отметить, что исследование данного археологического комплекса легло в основу нескольких трудов М.П. Грязнова: сначала итоги работ были опубликованы кратко, а уже затем состоялось и монографическое издание с привлечением большого количества материалов [Тишкин, 2007, с. 54–55].

В результате исследований, осуществленных М.П. Грязновым в 1925 г., удалось обнаружить новые памятники и получить различные научные сведения, которые давали возможность составить первое схематичное представление о развитии древних и средневековых культур древнего и средневекового Алтая. Для наиболее полного представления были необходимы систематические и масштабные исследования.

В 1927 г. М.П. Грязнов вновь прибыл на Алтай. Одной из целей его работ являлось повторное обследование Чудацкой Горы в устье р. Касмалы [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2002, с. 154]. Впервые М.П. Грязнов побывал на этом памятнике в 1925 г., когда, находясь на Алтае, узнал о случайных находках, поступивших в Барнаульский музей от местного жителя [Кирюшин, Фролов, Шамшин, 2000, с. 17]. Следует указать, что, прибыв тогда на Чудацкую Гору, он не проводил полномерных раскопок. Ему удалось собрать лишь небольшую часть материалов, которые впоследствии были переданы в Государственный Эрмитаж. Они представлены преимущественно керамикой и каменными орудиями эпохи энеолита, ранней и поздней бронзы [Кирюшин, Тишкин, Грушин, 2002, с. 154].

В 1927 г. М.П. Грязнов произвел целенаправленные раскопки на памятнике, в ходе которых было обнаружено погребение мужчины с достаточно «богатым» и разнообразным сопроводительным инвентарем [Кирюшин, Грушин, Шмидт, 2009] и поселение, в культурном слое которого ему удалось собрать солидную коллекцию керамики [Уманский, 2000, с. 5].

В результате анализа всех собранных археологических сведений М.П. Грязновым была представлена последовательность смены культур населения, проживавшего в южной части Верхнего Приобья. Это нашло отражение в работе «Древние культуры Алтая», опубликованной в 1930 г.

В ней М.П. Грязнов [1930], опираясь на известные и вновь полученные материалы, а также используя периодизацию, разработанную

в свое время С.А. Теплоуховым, представил памятники в виде семи основных этапов:

- дометаллическая культура (неолит);
- ранняя бронза (андроновская культура);
- средняя бронза (карасукская культура);
- поздняя бронза (большереченская культура);
- первая стадия железной культуры;
- вторая стадия железной культуры;
- третья стадия железной культуры [Тишкин, 2007, с. 53].

В указанной публикации приведена сводка обнаруженных памятников, находки из которых послужили базой для формирования культурно-хронологических представлений о развитии обществ трех эпох (камня, бронзы и железа). В данном делении схематично определена последовательность сменяющихся культур, но нет конкретных хронологических указаний, что было обусловлено нехваткой массового материала. Тем не менее первый опыт такой периодизации можно считать важным, так как публикация М.П. Грязнова «...заложила основу для дальнейших перспектив в археологическом изучении одного из своеобразных регионов Евразии и не потеряла своего значения до настоящего времени» [Тишкин, 2007, с. 52–53].

Для наиболее полных представлений были необходимы систематические и масштабные исследования, которые М.П. Грязнов провел в послевоенный период. Дальнейшее совершенствование культурно-хронологической схемы нашло отражение в ряде публикаций, а законченный вариант представлен в монографии [Грязнов, 1956].

Библиографический список

Балашова Е.В. Археологические изыскания М.П. Грязнова в 1920-е годы // Традиционные культуры и общества Северной Азии. Кемерово, 2004. С. 7–9.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 1–12.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 162 с. + прил. (МИА. №48).

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Грушин С.П. Материалы эпохи ранней бронзы, полученные М.П. Грязновым с памятника Чудацкая Гора в Верхнем Приобье // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2002. Кн. I. С. 153–155.

Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Археологическое изучение Павловского района // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2000. С. 17–19.

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Шмидт А.В. Погребение с Чудацкой горы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2009. Вып. XVII. С. 249–257.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 356 с.

Уманский А.П. Археологические памятники Павловского района (материалы к археологической карте) // Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2000. С. 5–8.

O.V. Styazhkina

Altai State University, Barnaul, Russia

**THE FIRST CULTURAL AND CHRONOLOGICAL CONCEPT
OF ANCIENT AND MEDIEVAL HISTORY OF POPULATION
OF THE UPPER OB REGION (Russia)**

A purposeful study of the archaeological heritage in the south of Western Siberia began in the 1920s. At the same time, the establishment of chronology and the interpretation of identified sites became the main themes in the writings of researchers. One of the first to attempt to generalize the available information and new results of archaeological research was M.P. Gryaznov. Based on the experience of his predecessors, he developed a systematic sequence of changes in the cultures of the population living in Altai and the southern Upper Ob region, from the Neolithic period to the Iron Age. This concept was presented in one of the publications which are discussed in this article. Despite the existing shortcomings, the work of M.P. Gryaznov laid the foundation for further prospective study of archaeology in the region and it is still in demand.

Key words: Altai, Upper Priobye, M.P. Gryaznov, expedition, 1920s, archaeological sites, excavations, sequence of changing cultures.

УДК 903.53(571.150)

А.А. Тишкин, В.В. Горбунов, Н.Н. Серегин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛОВ
ИЗ КУРГАНОВ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ПАМЯТНИКА СРОСТКИ-I**

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Курганная группа Сrostки-I является памятником, на материалах которого была выделена на территории Верхнего Приобья сrostкинская археологическая общность, относящаяся к раннему Средневековью. На основе изучения погребального обряда и предметов материальной культуры в настоящее время датировка исследованных в разное время объектов указанного комплекса определена 2-й половиной IX – 1-й половиной X в. н.э. Для подтверждения обозначенного хронологического периода и для дальнейшего более детального установления хронологии каждого кургана было предпринято пробное радиоуглеродное датирование образцов в виде найденной древесины, а также некон-

диционных костей людей и лошади. Полученные результаты обозначили ряд проблем их интерпретации. Они были соотнесены с имеющимися показателями по другим исследованным памятникам сросткинской культуры.

Ключевые слова: юг Западной Сибири, раннее Средневековье, Сростки-I, археологические находки, радиоуглеродное датирование.

Курганный могильник Сростки-I – один из крупных раннесредневековых некрополей на юге Западной Сибири. Памятник находится на восточной окраине одноименного села, в Бийском районе Алтайского края. Его объекты располагаются на южном покатом склоне горы Пикет, на правом берегу Катуня, в пределах предгорной зоны Бийско-Катунского междуречья.

Исследования археологического комплекса осуществлялись в 1925 и 1930 гг. М.Д. Копытовым, М.Н. Комаровой и С.М. Сергеевым. В общей сложности тогда были раскопаны 56 курганов, но на них вскрывались лишь центральные участки в виде «колодцев» [Горбунов, Тишкин, 2014, с. 55].

В 2012–2014 и 2016 гг. на памятнике работала экспедиция Алтайского государственного университета. За четыре полевых сезона исследованы шесть курганов, в которых оказались 15 могил. Раскопки проводились по современной методике, нацеленной на полное изучение каждого объекта, включая прилегающее пространство. В результате изучались не только центральные, но и боковые погребения, находившиеся под насыпями всех крупных курганов. При этом удалось зафиксировать сопроводительные конструкции в виде рвов и деревянных столбов, а также следы от поминальных действий [Горбунов, Тишкин, 2014; Горбунов, Серегин, Тишкин, 2015; Горбунов и др., 2017].

Отдельным направлением работ, проводившихся на археологическом памятнике Сростки-I, являлся отбор образцов для различных естественно-научных анализов. Уже опубликованы материалы палинологических исследований [Михаревич, Тишкин, 2017]. В настоящей статье в научный оборот вводятся результаты радиоуглеродного датирования органических материалов из четырех объектов, которые призваны уточнить имеющиеся представления о времени их сооружения, а также о хронологии памятника в целом.

Раньше вопросы датировки могильника Сростки-I решались на основе сравнительного анализа найденного погребального инвентаря, с учетом тех или иных морфологических признаков вещей. Так, уже первые наблюдения за предметным комплексом памятника позволили М.П. Грязнову [1930, с. 9], опираясь на находки китайских монет времени династии Тан, высказать мнение о его датировке периодом VII–X вв. Позднее хронологические рамки были сужены до IX–X вв. [Грязнов, 1956, с. 145]. Подробный анализ инвентаря из Сросток-I в свое время предпринял С.В. Киселев [1949]. Исходя из стилистических особен-

ностей изображений львов на деталях меча, а также учитывая оформление пряжек, уздечных и поясных блях, подвесок и наконечников стрел, он отнес памятник к IX–X вв. Китайские монеты, по мнению ученого, были изготовлены в период правления императора Ву-цзуна (841–846 гг.), и они надежно ограничивают нижнюю дату сrostкинского комплекса 2-й половиной IX в. [Киселев, 1949, с. 311–314]. А.А. Гаврилова [1965, с. 70, 98], опубликовавшая один курган из раскопок С.М. Сергеева, датировала «сrostкинский тип могил» концом VIII – X в. Д.Г. Савинов [1998, с. 189], отнес материалы раскопок М.Н. Комаровой и С.М. Сергеева, отнес памятник Сrostки-I ко времени от середины IX до начала XI в. с таким уточнением – «скорее всего, вторая половина этого периода».

Работа барнаульских археологов над типологией инвентарных комплексов сrostкинской культуры позволила разработать ее поэтапную периодизацию. В формировавшейся схеме могильник Сrostки-I сначала относился к периоду 2-й половины X – XII в. [Неверов, 1991, с. 182], затем ко 2-й половине IX – 1-й половине XI в. [Неверов, Горбунов, 2001, с. 176], и, наконец, ко 2-й половине IX – 1-й половине X в. н.э. [Горбунов, 2012, с. 551–552].

Вещественные материалы, обнаруженные на археологическом комплексе Сrostки-I в результате новейших раскопок (рис. 1), вполне соответствуют находкам из более ранних раскопок [Савинов, 1998, рис. 1–9]. Среди них такие предметы, как тыльные накладки на лук (рис. 1.-1–4), однолопастные наконечники стрел (рис. 1.-5, 9), бляхи и наконечник ремня с растительным и зооморфным орнаментом (рис. 1.-19–21, 31), псалий с одним раздвоенным окончанием (рис. 1.-23), пряжка с сердцевидной рамкой (рис. 1.-31), появляются не раньше середины IX в. и вполне определенно указывают на нижнюю хронологическую границу памятника. А верхняя определяется не так четко, поскольку многие из этих вещей бытуют и в X в., и в XI в., и в XII в. Пожалуй, только тыльные крайние накладки на лук пока не известны в сrostкинских комплексах позднее середины X в. [Горбунов, Тишкин, 2016, с. 16–17]. Предполагается, что использование радиоуглеродного анализа позволит решить часть имеющихся проблем хронологического плана. Однако для этого необходима репрезентативная серия калиброванных показателей. В данной статье публикуются первые результаты начатой работы. Для пробных исследований использовался разный материал, который будет представлен ниже. Радиоуглеродный анализ осуществлялся жидкостно-сцинтилляционным методом с помощью спектрометра-радиометра Quantulus в Томском центре коллективного пользования СО РАН (аналитик – к.т.н. Г.В. Симонова, руководитель Аналитического центра изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем СО РАН). Калибровка радиоуглеродного возраста в календарный производилась с помощью программы OxCal 3.

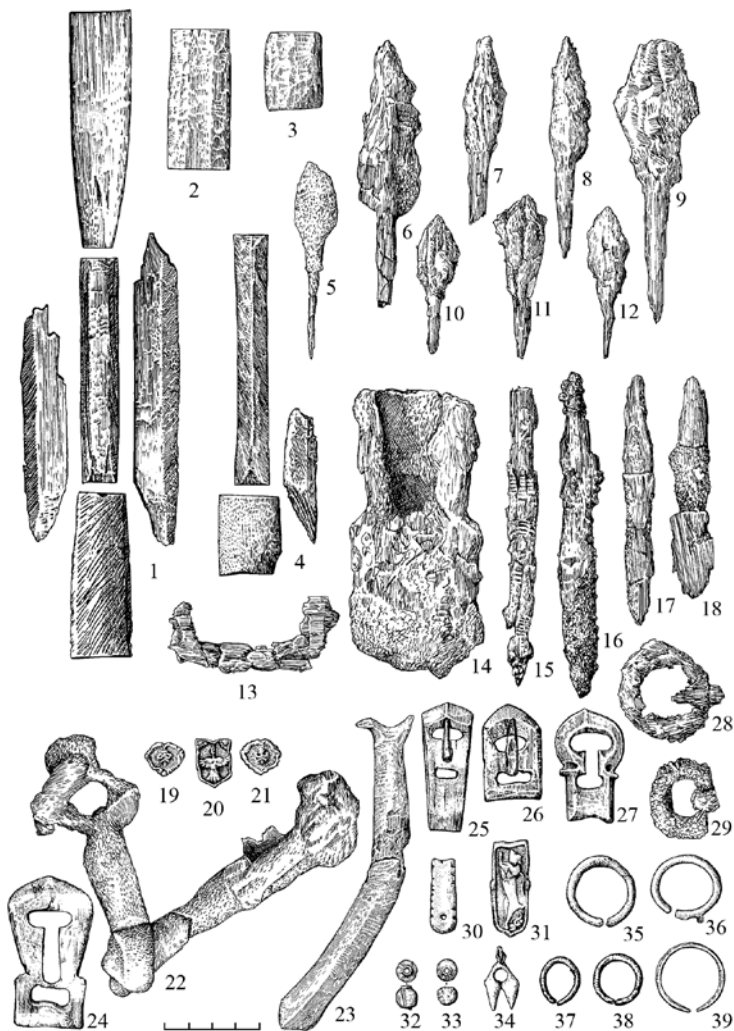

Рис. 1. Инвентарь могильника Сростики-I из раскопок 2012–2014 и 2016 гг. Курган №8: могила-1 (4, 37–38), могила-2 (1, 16, 26); курган №12: могила-1 (2, 5, 29), могила-2 (34); курган №15: могила-3 (3, 6–15, 27–28); курган №16: могила-1 (19–24, 31), могила-2 (16, 35–36), могила-3 (18, 25, 30, 39), могила-4 (32–33). 1–4 – накладки на сложносоставные луки; 5–12 – наконечники стрел; 13 – кресало; 14 – тесло; 15 – напильник; 16–18 – ножи; 19–21 – уздечные бляхи-накладки; 22 – удила; 23 – псалий; 24 – подпружная пружка; 25–29 – поясные пряжки; 30–31 – наконечники ремней; 32–33 – бусы; 34 – подвеска; 35–39 – серьги (1–4, 5–18, 22, 28–29 – железо; 19–21, 30–31, 35–39 – бронза; 23–27 – рог; 32–33 – стекло)

Представим образцы и их археологический контекст, а также полученные результаты радиоуглеродного датирования.

1. Деревянный столб-2 выявлен под восточной полкой кургана №16 (рис. 2.-1). Он располагался на расстоянии 2,25 м к востоку от могилы-2 и был вертикально установлен в яме округлой формы (диаметром 0,25–0,3 м), углубленной в материк на 0,2 м. Основа для отбора образца представляла собой фрагмент ствола дерева высотой 0,2 м, диаметром 0,18 м. Верхняя часть столба была сломана, а сердцевина полностью прогнила.

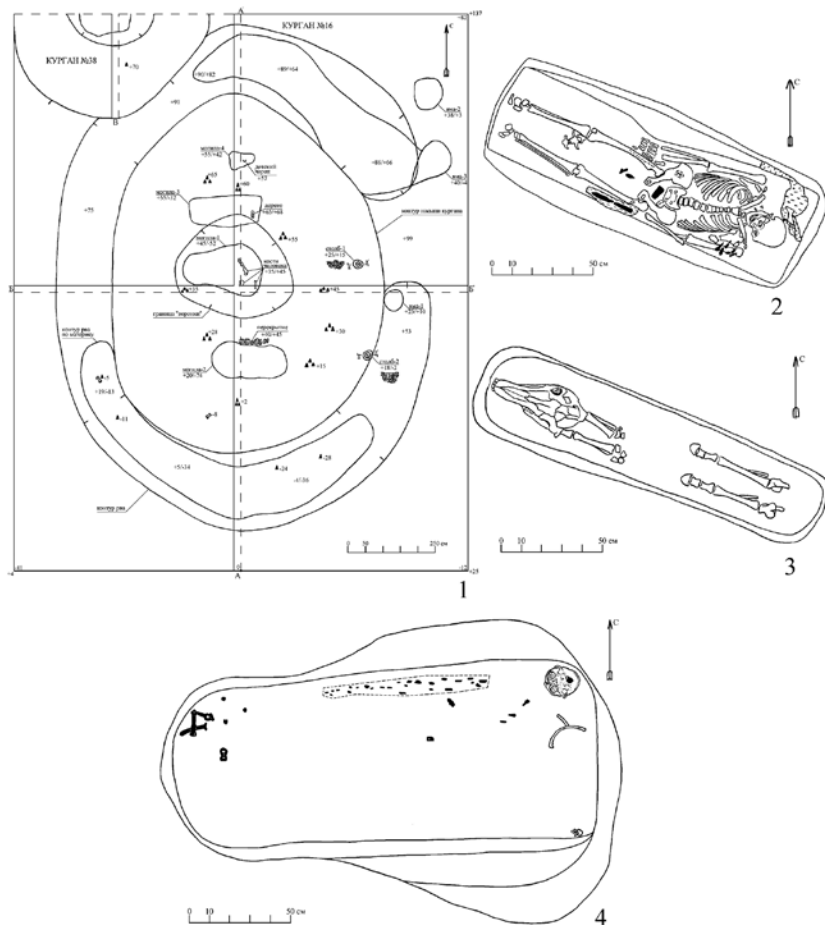
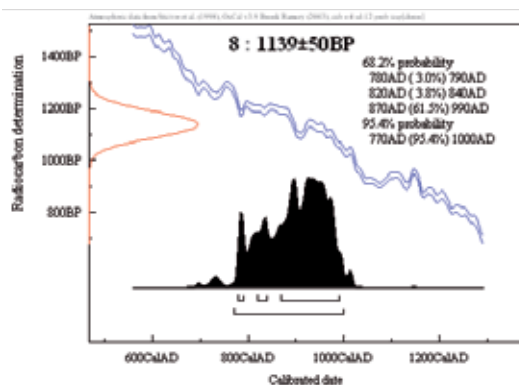

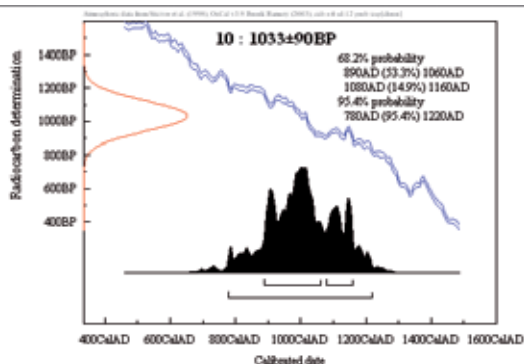
Рис. 2. Объекты могильника Сростки-I с материалами для радиоуглеродного датирования: 1 – столб-2 на плане кургана №16; 2 – могила-2 из кургана №8; 3 – могила-2 из кургана №15; 4 – могила-1 из кургана №16

ИМКЭС-14С951. Курган №16, остатки древесины деревянного столба-2. Радиоуглеродный возраст – 1139±50. Календарный возраст (калибровочные значения): по 1δ (68%) – 783–990 AD; по 2δ (95%) – 770–1000AD.

2. Могила-2 находилась в кургане №8 на расстоянии 1,5 м севернее центрального погребения. Могильная яма имела размеры 1,7×0,67 м и глубину до 0,54 м. На дне могилы расчищен скелет мужчины в возрасте 25–30 лет (здесь и далее определения к.и.н. С.С. Тур, зав. кабинетом антропологии Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ), уложенного вытянуто на спину, головой на юго-восток (рис. 2.-2). Частично, за черепом, зафиксирован рулон бересты, загнутый вдоль восточного угла могильной ямы. Умерший был снабжен сложносоставным луком, стрелами, ножом, поясом с пряжкой и заупокойной пищей в виде хребта овцы.

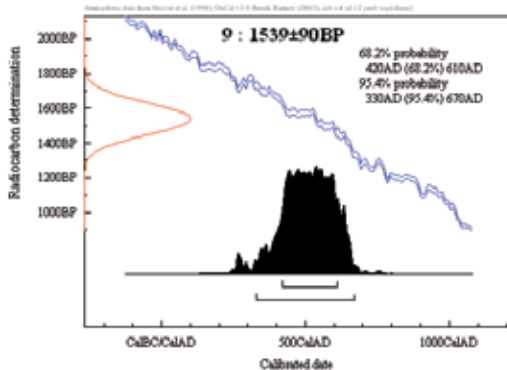
ИМКЭС-14С979. Курган №8, могила-2, некондиционные кости человека. Радиоуглеродный возраст – 1033±90. Календарный возраст (калибровочные значения): по 1δ (68%) – 890–1060 AD; по 2δ (95%) – 780–1220 AD.

3. Могила-1 была выявлена под центром кургана №16. Над ней располагалась воронка от предыдущих раскопок данного объекта. Они вы-

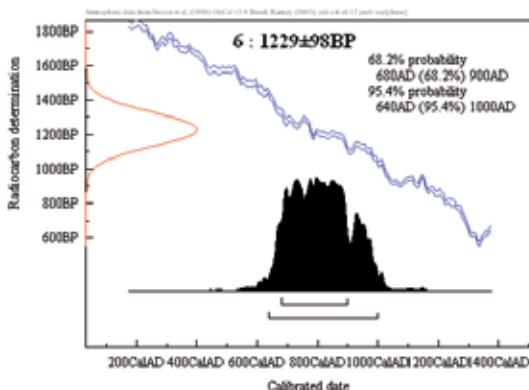
лись сужающимся колодезем. Исходя из неровных очертаний этого «раскопа», вероятнее всего, он относится к работам М.Д. Копытова 1925 г. Могильная яма имела размеры 2,09×0,88 м и глубину до 0,97 м. В процессе ее выборки обнаружены разбросанные кости мужчины в возрасте 35–45 лет, лопатка овцы, отдельные предметы вооружения и снаряжения и их обломки (рис. 2.-4).

ИМКЭС-14С992. Курган №16, могила-1, некондиционные кости человека. Радиоуглеродный возраст – 1539±90. Календарный возраст (калибровочные значения): по 1δ (68%) – 420–610 AD; по 2δ (95%) – 330–670 AD.

4. Могила-2 находилась в кургане №15 к северу от центрального погребения. Могильная яма имела размеры 2,15×0,94 м и глубину до 0,28 м. На дне ямы лежала «шкура» лошади, от которой остались кости ног ниже запястья и заплюсны и череп (рис. 2.-3). Голова лошади была ориентирована на северо-запад–запад.

ИМКЭС-14С1153. Курган №15, могила-2, некондиционные кости лошади. Радиоуглеродный возраст – 1229±98. Календарный возраст (калибровочные значения): по 1δ (68%) – 680–900 AD; по 2δ (95%) – 640–1000 AD.

Из полученных радиоуглеродных дат одна (ИМКЭС-14С992) явно выпадает из общей группы, слишком удревяняя возраст могилы-1 кургана №16 до IV–VII вв. Данная ситуация требует специального рассмотрения. Остальные показатели также демонстрируют некоторую тенденцию к удревнению нижней границы, но до VII–VIII вв. Подобная ситуация уже проявлялась при радиоуглеродных датировках образцов из других памятников сросткинской культуры [Тишкин и др., 2016, с. 193–196]. Более близки к типологическим заключениям по инвентарю верхние границы двух калиброванных дат (ИМКЭС-14С951, столб-2 из кургана №16, и ИМКЭС-14С1153, курган №15, могила-2). Они позволяют исключить из датировки памятника XI и XII вв. Широкий диапазон демонстрирует дата образца из могилы-2 кургана №8 (ИМКЭС-14С979), но она не противоречит сделанным археологическим определениям. Все полученные показатели радиоуглеродного датирования указанных образцов демонстрируют широкие диапазоны, которые не позволяют выявить устойчивые хронологические маркеры, а лишь в определенной мере обозначить имеющиеся соответствия с результатами традиционного типологического анализа.

В заключение следует указать, что представленный опыт радиоуглеродного датирования важно использовать при дальнейшем отборе образцов из курганов сросткинской культуры. Необходимо учитывать разные специфические особенности самого метода и используемой аппаратуры [Кузьмин, 2017, с. 147–187]. Есть смысл осуществить AMS-датирование, при котором статистическая ошибка измерения (\pm) существенно ниже, что, соответственно, сужает и хронологический интервал получаемых результатов, что очень важно для раннего Средневековья.

Библиографический список

- Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. 146 с.
- Горбунов В.В. Сросткинская археологическая культура: итоги и перспективы изучения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб., 2012. Кн. 2. С. 549–554.
- Горбунов В.В., Серегин Н.Н., Тишкин А.А. Комплексные археологические исследования памятника Сростки-I в предгорьях Алтая // Вестник алтайской науки. 2015. 1(23). С. 80–83.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Курганный могильник Сростки-I: история изучения и современные исследования // Известия Алтайского государственного университета. 2014. №4/2 (84). С. 54–67.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А. Накладки сложносоставных луков из могильника Сростки-I (материалы раскопок 2012–2014 и 2016 гг.) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 7–19.
- Горбунов В.В., Тишкин А.А., Казаков А.А., Серегин Н.Н., Матренин С.С., Григоров Е.В. Результаты археологических раскопок на курганном могильнике

Сростки-I в 2016 г. // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений. Барнаул, 2017. С. 230–232.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Новосибирск, 1930. Вып. 2. 12 с.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 162 с. + прил. (МИА. №48).

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.; Л., 1949. 364 с. (МИА. №9).

Кузьмин Я.В. Геоархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск, 2017. 296 с.

Михаревич М.В., Тишкин А.А. Палинологические исследования на археологических комплексах горы Пикет в Алтайском крае // Почвы, палеоэкология, палеоэкономика: мат. Всерос. междисциплинарной науч. конф. с междунар. участием. Пушино, 2017. С. 130–134.

Неверов С.В. Хронология и периодизация сросткинской культуры Верхнего Приобья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 180–182.

Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 176–178.

Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки Н.М. Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1998. №3. С. 175–190.

Тишкин А.А., Быков Н.И., Горбунов В.В., Серегин Н.Н. Радиоуглеродное датирование погребальных комплексов сросткинской культуры Лесостепного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 191–196.

A.A. Tishkin, V.V. Gorbunov, N.N. Seregin

Altai State University, Barnaul, Russia

RADIO CARBON DATING OF MATERIALS FROM THE MOUNDS OF THE EARLY MEDIEVAL SITE SROSTKI-I

The Srostki-I mound group is a site, on the materials of which in the territory of the Upper Of river area, allocation was made of the medieval archaeological community referring to Early Medieval period. On the basis of the study of the funeral ceremony and objects of material culture, at the present time the objects of the indicated complex researched at different times are dated by the second half of the 9th – the first half of the 10th century AD. To confirm the designated chronological period, and for the further detailed chronology of each mound, a trial radiocarbon dating of samples was undertaken in the form of the found wood, and out of condition bones of humans and horses. The results indicated a number of problems with their interpretation. They were correlated with the available indicators for other researched sites of the Srostkinskaya culture.

Key words: south of western Siberia, Early Middle Ages, Srostki-I, archaeological finds, radiocarbon dating.

УДК 902:737.1(571.150)

А.А. Тишкин, К.Ю. Кирюшин, Е.С. Ушаков

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НАХОДКА РЕДКОЙ МОНЕТЫ МОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ В КУЛУНДЕ

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания Алтайского государственного университета (проект №33.867.2017/ПЧ «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»)

В ходе археологического изучения степной и лесостепной территории южного Обь-Иртышского междуречья обнаружено очень мало монет. Данное обстоятельство может быть объяснено разными причинами. Одной из наиболее реальных являлись отсутствие устойчивых товарно-денежных отношений и господство традиционных способов обмена. При этом не стоит исключать ценность монет и другие обстоятельства их фиксации в археологических памятниках. В связи с этим любые сведения о монетах имеют научную важность, особенно это касается монгольского времени. В статье приводятся обстоятельства такой находки, случайно обнаруженной в Кулунде. Представлены отдельные подходы для ее идентификации. Произведен рентгенофлюоресцентный анализ. Полученные данные позволяют отнести серебряную монету ко второй половине XIII в. и связать ее чеканку со временем правления Мункэ-хана (1251–1260).

Ключевые слова: Кулунда, монета, рентгенофлюоресцентный анализ, монгольское время, обследование.

Летом 2015 г. около с. Архангельского, которое входит в состав муниципального образования со статусом городского округа Славгорода Алтайского края (рис. 1.-1), на месте выпаса скота, в отвале земли (рис. 1.-2), выпускником географического факультета Алтайского государственного университета (АлтГУ) Станиславом Юрьевичем Федоренко обнаружена монета с отверстием и необычными знаками. Через два года (осенью 2017 г.) данная находка была передана сотрудникам АлтГУ для идентификации и изучения.

К настоящему времени в южной части Обь-Иртышского междуречья и на Алтае зафиксировано мало каких-либо монет. Они в основном датируются ранним средневековьем и соотносятся с археологическими памятниками сrostкинской и тюркской культур [Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011] либо являются отражением более позднего периода, связанного с освоением указанной территории русским населением. Обозначенная ситуация может отражать отсутствие (и в древности, и в средневековье) устойчивых товарно-денежных отношений и господство традиционных способов обмена. Однако не стоит исключать и другие причины, особенно невысокий уровень археологических исследований в Кулунде, а также другие обстоятельства (ценность монет, неиспользование их в погребальной практике и т.д.). Поэтому имею-

Рис. 1. Местонахождение монеты на космических снимках территории у с. Архангельского в Алтайском крае (отмечено красным значком)

шаяся находка важна во всех отношениях, и она требует пристального изучения. Главная задача данного сообщения заключается в том, чтобы представить саму монету и приступить к начальным этапам научного осмысления ее происхождения.

Рис. 2. Вид монеты из Кулунды с двух сторон (фотоснимки выполнены К.Ю. Кирюшиным)

Изделие, необычное для Степного Алтая, имеет следы повреждений (разрывы, утраты). Однако изобразительные детали в основном просматриваются. Среди них особое значение имеет хорошо выделяющийся тамгообразный знак. Монета была сфотографирована с двух сторон (рис. 2). Ее также взвесили на электронных весах. Данный параметр составил 1,678 г.

С помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США), который имеется в АлтГУ, одним из авторов статьи осуществлялось определение состава металла, из которого изготовлена монета. Исследования проводились без удаления поверхностных окислов и с двух сторон. Последовательно получены следующие результаты:

1) Ag (серебро) – 98,71%; Cu (медь) – 0,55%; Pb (свинец) – 0,43%; Fe (железо) – 0,31%.

2) Ag – 98,89%; Cu – 0,47%; Pb – 0,35%; Fe – 0,21%; Вi (висмут) – 0,08%.

Судя по приведенным данным, имеющим определенную относительность, можно все же заключить, что монета отчеканена из серебра. Такая несложная технология широко практиковалась в эпоху Средневековья. Для установления времени и места данной процедуры важными показателями являются фиксируемые изображения (рис. 2), среди которых, как уже отмечено, является хорошо видимая тамга. Она в нескольких модификациях характерна для монет, которые были изготовлены во время правления монгольского правителя Мункэ-хана (1251–1260) [Badarch Nyamaa, 2005], что позволяет датировать находку из Кулунды 2-й половиной XIII в. Использование тамги на разных монетах монгольского времени зафиксировано неоднократно. Такому явлению посвящена специальная работа П.Н. Петрова [2003], в которой имеются ссылки и на другие публикации по обозначенной теме. По мнению исследователей, с которыми консультировались авторы данного сообщения, монеты, аналогичные находке из Кулунды, в достаточном количестве встречаются в Синьцзяне, а также в Каракоруме, где они, видимо, и чеканились. Наличие отверстия может быть объяснено тем, что оно служило для пришивания к одежде, чтобы монета не потерялась и могла быть использована при необходимости*. Не стоит исключать и вариант применения серебряной монеты в качестве украшения.

* Авторы благодарны П.Н. Петрову, высказавшему данную мысль в ходе обсуждения деталей публикуемой находки.

Находки монет монгольского времени зафиксированы в разных местах на территории степной зоны Евразии. Их изучению посвящены отдельные статьи и монографии [Байпаков, Настич, 1981; Петров, Байпаков, Воякин, 2014; Рева, Брагин, 2017; и др.]. Несомненно, что дальнейшее изучение монеты из Кулунды должно быть продолжено специалистами-нумизматами. Что касается общей ситуации исследования памятников монгольского времени в южной части Обь-Иртышского междуречья, то она не может быть оценена положительно. Стоит указать на необходимость системного продолжения там археологических работ. Имеющиеся сведения отражены в монографических и других публикациях [Тишкин, 2009; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011; и др.]. В раскопанных погребальных объектах монет не обнаружено.

В заключение следует указать, что в районе с. Архангельского зафиксированы разные археологические памятники. Кроме этого, там проводились и раскопки (см., например: [Горбунов, Гельмель, 2007]). Однако потенциал данной территории не исчерпан. Необходимо проведение дальнейших обследований, в том числе и на месте обнаружения представленной монеты. Важным направлением должно стать выявление поселенческих комплексов, а также погребальных сооружений монгольского времени. Подобные археологические памятники обнаружены на сопредельной территории Казахстана.

Библиографический список

Горбунов В.В., Гельмель Ю.И. Руническая надпись из погребения сросстинской культуры в Кулундинской степи // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3. С. 69–77.

Байпаков К.М., Настич В.Н. Клад серебряных вещей и монет XIII в. из Отрара // Казахстан в эпоху феодализма. Алма-Ата, 1981. С. 32–60.

Петров П.Н. Тамги на монетах монгольских государств XIII–XIV вв. как знаки собственности // Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XIV вв.: тр. II Междунар. нумизмат. конф. Муром, 2003. С. 170–177.

Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана. Алматы, 2014. 264 с.

Рева Р.Ю., Брагин А.О. История Приаралья в конце XIV в. по летописным и нумизматическим данным (Ч. 2: События 781–793 гг. хиджры) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. Т. 16, №3: Археология и этнография. 2017. С. 89–97.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009. 208 с.: ил.

Тишкин А.А., Горбунов В.В., Горбунова Т.Г. Алтай в эпоху Средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011. 135 с.: ил.

Badarch Nyamaa. The Coins of Mongol Empire and Clan Tamga of Khans. Ulaanbaatar, 2005. 255 p.

A.A. Tishkin, K.Yu. Kiryushin, E.S. Ushakov

Altai State University, Barnaul, Russia

FIND OF A RARE COIN OF MONGOLIAN TIME IN KULUNDA

Very few coins were discovered during the archaeological study of the steppe and forest-steppe territory of the southern Ob-Irtysh interfluve. This circumstance can be explained by various reasons. One of the most real one is the lack of stable goods-money relationship and the domination of traditional ways of exchange. At the same time, we should not exclude the coins value and other circumstances of their entry into archaeological sites. In this regard, any information about the coins is of scientific importance, it especially concerns the Mongolian time. The article describes the circumstances of such a find, which was accidentally discovered in Kulunda. Some approaches to its identification are offered. X-ray fluorescence analysis was performed. The data obtained allow attributing the silver coin to the second half of the 8th century. and linking its minting with the time of Munch Khan's rule (1251–1260).

Key words: Kulunda, coin, X-ray fluorescence analysis, Mongolian time, examination.

УДК 903.53:546(571.151)

А.А. Тишкин¹, В.Н. Мелков², Г.В. Симонова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

²Институт мониторинга климатических и экологических систем СО РАН, Томск, Россия

ИЗОТОПНЫЙ СОСТАВ УГЛЕРОДА $\delta^{13}\text{C}$ И АЗОТА $\delta^{15}\text{N}$ В ПОГРЕБЕННЫХ ОСТАНКАХ ИЗ КУРГАНОВ ПАМЯТНИКОВ ЯЛОМАН-II И III НА АЛТАЕ

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РФФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

В статье демонстрируются возможности определения изотопного состава углерода $\delta^{13}\text{C}$ и азота $\delta^{15}\text{N}$ в археологических материалах на оборудовании Томского центра коллективного пользования СО РАН. Для проведения таких работ использовались погребенные останки из захоронений курганных могильников Яломан-II и III, расположенных в Центральном Алтае и раскопанных под руководством одного из авторов публикации. Объекты первого памятника относятся к раннему и позднему этапам булан-кобинской культуры хуннуско-сяньбийско-жужанского времени. Из них отбирались разные образцы (кости лошади, древесный уголь, шерсть и ткань). Из пазырыкского кургана №1 памятника Яломан-III изучались остатки древесины от досок внутримогильного сооружения. Для сравнения полученных результатов привлекались некоторые сведения по другим регионам. Представленный опыт позволяет надеяться на системное

продолжение таких аналитических работ в рамках специальных проектов и при решении комплексных задач отдельных исследований.

Ключевые слова: Алтай, курган, изотопные отношения $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$, коллаген, радиоуглерод.

Важность установления достоверной датировки древних объектов достаточно очевидна и не требует подробного разъяснения. В археологии фактор времени играет существенную роль. Практикуется несколько методов, способов и подходов для установления хронологии отдельных предметов, явлений и памятников, а также их совокупности. При этом эффективность результата зависит от многих факторов, которые исследователям нужно не только знать, но и учитывать в процессе формулирования выводов и демонстрации реконструкций.

Как известно, хронология может быть относительной (позволяет установить некую последовательность тех или иных событий, объектов, слоев и т.д.) и абсолютной (дает возможность датировать факт, образец, изделие, сооружение и другое в конкретных цифрах с определенной долей точности). Использование только археологических методов, без учета исторического процесса и хорошо датированных аналогий, формирует набор показателей относительной хронологии, которые тоже имеют несомненную ценность в ходе исследований и важность при формировании заключений. Помимо этого, существуют физико-химические методы определения возраста, наиболее распространенным из которых является радиоуглеродный [Кузьмин, 2017, с. 147–187]. Однако, как и в случае с археологическими методами, применение только одного из физико-химических методов не может гарантировать точных результатов. Во всех случаях необходим комплексный подход к решению вопросов датирования. Только такое условие обеспечивает более детальную информацию для объективной интерпретации археологического материала.

Хорошо известны радиоуглеродный и дендрохронологический методы датирования. Измерив содержание радиоактивного изотопа ^{14}C в органическом образце и оценив его содержание в атмосфере в момент консервации, можно вычислить прошедшее после нее время, т.е. определить радиоуглеродный возраст взятого на анализ материала. К настоящему времени оценка содержания ^{14}C в атмосфере и гидросфере выполнена путем изучения древесины, датированной дендрохронологическим методом. В соответствии с международным соглашением радиоуглеродный возраст рассчитывается с приведенным значением $\delta^{13}\text{C}$ к такой норме для древесины, как -25‰ (промилле). Однако в разных объектах исследования фракционирование изотопов углерода происходит по-своему. Разница в массе между стабильными изотопами ^{12}C и ^{13}C составляет 1 а.е.м. (атомная единица массы), а между ^{12}C и ^{14}C – 2 а.е.м. Изотопное фракционирование ^{14}C относительно ^{12}C примерно

в два раза больше, чем ^{13}C относительно ^{12}C . Изотопное фракционирование подразумевает, что радиоуглеродный возраст образцов с тем же календарным возрастом, но с разными значениями $\delta^{13}\text{C}$ окажется тоже различным, с отклонением в 16 лет на каждый 1‰ $\delta^{13}\text{C}$. Поэтому необходимо учитывать изотопное фракционирование $\delta^{13}\text{C}$ в исследуемом образце и вводить поправку на измеренное значение содержания углерода ^{14}C по следующей формуле [Вагнер, 2006]:

$$^{14}\text{C}_{\text{попр.}} = ^{14}\text{C}_{\text{изм.}} [1 - 2(\delta^{13}\text{C} + 25)/1000],$$

где $^{14}\text{C}_{\text{изм.}}$ – измеренное значение ^{14}C ; $^{14}\text{C}_{\text{попр.}}$ – содержание углерода, поправленное на изотопное фракционирование; коэффициент 2 учитывает удвоение изотопного фракционирования для ^{14}C по сравнению с ^{12}C .

Относительное отклонение $\delta^{13}\text{C}$ важно не только для уточнения радиоуглеродного возраста, но и служит своеобразным палеоклиматическим индикатором. Исследования стабильных изотопов углерода, азота и кислорода в палеонтологическом материале позволяют реконструировать климат и особенности фауны различных эпох по изменению пищевых цепей [Ambrose, 1993]. Для проведения анализов по палеопитанию используются, как правило, стабильные изотопы углерода (^{13}C и ^{12}C) и азота (^{15}N и ^{14}N).

В данной статье представлены результаты исследования изотопного состава углерода $\delta^{13}\text{C}$ и азота $\delta^{15}\text{N}$ в погребенных останках из захоронений курганных могильников Яломан-II и III, исследованных Яломанской археологической экспедицией Алтайского государственного университета в Онгудайском районе Республики Алтай, вблизи устья р. Большой Яломан, на высокой речной террасе [Тишкин, Горбунов, 2003; Тишкин, Дашковский, 2003; и др.]. Для изотопного анализа были отобраны ископаемые образцы костных останков лошадей, шерсти, ткани, угля и древесины из нескольких изученных погребальных объектов.

Пробоподготовка ископаемой древесины заключалась в выделении целлюлозы азотнокислотным методом с последующим нагреванием в двухпроцентном водном растворе гидроксида натрия. Пробоподготовка образцов костей для радиоуглеродного и изотопного анализов заключалась в выделении из них коллагена, так как костный коллаген обладает длительным временем обменного процесса и поэтому отражает средний изотопный состав питания индивидуума на протяжении существенного промежутка времени (за многие годы) [O'Connell, Hedges, 2001]. Первоначально костные останки были очищены от видимых загрязнений. Выделение коллагена осуществлялось по известной методике [Арсланов, 1987]. Костные останки размельчались и выдерживались в трехпроцентном растворе соляной кислоты до размягчения, затем промывались дистиллированной водой и заливались на сутки однопроцентным раствором NaOH. Далее образцы вновь промывались в дистиллированной воде и нагревались в растворе соляной кислоты. Полученный раствор колла-

гена центрифугировался и выпаривался. Сухой коллаген использовался для радиоуглеродного и изотопного анализов, которые были проведены в Аналитическом центре изотопных исследований Института мониторинга климатических и экологических систем (ИМКЭС) СО РАН. Радиоуглеродное датирование выполнено жидкостно-сцинтилляционным методом [Арсланов, 1987] на спектрометре-радиометре Quantulus Томского центра коллективного пользования (ТомЦКП) СО РАН.

Изотопный анализ углерода и азота проводился одновременно с элементным анализом при помощи изотопного масс-спектрометра DELTA V Advantage (Thermo Fisher Scientific / производство США–Германия) в конфигурации EA-MS, обеспечивающей соединение масс-спектрометра с элементным анализатором Flash 2000 (ТомЦКП СО РАН). Целлюлоза или коллаген массой 500 мкг помещались в капсулы из чистого олова и сжигались в окислительно-восстановительном реакторе при температуре 1020 °С в потоке кислорода и газа-носителя (гелия) при скорости 70 мл/мин. При этом образец превращался в диоксид углерода и воду. Вода удалялась из потока при прохождении через ловушку, содержащую перхлорат магния. Далее CO₂ через интерфейс ConFlow вводился в ионный источник изотопного масс-спектрометра для проведения изотопного анализа.

Величина изотопного отношения δ (дельта) определялась по следующей формуле [Вагнер, 2006]:

$$\delta = \frac{(R_{обp} - R_{cm})}{R_{cm}} \cdot 1000[\text{‰}],$$

где $R_{обp}$ и R_{cm} – отношения тяжелого изотопа к легкому в объекте и стандартном образце соответственно; ‰ – единица измерения, промилле.

Калибровка масс-спектрометра проводилась по международному стандарту кофеина IAEA-600 (МАГАТЭ). Перед анализом серии образцов установка готовилась к работе путем многократного напуска газа-стандарта CO₂ в масс-спектрометр до получения воспроизводимости изотопных отношений (не хуже 0,06‰ для углерода и 0,015‰ для азота). Результаты измерений учитывались, если стандартное отклонение (погрешность) из трех измерений не превышало 0,2‰.

Результаты радиоуглеродного датирования, изотопного и элементного состава углерода и азота представлены в таблице.

Результаты анализа, проведенного в ИМКЭС СО РАН, показали, что погребенная древесина из кургана №1 памятника Яломан-III имеет радиоуглеродный возраст 2410/2437±65/63 ВР. Это хорошо согласуется с ранее полученными показателями (СОАН-5503–5504) [Тишкин, Дашковский, 2007]. Данные по костным останкам лошадей из курганов №29, 31, 32 и 52 могильника Яломан-II (табл.) соотносятся с датами, зафиксированными в отечественных и зарубежных лабораториях при

радиоуглеродном изучении образцов из этих и других объектов хуннского и жузжанского времени [Тишкин, 2007, с. 262–277].

Место отбора образцов		Образец	Возраст	$\delta^{13}\text{C}$, ‰	$\delta^{15}\text{N}$, ‰	C, %	N, %
Курганный могильник Яломан-III, курган №1		Доска (северная часть)	2410±65 (BP)	-26,36	4,8	60	1,0
		Доска (южная часть)	2437±63 (BP)	-28,78	11,7	58	0,7
Курганный могильник Яломан-II	Курган №31	Кость лошади	1757±90 (BP)	-22,0	5,0	16,3	4,3
	Курган №32	Кость лошади	1667±98 (BP)	-19,3	6,1	12,6	4,6
	Курган №29	Кость лошади	1658±71 (BP)	-21,1	5,4	18,5	6,4
	Курган №52	Кость лошади	2007±122 (BP)	-19,82	6,3	10	3,6
	Курган №23а	Шерсть	2228±134 (BP)	-21,2	8,7	36	9
	Курган №23а	Ткань	–	-19,93	11,2	31	7,6
	Объект №44	Уголь	2074±63 (BP)	-27,73	9,8	67	1,0
Раскопки средневековых городков [Яворская и др., 2015]	Ярославль	Кость лошади	Средневековье	-22,9	6,3	–	–
	Ростов	Кость лошади	Средневековье	-21,8	4,8	–	–
	Болгар	Кость лошади	Средневековье	-21,4	5,8	–	–
Волгоградская область пос. Абганерово [Рысков и др., 2009]	Кость лошади	600–700 л.н. (лет назад)		-20,9	3,2		

* Жирным шрифтом выделены сравнительные результаты, заимствованные из опубликованных работ [Яворская и др., 2015; Рысков и др., 2009].
 ** Погрешность измерения изотопного состава из трех повторностей не превышала ±0.2‰.*** BP – радиоуглеродный возраст.

Согласно полученным результатам, изотопный состав углерода и азота коллагена из костных останков лошадей варьирует для углерода на величину около 5‰, а для азота – около 1,5‰. Известно, что коллаген костей травоядных наследует исходный изотопный состав поедаемой ими растительности. Вариации $\delta^{13}\text{C}$ в наибольшей степени зависят от соотношения в пище растений с C3 и C4 типами фотосинтеза (различия более 10‰). Предположительно население Южной Сибири (300–500 гг. н.э.), занимавшееся животноводством с подсобной ролью земледелия, употребляло просо (растение с C4 типом фотосинтеза) [Шишлина и др., 2014], что и вызвало довольно высокие значения $\delta^{13}\text{C}$ у лошадей. Такая же картина наблюдается по материалам изученных образцов из курганов №32 и 52

памятника Яломан-II. Однако кость лошади из кургана №31 обозначила достаточно низкие значения изотопов и углерода, и азота ($\delta^{13}\text{C} = -22\text{‰}$; $\delta^{15}\text{N} = +5\text{‰}$). Такие данные свидетельствуют о явном недостатке белка в питании захороненной особи. По-видимому, в корме этого животного должны были преобладать травы, ветки кустарников и/или деревьев, а не зерно. Возможно, данная лошадь прибыла в Центральный Алтай из другой территории (например, высокогорные или более северные районы). Географическое местоположение и климатические факторы (температура и количество осадков) также необходимо учитывать при анализе изотопного состава. Низкие температуры приводят к уменьшению поглощения CO_2 , что, в свою очередь, ведет к уменьшению значений $\delta^{13}\text{C}$ в растениях. Обогащение изотопом ^{13}C происходит при увеличении «водного стресса». Сокращение освещенности под пологом леса, а также уменьшение питательных веществ в почве приводит к обеднению изотопом ^{13}C . В данных, приведенных в таблице, хорошо прослеживается связь географического местоположения средневековых городов (Ярославль, Ростов, Болгар) [Яворская и др., 2015] с изотопным составом углерода в коллагене костных останков лошадей. Более тяжелый изотопный состав углерода ($\delta^{13}\text{C} = -20,9\text{‰}$) отмечен у образцов из города Болгар ($54^\circ 58'$ с.ш.), что объясняется более южным его расположением по сравнению с Ростовом ($57^\circ 11'$ с.ш.) и Ярославлем ($57^\circ 37'$ с.ш.). Более тяжелый изотопный состав коллагена (см. данные по курганам №29, 32 и 52 Яломана-II) свидетельствует о том, что Центральный Алтай по географическому местоположению по отношению к Ярославлю, Ростову и Болгару находится южнее и с более аридными климатическими условиями. В жарких, засушливых регионах содержание тяжелого изотопа азота в костях животных выше, чем в областях с умеренным климатом, т.е. доля ^{15}N увеличивается при уменьшении количества атмосферных осадков. Используя полученные значения $\delta^{15}\text{N}$, можно сделать вывод о том, что лошади из курганов №32 и 52 обитали в более аридных (сухих) ландшафтах, а животное из кургана №31 – в более влажных условиях. Значения $\delta^{15}\text{N}$ коллагена в костях современных травоядных изменяются от 1,8 до 6,1‰. Для образцов лошадей установлен разброс от 3,3 до 7,1‰, а для других травоядных – от 4,3 до 8,4‰ [Murphy and et, 2013; Ди Маттео и др., 2013]. У копытных животных повышение азота может быть связано с существенной долей в рационе зерновых культур или с присутствием белковых добавок.

Анализ изотопного состава сохранившегося кусочка ткани из кургана №23а памятника Яломан-II позволил определить тип материала – шерсть с изотопным составом $\delta^{13}\text{C} = -19,93\text{‰}$ и $\delta^{15}\text{N} = +11\text{‰}$.

Изотопный состав погребенной древесины кургана №1 могильника Яломан-III указывает на то, что используемая древесина при захоронении северной и южной части внутримогильного сооружения в виде ящика имеет разный изотопный состав $\delta^{13}\text{C} = -26,36\text{‰}$ и $\delta^{13}\text{C} = -28,78\text{‰}$.

Вариация в 2,4‰ может указывать на различные породы древесины или разные условия произрастания.

Несмотря на то, что исследования были выполнены в экспериментальном режиме, все же можно сделать некоторые заключения.

1. Применение изотопного анализа позволило выявить не только рацион употреблявшихся пищевых продуктов захороненных лошадей, но и получить информацию для реконструкции природно-ландшафтных и климатических условий.

2. Комплексное использование разных методов обеспечивает получение более точных данных, так как результаты каждого из них дополняют или проверяют друг друга.

3. По изотопному составу стабильных изотопов можно определить происхождение материала анализируемой пробы, найденного в очень малых количествах.

Библиографический список

Арсланов Х.А. Радиоуглерод: геохимия и геохронология. Л., 1987. 300 с.
Вагнер Г.А. Научные методы датирования в геологии, археологии и истории. М., 2006. 576 с.

Ди Маттео А., Кузнецова Т.В., Николаев В.И., Спасская Н.Н., Якумин П. Изотопные исследования костных остатков якутских плейстоценовых лошадей // Лед и снег. 2013. №2 (122). С. 93–101.

Кузьмин Я.В. Геoархеология: естественнонаучные методы в археологических исследованиях. Томск, 2017. 296 с.

Рысков Я.Г., Демкин В.А., Николаев В.И., Олейник С.А., Якумин П. Реконструкция антропогенной аридизации ландшафтов в древности и средневековье по изотопным данным // География и природные ресурсы. 2009. №2. С. 127–134.

Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. 256 с.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 488–493.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследования памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I. С. 494–497.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб., 2007. С. 291–299.

Шишлина Н.И., Панкова С.В., Севастьянов В.С., Кузнецова О.В., Демиденко Ю.В. Могильник Оглахты в Южной Сибири: данные изотопного исследования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань, 2014. Т. II. С. 186–188.

Яворская Л.Г., Антипина Е.Е., Энговатова Э.В., Зайцева Г.И. Стабильные изотопы углерода и азота в костях домашних животных из трех городов европейской части России: первые результаты и интерпретации // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. 2015. №1 (31). С. 54–64.

Ambrose S.H. Isotopic analysis of palaeodiets: methodological and interpretive considerations // Investigations of Ancient Human Tissue (M.K. Sandford, Ed.). Langhorne, 1993 P. 59–130.

Murphy E.M., Schulting R., Beer N., Chistov Y., Kasparov A., Pshenitsina M. Iron Age pastoral nomadism and agriculture in the Eastern Eurasian Steppe: implications from dental paleopathology and stable carbon and nitrogen isotopes // Journal of Archaeological Sciences. 2013. V. 40. P. 2547–2560.

O'Connell T.C., Hedges R.E. M. Isotopic Comparison of hair, nail and bone: Modern Analyses // Journal of Archaeological Science. 2001. №28. P. 1247–1255.

A.A. Tishkin, V.N. Melkov, G.V. Simonova

*Altai State University, Barnaul, Russia;
Institute for Monitoring of Climatic and Ecological Systems
of the SB RAS; Tomsk, Russia*

**ISOTOPIC COMPOSITION OF CARBON $\delta^{13}\text{C}$
AND NITROGEN $\delta^{15}\text{N}$ IN THE BURIED REMAINS FROM
THE MOUNDS OF THE YALOMAN-II AND III SITES IN ALTAI**

The article shows the possibilities to determine the isotope composition of carbon $\delta^{13}\text{C}$ and nitrogen $\delta^{15}\text{N}$ in archaeological materials at the equipment of the Tomsk Center of Collective Use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. To carry out such work, the buried remains from burials of the Yalomans-II and III mounds located in Central Altai and excavated under the direction of one of the authors of the publication were used. The objects of the first site refer to the early and late stages of the Bulan-Kobinskaya culture of the Xiongnu-Sianbi-Zhuang time. Different samples were selected (bones of horses, charcoal, wool and cloth). From the Pazyryk Mound 1 of the Yalomans-III site the research was done of residual wood from boards taken from the inside of the burial. To compare the results obtained, some information on other regions was drawn. The presented experience allows hoping for a systematic continuation of such analytical work in the framework of special projects and in solving of complex problems of individual investigations.

Key words: Altai, mound, isotope relations $\delta^{13}\text{C}$ and $\delta^{15}\text{N}$, collagen, radiocarbon.

УДК 903.211.3(571.150)

А.С. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

БРОНЗОВЫЙ КЕЛЬТ ИЗ С. БАЕВО

Исследование проведено за счет гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Статья посвящена вводу в научный оборот бронзового кельта, обнаруженного в с. Баево Баевского района Алтайского края. Изделие было найдено местным жителем В.Г. Ершовым на дне р. Кулунда еще в 1982 г. и с тех пор хра-

нится у него. Отлично сохранившийся кельт отлит в двусоставной форме и относится к редкому типу кельтов-тесел с лобным ушком и втулкой подквадратного сечения. На территории региона в настоящее время известна только одна однотипная находка с поселения и могильника эпохи поздней бронзы Моховое-5 в Мамонтовском районе Алтайского края. Топографические особенности участка обнаружения изделия из с. Баево, а также наличие поблизости от места находки разновременного некрополя «Баево-II. Курганный могильник», содержащего в том числе позднебронзовые материалы, указывают на возможность наличия в районе современного райцентра Баевского района поселения заключительного периода бронзового века.

Ключевые слова: археология, эпоха поздней бронзы, случайная находка, бронзовый кельт, Алтайский край, с. Баево.

Осенью 2008 г., при проведении археологической разведки в Баевском районе Алтайского края, от местных жителей автор получил информацию о хранящемся у жителя с. Баево В.Г. Ершова древнем бронзовом предмете. При личной встрече с находчиком удалось ознакомиться с изделием и выяснить его происхождение.

Бронзовый кельт из с. Баево

Предмет относится к категории симметричных кельтов-тесел с лобовым ушком и втулкой подквадратного сечения. Втулка книзу сужается. Переход от втулки к телу рабочей части дополнительно не оформлен.

Отлит кельт в двусоставной форме, о чем свидетельствуют литейные швы, четко фиксируемые на боковых сторонах втулки. Сохранность отличная, после механической очистки находчиком сохранились участки темно-зеленой патины. Общая длина изделия 7,8 см, по внешнему краю размеры втулки в верхней части 1,9×2,6 см, в нижней – 1,2×2 см, толщина стенок втулки 0,3–0,4 см, глубина отверстия втулки до 3,2 см, максимальная ширина рабочей части 4,5 см.

Кельт принадлежит к редкому типу кельтов-тесел. Территориально и типологически близкий кельт обнаружен на территории поселения и могильника Моховое-5 у с. Черная Курья Мамонтовского района Алтайского края. От баевского экземпляра он отличается оформлением перехода втулки в тело рабочей части и валиком по верхнему краю втулки. По мнению Г.Е. Иванова [2017], случайная находка с поселения Моховое-5 может быть отнесена к периоду поздней бронзы и датирована XII–IX вв. до н.э. Очевидно, и рассматриваемое в настоящей работе изделие также можно датировать заключительным этапом бронзового века.

По сообщению Владимира Геннадьевича Ершова, обнаружил он кельт еще летом 1982 г. при купании в районе «пляжа» с. Баево, на песчаном дне р. Кулунда и с тех пор хранит его у себя. Указанное находчиком место располагается в излучине Кулунды, возле ул. Кулундинская, примерно в 100 м к югу от «скважины». После встречи с находчиком участок был осмотрен автором, однако признаков объекта археологического наследия выявить не удалось. Из известных на сегодняшний день в Баевском районе археологических памятников, содержащих материалы эпохи поздней бронзы, наиболее близко к месту находки расположен объект археологического наследия «Баево-II. Курганный могильник» [Могильников, Уманский, Шемякина, 1995]. Это позволяет предполагать наличие в указанном районе поселения периода поздней бронзы.

Библиографический список

- Иванов Г.Е. Новый тип кельтов периода поздней бронзы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXIII. С. 97–100.
- Могильников В.А., Уманский А.П., Шемякина А.С. Баевские курганы // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, ч. 2. С. 66–74.

A.S. Fedoruk

Altai State University, Barnaul, Russia

BRONZE CELT FROM THE BAEVO VILLAGE

The article introduces into the scientific circulation turn of the bronze celt found in Baevo village of the Baevo district of the Altai Territory. The artifact was found by a local Ershov V.G. at the bottom of the Kulunda river as early as in 1982 and since then has been in his possession. Perfectly saved celt is made in a two-part form and refers to the rare type of celt-adze with a frontal ear and hob of subsquare section. At

present, the region can boast only one similar type of the celt from the late Bronze Mohovoe-5 settlement and burial ground in the Mamontovo district of the Altai Territory. Topographical features of the area of the Baevo village where the find was made and also the necropolis “Baevo II. Burial Mound” which contain late Bronze materials, specify the possibility of presence in the modern centre of the Baevo district of the settlement belonging to the final Bronze Age.

Key words: Archaeology, late Bronze Age, accidental find, bronze celt, Altai Territory, Baevo village.

УДК 903(571.150)

А.С. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ИЗДЕЛИЙ
С ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
(по материалам сайта www.ReviewDetector.ru)**

Исследование проведено за счет гранта Правительства РФ (постановление №220), полученного ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» (договор №14.Z50.31.0010, проект «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»)

Появление в свободной продаже металлодетекторов в последние десятилетия привело к всплеску кладоискательства на всем постсоветском пространстве. При этом искатели древностей наносят существенный урон археологической науке, извлекая из культурного слоя древние предметы, которые затем выставляются на продажу через многочисленные специализированные сайты сети Интернет, оседают в частных коллекциях и остаются неизвестными специалистам-археологам. Так только на сайте www.ReviewDetector.ru за период с 2011 по 2017 г. имеется информация о 14 бронзовых предметах эпохи бронзы и «раннескифского» времени, обнаруженных искателями на территории Алтайского края. Это девять наконечников стрел различных типов, два кельта-тесла, кинжал «киммерийского типа», втульчатое долото и звено удил. Большинство данных предметов имеет хорошую сохранность, некоторые из них – достаточно редкие типы изделий, несомненно, имеющие высокую научную ценность и достойные занять видное место в музейных экспозициях. Однако теперь эти находки, видимо, «осели» в частных коллекциях и не могут стать полноценным источником по реконструкции древней истории региона. Сложилась удручающая ситуация: несмотря на ужесточение законодательства в области охраны культурного наследия в нашей стране, в регионах продолжается целенаправленное разграбление памятников археологии.

Ключевые слова: Алтайский край, археологические предметы, кладоискательство, эпоха бронзы, раннескифское время.

В последние десятилетия в связи с появлением в свободной продаже металлодетекторов кладоискательство получило широкое распространение на всем постсоветском пространстве. Несмотря на то,

что основной провозглашаемой целью любителей поиска являются монеты царского периода, зачастую ими обнаруживаются и извлекаются из культурного слоя археологические предметы. Судьба таких находок печальна – в большинстве случаев эти вещи «оседают» в частных коллекциях либо выставляются на продажу через многочисленные специализированные сайты сети Интернет. В результате значительная доля находок, в том числе предметы, имеющие значимую научную ценность, оказываются либо полностью утрачены для науки, либо теряют информацию о месте и условиях обнаружения и долгое время остаются неизвестными специалистам-археологам.

Данная работа имеет цель введения в научный оборот информации о ряде бронзовых изделий, обнаруженных участниками форума кладоискателей www.ReviewDetector.ru на территории Алтайского края.

Всего на момент подготовки статьи на вышеуказанном сайте автором обнаружена разновременная информация о 14 бронзовых изделиях (девять наконечников стрел, два кельта, кинжал, звено удил, долото), найденных участниками форума в различных районах края в период с 2011 по 2017 г.

Двулопастной черешковый наконечник стрелы (рис.-1).

Найден участником «shabanov» (сообщение №2952 от 09.08. 2012 г.). Место находки – Алтайский край. По фотографии длина изделия составляет около 6,6 см, ширина – 2,1 см, толщина – 0,4 см. Изделие сильно корродировано, имеются следы современной механической очистки. На черенке присутствуют три четко выраженные литые нервюры. Подобные изделия известны в материалах Южного Урала и Казахстана (могильники Синташтинский-2 и Танаберген [Тенинг и др., 1992, с. 321, 322, рис. 185, 186; Дегтярева, 2010, с. 123–125, рис. 61.-8–14], случайная находка из «Старой крепости» Семипалатинска [Мерц, 2017, с. 155, рис. 80.-13]), они датируются синташтинским и нуринским временем.

Двулопастной черешковый наконечник стрелы (рис.-2). Найден участником «Владимир_Б» (сообщение №2769 от 18.03.2012 г.). Место находки – Баяевский район Алтайского края. По имеющейся фотографии длина изделия составляет 5–5,1 см, ширина – до 2,1 см. Наконечник хорошей сохранности, покрыт патиной. Изделие однотипно представленному выше наконечнику стрелы, однако меньших размеров.

Втульчатый двулопастной наконечник стрелы (рис.-3). Один из двух найденных участником «Lexx Altai» предметов (сообщение №5446 от 31.08.2016 г.). Место находки – Алтайский край. По представленной фотографии длина изделия составляет около 6 см, ширина – до 1,7 см. Сохранность хорошая, покрыт патиной. Относится к типу наконечников пламевидной формы с лопастями средней ширины. Втулка выделена, на уровне лопастей присутствует нервюра. Аналогичные наконечники известны в материалах поздней бронзы Алтая и Казахстана [Грушин, Дашковский, 2002, с. 11, рис. 1.-4; Грушин и др., 2009 с. 91–92, рис. 9].

Бронзовые изделия с территории Алтайского края

Втупльчатый двулопастной наконечник стрелы (рис.-4). Второй найденный «Lexx Altai» предмет. Длина изделия – около 3 см, ширина – до 1,3 см. Также относится к втупльчатым листовидным наконечни-

кам пламевидной формы с лопастями средней ширины. На выделенной втулке имеются нервюра и декор – горизонтальные линии. Сохранность предмета хорошая, покрыт равномерной патиной. Подобное изделие, датированное периодом поздней бронзы, происходит с поселения Первомайское Новогорьевского района Алтайского края [Кирюшин и др., 1996, с. 130, рис. 31.-3; Грушин и др., 2009, с. 91, рис. 9.-5].

Двулопастной втульчатый наконечник стрелы (рис.-5). Найден участником «shabanov» (сообщение №2634 от 21.03.2012 г.). Обнаружен «на месте, где было ранее найдено тесло» (см. ниже «кельт-тесло»). Информация о размерах изделия отсутствует. Наконечник плохой сохранности, покрыт патиной. Предмет относится к распространенному на Алтае, Южном Урале и Казахстане типу листовидных наконечников с лопастями средней ширины и скрытой втулкой. Территориально наиболее близкие аналогии происходят с позднебронзовых поселений Алтая Курейка-3 и Чекановский Лог-1 [Иванов, 1993а; 2000; Демин, Ситников, 1999].

Втульчатый двулопастной наконечник стрелы (рис.-7). Найден форумчанином «Напильник» (сообщение №3796 от 19.12.2013 г.). Место находки – северо-запад Алтайского края. Информация о размерах изделия отсутствует. Сохранность предмета хорошая, патинирован. Относится к распространенному варианту асимметрично-ромбических наконечников с выделенной втулкой. Имеет четко выраженную нервюру на втулке. Аналогии широко известны в памятниках переходного времени от бронзы к железу юга Западной Сибири и Казахстана и датируются в рамках VIII–VI до н.э. [Грушин и др., 2009, с. 93, рис. 9].

Наконечник стрелы (рис.-8). Найден «Lexx Altai» (сообщение №5851 от 23.08.2017 г.). Место находки – Алтайский край. По фотографии длина предмета около 3 см. На втулке имеется недолив – литейный брак. При этом четко видны следы заточки наконечника. Сохранность изделия хорошая, присутствует патина. Наконечник однотипен находке «напильника» из Северо-Западного Алтая (см. выше).

Отливка наконечника стрелы (рис.-9). Найдена «Lexx Altai» (сообщение №5853 от 28.08.2017 г.). Место находки – Алтайский край. Информация о размерах отсутствует. Изделие является бракованной отливкой втульчатого двулопастного наконечника стрелы, очевидно, пламевидной формы. По втулке фиксируется нервюра. Сохранность предмета хорошая, он покрыт равномерной патиной.

Черешковый трехлопастной наконечник стрелы (рис.-6). Найден участником «Петрович Саша» (сообщение №3074 от 30.09.2012 г.). Место находки – приобская зона Алтайского края. Информация о размерах изделия отсутствует. Наконечник имеет сводчатую головку и раскованный край черешка. Сохранность хорошая, патинирован. Аналогичные предметы известны на территории региона и датируются VI–V вв. до н.э. [Иванов, 1993б, с. 57, рис. 1.-19–25].

Кельт-тесло (рис.-10). Найден участником «Владимир_Б» (сообщение №1770 от 08.06.2011 г.). Место находки – Алтайский край. Информация о размерах изделия отсутствует. Кельт имеет лобное ушко, валик-утолщение по краю втулки и оформленную «пещерку». По краю втулки есть литейный брак – перелив металла. Сохранность изделия хорошая, оно покрыто равномерной патиной. Подобные кельты (с лобным ушком, «пещеркой», валиком по краю втулки) происходят из позднебронзовых комплексов Урала и Западной Сибири [Бобров, 1979, с. 48, рис. 13.-11; Матвеев, 1986, рис. 1.-39; Членова, 1994, рис. 4.-18, 19; Обыденнов, Шорин, 1995, с. 78, рис. 48.-1, 4-7; Ильюшин, Борисов, 2016, с. 107, рис. 3].

Кельт-тесло (рис.-11). Найден участником с ником «shabanov» (сообщение №2622 от 20.03.2012 г.). Место находки – Алтайский край, вероятно, Поспелихинский район. Размеры: длина – 10 см, ширина – 4,5 см, толщина по втулке – 3 см. Изделие относится к типу кельтов-тесел асимметричной формы. На нем присутствует сквозная втулка подовального сечения, образующая «пещерку». По краю втулки и «пещерки» прослеживаются четко выраженные утолщения – валики. В «пещерке» имеется сквозное отверстие во внутреннюю часть втулки. Сохранность изделия хорошая, оно покрыто патиной. Ряд подобных кельтов известен в комплексах эпохи поздней бронзы Минусинской котловины [Гришин, 1971, табл. 11.-5–8]. Аналогичное изделие обнаружено автором в 2008 г. при раскопках поселения поздней бронзы Фирсово-XVIII на территории Барнаульского Приобья [Федорук и др., 2008, с. 128, рис. 13.-6].

Клиновидное втульчатое долото (рис.-12). Найдено участником «Петрович Саша» (сообщение №3285 от 24.12.2012 г.). Место находки – Алтайский край. Длина изделия составляет около 15 см, ширина по втулке – около 2,8 см. Втулка имеет округлое сечение и слабовыраженный валик-утолщение по краю. Сохранность изделия хорошая, оно покрыто равномерной патиной. Клиновидный тип долот представлен в комплексах Западной Сибири, Урала, Казахстана и Семиречья периода поздней бронзы. Типологически наиболее близкими аналогиями рассматриваемому изделию являются деформированное втульчатое долото с поселения Калиновка-II [Иванов, 2000, с. 84, рис. 30.-8], а также случайные находки с Иртыша (Восточный Казахстан) и Шичирского прииска (Урал) [Аванесова, 1991, с. 35, рис. 37Б-7, 8].

Кинжал (рис.-13). Получен участником с ником «shabanov» от односельчанина (сообщение №2634 от 21.03.2012 г.). Место находки – Алтайский край, предположительно, Поспелихинский район. Возможно, это ранее опубликованное изделие, обнаруженное в окрестностях с. Красноярское [Ситников, 2004, с. 208, рис. 1.-1; Папин и др., 2006, с. 87, 88, рис. 4.-2]. Информация о размерах отсутствует. Клинок пламевидной формы, с максимальным расширением в нижней части, на черенке имеется хорошо выраженный валик-упор. Сохранность предмета хорошая, покрыт патиной. На территории региона однотипные кинжалы представ-

лены случайными находками у сел Клепиково и Черная Курья [Ситников, Фролов, 1995; Ситников, 2015, с. 35, рис. 95.-2; Иванов, 2016], а также кинжалом из коллекции поселения Рублево-VI [Папин и др., 2000, с. 154]. Хорошо известны такие предметы на широкой территории Казахстана, Нижнего и Среднего Дона, Северного Кавказа, Поволжья, Прикамья, Приуралья, Днепро-Донецкого междуречья, Поднепровья, Побужья, северо-западного Причерноморья, Прикарпатья и Румынии. На всей территории своего распространения они соотносятся преимущественно с периодом поздней бронзы [Аванесова, 1991, с. 127, рис. 8.-22, 23; Кадырбаев, Курманкулов, 1992, рис. 20.-3; Подобед и др., 2009, с. 6].

Звено удила (рис.-14). Выставлено участником с ником «shabanov» (сообщение №3048 от 22.09.2012 г.). Место находки – Алтайский край. Информация о размерах изделия отсутствует. Относится к типу двусоставных соединенно-кольчатых удила с гладким округлым стержнем округлого сечения и стремевидным внешним окончанием с намечающимися выступами и отверстием подокруглой формы (близкой к колокольчиковидной). Сохранность изделия хорошая, оно покрыто патиной. Подобные удила широко известны в памятниках «раннескифского» времени Южной Сибири [Кириюшин, Тишкин, 1999, с. 68–69, рис. 47.-9; Шульга, 2013, с. 27–28].

Таким образом, только на одном сайте кладоискателей за семилетний период опубликовано не менее 14 находок эпохи бронзы и «раннескифского» времени с территории Алтайского края. При этом часть из них чрезвычайно интересна и даже уникальна в научном плане. Теперь же участь этих находок, вероятно, предрешена – им суждено пополнить частные коллекции, а не музейные. Говорить о том, чтобы стать полноценным источником по реконструкции древней истории региона, вообще не приходится. Сложилась удручающая ситуация – несмотря на ужесточение законодательства в области охраны культурного наследия в нашей стране, в регионах продолжается целенаправленное разграбление памятников археологии. Причем очевидно, что для некоторых личностей это стало постоянным хобби.

Библиографический список

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент, 1991. 200 с.

Бобров В.В. Поселение на р. Люскус // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 47–59.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск, 1992. Ч. 1. 408 с.

Гришин Ю.С. Металлические изделия Сибири эпохи энеолита и бронзы // САИ. М., 1971. Вып. ВЗ-12. 108 с.

Грушин С.П., Дашковский П.К. Предметы вооружения с территории Угловского района Алтайского края // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 11–16.

Грушин С.П., Папин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009. 160 с.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск, 2010. 162 с.

Демин М.А., Ситников С.М. Некоторые результаты археологических раскопок поселения Чекановский Лог-1 // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. Барнаул, 1999. С. 25–35.

Иванов Г.Е. Два поселения эпохи поздней бронзы в Степном Алтае // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993а. С. 132–146.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в Лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993б. С. 56–62.

Иванов Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района. Барнаул, 2000. 160 с.

Иванов Г.Е. Кинжал киммерийского типа из Черной Куры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 95–98.

Ильюшин А.М., Борисов В.А. Коллекция бронзовых изделий из раскопок на Торопово-7 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2016. Вып. XXII. С. 104–109.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата, 1992. 247 с.

Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Тишкин А.А. Новогорьевский район: памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 125–135.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. 232 с.

Матвеев А.В. Некоторые итоги и проблемы изучения ирменской культуры // Советская археология, 1986. №2. С. 56–69.

Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 345 с.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург, 1995. 196 с.

Папин Д.В., Федорук А.С., Шамшин А.Б. Находки бронзовых предметов с территории Кулундинской степи // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 83–97.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Ножи эпохи поздней бронзы с кольцевым упором из Центральной Азии и Сибири и их западные аналогии // Древности Сибири и Центральной Азии. 2009. №1–2(13–14). С. 3–16.

Ситников С.М. Два кинжала эпохи поздней бронзы с территории лесостепного Алтая // Традиционные культуры и общества Северной Азии с древнейших времен до современности. Кемерово, 2004. С. 208–209.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул, 2015. 254 с.

Ситников С.М., Фролов Я.В. Кинжал эпохи поздней бронзы из с. Клепиково // Вопросы археологии Сибири и Дальнего Востока. Кемерово, 1995. С. 76–77.

Федорук А.С., Шамшин А.Б., Папин Д.В. Предварительные итоги исследования поселения Фирсово-XVIII // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи бронзы. Барнаул, 2008. С. 125–143.

Шульга П.И. Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н.М. Марьянова). Новосибирск, 2013. 149 с.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

A.S. Fedoruk

Altai State University, Barnaul, Russia

THE FINDS OF THE BRONZE ARTIFACTS FROM THE ALTAI TERRITORY (on the materials of the www.ReviewDetector.ru site)

The appearance of numerous metal detectors on free sale resulted in recent decades in the surge of treasure hunt in the entire post-Soviet space. In this case, the seekers of antiquities inflict significant damage to archaeological science extracting from the cultural layer ancient objects which they put on sale through numerous specialized Internet sites. These objects later settle in private collections and consequently remain unknown to archaeologists. So the website www.ReviewDetector.ru for the period from 2011 to 2017 gave the information about 14 bronze objects of the Bronze Age and early Scythian time found by searchers in the Altai Territory. These are nine arrowheads of various types, two celt-adzes, a dagger of the “Cimmerian type”, a chisel and unit of a bit. Most of these items are well preserved; some of them are rather rare types, undoubtedly of high scientific value and worth occupying a prominent place in museum expositions. However, now, these findings, apparently, settled in private collections and cannot become a full-fledged source for the reconstruction of the ancient history of the region. There is a depressing situation: despite the tightening of legislation in the field of cultural heritage protection in our country, targeted looting of archeological monuments continues in the regions.

Key words: Altai Territory, archaeological artifacts, treasure hunt, bronze epoch, early Scythian time.

УДК 903.5(571.15)

Я.В. Фролов, Д.С. Леонтьева, С.П. Грушин

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ФИРСОВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ МИКРОРАЙОНЕ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ регионального научного конкурса «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Ледовитым океаном» №17-11-22011 «Барнаульское Приобье в древности»

В 2016 г. в Барнаульском Приобье обнаружен новый могильник скифского времени «Лесной-аэродром-1». Памятник был найден в ходе обследования земельного участка, на котором планировалось строительство. После обнаружения могильника были определены границы его территории, и он выведен из зоны застройки. На памятнике найдено детское погребение и собраны находки с поверхно-

сти. Подъемный материал представлен керамикой, бронзовым ножом и фрагментом удила из бронзы. Могильник относится к староалейской культуре. Датируется памятник VI–IV вв. до н.э. Обнаружение этого некрополя способствует изучению расположения могильников и поселений скифского времени на правобережье в Барнаульском Приобье. Могильники староалейской культуры, приуроченные к краю первой надпойменной террасы в этом районе, располагаются к югу от группы поселений. Некрополи обычно занимают мысовидные выступы террас. Часто они отделены небольшой ложбиной от поселений. Находка нового некрополя в Фирсовском микрорайоне позволяет дополнить карту расположения памятников скифского времени в Барнаульском Приобье и уточнить информацию об их топографии.

Ключевые слова: могильник, ранний железный век, скифское время.

В 2016 г. при обследовании территории земельного участка, планирующегося под застройку в Фирсовском археологическом микрорайоне, был выявлен новый памятник археологии. Сотрудниками Алтайского государственного университета были проведены работы по определению границ территории памятника, в результате его территория была выведена из зоны строительства, что позволило обеспечить условия для сохранения нового объекта культурного наследия.

Памятник находится в Первомайском районе, в 2,8 км к северо-западу от пос. Лесной на территории МО «Санниковский сельсовет». Объект расположен на краю первой надпойменной террасы левого берега Оби на небольшой возвышенности. В 2,6 км к западу от памятника протекает протока Оби – Талая. Могильник находится в южной части Фирсовского археологического микрорайона, в 250 м к югу от поселения Фирсово-17 (рис. 2).

На площади памятника в зоне распашки собран подъемный материал. Он представлен немногочисленными фрагментами керамики, костями человека, фрагментом бронзовых удила и миниатюрным бронзовым ножом (рис. 1.-1, 4–6). Находки распределены довольно равномерно вдоль края террасы на вершине возвышенности, к которой приурочен памятник. Обнаружение костей человека позволило предположить наличие на этом участке грунтового могильника.

В одном из заложенных на площади памятника шурфов было обнаружено погребение. Зачистка по уровню материка на глубине 0,93 м выявила могильное пятно рыжеватого-коричневого цвета. Оно имело неправильную прямоугольную форму с закругленными углами. Объект был ориентирован длинной осью ЮЗ–СВ, с небольшим отклонением к северу. Границы северо-восточной части могилы были нарушены. В плане размеры могильного пятна составляли 0,43×0,95 м. Вдоль длинных сторон могилы фиксировался древесный тлен, оставшийся от плохо сохранившейся внутримогильной конструкции. Глубина могильной ямы от уровня материка – 0,08–0,1 м (рис. 1.-1).

На дне захоронения обнаружен скелет ребенка. Погребенный был уложен на спину, головой на юг–юго-запад, руки слегка отставлены в стороны. Часть костяка ниже пояса потревожена. Характер разруше-

ния могилы не ясен. Следует отметить, что часть костей ног в могиле была перемещена, но некоторые кости остались в сочленении. Это позволяет предположить, что разрушение погребения могло произойти в короткое время после сооружения могилы, так как связки на конечностях еще не успели разложиться (рис. 1.-1).

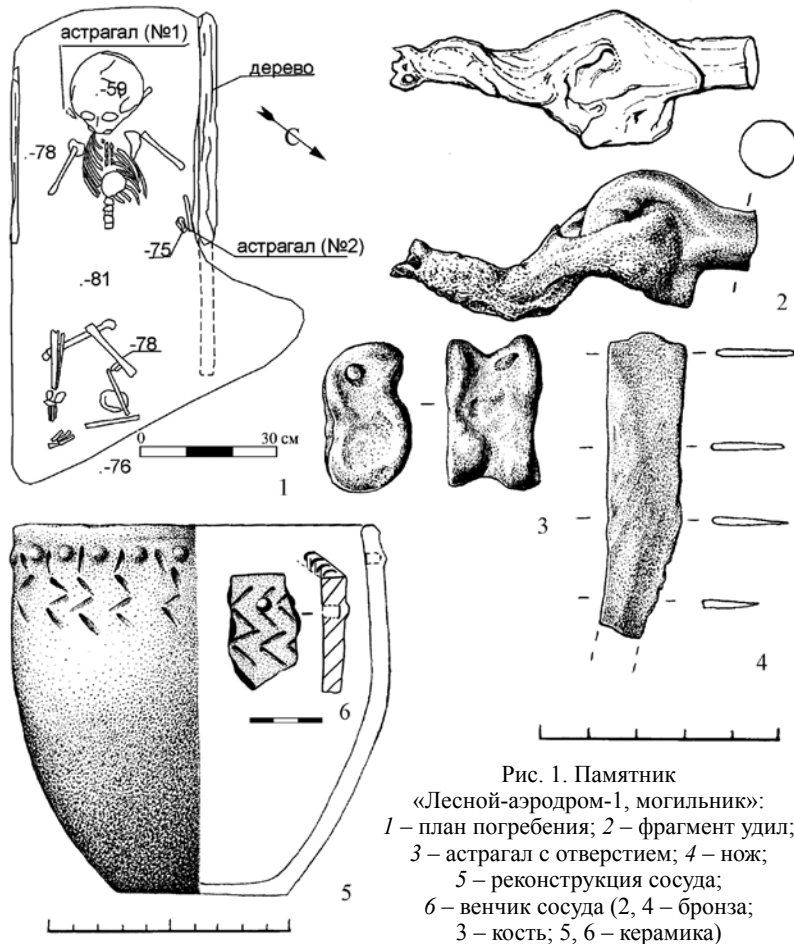

Рис. 1. Памятник «Лесной-аэродром-1, могильник»: 1 – план погребения; 2 – фрагмент удил; 3 – астрал с отверстием; 4 – нож; 5 – реконструкция сосуда; 6 – венчик сосуда (2, 4 – бронза; 3 – кость; 5, 6 – керамика)

Из инвентаря в могиле обнаружены два астрагала барана. Первый найден у черепа погребенного, второй – под правой лучевой костью. Он имел отверстие для подвешивания (рис. 1.-2). Погребальный обряд захоронения могильника Лесной-аэродром-1 типичен для детских погребений староалейской культуры. Положение умершего вытянуто на спине,

головой на юго-запад, простая погребальная камера в виде прямоугольной ямы с отвесными стенками, небольшая глубина могилы характерны для взрослых и детских староалейских могил [Фролов, 2008, с. 138]. Наличие согнутых в локтях и отставленных от туловища рук у умершего характерно для положения в могиле мужчин староалейской культуры. По-видимому, эти же черты имеют и детские захоронения, которые можно соотносить с погребениями мальчиков [Фролов, 2013, с. 280–281].

Находки астрагалов как просверленных, так и без обработки в эпоху раннего железа характерны именно для староалейских погребений. Они обнаружены в 17 погребениях староалейских некрополей. В 50% случаев астрагалы обнаружены в детских могилах [Фролов, 2008, табл. 42]. В каменных захоронениях они известны в единичных случаях.

Погребальный обряд и инвентарь захоронения характерны для детских могил староалейской культуры, поэтому погребение может датироваться эпохой раннего железа. Этому не противоречат и находки бронзовых удил и ножа недалеко от захоронения (рис. 1.-2, 4). Бронзовые удила представляют собой фрагмент центральной части предмета. Их окончания отломлены. Предмет представляет собой литейный брак – при изготовлении кольчатого соединения удила форма для отливки одного из звеньев была повреждена (рис. 1.-2).

Наличие удил, имеющих литейный брак, свидетельствует о том, что достаточно сложные в технологическом исполнении литейные операции, необходимые при изготовлении звеньев удил в сочленении, использовало местное приобские население скифского времени. Отсутствие окончаний удил затрудняет их датировку. Бронзовые удила с кольчатым соединением появляются в Барнаульском Приобье в IX–VIII вв. до н.э. и бытуют до VI–V вв. до н.э. [Могильников, 1997, с. 60–61]. На староалейских памятниках встречаются достаточно редко. Из ближайших аналогий следует упомянуть находку обломленного звена кольчатых удил из межмогильного пространства могильника Фирсово-XIV [Кирушин и др., 2015, рис. 101.-12].

Миниатюрный пластинчатый бронзовый нож имеет следы переделок, кончик его клинка отломан. По всей вероятности, предмет изготовлен из обломка более крупного изделия. Нож имеет слегка выгнутую спинку (обушок). Клинок отделен от рукояти небольшим выступом и сильно сточен (рис. 1.-4). Ножи подобного типа в Барнаульском Приобье известны начиная с поздней бронзы. Характерны для ирменской культуры, широко распространены в большереченских памятниках переходного времени от бронзового века к железному [Членова, 1994, рис. 1.-13–19, 22–29; Грязнов, 1956, табл. XVIII.-18–27, 31, 33]. Несколько меньше они известны в староалейских памятниках – встречены на комплексах Малый Гоньбинский Кордон (МГК), могильники 1 и 3, Обские Плесы-2 [Кунгуров, 1999, рис. 1.-15, 19; Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 10.-2, 10]. Наиболее вероятна широкая дата распространения подобных предметов – XII–V вв. до н.э.

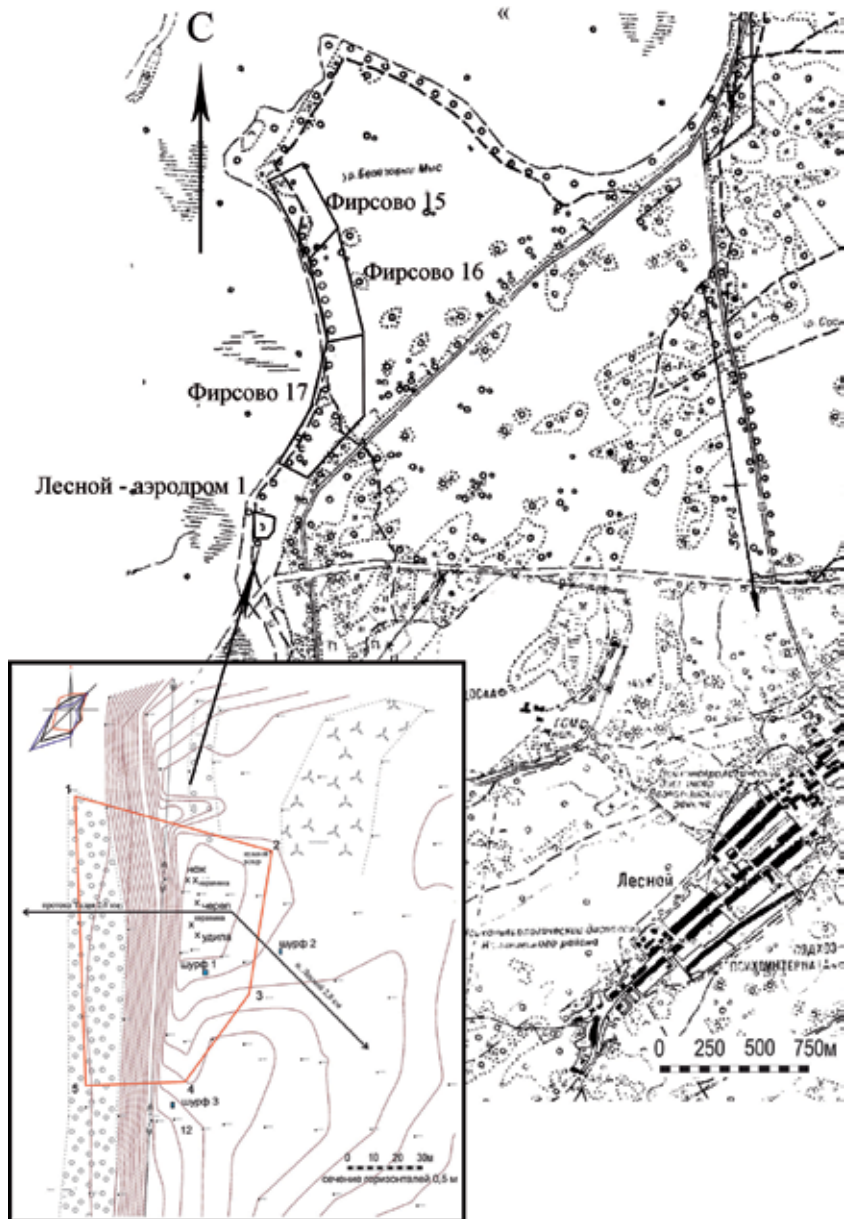

Рис. 2. План-схема расположения поселений Фирсово-15–17 и могильника Лесной-аэродром-1 и топоплан могильника Лесной-аэродром-1

Орнаментированной керамики на площади некрополя найдено немало. Это развал сосуда – плоскодонной банки – и фрагмент венчика. Банка орнаментирована рядом мелкого жемчужника, проходящим близко к краю венчика с разделениями в виде насечек, образующими верхний край пояса из двух линий редкой елочкой (рис. 1.-5). Сходный орнамент имеет и венчик сосуда (рис. 1.-6). Подобная керамика относится к скифскому времени, характерна для староалейских и смешанных – каменско-староалейских – памятников. Ближайшие аналогии она находит в материалах поселений Фирсово-15–17, 4, 10 [Степанова, Фролов, 2017, с. 74–75, рис. 3.-1, 7; 4.-5, 16].

Таким образом, материал, собранный с поверхности памятника, позволяет отнести его к староалейской культуре и датировать в рамках VI–IV вв. до н.э. Обнаружение нового могильника староалейской культуры, соотносящегося с группой поселений, позволяет дополнить серию наблюдений по топографии и говорить об определенной традиции во взаиморасположении поселений и могильников староалейской культуры, располагающихся на краю первой надпойменной террасы на правом берегу в Барнаульском Приобье.

Памятники скифского времени являются самыми многочисленными в Фирсовском археологическом микрорайоне. Они представлены серией поселений и несколькими некрополями. Ряд поселенческих объектов и могильников соотносятся друг с другом, что позволяет сопоставить материалы с памятников разного типа. В Фирсовском микрорайоне известны два крупных «куста» поселений скифского времени: памятники Фирсово-5–13, 2–4, 18 и 15–17. И если с «кустом» поселений Фирсово-5–13 хорошо сопоставляется могильник Фирсово-14, то в районе «куста» поселений Фирсово-15–17 могильники скифского времени не были известны до обнаружения памятника «Лесной-аэродром-1» (рис. 2).

подавляющее большинство объектов располагается сходным образом. Группа поселений («куст») староалейской культуры, обычно занимающих обширную территорию (от 500 м до 1 500 м) (Фирсово-5–13; Фирсово-15–17; Обские Плесы-1, 1а, 3, 4), располагается вдоль края надпойменной террасы. Могильник, который можно сопоставить с этими поселениями, находится в непосредственной близости от поселенческих памятников к югу от них. Во всех трех случаях могильник занимает мысовидный выступ террасы, отделенный небольшой ложбиной от поселений. По-иному располагаются староалейские поселения и могильники на елбанах в пойме Оби (Малый Гоньбинский Кордон-1, Тузовские Бугры и Ближние Елбаны). Находка нового некрополя в Фирсовском микрорайоне позволяет дополнить карту расположения памятников скифского времени в Барнаульском Приобье и уточнить информацию об их топографии.

Библиографический список

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88–114.

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.; Л., 1956. 256 с. (МИА. №48).

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Тур С.С., Пилипенко А.С., Федорук А.С., Федорук О.А., Фролов Я.В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья: материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул, 2015. 208 с.

Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 92–98.

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.

Степанова Н.Ф., Фролов Я.В. Керамика поселений раннего железного века Лесостепного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2017. №1 (17). С. 71–85.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул, 2008. 480 с.

Фролов Я.В. Положение умершего в могиле как показатель половозрастной дифференциации погребального обряда скифского времени в Верхнем Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2013. Вып. XVIII–XIX. С. 279–282.

Членова Н.Л. Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири. М., 1994. 170 с.

Ya.V. Frolov, D.S. Leontieva, S.P. Grushin

Altai State University, Barnaul, Russia

A NEW BURIAL GROUND OF THE SCYTHIAN TIME IN THE FIRSOVO ARCHAEOLOGICAL MICRODISTRICT

In 2016, a new burial ground of the Scythian time was discovered in the Barnaul Ob area. It is called “Forest-Airfield 1”. The site was found during the survey of the construction site. After the discovery of the burial, the boundaries of its territory were determined and after that the construction was stopped. A child’s burial was found on the site and the collection was formed of finds discovered on the surface: ceramics, a bronze knife and a piece of horse harness. The burial ground refers to the Staroaleiskaya culture. The site is dated to the 6th–4th centuries BC. The study of this necropolis makes it possible to clarify the information on the location of Scythian time cemeteries and settlements on the right bank in the Barnaul Ob area. The burial grounds are located to the south of the group of settlements. Necropoles occupy the ledges of the terraces. It is separated from the settlements by a small hollow. The discovery of a new necropolis in the Firsovo microdistrict provides new data for mapping the location of the Scythian time sites in the Barnaul Ob area and specifies the data on their topography.

Key words: burial ground, early Iron Age, Scythian time.

РАЗДЕЛ 3. МУЗЕИ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ НАСЛЕДИЯ В МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СФЕРЕ КУЛЬТУРНОГО ТУРИЗМА

УДК 902(571.16)

А.И. Боброва¹, А.А. Тишкин²

¹Томский областной краеведческий музей, Томск, Россия;

²Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

ОРИГИНАЛЬНАЯ НАХОДКА ИЗ ПРИКЕТЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке
Благотворительного фонда В. Потанина,
проект «Музейный десант» №ГМДФ-51/17

Применение современных приборов позволяет получить объективную информацию о химическом составе археологических находок, сделанных из цветных металлов. Рассматриваются результаты исследования металлической чаши, которая была обнаружена на территории Нарымского Приобья в кургане XVII в. Ёлтыревского могильника II. С помощью рентгенофлуоресцентного спектрометра установлен поэлементный состав основы изделия и его покрытия. Отдельно изучалась ручка сосуда. Тестирования осуществлялись до реставрации и после нее. К сожалению, наличие поверхностных окислов и отсутствие возможности для их максимального снятия с музейного экспоната в разных местах не позволили полностью реализовать необходимую программу. Однако зафиксированные показатели позволяют сделать ряд важных заключений, в частности, о том, что чаша сделана не из серебра, как это первоначально предполагалось, а из других металлов с использованием технологии лужения. Археологический контекст находки, а также поиск аналогий и осуществленная реконструкция антропологического облика свидетельствуют о высоком статусе погребенной женщины.

Ключевые слова: Нарымское Приобье, курган, металлическая чаша, рентгенофлуоресцентный анализ.

В археологическом собрании Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова хранится немало важных находок, сделанных на территории Нарымского Приобья. Одной из них является уникальный металлический сосуд (рис. 1) для питья крепких напитков из Прикетья, обнаруженный экспедицией музея в 2007 г. в одном из курганов Ёлтыревского могильника II [Боброва, 2010]. Изделие, о котором ниже пойдет речь, найдено среди прочего инвентаря в погребении XVII в., оставленном предками селькупов Киргеевской волости Кетского уезда. Такое население проживало в нижнем течении Кети и в бассейне ее правобережных притоков. Оно было представлено селькупам диалектно-локальной группы сюссекум [Долгих, 1960, с. 87, 92].

При раскопках указанного памятника в кургане №1 оказалась похоронена молодая женщина 20–22 лет (рис. 2), внешний облик которой и возраст реконструированы специалистами (определения выполнены антропологом к.и.н. М.П. Рыкун) [Боброва, Алексева, 2016, с. 118]. Чара найдена в материковом слое на глубине 0,15 м под затылочной частью черепа (под головой покойной). Внешне ее местонахождение никак не выделялось на дне могильной ямы. Основная цель данной публикации заключается в детальном представлении находки, а также в определении состава металла, использованного для изготовления оригинального изделия.

Сосуд (чара) представляет собой емкость округлой формы, без поддона, с низкими стенками, с плоской ручкой (полкой), горизонтально прикрепленной к тулову. По внешнему краю диаметр изделия составляет 11,3 см. Высота стенок 2,8 см. Вес без ручки 68,2 г, с ручкой – 80,3 г. Для жесткости в край по устью завальцована железная проволока. Внешние стенки по периметру оформлены

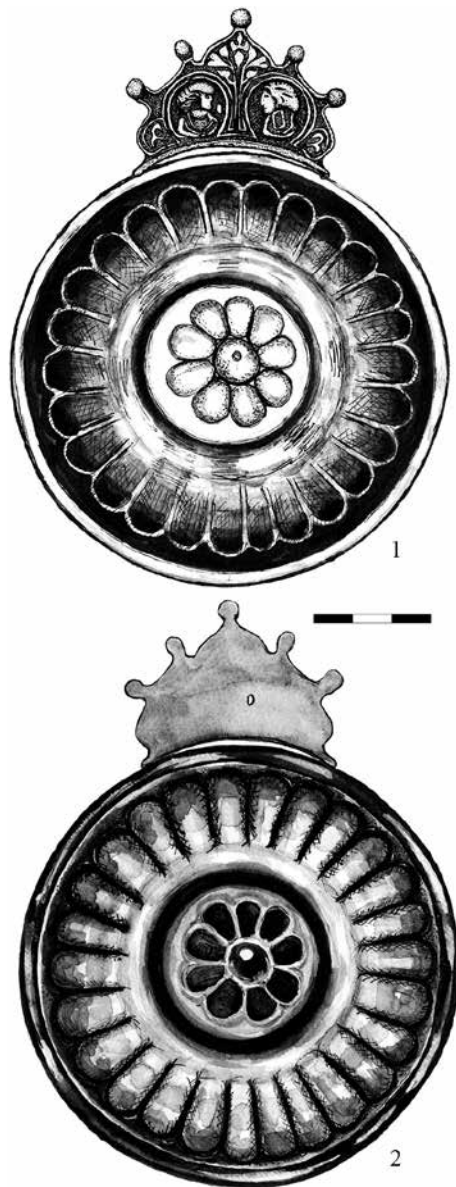

Рис. 1. Чара из Ёлтыревского курганного могильника II (ТОКМ колл. №13482-75) (по: [Боброва, 2010, рис. 1.-1], с добавлением масштаба)

Рис. 2. Реконструкция внешнего облика женщины из погребения кургана №1 (по: [Боброва, Алексеева, 2016, рис. 2.-2])

спектрометрии в образцах из цветных металлов и сплавов, а также для контроля химического состава руд и шлаков, жидких и порошковых образцов. С помощью компьютерной программы «Аналитическая» получены количественные показатели о химическом составе металлических предметов. Тестирования осуществлялись указанным прибором дважды. Первый раз в 2010 г. – до проведения реставрации (рис. 3), второй раз в ноябре 2017 г. – после нее (рис. 4).

В связи с тем, что для необходимых измерений окислы с поверхности предметов полностью не удалялись, получить адекватные

в виде 26 лепестков цветка, отходящих от края уплощенного дна сосуда (технологический прием – слабовыраженная расчеканка ложками). В центре днища внутри чары имеется невысокая, чеканная слабовыпуклая на 4–5 мм площадка («мишень» диаметром 4,7 см) с изображением цветка – девятилепестковой розетки с центром в виде круга и с небольшим углублением посередине.

Анализ металла чаши и ручки проводился отдельно. Для исследований использовался портативный спектрометр ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США) в комплекте с карманным переносным компьютером и испытательным стендом. Этот прибор предназначен для количественного неразрушающего определения содержания химических элементов методом рентгенофлуоресцентной

результаты оказалось проблематично. Однако показатели, зафиксированные в 2010 г. и отраженные в таблице 1, все же позволяют заключить, что сама емкость чары не серебряная, как это считалось раньше при визуальном осмотре [Боброва, 2010, с. 9], а сделана из медного листа, покрытого затем тонким слоем олова.

Ручка (полка) имеет подтреугольную форму. Она изготовлялась отдельно от самой емкости и затем была припаяна к сосуду. Максимальная ширина полки 4,2 см, длина – 2,8 см, толщина – 2 мм. Нижняя ее часть дугообразная, а внешний край оформлен фигурно. На нем выделяются пять оконечностей-выступов шаровидной формы.

Лицевая поверхность ручки рельефно обработана и состоит из двух круглых медальонов, диаметром 1,5 см. В медальоны заключены профильные погрудные изображения двух людей, обращенных лицами друг к другу. Левое (по отношению к читателю) передает мужчину в головном уборе, охватывающем голову в виде шлема (?) или метал-

Рис. 3. Виды чары до реставрации (по: [Боброва, 2010, рис. 1.-2-4], без фона)

Рис. 4. Отреставрированное изделие

лического обруча. Черты лица мелкие, но четкие, хорошо обозначена линия плеч этого персонажа. Правое изображение несколько крупнее и, возможно, принадлежит женщине. Овал лица очерчен дугообразной линией, проходящей до обозначения шеи. Линия лба переходит в линию носа, подчеркивая пухлость щек и округлую форму подбородка. Глаз передан углублением. Густые волосы образуют довольно высокую и пышную прическу, более чем вдвое превышающую размеры лица и заканчивающуюся в области плеч.

Таблица 1

Состав металла емкости (чары) (%)

Место тестирования чары	Cu (медь)	Sn (олово)	Pb (свинец)	Zn (цинк)	Ti (?) (титан)	Fe (железо)
Дно снаружи, потертость	93,93	5,3	0,36	0,17	0,15	0,09
Край, потертость	83,69	15,05	0,9	–	–	0,36
Дно внутри, потертость	86,51	13,17	0,32	–	–	–
Дно снаружи, сильная потертость	97,42	2,02	0,48	–	–	0,08

Между медальонами выполнено изображение расцветшего цветка, с бутоном, ветвями и листьями на стебле – символический образ мирового древа. Его основание исходит от прочеканенной дугообразной линии – полусферы, объединяющей в нижней части полки оба медальона. Расцветший цветок заключен в фигуру сердцевидной формы, расположенную в верхней части полки над головами людей, изображения которых помещены в медальоны. Гравировка аналогичного стебля цветка с двумя листьями и бутоном (уменьшенная копия центрального) сделана в нижней части полки по обеим сторонам от медальонов.

Внешняя и оборотная стороны полки (ручки) различались по цвету окислов: на лицевой стороне с гравированным изображением поверхность имеет бело-золотистый цвет, местами на ней просматривается благородная патина серебристого цвета. Обратная сторона гладкая, на ней сформировались зеленые окислы меди. При изготовлении ручки получился брак (недолив) в виде небольшого отверстия (рис. 1; 3.-3).

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа представлены в таблице 2. Судя по этим данным, ручка отливалась из сплава на основе меди. А потом покрывалась оловом. Такая технология называется лужением. Возможно, это происходило уже после того, как полку прикрепили к емкости. Причем лицевая сторона была сильнее покрыта оловом, чем остальные места.

Таблица 2

Состав металла ручки (полки) (%)

Место тестирования ручки	Cu (медь)	Sn (олово)	Pb (свинец)	Zn (цинк)	Ti (?) (титан)	Fe (железо)
Лицевая сторона, место без изображений	63,91	29,43	1,58	4,56	–	0,52
Одно из изображений	58,43	36,15	2,18	2,69	0,31	0,24
Второе изображение	58,76	35,95	1,62	3,32	–	0,35
Обратная сторона (в износ)	97,42	2,02	0,48	–	–	0,08

В ноябре 2017 г. была предпринята вторая попытка исследовать указанным прибором представленную чару, так как в ходе реставрации специалист должен был удалить поверхностные окислы. Тестирования проводились в разных местах без снятия специального защитного покрытия, нанесенного реставратором. Получены следующие результаты:

Тест №227-11-2017. Дно снаружи, по центру.

Cu (медь) – 92,28%; Sn (олово) – 7,45%; Pb (свинец) – 0,2%; Fe (железо) – 0,07%.

Тест №327-11-2017. Место, где вытерлось лужение и видны медные окислы, с захватом покрытия.

Cu – 97,44%; Sn – 1,79%; Pb – 0,44%; Zn (цинк) – 0,19%; Fe – 0,14%.

Тест №427-11-2017. Рядом с предыдущим местом, в участок с лужением.

Cu – 92,87%; Sn – 6,64%; Pb – 0,29%; Fe – 0,2%.

Тест №527-11-2017. Центр чары с внутренней стороны.

Cu – 88,38%; Sn – 11,03%; Pb – 0,59%.

Тест №627-11-2017. Ручка (лицевая сторона), по центру.

Cu – 65,21%; Sn – 28,99%; Zn – 3,26%; Pb – 2,23%; Fe – 0,31%.

По качественному составу приведенные данные не отличаются от предыдущих (табл. 1 и 2), а вот по количественным показателям наблюдается существенная корректировка.

В заключение следует указать, что поверхности изделия не содержат никаких знаков, букв или клейм. Абсолютных аналогов этой находке на территории Западной и Восточной Сибири не выявлено. Известно, что такая посуда была особенно характерна для быта XVI–XVII вв. [Постникова-Лосева и др., 1983, с. 32; БСЭ, 1978, с. 51]. Наиболее близкой по форме является чара XVI–XVII вв. [Постникова-Лосева и др., 1983, с. 32], а также серебряная чарка с ручкой, украшенной изображением двух голов, из собрания Государственного Эрмитажа. Последняя значится среди предметов, приобретенных на Урале в Суксунском заводе Красноуфимского уезда [Длужневская, 2007, с. 118–133]. Описание и датировка изделия в публикации отсутствуют.

Для относительной датировки изделия привлечены нумизматические материалы, происходящие из того же погребения, – серебряные монеты-чешуйки, отчеканенные в период царствования Михаила Федоровича Романова (1613–1645), о чем свидетельствует их оформление [Боброва, Фадеев, 2013, с. 234–235]. Однако известно, что монеты-чешуйки оставались в обращении вплоть до середины 1750 г. и вообще имели хождение длительное время. Общий комплекс погребального инвентаря позволяет считать 2-ю половину XVII в. наиболее вероятной датой ёлтыревского погребения с такими монетами и оловянной чарой.

В средневековом русском быту чара, как один из наиболее известных металлических сосудов, получила наиболее широкое распространение в XVI–XVII вв. Помимо своего прямого назначения (служить посудой для питья), она использовалась для «пожалований» – наград и подарков за заслуги и подвиги подданных. Обычай их награждения от царского имени путем пожалования им серебряной и оловянной посуды, кафтанов, шуб, тканей и других предметов быта в России существовал на протяжении нескольких столетий. Пожалования посудой преследовали цель поощрения к верной службе лиц, угодных русскому государю. Вначале ковши, братины, чарки рассматривались как материальная ценность, как замена денежного вознаграждения, но в XVII в. они приобрели особое значение почетной награды [Постникова-Лосева и др., 1983, с. 21]. Возможно, чара из Прикетья выполняла ту же функцию, так как найдена она была в элитарном погребении женщины, чей высокий социальный статус и отражала.

Библиографический список

- Боброва А.И. Чара из Прикетья // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул, 2010. С. 9–11.
- Боброва А.И., Алексеева Е.А. Погребальные памятники Прикетья как источник реконструкции внешнего облика коренного населения XV–XVII вв. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. №3 (34). С. 116–126.
- Боброва А.И., Фадеев В.А. Монеты XVII в. из Прикетья в археологическом собрании ТОКМ // Труды ТОКМ им. М.Б. Шатилова. Томск, 2013. Т. 18. С. 231–242.
- Большая Советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29. 640 с.
- Длужневская Г.В. Уральский регион в исследованиях Императорской Археологической комиссии // Известия УрГУ. 2007. №49: Гуманитарные науки. Вып. 13: История. С. 118–133.
- Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. 662 с.
- Постникова-Лосева М.М., Платонова Н.Г., Ульянова Б.Л. Золотое и серебряное дело XV–XX вв. Территория СССР. М., 1983. 376 с.

A.I. Bobrova, A.A. Tishkin

*Tomsk Regional Museum of Local History, Tomsk, Russia;
Altai State University, Barnaul, Russia*

ORIGINAL FIND FROM THE KET RIVER AREA

The use of modern instruments allows obtaining objective information on the chemical composition of archaeological finds made of non-ferrous metals. The article examines the results of research of a metal bowl, which was found in the territory of the Narimsk Ob river area in the mound of the 17th century Yeltyrevskiy Burial Ground II. The elemental composition of the product's base and its coating is established with the help of an X-ray fluorescence spectrometer. Special study was made of the vessel's handle. Testing was carried out before and after the restoration. Unfortunately, the presence of superficial oxides and the lack of opportunities for their maximum removal from the museum exhibit in different places did not allow full implementing of the necessary program. However, the recorded indicators make it possible to draw a number of important conclusions, in particular, that the bowl is made not of silver, as it had been originally assumed, but of other metals using spatula technology. The archaeological context of the find, the search for analogies and the carried out reconstruction of the anthropological appearance testify to the high status of the buried woman.

Key words: Narimsk Od region area, mound, metal bowl, X-ray fluorescence analysis.

УДК 069.02:574.24

В.М. Кимеев

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

ЭКОМУЗЕЙ «ТАЗГОЛЬ»: ПРОЕКТНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта РФФИ №17-11-42003/17-ОГОН «Этнокультурное наследие коренных малочисленных народов и русских старожилов Притомья: трансформация в современной социокультурной среде и подходы к актуализации»

Сопоставляются проектные предложения по созданию в Горной Шории экомuzeя «Тазгол» и Шорского национального парка в 1990-х гг. и современная реальная действительность. Анализируется деятельность православных миссионеров Алтайской духовной миссии и священников Новокузнецкой митрополии Кемеровской епархии Русской православной церкви по созданию и реконструкции Мрасского стана миссии в экомузее «Тазгол». Показаны проблемы экологии и традиционного природопользования шорского населения пос. Усть-Анзас и Шорского национального парка. Главной проблемой в реализации «Проекта зон охраны» и генерального плана экомuzeя «Тазгол» остается недалекость местных властей и меркантильность клириков Новокузнецкой и Таштагольской митрополии. Местные шорцы всех поколений видят будущее в сохранении и возрождении своих традиций и создании

условий для восстановления системы их традиционного природопользования и сохранении памятников историко-культурного и природного наследия и использования их для развития туризма.

Ключевые слова: Горная Шория, православные миссионеры, музеи, экология, традиционное природопользование, Шорский национальный парк.

Этноэкологический музей-заповедник (экомузей), получивший название «Тазгол» в память о бывшем одноименном шорском улусе, начал создаваться в центре пос. Усть-Анзас Таштагольского района по просьбе городских властей и решению Кемеровского облисполкома №85 от 16 марта 1990 г. вначале как филиал историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская писаница». После разработки по заказу начальника управления культуры Кемеровского облисполкома В.И. Бедина творческой группой известных московских архитекторов под руководством А.Г. Афанасьева и принятия в этом же году «Проекта зон охраны» и генерального плана экомузея становится самостоятельным муниципальным образованием [Кимеев, Афанасьев, 1996, с. 117] (рис. 1). Затем он был включен как филиал в состав муниципального музея-заповедника «Трехречье» в пос. Усть-Кабырза, созданного в 2011 г.

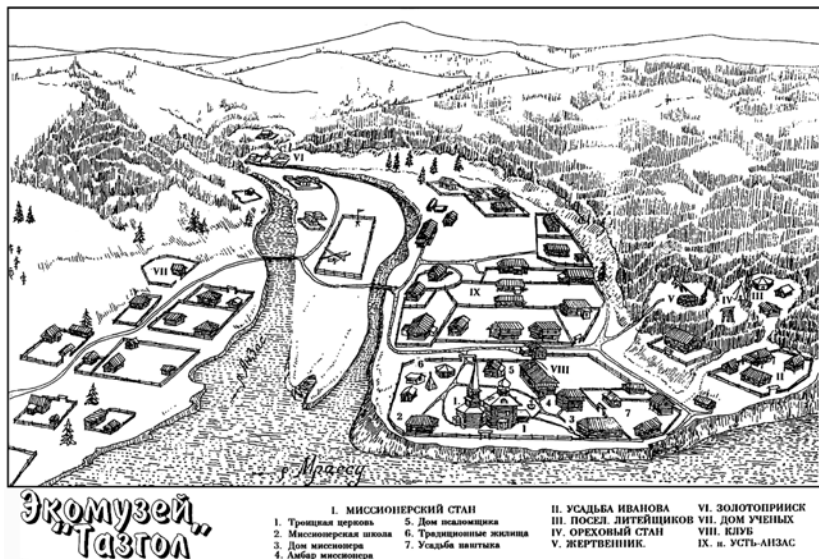

Рис. 1. Эскиз генплана экомузея «Тазгол» (архитектор А.Г. Афанасьев)
(по: [Кимеев, Афанасьев, 1996, с. 117])

Проектом, кроме восстановления памятников историко-культурного и природного наследия по р. Мрассу, а также их музеефикации под открытым небом, предусматривалось восстановление инфраструкту-

ры самого жилого поселка – строительство школы и нового магазина, установка пилорамы по переработке древесины, прокладка грунтовой дороги и ЛЭП из пос. Шерегеш, а также экологическое оздоровление окрестностей: очистка берегов Анзаса и прилегающих ручьев от бытовых отходов и горюче-смазочных материалов местной дизельной подстанции. Проект прошел требуемую экспертизу и был одобрен всеми местными жителями, получившими рабочие места в экомузее.

Одновременно были развернуты масштабные комплексные археолого-этнографические и биологические исследования с последующими публикациями результатов. Рабочими из местных жителей-шорцев началась реставрация «Усадьбы плотника Иванова», «Дома псаломщика», «Дома торговца Пай-Степана» с двухъярусным амбаром (начало XX в.), произведены заливка фундамента под реконструкцию деревянного Троицкого храма (конца XIX в.), реконструкции комплекса охотничье-промыслового стана и поселения древних литейщиков и кузнецов, могилы «кыргызского воина», каменной оградки с изваянием предка. Сейчас все эти объекты часто посещаются туристами и православными паломниками. На территории экомузее ежегодно стали проводиться праздники, в чем большую помощь оказывает шорский фольклорный ансамбль «Чылтыс» из Таштагола, так как собственной фольклорной группы здесь никогда не было. В поселке было построено новое здание для начальной школы и проживания учителей, служебное здание с рацией и залом ожидания пассажиров у вертолетной площадки. Местные жители впервые за два последних десятилетия начали активно строить себе новые жилые дома с хозпостройками и огородами [Кимеев, Ширин, 2011, с. 211–224].

Кемеровская епархия направила по благословлению епископа Софрония настоятелем прихода иерея Игоря Кропачева для завершения реконструкции Троицкого храма и реставрации Дома миссионера – единственного сохранившегося памятника конца XIX в., связанного с деятельностью Алтайской духовной миссии на юге Сибири. Новокузнецкие архитекторы (В.Н. Усольцев и А.В. Топчиев) еще в начале 1990-х гг. разработали проекты реставрации Дома миссионера и реконструкции прежнего Троицкого храма (рис. 4). Однако воссоздать храм и реставрировать Дом миссионера по разным причинам так до сих пор и не удалось. Первая молельная комната, оборудованная о. Игорем в кинобудке бывшего клуба, сгорела вместе с клубом, вторая, оборудованная клириками из Таштагола в помещении бывшей школы имени учителя М.Л. Судочакова, используется только при паломнических поездках священнослужителей епархии и по христианским праздникам.

Летом 2017 г. в третий раз был освящен бетонный фундамент Троицкого храма митрополитом Новокузнецким и Таштагольским Владимиром Агибаловым в присутствии клириков митрополии, главы района В.Н. Макута и местных жителей. Бывший настоятель Троицкого прихода, протоиерей Игорь Кропачев, был благословлен вернуться

в пос. Усть-Анзас, поселиться, как и прежде, в музейном «Доме Пай-Степана» и продолжить восстановление объектов Мрасского отделения Алтайской православной духовной миссии. Однако вместо использования для этого архитектурных проектов реставрации о. Игорь решил на месте имеющегося фундамента обустроить небольшую деревянную церковь. Реставрация разрушающегося подлинного памятника архитектуры конца XIX в. – Дома мрасского миссионера – вообще не планируется в ближайшее время. То, что все это может привести к искажению исторической среды Мрасского стана Алтайской духовной миссии и нарушит прежний проект экомuzeя, никого не волнует.

Удивляет голословное утверждение, что бывшая Троицкая церковь якобы стояла на другом месте и проектировщиками экомuzeя изначально была нарушена историческая достоверность. Хотя все местные жители старшего поколения помнят, что фундамент храма заливали в 1992 г. на месте сгоревшей в 1970-х гг. деревянной школы на основании из каменных плит, извлеченных из прежнего Троицкого храма. Причем при демонтаже в 1970-х гг. фундамента храма местными жителями по углам основания были обнаружены свинцовые пластины с православными текстами. Свинец пошел на пули, а вот сфотографировать эти пластины из-за отсутствия фотоаппарата не пришлось.

Почему-то игнорируются неоднократно опубликованные старые фотографии надпойменной террасы Мрасского стана с разных ракурсов: 1913 г. – барнаульского землемера Г.И. Иванова со стороны р. Мрассу и 1926 г. – ленинградского этнографа Н.П. Дыренковой со стороны горы Кабакташ, на которых четко фиксируется местоположение Троицкого храма и Дома миссионера (рис. 2, 3). Да и сами старейшие местные жители (Анастасия Атконова и Надежда Бельчегешева) в начале 1980-х гг. лично показывали этнографу В.М. Кимееву место расположения храма на береговой террасе и холм могилы последнего миссионера Павла Кадымаева на краю поселкового кладбища.

Непонятно также, почему до реконструкции по проекту Троицкого храма нельзя использовать для молений пустующий Дом псаломщика, который реставрирован в 1995 г. на площадке экомuzeя в 50 м от фундамента храма и в котором в середине 1990-х гг. первоначально жил сам настоятель прихода о. Игорь Кропачев? Можно также, по примеру первого мрасского миссионера иеромонаха Тихона, построить на свободной площадке экомuzeя походный берестяной храм, о котором упоминается в миссионерских отчетах того времени [Записки..., 2008, с. 154–155]. Более того, на проекты реставрации Дома миссионера и Троицкого храма, на заливку фундамента храма, изготовление для него дверных коробов и окон из бюджета Таштагольского района в 1990-е гг. потрачены немалые финансовые средства. Благоразумней будет привлечь для завершения реставрационно-строительных работ по проектам народные средства православных жителей России, как это сделал в XIX в. выдаю-

щийся миссионер Василий Вербицкий – отец-основатель Мрасского отделения Алтайской православной духовной миссии и его последователи. Спасение памятников историко-культурного, духовного и природного наследия – это благородная миссия как священнослужителей, так и всех россиян, включая местных православных шорцев!

Рис. 2. Миссионерский стан в улусе Усть-Анзас. 1927 г.
(фотоснимок *Н.П. Дыренковой*) [МАЭ РАН
(Музей антропологии и этнографии РАН). Колл. №3646]

Рис. 3. Миссионерский стан в улусе Усть-Анзас. 1913 г.
(фотоснимок *Г.И. Иванова*) [АГКМ (Алтайский
государственный краеведческий музей). Инв. №15866. 38, 1913]

Власти Таштагольского района и руководство национально-парка предполагали «развитие экономики территории посредством создания кооперативов, родовых общин и пр., а также расширения традиционных для данной местности промыслов шорского населения поселков, примыкающих к зонам парка». Однако радужным перспективам не суждено было сбыться. Местные шорцы вынуждены заниматься, по сути, браконьерством, рассматривая его как один из немногих источников формирования семейного бюджета в условиях тотальной безработицы после закрытия учреждений ВД (колоний-поселений уголовно осужденных) по заготовкам

Рис. 4. Троицкий храм. Реконструкция (архитектор В.Н. Усольцев)

и сплаву леса, а также после распада системы госпромхозов. И как результат – на территории Национального парка продолжается сокращение популяции промыслового зверя, а в реке Мрассу – рыб ценных пород по причине браконьерского и варварского лова туристами. Население вынуждено ориентироваться в основном на подсобное хозяйство, которое не способно полностью удовлетворить даже собственные потребности, несмотря на призывы районных властей продавать излишки сельхозпродукции. В то же время в пределах создаваемых территорий традиционного природопользования шорцами используется менее 50% видового многообразия и около 6,6% допустимых к изъятию запасов недревесных растительных ресурсов (черемши, папоротника и др.). Экономическая прибыль шорских хозяйств составляет сейчас около 1,5% от возможного использования этой группы ресурсов. Согласно

последнему Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. «Об особо охраняемых территориях» за посещение территории национального парка (за исключением участков, расположенных в границах населенных пунктов) в целях туризма и отдыха взимается плата. Даже местные жители шорцы становятся чужими на территории национального парка – им запрещена заготовка древесины на постройку домов, хозпостроек и оград своих усадеб, введены ограничения на лов рыбы и ведение других видов таежных промыслов, вплоть до сбора грибов и ягод, не говоря уже о сезонной охоте. Примечательно, что до сих пор нет четких разграничений территории парка и населенных пунктов, которые не имеют топографических планов усадеб, а пастбища и сенокосные угодья оказались в границах Национального парка [Кимеев, 2017, с. 55–60].

В населенных пунктах парка у населения все более ощущается безразличие к окружающей среде. Продолжаются (несмотря на запреты) бесконтрольные вырубki леса и расширяются многолетние свалки бытового мусора на окраинах поселков, нередко в пойме притоков Мрассу – являющихся единственным источником питьевой воды.

Комплексной программой социально-экономического развития шорского населения Таштагольского района в начале 1990-х гг. предусматривалось сохранение и развитие национальных традиций, однако коснулось это в основном жителей Таштагола и Шерегеша, где созданы фольклорные ансамбли, проводятся реконструированные праздники (Ольгудек-Пайрам, Малтык, Чыл-Пажи и др.). Спорадические наезды и краеведческие экспедиции представителей шорской национально-политической элиты и ансамбля «Чылтыс» для реконструкции обрядов и установки культовых знаков не затронули глубоко душу сельских шорцев. С уходом из жизни последнего шорского народного мастера Якова Пепелова из пос. Усть-Кабырза полностью утрачена традиция в изготовлении предметов быта и культа, не говоря уже о национальной одежде и украшениях. Старинные предметы быта и древних культов полностью вывезены в различные музеи, которые вряд ли посещают сельские шорцы.

Руководству парка в ближайшее время целесообразно проверить свои кадастровые планы и усадеб поселков, оказавшихся в границах выделенных зон парка. Так в пос. Усть-Анзас в границы парка попала часть ул. Мира с домами, построенными за последние годы местными жителями на месте прежних усадеб, существовавших, по крайней мере, с начала XX в. (о чем свидетельствуют старые фотографии). Даже столетнее поселковое кладбище оказалось в кадастровом плане Национального парка и по положению требуется разрешение на погребение усопших. Появившиеся на левом берегу Мрассу у пос. За-Мрасс частные турбазы и летние автостоянки стали привлекать туристов и рыбаков

из Шерегеша и Таштагола. После них на берегу остаются кучи мусора, регулярные уборка и вывоз которого не организованы сотрудниками парка, а сами туристы не стремятся его увозить с собой.

Продолжает расширяться неорганизованная свалка твердых бытовых отходов на краю пос. Усть-Анзас в отвалах бывшего золотоприиска по ручью Шимтильгол. Весеннее половодье смывает часть отходов, и они вместе с тальми водами попадают в р. Анзас, откуда местные жители круглый год берут воду для питья. Более того, до сих пор не произведена обваловка вокруг цистерн с горюче-смазочными материалами и сарая с дизельным агрегатом, отчего весной часть отходов дизтоплива попадает в Анзас, впадающую в свою очередь в Мрассу. В усадьбах местных жителей туалеты расположены вблизи берега Анзаса и через почву фекалии попадают в реку. Каменные запруды с ящиком для традиционной ловли мелкой рыбы на Анзасе превратили реку в своеобразный отстойник.

Предусмотренные почти 30 лет назад экологические мероприятия в «Проекте зон охраны» и генеральном плане экомузeya до сих пор не реализуются. Только за последние годы сотрудники экомузeya стали собирать и вывозить мусор с территории экомузeya в яму, оборудованную для туристов у беседки, рядом с культовым деревом с подвязанными лентами на перевале священной для шорцев горы Айган, что противоречит их традиционному мировоззрению. Нужно организовать регулярный сбор и вывоз накопившихся бытовых отходов на официальную свалку в пос. Шерегеш, а в самих поселках обустроить контейнеры для сбора мусора. Для сохранения историко-культурного наследия территории парка необходимо решить экологические и экономические проблемы совместно с властями поселков Шерегеш и Усть-Анзас, сотрудниками экомузeya «Тазгол».

Библиографический список

Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священника Василия Вербицкого / сост. прот. Игорь Кропочев. Новокузнецк, 2008. 372 с.

Кимеев В.М. Проблемы охраны и музеефикации историко-культурного наследия территории Шорского национального парка // Человек и природа – взаимодействие на особо охраняемых природных территориях: мат. докл. Всерос. науч.-практ. конф, посвящ. Году особо охраняемых природных территорий и Году экологии. Новокузнецк, 2017. С. 55–60.

Кимеев В.М., Афанасьев А.Г. Экомузeология. Национальные экомузeи Кузбасса: учеб. пособие. Кемерово, 1996. 135 с.

Кимеев В.М., Ширин Ю.Ф. Тайны Кабырзинской принцессы. Кемерово, 2011. 272 с.

V.M. Kimeev

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

**ECOMUSEUM “TAZGOL”:
DESIGN PERSPECTIVES AND REALITIES**

Project proposals are compared to establish in the Shoria mountains of “Tazgol” ecomuseum and the Shoria National Park in the 1990s and modern reality. Analysis is given to the activities of the Orthodox missionaries from Altai Spiritual Mission and the priests of the Novokuznetskaya Metropole of the Kemerovo Eparchy of the Russian Orthodox Church on the establishment and reconstruction of the Mrasskiy Stan mission in the “Tazgol” ecomuseum. The article shows the problems of ecology and traditional nature use of the Shoria population of the Ust-Anzas settlement and Shoria National Park. The main problem to implement “The Project of the Conservation Zones” and the general plan of the “Tazgol” ecomuseum is short-sightedness of local authorities and commercialism of the clerics from Novokuznetskaya and Tashtagolskaya Archdiocese. Local people of all generations see their future in the preservation, revival of their traditions, creating conditions to restore their traditional nature use and preserve historical, cultural and natural heritage to develop tourism in the region.

Key words: Khakassia Orthodox missionaries, museums, ecology, traditions, Shorsky National Park.

УДК 903.211.3(571.150)

А.Л. Кунгуров

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

**КАМЕННЫЙ ТОПОР ИЗ БАРНАУЛА
(Алтайский край)**

Статья посвящена находке на территории Барнаула каменного топора с частичной подшлифовкой поверхности и рабочей кромки. Топор был обнаружен на правом берегу Пивоварки в 1984 г. и более 30 лет хранился в фондах Алтайского государственного краеведческого музея. Условия находки позволяют предполагать наличие в данном месте некрополя неолитического времени, впоследствии застроенного частным сектором города. Публикация изделия и характеристики места его нахождения расширяют количество источников по неолиту Барнаульского Приобья.

Ключевые слова: некрополь, находка, орудие, неолит, обработка, оббивка, шлифовка, памятник, Барнаульское Приобье.

В Алтайском государственном краеведческом музее хранится крупный каменный топор (колл. 14540), найденный в 1984 г. Григорием Кирилловичем Жировым. Находка была сделана при земляных работах на глубине 2,5 м в усадьбе по ул. 2-я Речная, 7 Барнаула (рис. 1). Данное место расположено на северо-восточной окраине парка Юбилейного.

В этом месте правый борт долины р. Пивоварки сформирован двумя небольшими логами в широкий пологий мыс, спускающийся к днищу лога. Ширина лога в месте находки достигает 170 м. Расстояние от истока Пивоварки (район Озерный) до места находки – 1,44 км. Рельеф территории Барнаула определяет северо-восточная оконечность Приобского плато, на котором расположен город. Абсолютные отметки высот от 132–135 м близ устья Барнаулки до 230–250 м в северной части города; общий наклон поверхности – с северо-запада на юго-восток к долине Барнаулки. Рельеф осложнен эрозионными структурами средних и мелких форм: долиной Пивоварки (12 км), мелкими понижениями, оврагами.

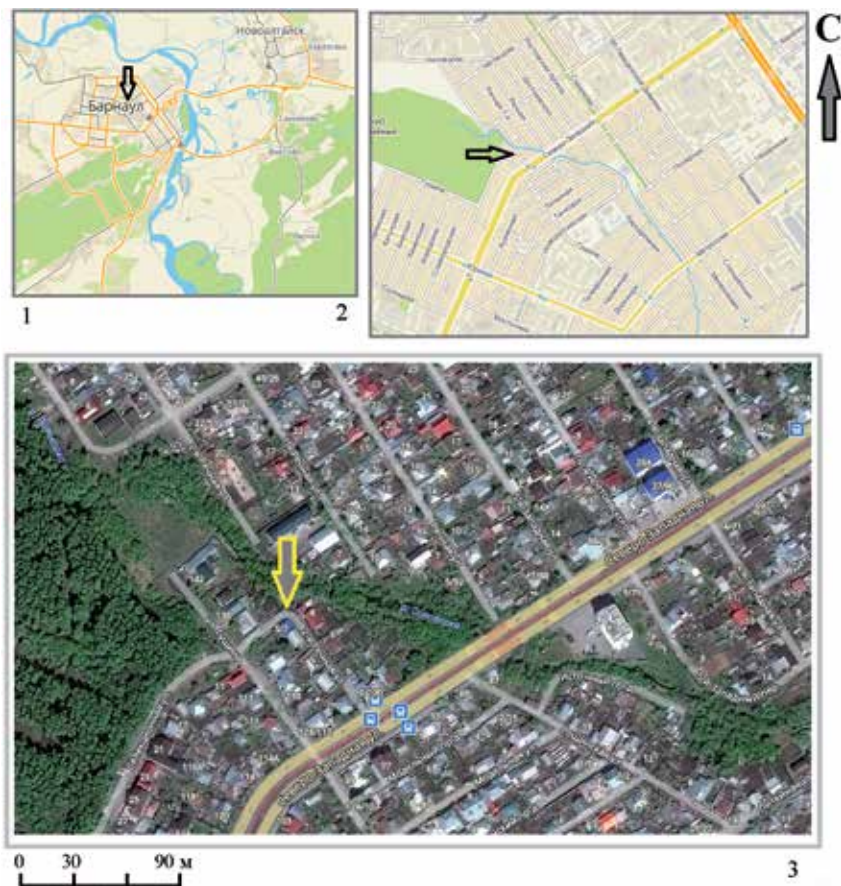

Рис. 1. Расположение местонахождения каменного топора на территории Барнаула

Покровные отложения, наложенные на древние третичные лёссовые и аллювиальные толщи, представлены аллювиально-озерными и субаэральными образованиями нижнего–среднего отдела четвертичной системы. Распространены лёссовидные суглинки и супеси с горизонтами погребенных почв, пески, супеси, суглинки, илы, глины, иногда с включением щебня.

По физико-географическому районированию Барнаул относится к Барнаульскому району Приобской левобережной подпровинции Верхне-

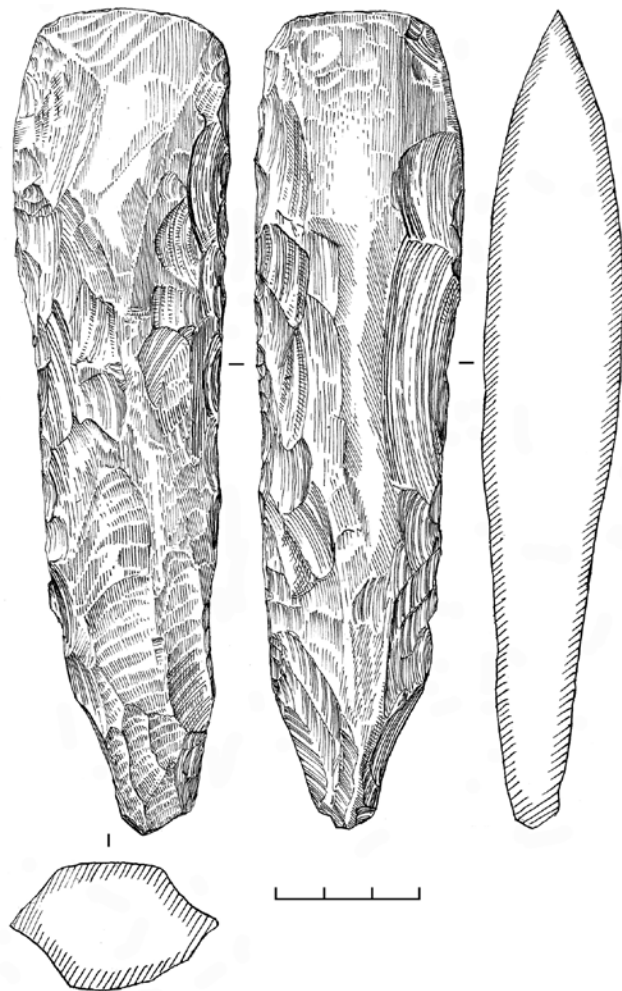

Рис. 2. Каменный топор с улицы 2-я Речная в Барнауле

обской провинции Западно-Сибирской страны. Поверхность Приобского плато характеризуется низменными дренированными (неоэлювиальными) лугово-степными ландшафтами. Преобладают полого-увалистые лёссовые плато с богаторазнотравными красноковильными степями и супесчаные древнеаллювиальные равнины и террасы с разнотравно-злаковыми луговыми степями в сочетании с березовыми травяными колками. Почва – обыкновенные и выщелоченные черноземы [Алтайский край, 1978].

Находка шлифованного каменного тесла или топора на значительной глубине не исключает факта наличия на правом берегу Пивоварки неолитического некрополя – достаточно редкого в степном Алтае археологического памятника. Изделие имеет вытянуто-подтреугольные очертания с приостренным и утонченным обухом. В разрезе форма неровно-шестиугольная. Рабочий край овальной формы, симметричного клиновидного сечения тщательно отшлифован. Шлифовка на боковых гранях и фасах частично удалена в процессе обновления топора двусторонней оббивкой (рис. 2). На территории Барнаула находки каменных изделий неолитического облика известны. Они также связаны с небольшими водотоками и водоемами, расположенными в понижениях Приобского плато – поселение Казенная Заимка (руч. Землянуха) и Куликово озеро [Кирюшин, Бородаев, Кунгуров, 1983; Кунгуров, Сингаевский, 2006]. Возможная датировка подобных предметов – завершающий период неолитической эпохи (V – начало IV тыс. до н.э.).

Библиографический список

Алтайский край: атлас. М., 1978. 222 с.

Кирюшин Ю.Ф., Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. Барнаул, 1983. С. 7–30.

Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. Барнаул, 2006. 124 с.

A.L. Kungurov

Altai State University, Barnaul, Russia

STONE AX FROM BARNAUL (Altai Territory)

The article is devoted to the finding of a stone ax with a partial subliming of the surface and working edge in the territory of Barnaul. The ax was discovered on the right bank of the Pivovarka river in 1984 and was kept for more than 30 years in the funds of the Altai State Local History Museum. The conditions of the discovery allow one to assume the presence of a necropolis of Neolithic time, built up with the private sector of the city. The publication of the product and the characteristics of its location expand the number of sources regarding the Neolithic of the Barnaul Priobye.

Key words: necropolis, finding, tool, neolith, processing, casing, polish, monuments, Barnaul Priobye.

УДК 903.226:069(571.150)

О.С. Лихачева

Музей археологии и этнографии Алтая при Алтайском государственном университете, Барнаул, Россия

КИНЖАЛ «РАНЕСКИФСКОГО» ВРЕМЕНИ ИЗ БИЙСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ (проект №16-18-10033 «Формирование и эволюция систем жизнеобеспечения у кочевых социумов Алтая и сопредельных территорий в поздней древности и средневековье: комплексная реконструкция»)

Выявление неточностей в публикациях вещественных источников является весьма актуальной задачей, поскольку однажды допущенные ошибки в описании или прорисовке изделий начинают дублироваться из работы в работу, что сказывается впоследствии на их хронологической и культурной атрибуции. В рамках данной статьи нами рассматривается кинжал «раннескифского» времени, хранящийся в Бийском краеведческом музее. Автором было проведено всестороннее его изучение, которое позволило уточнить некоторые особенности его художественного оформления, ранее не учтенные исследователями. Особое внимание было уделено зооморфному навершию, в частности, видовой принадлежности животного, изображенного на нем. Также был проведен типологический анализ, позволивший уточнить хронологическую позицию и культурную принадлежность кинжала. Аналогии помогли установить, что он может быть датирован в пределах VII в. до н.э. и рассматриваться в рамках большереченской археологической культуры.

Ключевые слова: кинжал, вооружение, раннескифское время, Лесостепной Алтай, большереченская культура, короткоклинковое оружие.

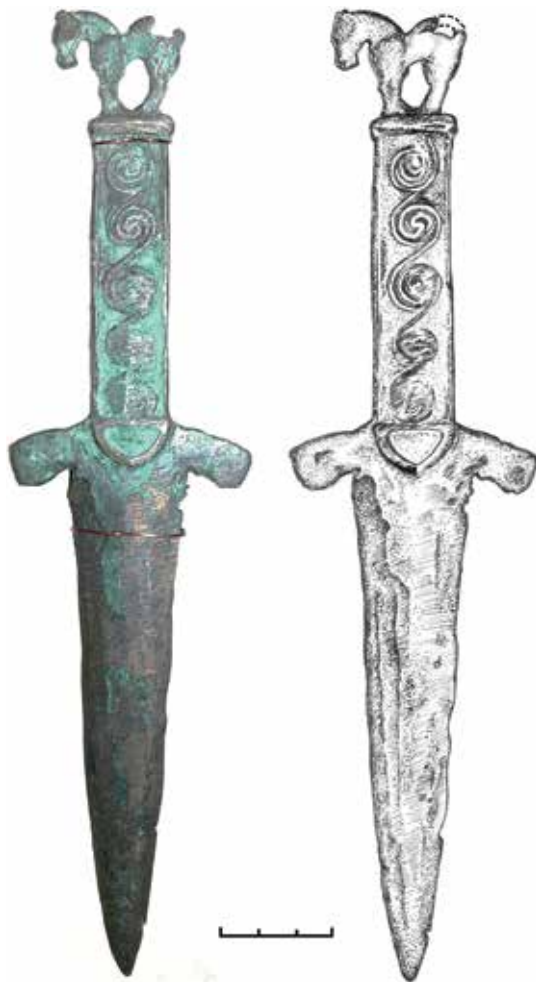
Постоянное поступление новых археологических материалов предполагает их первостепенную обработку, и, за редким исключением, мало кто из исследователей обращается к перепроверке ранее введенных в научный оборот источников. В связи с этим некогда допущенные при их публикации ошибки начинают дублироваться, что может сказываться на решении вопросов, связанных с хронологической и культурной атрибуцией предметов. Следовательно, выявление таких изделий и повторный их анализ являются немаловажной составляющей археологических исследований. В рамках данной статьи нами рассматривается бронзовый кинжал, хранящийся в Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки (рис.).

Ранее он использовался в сводке карасукских кинжалов с территории Алтая, составленной Н.Л. Членовой [1976, табл. 6.-6]. Упомянут в монографии, посвященной археологическим памятникам Бийского района [Кирушин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 19, рис. 10.-4], а также в работе М.В. Горелика [2003, табл. VIII.-55]. В 2013 г. нами проводились работы по изучению оружия в указанном музее, в ходе которых удалось

достаточно подробно ознакомиться и с данным кинжалом, благодаря помощи научного сотрудника Людмилы Ивановны Чегодаевой. Последующее сопоставление его с изображениями в указанных работах позволило выявить ряд несоответствий, которые хотелось бы прояснить.

На тот момент кинжал экспонировался на витрине «Эпоха ранних кочевников». Инвентарного номера данному изделию не присвоено. Как отмечено в монографии по памятникам Бийского района, он был обнаружен в 1971 г., в 300 м от левого берега Бии на пашне [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, с. 19]. Общая длина изделия составляет 26 см. Длина клинка – 13,6 см, ширина – 3,1 см. Длина протоперекрестия – 6,5 см, ширина – 1,7 см. Длина черена – 8,2 см, ширина – 2,1 см. Высота зооморфного навершия – 3,1 см, ширина – 2,8 см.

Кинжал обладает клинком треугольного абриса, лезвия которого плавно сходятся от основания к окончанию. На большей части полотна клинка снята патина при помощи шлифовки. Это осуществлялось, по всей вероятности, крупным абразивом, поскольку читаются многочисленные царапины. Переход между клинком и череном оформлен

Кинжал «раннескифского» времени
из Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки

в виде протоперекрестия. Данный элемент, как и перекрестие, выполняет функцию упора для руки и предотвращает ее соскальзывание на клинок, но пока еще не оформился как самостоятельная деталь: он представляет собой две лопасти, выступающие за черен и клинок, и не имеет базы и спинки [Лихачева, 2010, с. 241; 2012, с. 167–168, рис. 1–2]. Черен прямоугольного сечения и абриса. Навершие выполнено в виде фигурки стоящего животного.

Остановимся на художественном оформлении данного изделия. В работах Н.Л. Членовой [1976, табл. 6.-6] и М.В. Горелика [2003, табл. VIII.-55] на перекрестии и под ним прорисован узор. Из-за небольшого размера иллюстраций улавливаются лишь его общие черты: пять завитков, соединенных между собой, и фигура, представляющая собой полукруг, под череном. В свою очередь, в публикации этого изделия в сводке памятников Бийского района, на его изображении полностью отсутствуют какие-либо декоративные элементы [Кирюшин, Кунгуров, Казаков, 1992, рис. 10.-4]. Ознакомление с оригиналом позволило не только доподлинно установить их наличие, но и более подробно рассмотреть. Между лопастями протоперекрестия валиком обозначена фигура, которую условно можно назвать равнобедренным треугольником со слегка выпуклыми сторонами размерами $2 \times 1,5 \times 1,5$ см. Вершина его обращена вниз, основание маркирует нижнюю границу черена. На самом черене изображено пять спиралевидных завитков, соединенных между собой. Их диаметр варьирует от 1,1 до 1,4 см. Три верхние читаются достаточно хорошо, два нижних сильно затерты, из-за чего видны только их внешние границы.

Отдельного внимания заслуживает вопрос, связанный с видовой принадлежностью животного, представленного на навершии этого изделия. На всех указанных выше прорисовках оно трактовано как архар, поскольку пунктиром показан отсутствующий «рог». Изучение оригинала показало: то, что было принято за «обломки» рога на голове, является ушами. В целом, морфология животного ближе к лошади, чем к горному козлу. Это выражается в четком перепаде носа и лба на морде (у архаров он сглажен), мощной круто изогнутой шеей и выраженном округлом крупе. На спине и крупе у рассматриваемой фигурки присутствуют два выступа, соединение между которыми отломлено. Вероятно, это была петля, к которой мог крепиться темляк или дополнительное украшение.

Кинжалы с древности являлись наиболее массовым видом оружия ближнего боя. Первые бронзовые образцы относятся к середине III тыс. до н.э. и происходят из Месопотамии, Восточной Европы, где они бытуют до I тыс. до н.э., и Южной Сибири, где используются вплоть до III в. до н.э. [Тереножкин, 1961, рис. 90; Степанова, 1993, с. 97; Горелик, 2003, табл. III.-5–8; XII.-8; табл. VI-77; Ключко, 2006, рис. 10.-6–1]. Первые

фрагменты бронзовых кинжалов с территории Лесостепного Алтая относятся к материалам елунинской культуры и происходят с ее памятника Березовая Лука, датируемого концом III тыс. до н.э. – 1-й третью II тыс. до н.э. [Кирюшин, Малолетко, Тишкин, 2005, с. 141, рис. 69.-2–3].

Треугольный абрис клинка достаточно часто встречается у бронзовых образцов. Он фиксируется уже у первых ближневосточных кинжалов середины III тыс. до н.э. [Горелик, 2003, с. 15, табл. III.-5–8]. Также такая форма клинка характерна для изделий из Восточной Европы, Средней Азии, Южной Сибири с момента их появления и на протяжении всего времени бытования [Кузьмина, 1966, табл. VII.-3–5; VIII.-1–5; Степанова, 1993, с. 97; Ключко, 2006, рис. 10.-6–10]. На территории Лесостепного Алтая первые экземпляры с таким абрисом этой детали встречены на поселении XII–VIII вв. до н.э. Рублево-VI [Шамшин, Папин, Мерц, 2000, с. 9, рис. 3.-1, 4].

Такой элемент, как протоперекрестие, известен по материалам карасукской культуры XII–VIII вв. до н.э. [Членова, 1976, табл. 1.-21–23]. В целом, кинжалы с этим признаком имели широкую территорию распространения. Они происходят из Китая, Монголии, Казахстана, где датируются рубежом II–I тыс. до н.э., а также с Урала и из Восточной Европы, где относятся к VIII–VII вв. до н.э. [Членова, 1976, табл. 8.-1–2, 4–6; 9.-1–4; Варенов, 1997, рис. 1.-5–6; 2.-2.-18–21; Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 22.-1, 3]. На территории Лесостепного Алтая протоперекрестие встречается у кинжалов VIII–VII вв. до н.э., происходящих из ареала большереченской культуры.

Использование образа лошади на клинковом оружии встречается на Сейминском могильнике XV–XIV вв. до н.э. [Бадер, 1970, с. 143, рис. 52]. Но в данном случае фигурка венчает нож. С территории Лесостепного Алтая происходит случайная находка кинжала, датируемого рубежом II–I тыс. до н.э., на котором также представлено изображение лошади на навершии [Кирюшин, Шульга, Грушин, 2006, с. 47, рис. 1.-2]. Наиболее близкими иконографически являются изображения на «оленных» камнях Монголии [Худяков, Эрдэнэ-Очир, 2011, рис. 16]. Практически полностью идентичной является бронзовая фигурка лошади, также происходящая из Монголии [Эрдэнэчулуун, Эрдэнэбаатар, 2011, с. 56, рис. 19].

Спиралевидные завитки, украшающие черен, встречаются у образца VII–VI вв. до н.э. из Ананьинского могильника. Схожие орнаментальные мотивы на данной детали можно отметить у кинжалов этого же времени, которые являются случайными находками у Павлодара и Змеиногорска [Таиров, 2007, рис. 46.-2–3, 9]. Перевернутый треугольник под череном не находит пока точных аналогий.

Таким образом, совокупность признаков позволяет датировать рассматриваемое изделие VII в. до н.э. Местонахождение данного кинжала

попадает в ареал большереченской культуры, что позволяет отнести его к комплексу вооружения данных племен. В пользу этого свидетельствует также типологическая датировка изделия и наличие протоперекрестия, которое на территории Лесостепного Алтая встречается у коротко-клинкового оружия только этой археологической культуры.

Библиографический список

- Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
- Варенов А.В. «Карасукские» ножи и кинжалы из Восточного Туркестана: находки, аналогии, контакты, проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1997. Т. III. С. 170–175.
- Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тыс. – IV в. до н.э.). СПб., 2003. 336 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7–47.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. 1. 288 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Грушин С.П. Случайные находки бронзовых предметов в северо-западных предгорьях Алтая // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. Барнаул, 2006. С. 45–53.
- Клочко В.І. Озброєння та війська справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Киев, 1996. 337 с.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966. 150 с. (САИ. Вып. В4-9).
- Лихачева О.С. Клиновое оружие раннего железного века из Лесостепного Алтая: проблема морфологического разграничения // Война и оружие. Новые исследования и материалы. СПб., 2012. С. 165–181.
- Лихачева О.С. Морфологический анализ кинжалов эпохи бронзы Обь-Иртышского междуречья // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология. Иркутск, 2010. С. 240–242.
- Степанова Н.Ф. Исследования у с. Элекманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. I. С. 94–97.
- Таиров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. 274 с.
- Тереножкин А.И. Предскифский период на днепровском правобережье. Киев, 1961. 248.
- Худяков Ю.С., Эрдэнэ-Очир Н. Военное дело древних кочевников Монголии (II тыс. – III в. до н.э.). СПб., 2011. 172 с.
- Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1976. 268 с.
- Шамшин А.Б., Папин Д.В., Мерц В.К. Исследование поселений эпохи поздней бронзы в Южной Кулунде // Востоковедные исследования на Алтае. Барнаул, 2000. Вып. II. С. 5–20.
- Эрдэнэчулуун П., Эрдэнэбаатар Д. Небесный меч: культура бронзовых изделий от бронзового века до империи Хунну. Улан-Батор, 2011. 496 с. (на монг. яз.).

O.S. Likhacheva

*Museum of Archaeology and Ethnography
of Altai at Altai State University, Barnaul, Russia*

**DAGGER FROM “THE EARLY SCYTHIAN TIME”
FROM THE BIISK MUSEUM OF LOCAL LORE**

Identification of inaccuracies in the publications of material sources is an urgent task as the mistakes once made in the descriptions or drawings of products start to be duplicated from work to work. This subsequently affects their chronological and cultural attribution. In the framework of this article, we consider a dagger of the early Scythian time from the Biysk Museum of Local Lore. The author carried out its comprehensive study which made it possible to clarify certain features of its decoration, previously not taken into account by the researchers. Particular attention was paid to the zoomorphic top, in particular, to its species affiliation. A typological analysis was conducted, which made it possible to clarify the chronological position and cultural affiliation of the dagger. Analogies helped to establish that it can be dated within the 7th century BC and considered in the framework of the Bolsherechenskaya archaeological culture.

Key words: dagger, armament, early Scythian time, Forest-Steppe Altai, Bolsherechenskaya culture, short-weapons.

УДК 902:069(574)

И.В. Мерц¹, А.А. Плешаков², В.К. Мерц¹

*¹Павлодарский государственный университет
им. С. Торайгырова, Павлодар, Казахстан;*

*²Северо-Казахстанский государственный университет
им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан*

**СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ КАМЕННЫХ СВЕРЛЕННЫХ
ОРУДИЙ ИЗ ФОНДОВ СЕВЕРО-КАЗАХСТАНСКОГО
ОБЛАСТНОГО МУЗЕЯ (Казахстан)**

Работа выполнена при поддержке бюджетных программ МОН РК
«Грантовое финансирование научных исследований на 2018–2020 гг.»
№АР05133498 «Ранний бронзовый век Верхнего Прииртышья»
и «Грантовое финансирование научных исследований на 2015–2017 гг.»
№0115РК01227 «Комплексное исследование городища раннего
железного века Ак-Ирий у села Долматово и реконструкция
хозяйственных комплексов древних племен Северного Казахстана»

В работе исследуются находки сверленных каменных орудия ударного действия, хранящиеся в фондах краеведческого музея Петропавловска. На основании анализа общей морфологии предметов рассматривается их культурная и хронологическая принадлежность. В результате проведенного исследования удалось установить, что артефакты являются разновременными.

К наиболее раннему – ямному – времени относится клевец из с. Плоское, который находит параллели в ямных комплексах Восточной Европы и Приуралья. Более поздним является пест с недосверленным отверстием без точного местонахождения, аналогичный предмету из елунинского могильника Шипуново-V в Лесостепном Алтае. Появление подобных орудий в Северном Казахстане связано с миграциями носителей различных культурных традиций из Восточной Европы и сопредельных регионов, проходившими на протяжении всего раннего бронзового века.

Ключевые слова: Северный Казахстан, ранний бронзовый век, каменные клевцы, ямная культура, кротово-елунинская общность, миграции.

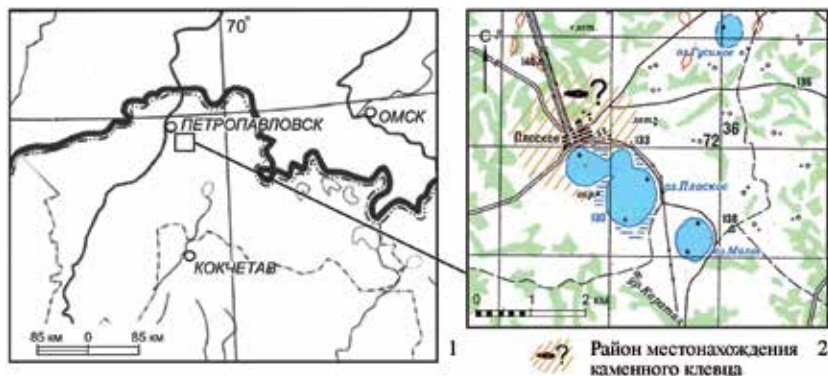
Ранний бронзовый век Северного Казахстана, несмотря на длительную историю изучения (именно на материалах региона была впервые поставлена проблема существования доандроновских памятников в Казахстане [Зданович, 1973; Зайберт, 1973]), остается во многом еще неизученным периодом. Поэтому введение в научный оборот новых материалов и наполнение источниковой базы по данному периоду особенно актуально. В настоящей работе рассматриваются случайные находки сверленных каменных орудий ударного действия, хранящиеся в фондах Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея. Одной из основных задач исследования является определение типологической и культурно-хронологической принадлежности этих артефактов.

Первый предмет – «клевец», в карточке хранения (СКОМ оф. 434*) указано: «Каменная кирка (молоток). 1 ед. Серый песчаник. Размер 17×5 см. Сохранность удовлетворительная. Найден в колхозе «Красное Знамя» близ с. Плоское 25 мая 1937 г. Стоимость – 10 р.» (рис.-1, 2). В целом орудие хорошей сохранности, покрыто серо-зеленой патиной. Изготовлено техникой пикетажа из материала черного цвета, с последующей зашлифовкой всей поверхности, о чем свидетельствует стертая патина по краям сверленного отверстия. Длина изделия составляет 17,1 см, наибольшей ширины – 5,3 см – оно достигает в районе втулки, вес – 0,548 кг. Одна из торцевых частей орудия представляет собой уплощенный боек с сильно забитой площадкой, на одной из боковых поверхностей которого расположен скол подквадратной формы размерами 3×3 см, образовавшийся, вероятно, в результате использования. Противоположный конец – конусовидный, с округлым острием.

В средней части изделия, со смещением в сторону бойка, просверлено сквозное отверстие (здесь орудие достигает максимальной ширины, образуя по бокам выступающие «щеки») округлой формы размерами 1,9×1,7 см. Отверстие изготовлено сверлильным станком путем конического сверления с двух противоположных сторон, на выходе оно имеет размеры 3,4×3,1 см с одной стороны и 3,4×2,9 см – с другой. Внутренняя

* Шифр хранения основного фонда Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея.

поверхность втулки сильно заполирована (рис.-3). Трасологическое исследование позволяет сделать заключение о том, что при изготовлении данного орудия в заготовке сначала было просверлено отверстие, а затем ей была придана соответствующая форма.

1 – местонахождение артефакта на карте Казахстана; 2 – район находки около с. Плоское; 3 – ключец из района с. Плоского; 4 – пест из фондов СКОМ (фотоснимок А.А. Плешакова)

Второй предмет – «пест» (СКОМ оф. 3248), информации о его местонахождении и времени обнаружения в карточке хранения нет (рис.-4). Орудие изготовлено из светло-серой, очень плотной кварцевой породы, вся его поверхность хорошо заполирована. Оно имеет трапециевидную в вертикальном и округлую в поперечном сечении форму,

подчиненную каменной заготовке. Об этом говорит сохранившийся небольшой участок естественной поверхности. Длина изделия составляет 13,4 см, диаметр нижней части – 8,6 см, верхней части – 3,5 см, вес – 1,11 кг. Уплощенные торцевые поверхности имеют следы равномерной забитости, а их края сглажены.

С одной боковой стороны предмета было произведено станковое сверление сверлом с каменным наконечником на глубину до 2 см. Во время этого процесса предмет располагался, вероятно, на горизонтальной поверхности одной из сторон, таким образом, поверхность, подверженная сверлению, находилась под углом к сверлу. Вследствие этого созданное отверстие получило смещение относительно вертикальной оси изделия в сторону сужающейся части.

Данные артефакты относятся к орудиям ударного действия, однако они неоднородны, что не позволяет рассматривать их вместе. Необходимо отметить, что основным ареалом распространения подобных орудий является Восточная Европа, где они существовали с энеолита до позднего бронзового века* [Санжаров, 1992, с. 160; Клочко, 2006; Ступка, 2008, с. 11, 33]. На территории Казахстана находки сверленных каменных орудий являются большой редкостью, и в подавляющем большинстве все они являются случайными находками [Мерц, Волошин, 2015, с. 226]. В Северном Казахстане обломки изделия подобного типа известны на поселении Ботай [Зайберт, 2009, рис. 64.-1, 2] и в могильнике Лисаковский-III [Усманова, 2013, с. 124, рис. 28.-10], однако они относятся к различным эпохам.

Главной отличительной чертой орудия из района с. Плоское является конусовидная, с округлым краем, рабочая часть, наличие утолщения на втулке, так называемых «щек», и выделенный боек. Необходимо отметить, что одни исследователи определяют подобные орудия как топоры [Клочко, 2006, с. 40], другие считают, что по своим морфологическим признакам они стоят ближе всего к клевцам, хотя функционально мало чем отличаются от топоров-молотов [Ступка, 2008, с. 23]. Наличие конусовидной рабочей части у рассматриваемого изделия позволяет отнести его к такой редкой категории инвентаря, как каменные клевцы.

Ближайшей аналогией клевцу из Плоского является случайная находка сверленного орудия у с. Тортколь Карагандинской области и из экспозиции Актюбинского областного историко-краеведческого музея [Мерц И.В., Кукушкин, Мерц В.К., 2017]. Однако торткольский клевец обломан посередине, имеет менее вытянутую рабочую часть, и у него отсутствуют «щеки» (характерное утолщение в районе втулки), как и у актюбинского изделия, имеющего более пристроенную рабочую часть, молотовидный обух и просверленное, только наполовину, отверстие для втулки. Из отдаленных аналогий необходимо отметить

* По восточноевропейской периодизации.

клевец из Симферопольского уезда Таврической губернии (Крым). От североказахстанского орудия его отличают меньшая по размеру втулка и расширяющийся к плоской поверхности боек в виде усеченного конуса, а также более тщательная и изящная форма [Бронзовый век..., 2013, с. 577, рис. 280]. Определенное сходство орудие из с. Плоского проявляет с медными клевцами из Нижнепавловского-V и Илекского могильников ямной культуры Приуралья [Моргунова, 2014, рис. 28.-1, 3].

В целом, каменные клевцы, как отмечает В.И. Клочко, являются весьма архаичными орудиями, существовавшими в эпоху энеолита – в начале раннего бронзового века. К архаичным признакам можно отнести прямую форму орудия, без изгиба «острия» и бойка и перегиба в месте стыка. Это подтверждается отсутствием данных конструктивных элементов на энеолитических трипольских и софиевских клевцах. К поздним признакам относится наличие выделенного бойка, «шек», слабо выраженного выступа в основании, которые появляются в ямное и катакомбное время [Клочко, 2006, с. 151, рис. 72; Ступка, 2008, рис. 13]. Наличие ранних и поздних признаков на одном предмете, а также параллели с утесскими металлическими клевцами позволяют поставить клевец из Плоского между энеолитическими орудиями из Софиевки и топорами ямной культуры из Гострой могилы. Параллели с клевцами из Приуралья дают основание датировать орудие из Плоского ямным временем в пределах конца IV – началом III тыс. до н.э. [Моргунова, 2014, с. 200, 237]. Этому положению не противоречат радиоуглеродные даты из известных в Казахстане ямных памятников [Мерц, Святко, 2016, с. 129].

Второй предмет (неизвестного происхождения) представляет собой конический пест, с недосверленным отверстием на одной из сторон. Ближайшей и наиболее прямой аналогией этому предмету является комбинированное орудие пест-герочник из елунинского погребения могильника Шипуново-V в Лесостепном Алтае [Кирюшин, 2002, с. 54, рис. 125]. Отличие заключается в менее трапецевидной, по сравнению с североказахстанским пестом, форме и в расположении незаконченного отверстия на торце. Данная аналогия позволяет отнести его к концу раннего бронзового века в пределах рубежа III–II – начала II тыс. до н.э. и связать с близкими к елунинским, вишневым комплексам Северного Казахстана [Зайберг, 1973; Мерц, Святко, 2016, с. 136]. Сложным вопросом остается назначение недосверленных отверстий. Возможно, они служили для крепления фиксаторов из органических материалов или являются результатом производственной функции незаконченного технологического действия.

Таким образом, рассмотренные орудия из фондов Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея относятся к двум разным периодам раннего бронзового века. Наиболее ранним является

клевец из района с. Плоское, который, по-видимому, датируется концом IV – началом III тыс. до н.э. Появление в казахстанских степях сверленных орудий ударного действия связано с миграциями носителей ямной культурной традиции. Второе орудие, без точного местонахождения, является пестом-наковальной и относится к концу раннего бронзового века в пределах конца III – начала II тыс. до н.э. и может рассматриваться в рамках комплексов вишневских комплексов. Памятники этого типа входят в кротово-елунинскую общность, занимавшую обширные пространства юга Западной Сибири, Северного, Центрального и Восточного Казахстана [Грушин, 2013, с. 21; Мерц, 2017, с. 21]. Последующие целенаправленные исследования в регионе позволяют расширить источниковую базу и уточнить особенности этнокультурного развития населения Северного Казахстана в раннем бронзовом веке.

Библиографический список

Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до новой эры: каталог выставки. СПб., 2013. 648 с.

Грушин С.П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III – первой четверти II тыс. до н.э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2013. 54 с.

Зайберт В.Ф. Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим // Краткие сообщения Института археологии. 1973. Вып. 134. С. 106–113.

Зайберт В.Ф. Ботайская культура. Алматы, 2009. 576 с.

Зданович Г.Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1973. Вып. 12. С. 21–43.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002. 294 с.

Ключко В.І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р.Х.). Киев, 2006. 337 с.

Мерц И.В. Культура населения Восточного Казахстана в эпоху ранней бронзы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 26 с.

Мерц И.В., Волошин В.С. Случайная находка каменного шлифованного топора-молота на оз. Жамантуз (Казахстан) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул, 2015. С. 226–232.

Мерц И.В., Кукушкин И.А., Мерц В.К. Случайная находка каменного сверленного клевица в северо-восточной части Сарыарки (Казахстан) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2017. Вып. XXVIII. С. 125–130.

Мерц И.В., Свято С.В. Радиоуглеродная хронология памятников раннего бронзового века Северо-Восточного и Восточного Казахстана. Первый опыт // Теория и практика археологических исследований. 2016. №1 (13). С. 126–150.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2014. 348 с.

Санжаров С.Н. Каменные топоры-молотки Донбасса // Российская археология. 1992. №3. С. 160–177.

Ступка М.В. Сверленные топоры-молотки в системе ямно-катакомбных древностей // История оружия: альманах. Запорожье, 2008. №1. С. 11–34.

Усманова Э.Р. Раздел первый. Могильники эпохи бронзы Лисаковской округи // Памятники Лисаковской округи: археологические сюжеты. Караганда; Лисаковск, 2013. С. 19–194.

I.V. Merts¹, A.A. Pleshakov², V.K. Merts¹

¹S. Toraighyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Kazakhstan;

²M. Kozymbayev North Kazakhstan State University, Petropavlovsk Kazakhstan

**RANDOM FINDS OF STONE DRILLED TOOLS
FROM THE FUNDS OF THE NORTH-KAZAKHSTAN
REGIONAL MUSEUM (Kazakhstan)**

In this paper we discuss the occasional finds of such a rare type of artifacts in Kazakhstan as drilled stone hammer tools, stored in the collection of the Petropavlovsk Museum of Regional Studies. Based on the analysis of the overall morphology of those tools, we discuss their cultural and historical identity. The study suggests that the artifacts could be attributed to different periods. The spike hammer from the Ploskoye village belongs to earliest – the Yamnaya period, and it has parallels in the Yamnaya complexes of Eastern Europe and Trans-Urals. The pestle with under-drilled perforation from unclear location, similar to the tool from the Elunino burial ground of Shipunovo in the forest-steppe Altai can be attributed to a later period. The appearance of such artifacts in Northern Kazakhstan is related to the migration of carriers of various cultural traditions from Eastern Europe and adjacent regions that took place throughout the early Bronze Age.

Key words: North Kazakhstan, early Bronze Age, stone spike hammers, Yamnaya Culture, Krotovo-Eluninskaya community, migrations.

УДК 903.2:069(571.1/.5)

С.А. Пилипенко, Ю.С. Мушинская

*Новосибирский государственный университет
экономики и управления, Новосибирск, Россия;*

Хужирский краеведческий музей им. Н.М. Ревякина, пос. Хужир, Россия

**ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ БЕРЕСТЯНЫЕ НОЖНЫ ИЗ СОБРАНИЯ
МУЗЕЕВ НОВОСИБИРСКОЙ И ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТЕЙ**

Береста является уникальным природным материалом, обладающим многими уникальными качествами, за которые кору ценили древние люди. Однако сама береста плохо сохраняется в земле и поэтому редко берется археологами из погребения. Из бересты изготавливались различные по назначению категории предметов, такие как детали жилищ – элементы стен и крыши, пол; оружие – колчаны, обмотки стрел и луков; конской упряжи и седел, различной формы посуда. К одной из таких категорий относятся берестяные ножны, изучение конструктивных особенностей которых позволяет проследить эволюцию их разви-

тия как в археологический, так и в этнографический периоды. Данная работа продолжает наши исследования конструкции ножен, но на этнографическом материале. Выявленные конструктивные признаки могут помочь осознать особенности строения ножен в археологических материалах.

Ключевые слова: Байкал, Сибирь, береста, пластовый метод, нож, береза, этнография, Байкал, манси, граффити, солярийный символ.

Изучение музейных фондов является не менее актуальным, чем полевые археологические и этнографические исследования. В фондах музеев хранятся артефакты, которые не попадают на глаза исследователей, следовательно, они не введены в научный оборот.

Двум из таких предметов и посвящена наша работа. Этой публикацией мы продолжаем серию работ, отражающих конструктивные и технологические особенности берестяных ножен. Вводя в научный оборот берестяные ножны этнографического периода из фондов Новосибирской и Иркутской области, мы преследуем цель: сравнить между собой конструктивные особенности берестяных ножен из разных регионов и сопоставить их с археологическими аналогами. На данном этапе исследования мы не ставим перед собой задачу изучить все берестяные ножны в фондах музеев Сибири, но хотим наметить общие конструктивные черты различных регионов.

Ножны из бересты в музеях встречаются достаточно редко, и поэтому публикация единичных выявленных образцов весьма актуальна как для археологов, так и для этнографов. В археологических комплексах берестяные ножны также не частые находки. Обрывки или редкие экземпляры встречаются разрозненно в средневековых памятниках юга Западной Сибири [Пилипенко, 2014, с. 169–170] и в редких случаях сериями в более поздних погребениях, например, в материалах Тискинского могильника в Томской области из раскопок А.И. Бобровой, серия ножен из Томского Приобья, что также требует самостоятельного исследования.

Первые ножны выявлены в Хужирском краеведческом музее им. Н.М. Ревякина (о. Ольхон, оз. Байкал) Иркутской области (рис.-1). Ножны были подарены музею в 1964 г. Семеном Сергеевичем Копыловым и отнесены к агинским бурятам (ХМК – ОФ-8/ЭТ-10). Они являются частью постоянной экспозиции музея – в шестиугольном традиционном бурятском наземном жилище.

Ножны состоят из трех слоев бересты, снятых пластовым методом в осенний период или ранней весной, так как кора имеет серый цвет и слабые следы луба. Береста была снята с дерева среднего возраста при помощи ножа, с применением операций подрезки и прорезки коры. Первые две заготовки, имеющие примерно одинаковую длину и ширину, были согнуты продольно своей оси, подрезаны по форме ножа и прошиты медной проволокой. Первый слой идет вдоль листа бересты, обеспечивая продольную жесткость конструкции. С нижней части он шит прочнее и расширяется к устью ножен, усилен вторым слоем

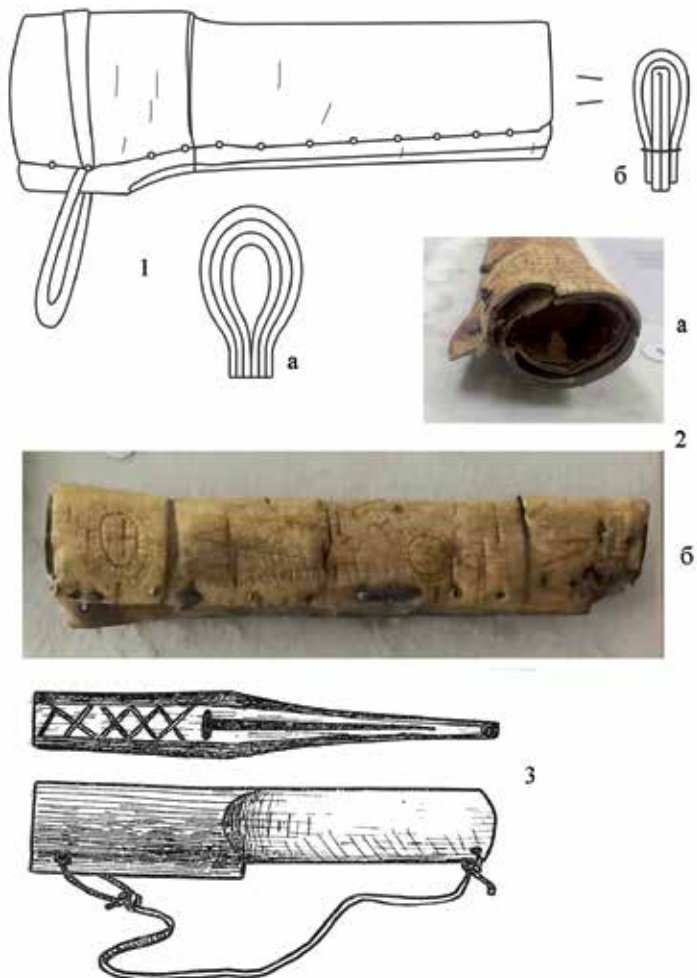
(рис.-1б). Второй слой идет поперек листа бересты и плотно прилегает к первому. Длина ножен – 16,5 см, ширина у носика ножен – 4 см, ширина у устья – 5,5 см. Устье ножен было усилено дополнительным, третьим, слоем бересты в три раза короче первых двух слоев. И располагалось белым слоем вовнутрь, как и другие два слоя. Длина третьего слоя – 5 см, ширина равна ширине устья. Таким образом, конструкция ножен представляла собой двухслойный чехол с нижнего конца и трехслойный – с устья (рис.-1б). Следует отметить еще одну деталь ножен. По мере удаления от нижней части ножен их ширина уплотняется на отметке 11,5 см до 4,5 см. После чего на расстоянии 2 см идет небольшой скос и ширина у устья становится 5,5 см на протяжении 3 см. Все берестяные детали хорошо обработаны и раскроены при помощи ножа. Затем толстой иглой или шилом диаметром 0,3 см были пробиты сквозные отверстия, образуя шов в строчку с шагом в 1–1,2 см. При помощи медной проволоки диаметром 0,2 см они были плотно стянуты в нижней части. Интересно, что нижняя торцовая часть ножен, где должно было заканчиваться лезвие ножа, прошито не было. Возможно, потому что нож был с меньшим размером лезвия, чем длина ножен. В 1,5 см от устья, в районе второго отверстия прошивки, был продет сыромятный ремешок шириной 0,7 см. Ремешок с одной стороны охватывал противоположную от шва часть ножен, а с другой натягивался посредством регулировки через отверстие в районе устья ножен и завязывался с другой стороны, образуя петлю для подвешивания к ремню.

Описанные нами берестяные ножны относятся к распространенному в Сибири типу ножен и повторяют по форме более часто встречаемые в музейных собраниях деревянные ножны, например в материалах хантов из собрания Омского государственного объединенного исторического и литературного музея (рис.-3) [Народы..., 1990, рис. IV.-4].

Вторые ножны выявлены среди экспонатов Новосибирского областного краеведческого музея в старых собраниях. В связи с тем, что музей закрывали в 1930-е гг., а старые описи были утрачены, многие находки оказались депаспартизованными. Но, к нашему счастью, сотрудникам удалось установить год и место приобретения этих берестяных ножен (рис.-2а). Экспонат был приобретен для музея во время экспедиции в 1920 г. сотрудником Музея производственных сил Сибирского края (старое название НККМа) С.И. Орловым в Туруханском крае (НОКМ ОФ 564 / ОР 167) у хантов.

Ножны изготовлены из двух прямоугольных берестяных пластин одинаковой длины – 24,5 см – и ширины устья – 6,5×3 см, листы расположены перпендикулярно рисунку коры по отношению друг к другу. Внутренний слой располагается вдоль длины листа, а внешний – поперек длины листа. Оба листа расположены внутренней стороной наружу. Такое расположение листов обеспечивало высокую прочность конструкции при деформации или смене погоды. Листы могли слегка

деформироваться, но не разрушаться, сохраняя клинок ножа сухим и чистым. Обе берестяные пластины сняты с одного дерева при помощи ножа и раскрыты. Кора была снята в весенне-летний период пластовым методом. Кора достаточно плотная, однако усилена вторым слоем.

Берестяные ножны из музеев Южной и Западной Сибири:
1 – берестяные ножны из Хужирского музея (а – разрез устья ножен;
б – разрез конца ножен); 2 – ножны из собрания НИГКМ (а – устье ножен;
б – берестяные ножны с граффити); 3 – деревянные ножны хантов
из собрания Омского государственного объединенного исторического
и литературного музея (по [Народы..., 1990, рис. IV.-4])

Оба листа сложены вместе и согнуты по продольной оси ножен, после чего при помощи толстой иглы или шила диаметром до 0,5 см были проделаны отверстия вдоль продольных краев согнутых листов и частично торцевой части, в виде двух рядов по два отверстия для продевания кожаного ремешка шириной 0,7 см. Всего было сделано 14 стежков швом в строчку вдоль края листов, с шагом шва 1,5 см и 0,5 см от края листа. Шов шел от устья ножен, где первый стежок был сделан дважды, для закрепления сыромятного ремешка, и далее, ровно через отверстия стягивая оба слоя коры, доходил до конца ножен. Затем было сделано еще два ряда стежков, стягивающих низ ножен, аналогично ножу из Хужира (рис.-1б), но в отличие от него низ стягивался более плотно, закрывая наглухо ножны в районе лезвия.

При дальнейшем осмотре ножен нами был выявлен ремешок, который продолжал идти по всей длине ножен до самого устья и там обрывался. Во время осмотра ножны были закреплены на стенде, который в свою очередь помещался на стенде в музее. И посетителю был не заметен с его точки обзора. При более пристальном осмотре предмета ремешок был выявлен, это позволяет нам реконструировать систему привешивания ножен этого типа к поясу, аналогичную другим ножам хантов. По нашему мнению, первоначально ремешок крепился равномерно с двух сторон, как на деревянных хантыйских ножнах из собрания Омского государственного объединенного исторического и литературного музея (рис.-3) [Народы..., 1990, рис. IV.-4]. Такое положение ремешка позволяло использовать его универсально, в быту и на охоте, привешивая и регулируя его положение на поясе или на выступе в жилища.

Устье ножен не укреплялось. Внешне создается впечатление, что края ножен усилены дополнительными лентами шириной по 5–6 см (рис.-2б), но это не так. Внимательный осмотр ножен позволил выявить расслоение коры от старости в районе устья (рис.-2а) и растрескивание верхнего слоя коры в торцевой части и устье. Возможно, это было обусловлено неравномерно распределенной нагрузкой на торцевые и центральные части ножен. Так при вытаскивании и вдевании ножа в ножны как раз образуется такое давление на устьевую зону. В свою очередь, сама система подвешивания ножен также обеспечивает постоянное напряжение на концах ножен. В результате чего и были получены повреждения ножен и незначительные утраты концевой части ножен.

Ножны из НГКМа на фото мы намеренно расположили зеркально, чтобы можно было сравнить с другими образцами, приведенными в качестве аналогий.

Ножны отнесены к хантыйскому этносу и представляют собой не только берестяное изделие для хранения ножа, но и уникальный артефакт, отражающий представления хантов об окружающем мире. Вся поверхность ножен покрыта соляриными символами в виде солнца и, воз-

можно, антропоморфными фигурами. Интерпретация этих граффити не входит в рамки этой работы, они будут подробно изложены в отдельной статье. Можем лишь отметить, что, согласно представлениям хантов и манси, нож использовался в ритуалах, посвященных Мир-сусне-хуму, верховному божеству манси. В частности, в ряде святилищ ему приносили жертву или дань, как и всем духам. А собирал эту жертву Сёх-ринг-ойка – «нож-старик». В ходе обряда нож выполнял определенную роль [Мифология..., 2001, с. 129–131]. Учитывая все вышесказанное и наличие граффити на ножнах, можно предполагать, что и ножны могли играть определенную роль как часть набора: нож и ножны. Так при обрядах с ножом отмечена традиция бросать к подножию священного дерева или идола монеты, завернутые в бересту. По нашему мнению, это делалось для того, чтобы приношения могли материализоваться в другом мире, видимом для духов [Пилипенко, 2001, с. 374–375]. Так лезвие ножа, погружаясь в ножны, как бы покидало мир людей и переносилось в мир духов, находясь в покое и гармонии.

С этой точки зрения, берестяные ножны хантов можно сравнить с берестяными люлькой и погребальным коконом – коробом, в которые помещали человека после рождения и смерти. В обоих случаях ребенок и умерший человек призваны находиться в состоянии покоя. Корпус ножен мог быть символом священного дерева – березы, являющейся частью системы перерождения душ умерших и рожденных. Верхний мир березы – это вотчина богини Умаи. Она сидит на верхних ветвях, вселяя души в новорожденных, находящихся в берестяных люльках, кора для которых заготавливается из центральной части ствола березы – символизирующей мир людей, и из которой изготавливают элементы погребальных саванов, отделяющих тела умерших от мира людей и перенося их в мир духов.

Подводя итоги нашей работы, следует выделить общность основных черт в конструкции ножен из Туруханского края и Прибайкалья. Это прежде всего двуслойность конструкции с фиксацией по краю листа. Сходство форм берестяных и деревянных ножен бурят и хантов может говорить об универсальности отдельных предметов быта.

В свою очередь различаются системы подвешивания ножен: в виде петли у бурят, что более удобно для кочевника-всадника, и двуремешковая система подвешивания, более характерная для Крайнего Севера.

В дальнейшем мы планируем продолжить работу над семантикой ножен из НГКМ, также и с фондами других городских и районных музеев.

Отдельно хочется выразить благодарность сотрудникам Новосибирского государственного краеведческого музея: главному хранителю И.Ю. Орловой и с.н.с., к.и.н. С.Г. Рослякову за ценные консультации и помощь в работе.

Библиографический список

Мифология манси. Новосибирск, 2001. 196 с. : ил. + цв. вкл. (Энциклопедия уральских мифологий. Т. II).

Народы Южной Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1990.

Пилипенко С.А. Береста в мировоззрении хантов // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем: мат. Всерос. (с междунар. участием) 43-й археол.-этногр. конф. молодых ученых. Томск, 2003. С. 374–375.

Пилипенко С.А. Реконструкция средневековых берестяных ножен из Топовских курганов Кольванского района НСО // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 167–170.

S.A. Pilipenko, Yu.S. Mushinskaya

*Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia;*

Khuzhir Museum of Local Lore. N.M. Revyakina, Khuzhir, Russia

ETHNOGRAPHIC BIRCH BARK SCABBARD FROM THE COLLECTION OF THE NOVOSIBIRSK AND IRKUTSK REGIONAL MUSEUMS

Birch bark is a unique natural material with many unique qualities which made bark highly appreciated by ancient people. However, birch bark is poorly preserved in the earth and therefore is seldom taken by archaeologists from burials. Birch bark was used to make objects, such as details of dwellings: elements of walls and roof, floor; weapon: quivers, windings of arrows and onions; horse harness and saddles, various forms of tableware. The birch bark scabbard belongs to one of these categories and the research of its design features allows tracking the evolution in its development in archaeological and in ethnographic periods. This work continues our research of the scabbard design based on ethnographic material. The revealed signs can help to realize how the structure of scabbard developed in archaeological materials.

Key words: Baikal, Siberia, birch bark, bedded method, knife, birch, ethnography, Baikal, Mansi, graffiti, solar symbol.

УДК 379.85:008(571.150)

Е.В. Селезнева

*Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования
«Павловский детско-юношеский центр», Павловск, Алтайский край, Россия*

ВОЗМОЖНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ПАВЛОВСКОГО РАЙОНА АЛТАЙСКОГО КРАЯ

В статье рассматриваются вопросы развития туризма в Павловском районе Алтайского края на примере реализации социального проекта. Проект получил финансовую поддержку Федерального агентства по делам молодежи («Рос-

молодежь») и включает разработку и проведение экскурсионно-познавательных мероприятий в Павловском районе. В рамках проекта разработаны познавательные маршруты: «Павловск – царский поселок», «Павловск купеческий», «Познавательный комплексный туристический маршрут по Павловску», «Познавательные туристические маршруты посещения археологических памятников на территории Павловского района», «Познавательный автобусный маршрут в окрестности с. Елунино». Культурно-познавательные туристские маршруты позволяют познакомиться с историей развития металлургического производства на Алтае, историей Павловска, названного именем наследника российского престола Павла, а также с уникальным «экспонатом» промышленного зодчества XVIII в. – памятником истории и культуры регионального значения «Павловским сереброплавильным заводом», археологическими памятниками разных хронологических эпох от периода ранней бронзы и до позднего средневековья и другими региональными объектами культуры и истории.

Ключевые слова: Алтайский край, Павловск, культурно-познавательный туризм, Павловский сереброплавильный завод, Козьмо-Демьянская ярмарка, Г.Ф. Борунов, Елунинские курганы, Рогозихинские курганы, бронзовое зеркало из Рогозихи, кинофильм «Ермак».

Алтайский край обладает разнообразными уникальными культурно-историческими ресурсами для развития туризма. В Государственной программе Алтайского края «Развитие туризма в Алтайском крае» на 2015–2020 гг. одной из задач является создание системы туристских кластеров для обеспечения развития объектов туризма и сопутствующей инфраструктуры, в частности, туристический кластер на территории Павловского района. В районе разработана и принята муниципальная программа «Развитие туризма на территории Павловского района на 2013–2020 годы», в которой указаны перспективные направления развития туристской сферы в районе, позволяющие познакомиться с уникальными туристическими объектами.

Павловский район расположен в северной части Алтайского края. В 1763 г. в честь наследника российского престола Павла был образован Павловск – в настоящее время административный центр района. В XVIII–XIX вв., периоде сереброплавения, Павловск являлся одним из важных центров металлургической культуры на Алтае. Этот период связан с именем создателя первой в мире паровой машины Ивана Ползунова. Во времена правления Екатерины на территории села была организована Козьмо-Демьянская ярмарка, одна из старейших в Сибири. Павловскому заводу отводилась особая роль, он должен был стать центром Кольвано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. Каждое село Павловского района уникально по-своему. Например, в с. Чернопятово находилась Демидовская заимка (переправа через Обь). Через Кольванск проходила Демидовская дорога, в с. Рогозиха сохранились древние курганы – археологические памятники, которым уже несколько тысяч лет, а с. Елунино представляет особый интерес, так как комплекс Телеутский Взвоз-1 являет собой значительный конгломерат объектов

целого ряда древних и средневековых культур [Сомова, 2009–2010]. При организации сети туристических маршрутов, охватывающих весь район, возможно посещение школьных и сельских музеев истории, которые уже существуют и успешно функционируют в большинстве сел района. Возможность создания такой сети обусловлена наличием в районе 28 памятников истории и культуры и 27 археологических памятников [Сомова, 2009–2010].

В июне 2016 г. на VIII Международном молодежном управленческом форуме «Алтай. Точки Роста» в рамках Всероссийского конкурса молодежных проектов был представлен социальный проект «Развитие детско-юношеского культурно-познавательного туризма на территории Павловского района Алтайского края», получивший в дальнейшем финансовую поддержку Федерального агентства по делам молодежи («Росмолодежь»).

Проектом были предусмотрены организация и проведение экскурсионно-познавательных мероприятий по разработанным авторским познавательным маршрутам.

1. Павловск – царский поселок. Этот маршрут включает посещение музея истории, Ново-Павловского сереброплавильного завода – сохранившейся части производственного корпуса, набережной пруда, бывшего здания Павловской учительской семинарии, плотины. Цель маршрута – изучение истории развития Павловска как одного из крупных центров горнорудной промышленности XVIII–XIX вв. [Сомова, 2009–2010].

2. Павловск купеческий. Маршрут состоит из посещения музея истории, осмотра купеческих особняков XIX столетия, расположенных в центре Павловска, в которых ныне находятся военкомат и Центральная библиотека, а также сохранившегося здания одной из купеческих лавок, посещения места проведения Козьмо-Демьянской ярмарки, одной из крупнейших сельских ярмарок XIX в. Цель маршрута – изучение истории торговли в Павловске [Сомова, 2009–2010].

3. Познавательный комплексный туристический маршрут по Павловску. Маршрут начинается с посещения музея истории, с лекций об истории образовательных учреждений района, ознакомления с достижениями известных выпускников павловских школ, рассказа о спортсменах, прославивших Павловск, сведений об истории развития металлургического производства на Алтае. Затем туристы знакомятся с купеческими домами XIX столетия, расположенными в центре Павловска, в которых ныне находятся военкомат и Центральная библиотека, а также с сохранившимся зданием одной из купеческих лавок. Побывают в картинной галерее имени заслуженного художника России Г.Ф. Борунова, прослушают лекции о павловских художниках и о самом известном из них – Геннадии Федоровиче Борунове, побывают в частной галерее Г.Ф. Борунова. Далее по маршруту посещение здания быв-

шей учительской семинарии, позднее школы им. Коминтерна, выпускниками которой являлись многие выдающиеся деятели образования и культуры района, такие как Степан Павлович Титов, отец космонавта Германа Титова, и Петр Васильевич Копытов, основатель Павловского музея истории, Иван Николаевич Почкаев, руководитель Центра подготовки космонавтов в 1969–1987 гг. Следующий объект маршрута – мемориальный комплекс погибшим в годы Великой Отечественной войны с рассказом о героях Советского Союза Павловского района [Сомова, 2009–2010]. Далее маршрут включает осмотр остатков Павловского сереброплавильного завода – памятника истории и культуры регионального значения. Здесь пройдет лекция о Павловском сереброплавильном заводе как одном из крупных предприятий в России в области цветной металлургии. В XVIII в. Павловский сереброплавильный завод был самым крупным предприятием в России в области цветной металлургии. Из общего объема серебра его доля составляла более четверти. Ежегодно выдавалось до 400 пудов серебра. К концу XIX в. Павловск стал одним из центров (на Алтае) производства и торговли. В 90-х гг. XIX в. горная промышленность пошла на спад, и Павловский завод был закрыт. Практически ничего не сохранилось, кроме части производственного корпуса Павловского сереброплавильного завода и плотины. Плотина была сооружена на р. Фунтовка. Длина составляла 180 м, ширина – 25 м. Высоту определить сегодня трудно, лишь по оставшейся насыпи можно вычислить условно. На сегодняшний день производственный корпус Павловского сереброплавильного завода и плотина объявлены памятником промышленной архитектуры XVIII в. Затем маршрут пойдет к плотине. На малом прорезе плотины установлена мемориальная доска с текстом следующего содержания: «Плотина и здание бывшего Павловского сереброплавильного завода, построенного в 1763–1764 гг. при участии выдающегося русского изобретателя-теплотехника И.И. Ползунова. Реконструированы в 1970–1972 гг.». Они представляют собой памятник промышленной архитектуры XVIII–XIX вв., памятник истории развития горного дела на Алтае [<http://www.library.altspu.ru/redbook/monument/pavlovsky>]. Заканчивается маршрут посещением стадиона «Юность», где туристы познакомятся со спортивной историей села.

4. Познавательные туристические маршруты посещения археологических памятников на территории Павловского района. В Павловском районе представлены археологические памятники разных хронологических эпох от периода ранней бронзы и до позднего средневековья. Это ценнейший исторический источник. В памятниках археологии запечатлена древняя история района, края, страны. Первые профессиональные археологические работы в районе были проведены в 1927 г. ленинградским археологом М.П. Грязновым, который раскопал на Чудацкой Горе в устье р. Касмалы погребение, отнесенное позднее

к эпохе энеолита – переходному времени от каменного века к бронзовому. В 1953 г. М.Н. Комаровой открыты два памятника: поселение Ирба и грунтовый могильник Морайка. Первое относится к эпохе неолита, а могильник – к раннему железному веку. Большая работа по изучению курганов была проведена А.П. Уманским. Первые крупные археологические раскопки на территории Павловского района провел Ю.Ф. Кирюшин в 1978–1979 гг. в окрестностях с. Елунино. Эти работы стали примером комплексного исследования разновременных памятников на ограниченной территории. Около с. Елунино изучались памятники ранней и развитой бронзы, переходного времени от бронзы к железу и раннего железного века. Крупные раскопки в Павловском районе были проведены также в окрестностях с. Рогозиха. В 1985 г. А.Б. Шамшиным совместно с А.П. Уманским был полностью исследован большой курганный могильник Рогозиха-1. 18 курганов относились к эпохе раннего железного века, два – к эпохе средневековья. Из инвентаря встречены керамика, каменные курильницы, керамические пряслица, железные ножи и чекан, украшения из бронзы, камня, пасты и золота, костяные наконечники стрел. Уникально бронзовое зеркало из Рогозихи, имеющее на одной из сторон рисунок. Археологические исследования последних лет, проведенные в Павловском районе, связаны с двумя пунктами – это с. Шахи и с. Елунино. В 1997 г. в окрестностях с. Шахи Я.В. Фроловым и И.В. Служаком было раскопано коллективное погребение ирменской культуры в грунтовом могильнике Мельничихин Лог-1. Другим памятником, активно изучавшимся в течение последних лет, является курганный могильник Телеутский Взвоз-1. На памятнике А.А. Тишкиным, а затем С.П. Грушиным раскопаны комплексы эпохи ранней бронзы, андроновской и ирменской культур, а также монгольского времени. В 2004–2005 гг. А.А. Тишкиным, В.В. Горбуновым, Т.Г. Шиготаровой, А.В. Кондрашовым проводились раскопки и обследования памятников в районе с. Боровиково. Ими были открыты курганные могильники Боровиково-3 и 4, грунтовый могильник Боровиково-5. В ходе обследований состояния памятников района в 2007–2008 гг. Я.В. Фроловым и О.Г. Шмидт открыто несколько новых памятников поселения Кольванское-1, курганные могильники Рогозиха-4, Харьково, Мельничихин Лог-3, поселение Боровиково-6 [Материалы официального сайта администрации Павловского района Алтайского края].

Предлагается организация автобусных туристических маршрутов из с. Павловск с целью ознакомления туристов с древними археологическими культурами в окрестностях нынешних сел Павловского района – автобусные маршруты: «Елунинские курганы», «Рогозихинские курганы», «Курганный комплекс с. Шахи – п. Прутской», «Комплекс Черемное – Сарай» [Схема территориального планирования муниципального образования Павловский район Алтайского края – развитие объектов рекреации и туризма].

5. Познавательный автобусный маршрут в окрестности с. Елунино. В начале 90-х гг. прошлого столетия в Павловском районе, недалеко от с. Елунино, проходили съемки художественного исторического фильма «Ермак». Для съемок фильма на берегу Оби был построен комплекс декораций, стилизованных под строения времен Ивана Грозного: бревенчатая крепость, жилища, спуск к реке и другие постройки. Необходимо провести комплекс мер по реставрации и воссозданию исторических декораций, так как они могут стать уникальной туристической площадкой, украшением туристических маршрутов в Павловском районе. К месту съемок фильма в с. Елунино можно организовать туристический маршрут, на базе комплекса устраивать костюмированные театрализованные представления для туристов и гостей села [Сомова, 2009–2010]. Предлагается организация автобусного туристического маршрута из с. Павловск в окрестности с. Елунино на место съемок фильма «Ермак».

Апробация предложенных маршрутов состоялась в летне-осенний период 2017 г. для обучающихся школ Павловского района и гостей из Барнаула. Разработанные маршруты необходимо использовать при организации культурно-познавательного туризма на территории Павловского района не только для школьников, но и всех заинтересованных лиц. Культурно-познавательный туризм на территории Павловского района будет способствовать возрождению и сохранению культурных и духовно-нравственных ценностей, повышению познавательного интереса к родному краю.

Библиографический список

<http://pavlovsk22.ru/index.php/o-rajone/istoriya> – материалы официального сайта администрации Павловского района Алтайского края.

Сомова В.Н. Материалы проекта «Царский поселок (Серебряное кольцо)». 2009–2010. <http://www.library.altspu.ru/redbook/monument/pavlovsky>.

<http://pavlovsk22.ru/index.php/o-rajone/istoricheskaya-spravka-svedeniya-po-istorii-izucheniya-pamyatnikov-arkheologii-pavlovskogo-rajona-altajskogo-kraja> – материалы официального сайта администрации Павловского района Алтайского края. <http://1piar.ru/folio/folio-67308.php>.

Схема территориального планирования муниципального образования Павловский район Алтайского края – развитие объектов рекреации и туризма.

E.V. Selezneva

Municipal Budget Organization of Additional Education “Pavlovsky Children’s and Youth Centre”, Pavlovsk, Altai Region, Russia

POSSIBILITIES TO ORGANIZE CULTURAL-COGNITIVE TOURISM IN THE TERRITORY OF THE PAVLOVSKY DISTRICT OF THE ALTAI TERRITORY

The article is devoted to development of tourism in the Pavlovsky district of the Altai Territory on the example of realization of the social project. The project received financial support from the Federal Agency for Youth Affairs (“Rosmolodezh”) and

includes the development and conduct of excursions and other educational activities in the Pavlovsky district. The project comprises educational routes: “Pavlovsk – Imperial Village”, “Pavlovsk Merchants”, “Comprehensive Educational Tourist Route around Pavlovsk”, “Cognitive Tourists’ Routes to Archaeological Monuments in the Pavlovsk District”, “Educational Bus Route in the Neighborhood of the Elunino Village”. Cultural and cognitive tourist routes make it possible to learn the history of metallurgical production in Altai, the history of Pavlovsk, named after the heir to the Russian throne Pavel, and visit the unique “exhibit” of industrial architecture of the 18th century – a monument of history and culture of regional importance “Pavlovsk Silver Smelting Plant”, archaeological monuments of different chronological periods: from the early Bronze Age to the late Middle Ages and other regional objects of culture and history.

Key words: Altai Territory, Pavlovsk, cultural and cognitive tourism, Pavlovsky silver smelting plant, Cozmo-Demiensky market, G.F. Borunov, Eluninsky mounds, Rogozhinsky barrows, a bronze mirror from Rogozikha, the “Ermaк” movie.

УДК 069.02:008

Т.В. Тишкина, О.Ю. Величкина

Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия

КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ «МИР КАМНЯ»

Музей «Мир камня» официально действует в Барнауле с 2010 г. в здании по ул. Ползунова, 39. В его фондах насчитывается более тысячи единиц хранения: образцы палеоботаники, руд, минералов, благородных металлов, декоративно-подделочных и драгоценных камней и др. Музей призван просвещать посетителей в области геологии и краеведения. В нем реализуются следующие виды культурно-образовательной деятельности: экскурсии по постоянной экспозиции и временным выставкам; лекции; консультации; праздники; конкурсы. В музее действуют клубы «Юный геолог» и «Клуб любителей камня». Культурно-образовательная деятельность осуществляется и за пределами стен музея – выездные учебные занятия (мобильные геоуроки «Петрики»); пешеходные и автобусные экскурсии по историко-культурным достопримечательностям Барнаула. Сотрудники музея выступают новаторами при осуществлении так называемых комплексных форм культурно-образовательной деятельности. Каждый из разработанных ими туров по достопримечательным местам Алтайского края объединяет единой темой лекцию (с использованием музейных материалов), экскурсию, киносеанс, викторину. Мероприятия музея рассчитаны на различные категории посетителей.

Ключевые слова: Барнаул, музей, минералогические коллекции, культурно-образовательная деятельность, краеведение.

Музей «Мир камня» основан Некоммерческим партнерством «Союза ремесленников» совместно с Администрацией Алтайского края. Его открытие состоялось в октябре 2010 г. в Барнауле в здании по ул. Ползу-

нова, 39. Концепция деятельности учреждения заключается в просвещении посетителей в области геологии и краеведения. Собрание музея составляют коллекции Сергея Иосифовича Бергера. В музее «Мир камня» насчитывается более тысячи экспонатов [Вашест, 2017, с. 354]. Экспозиция размещена в зале площадью около 70 кв. м, в каждой многоярусной витрине освещается определенная тема: рудные богатства Алтая; декоративно-поделочные, драгоценные камни; палеонтология; палеоботаника; коллекционные образцы минералов и горных пород; изделия алтайских мастеров из натурального камня и др.

Одним из направлений работы современного музея является культурно-образовательная деятельность, при осуществлении которой реализуются музейные функции образования и воспитания, организации свободного времени посетителей. Культурно-образовательная деятельность нацелена не только на одноразовые контакты с аудиторией, но и на длительные и систематические посещения музея [Шабанова, 2011]. К базовым формам культурно-образовательной деятельности относят экскурсию, лекцию, консультацию, научные чтения (конференции, сессии, заседания), клуб (кружок, студию), конкурс (олимпиаду, викторину), встречу с интересным человеком, концерт (литературный вечер, театрализованное представление, киносеанс), праздник, историческую игру [Юхневич, 2001, с. 41]. Экскурсия – одна из наиболее распространенных и популярных форм культурно-образовательной деятельности. Сотрудниками музея «Мир камня» для посетителей подготовлено несколько видов экскурсий. В обзорной экскурсии «Путешествие в мир камня», реализуемой для организованных групп и индивидуальных посетителей, экскурсоводы знакомят с содержанием экспозиции и уделяют внимание наиболее значительным экспонатам. Некоторые из них можно подержать в руках. Музейные выставки («Богатство недр Алтая», 2012 г., «Многоликая медь», 2014 г., «Каменный иней», 2017 г. и др.) сопровождаются тематическими экскурсиями [Ермошина, 2012, с. 16; Щеглова, 2014, с. 4]. Ряд экскурсий («Светящиеся минералы», «Оптические эффекты минералов», «Магнитные свойства» и др.) дополняются демонстрацией опытов.

Музей занимается организацией пешеходных и автобусных экскурсий по достопримечательным местам Барнаула. Например, в рамках экскурсии «Барнаульский сереброплавильный завод» экскурсанты посещают территорию завода, знакомятся с его историей, архитектурным обликом сохранившихся объектов. Экскурсия «Барнаул демидовский» посвящена истории становления города, его первым улицам и площадям. Автобусная экскурсия «Я узнаю Барнаул» включает осмотр архитектурных памятников и исторических мест города [<http://www.stonemir.ru>].

С 2011 г. музей реализует познавательные экскурсии и туры по Алтайскому краю для желающих посетить месторождения полезных ископаемых, ознакомиться с историей освоения недр Алтая. Программы

рассчитаны на широкую аудиторию, при необходимости могут быть адаптированы под цели конкретной группы. Участникам тура «Край Синей горы и Белого озера» предлагается восхождение на высшую точку Кольванского хребта – г. Синюху. Двухдневный тур «Алтай рудный и камнерезный» включает объединенные указанной темой экскурсии на Кольванском камнерезном заводе им. И.И. Ползунова, в Музее истории камнерезного дела на Алтае и Музее истории развития горного производства на Алтае им. А. Демидова в Змеиногорске, осмотр месторождений с поиском самоцветов на Ортитовой сопке на берегу Кольванского озера и на месторождении Лазурское. Двухдневный археолого-познавательный тур «Колыбель человечества» предлагает знакомство с достопримечательностями Солонешенского района – Денисовой пещерой, стоянкой древнего человека Карама, пещерой Окладникова, экспозицией краеведческого музея и традициями русских старообрядцев [<http://www.stonemir.ru>].

Геологическая экскурсия «По демидовским следам» реализуется для любителей камней и коллекционеров по маршруту Барнаул–Алейск–Поспелиха–Курья–Акимовка–Барнаул с посещением Акимовского месторождения для поиска горного хрусталя, малахита и других самоцветов. Осуществляется экскурсия «Алтай-кокс: 1100 °С» на завод в Заринске. Для интересующихся космической геологией, помимо знакомства с экспонатами музея «Мир камня», предлагается посещение Алтайского государственного мемориального музея Г.С. Титова [Путешествия..., 2017, с. 5].

Экскурсии и туры по достопримечательным местам Алтайского края, организуемые сотрудниками музея, востребованы среди жителей и гостей Барнаула. К 2018 г. разработано восемь разнообразных маршрутов, направленных на расширение общего кругозора участников, их ознакомление с историей и природными богатствами региона [<http://www.stonemir.ru>].

Сотрудниками музея «Мир камня» реализуется межрегиональный тур с посещением музейно-туристического комплекса «Сузун-завод. Монетный двор» (пос. Сузун, Новосибирская область) [Монета..., 2017, с. 15]. Участники мероприятия знакомятся с экспозиций в доме-конторе управляющего завода, обширным нумизматическим собранием, устройством воссозданного медеплавильного цеха, наблюдают за процессом изготовления сибирской монеты [Кушнаренко, 2017, с. 26].

Одной из популярных форм культурно-познавательной деятельности является лекция [Юхневич, 2001, с. 44]. С 2015 г. в музее «Мир камня» для всех интересующихся геологией и историей Алтайского края проводятся познавательные лекции, объединенные в тематические циклы: «Камнерезное искусство», «Древний мир Алтая: находки палеонтологов», «Освоение рудных богатств Алтая» и др. Ведущим лектором

является С.И. Бергер. Каждое его выступление иллюстрируется экспонатами музея. Особое внимание уделяется теме краеведения, которая на Алтае тесно переплетена с историей освоения недр. С 2016 г. к реализации лекций приглашаются специалисты: д.и.н. В. Ведерников, краевед В. Бородаев, геолог А. Лобанов и др. Постоянные слушатели сформировали «Клуб любителей камня» [Неволина, 2017, с. 22]. Научно-популярные лекции «Литотерапия: алтайские камни-целители», «Камни-талисманы на 2018 год», «Соляной промысел на Алтае», «Катастрофы времен позднего оледенения» и другие посещают любознательные люди. Вся информация о мероприятиях представлена на официальном сайте музея.

Для дошкольников и младших школьников сотрудники музея проводят выездные учебные занятия – мобильные геуроки «Петрики» на темы, связанные с окружающим миром, географией, краеведением, палеонтологией.

При музее действует детский клуб «Юный геолог». Ребята от шести лет и старше изучают происхождение минералов и горных пород, их химические и физические свойства. Занятия геологией для начинающих (младшая группа) проводит С.И. Бергер. Со старшей группой детей занимается геолог, научный консультант музея – В.С. Леднёв. Участники клуба выезжают в геолого-краеведческие экспедиции, выступают на конференциях с результатами своих исследований, участвуют в краевых и всероссийских олимпиадах [<http://www.stonemir.ru>]. У них есть возможность демонстрировать свои коллекции в зале музея и проводить экскурсии [Кушнарченко, 2014, с. 24]. К настоящему времени в клубе состоит 40 участников. Главная цель работы клуба – дать ребятам возможность рассказать людям о своих увлечениях, почувствовать себя взрослыми и самостоятельными.

В музее организуются различные мастер-классы: «Бумажное волшебство»; «Весеннее настроение» (декупаж на камне); «Собери кристалл» и др. Так, например, участники мастер-класса «Мыло в камне» изготавливают мыло с использованием природных минералов и узнают сведения по истории мыловарения.

Сотрудники музея имеют опыт по организации конкурсов и викторин. Так, например, с 25 декабря 2014 г. по 30 марта 2015 г. проводился городской конкурс «Многогранная геология», инициаторами которого выступили Комитет по образованию Барнаула и музей «Мир камня». Цель конкурса – популяризация геологических знаний среди детей и молодежи и развитие у них творческих навыков. К участию в мероприятии приглашались учащиеся 1–11 классов. Для них были предложены следующие номинации: «Геология вокруг нас» (конкурс на лучшую коллекцию минералов и горных пород); «Загадки геологии» (решение кроссвордов, чайнвордов и т.д.); «Творческая геология» (представление стихов, сказок, рассказов геологического характера); демонстрация ре-

зультатов исследовательской работы [<http://www.stonemir.ru>]. Итоги конкурса были подведены в рамках мероприятий II детского фестиваля «Я – геолог», где в качестве организаторов выступили Алтайский краевой центр детско-юношеского туризма и краеведения, Комитет по образованию Барнаула, Главное управление природных ресурсов и экологии Алтайского края и музей «Мир камня». Победители и призеры конкурса были награждены дипломами городского комитета по образованию и призами от музея. В ходе фестиваля также проводились мастер-классы, были представлены научно-популярные фильмы и лекции о геологии.

Мастер-класс в музее «Мир камня» (фотоснимок Т.В. Тишкиной)

Музей «Мир камня» предлагает родителям отметить день рождения их ребенка. Для именинника и его гостей сотрудник музея проводит экскурсию, увлекательные опыты и эксперименты, приглашает к участию в играх и викторинах, в конце праздника дарит подарок. Ежегодно в первое воскресенье апреля в музее празднуется День геолога. Мероприятие включает в себя познавательную программу, призовую викторину и презентацию геолого-познавательных маршрутов. С 2010 г. учреждение принимает участие в культурной акции «Ночь музеев», основная цель которой – показать потенциал и возможности современных музеев, привлечь внимание посетителей. Сотрудники музея и участники клуба «Юный геолог» организуют экскурсии на различные темы. Проходит презентация геолого-познавательных маршрутов, беспроигрышная лотерея, призовая викторина, мастер-классы. У посетите-

лей есть возможность приобрести коллекционные образцы минералов, украшения из натурального камня, развивающие игры и др. Ежегодно в «Ночь музеев» музеев «Мир камня» посещают более 1000 человек.

Сотрудники музея «Мир камня» оказывают консультации посетителям в вопросах оценивания подлинности, уточнения особенностей натуральных камней в приобретенных украшениях и изделиях.

На средства гранта Федерального агентства по делам молодежи Российской Федерации, при сотрудничестве музея «Мир камня», ЧОУ «Барнаульская классическая школа», Алтайского регионального отделения Российского движения школьников и Комитета по образованию Барнаула, с февраля 2018 г. реализуется проект «Школа мобильных экскурсоводов “Петрики”» с целью популяризации краеведения, естественных наук и включения учащихся 7–9 классов и студентов в экскурсионную деятельность [Хочешь стать..., 2018, с. 14].

Таким образом, в музее «Мир камня» реализуются следующие формы культурно-образовательной деятельности: различные экскурсии; лекции; праздники; конкурсы, консультации. В музее действуют клубы «Юный геолог» и «Клуб любителей камня». Культурно-образовательная деятельность реализуется и за пределами стен музея – выездные учебные занятия (мобильные геуроки «Петрики»); пешеходные и автобусные экскурсии по историко-культурным достопримечательностям Барнаула. Одним из направлений деятельности учреждения стали геолого-познавательные экскурсии и туры [Бергер, 2014, с. 47]. Сотрудники музея выступают новаторами при осуществлении так называемых комплексных форм культурно-образовательной деятельности. Каждый из разработанных ими туров по достопримечательным местам Алтайского края объединяет единой темой лекцию (с использованием музейных материалов), музейную или геологическую экскурсию, киносеанс, викторину. Мероприятия музея «Мир камня» рассчитаны на различные категории посетителей.

Библиографический список

Бергер С.И. Опыт работы музея «Мир камня в развитии познавательно-го туризма» // Вопросы интеграции историко-культурного наследия в развитие сферы туризма. Барнаул, 2014. С. 44–47.

Вашест М. Музей «Мир времени» // Туристская энциклопедия регионов России. Т. 1: Алтайский край. Барнаул, 2017. С. 354–355.

Ермошина С. Каменная рапсодия // Вечерний Барнаул. 2012. №103. С. 16.

Кушнаренко Н. Настоящие барнаулы // Вечерний Барнаул. 2017. №38. С. 26.

Кушнаренко Н. Путешествие за камнем // Вечерний Барнаул. 2014. №140.

С. 24.

Монета для Сибири // Вечерний Барнаул. 2017. №119. С. 15.

Музей «Мир камня»: офиц. сайт [Электронный ресурс]. URL: www.stonemir.ru

Неволина Ю. Каменные россыпи Алтая // Вечерний Барнаул. 2017. №178.

С. 22.

Путешествия с музеем // Вечерний Барнаул. 2017. №143. С. 5.

Хочешь стать экскурсоводом? // Вечерний Барнаул. 2018. №20. С. 14.

Шабанова А.А. Культурно-образовательная деятельность музеев: понятие и формы (на примере Белгородского государственного художественного музея) [Электронный ресурс] // Науч. электрон. архив. М., 2011. URL: www.econf.rae.ru/pdf/2011/03/93.pdf

Щеглова Т. Многоликая медь // Вечерний Барнаул. 2014. №102. С. 4.

Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей. М., 2001. 153 с.

T.V. Tishkina, O.Yu. Velichkina

Altai State University, Barnaul, Russia

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE “WORLD OF STONE” MUSEUM

The “World of Stone” Museum has officially been operating in Barnaul since 2010 in the building on Polzunova Street 39. There are more than 1,000 units of storage in its collections: samples of paleobotany, ores, minerals, precious metals, ornamental and precious stones, etc. The museum is intended to educate its visitors in the field of geology and local lore. It implements the following types of cultural and educational activities: excursions around permanent and temporary exhibitions; lectures; various master classes; holidays; contests. In the museum there are “Young Geologists” and “Stone Lovers” clubs. Cultural and educational activities are carried out outside the museum: field classes (mobile geo-lessons “Petryks”); pedestrian and bus excursions around historical and cultural sights of Barnaul. The staff of the museum are innovators in the implementation of so-called complex forms of cultural and educational activities. Each of the tours developed by them around the sights of the Altai Territory comprises a lecture (with the use of museum materials), an excursion, a movie session, a quiz with a common theme. The activities of the museum are designed for different categories of visitors.

Key words: Barnaul, museum, mineralogical collections, cultural and educational activity, local studies.

УДК 902(571.150)+069.02:908

А.С. Толкацкая

Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В ЭКСПОЗИЦИЯХ И ВЫСТАВКАХ АЛТАЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ В 1950–1980-е гг.

В статье описывается деятельность Алтайского государственного краеведческого музея по экспонированию и выставочной работе археологического собрания. Характеризуется период с середины XX в. по 1980-е гг. Начиная с середины XX в. экспозиционно-выставочная деятельность в Алтайском государственном краеведческом музее стала развиваться, включая демонстрацию

археологического прошлого Алтая. Благодаря профессиональным археологическим исследованиям, которые организовывались исследователями-археологами края (А.П. Уманский, Э.М. Медникова и др.) и учеными Академии наук (В.А. Могильников), фонды пополнились большим числом материалов, которые отражали основные периоды исторического прошлого региона. Репрезентативные и отреставрированные находки стали основой для создания и реорганизации экспозиций и передвижных выставок. С помощью них в музее стали возможными распространение научных археологических сведений, раскрытие роли археологических исследований в изучении истории края.

Ключевые слова: Алтайский государственный краеведческий музей, археологические коллекции, экспозиционно-выставочная деятельность.

В середине XX в. после длительного перерыва возобновились работы предшествующего времени по изучению археологического прошлого Алтая, начаты новые исследования, давшие важные материалы для исторических реконструкций. Проводились работы по выявлению, регистрации, составлению списков и паспортизации памятников истории и культуры. Это подтверждается и планами музея, в которых предусматривались археологические исследования в регионе. Первые сведения о таких работах встречены в отчете АККМ за 1950 г., где было отмечено, что сотрудники выезжали в с. Калистратиху и ст. Тягун-Новостройка, где в четвертичных отложениях были обнаружены части скелета мамонта. В музей были доставлены только небольшие фрагменты [Паршикова, 2011, с. 39].

Большую роль в научном изучении памятников археологии региона сыграла деятельность Алексея Павловича Уманского. Начиная с 1955 г. он работал в Управлении культуры Алтайского крайисполкома старшим инспектором по музеям и охране памятников. Перед Алексеем Павловичем стояли задачи, связанные с повышением уровня собирательской и научно-исследовательской деятельности краеведческих музеев, с перестройкой их экспозиций, развитием экскурсионно-массовой работы, активизацией пропаганды памятников истории и культуры в крае [Падалкина, 2008, с. 210]. Профессиональные археологические исследования Алексея Павловича значительным образом расширили фондовые собрания краевого музея.

В экспозиционно-выставочной деятельности краевого музея развитие научных исследований должно было решить одну из основных проблем. В отчете о работе музеев за 1948–1949 гг. по отделам дореволюционной истории отмечалось, что ни в одном музее нет экспозиции, которая полностью отражала бы дописьменную историю края. Следовательно, на основе данных результатов в планах музея предусматривались работы по реконструкции археологических экспозиций [АГКМ. ОФ 16115/31].

В том числе, несмотря на развитие археологических исследований в регионе, в работе краевого музея до сих пор стояла проблема нехватки экспозиционных площадей. Об этом писал в отчете за 1956 г. заве-

дующий отделом дореволюционного прошлого Н.Я. Савельев: «В экспозиции мало места. Экскурсий по темам экспозиции мало, так как в школьной программе изменения. Прошлое края изучают вне учебы. Если до 1956 г. лекции читались по линии Общества распространения политических и научных знаний, краевого лекционного бюро, лекторских групп крайкома ВЛКСМ, горкома КПСС, то в 1956 г. ни одно из этих объединений не давало путевок на чтение лекций, отказ от печати актуальных тем лекций». В связи с этим тематика экскурсий в 1956 г. сводилась к общей теме исторического прошлого края. Всего за этот год была проведена 51 экскурсия.

В следующем 1957 г. в планах музея стоят две основные задачи: переоборудование стендов и включение в экспозицию вещественных экспонатов из экспедиций текущего года [АГКМ. ОФ 19145/3].

В 1958 г. (18 сентября) с целью пропаганды научного атеизма была создана фотовыставка «Происхождение человека». Годом позже у входа в музей было установлено древнекаменное изваяние барана, которое находится там и в настоящее время.

В марте 1960 г. Н.Я. Савельев был освобожден от занимаемой должности заведующего отделом дореволюционного прошлого Алтая. На его место заведующим отделом дореволюционной истории Алтая был назначен Тимофей Афанасьевич Полухин.

В этом же году состоялась выставка археологических предметов, принадлежащих районному музею с. Родино. В числе экспонатов наибольший интерес представляли глиняный сосуд, бронзовое шило, каменный оселок, обломки палаша и каменная курильница, найденные экспедицией музея под руководством А.П. Уманского у с. Кочки в 1960 г. По определению археологов, все эти предметы принадлежали племенам ранних кочевников Алтая II в. до н.э. – I в. н.э. [Гусельникова, Попова, 2007, с. 132].

Также был переоборудован стенд «Археологические находки на Алтае». В отделе истории досоветского периода Алтайского краевого краеведческого музея сотрудниками осуществлялась подготовка отдельного раздела экспозиции по древней истории Алтая. На заседании сотрудников музея 14 декабря 1960 г. постановили разработать стационарную экспозицию по истории края. Согласно годовому отчету о работе музея с мая 1960 г. в экспозиции был помещен скелет одного из вождей гунно-сарматского времени, а именно: воина одинцовской культуры Лесостепного Алтая IV–V вв. н.э. Вместе со скелетом в экспозиции для обозрения были помещены фото уникальных вещей, выполненных в полихромном стиле гунно-сарматского времени (золотых гривен, серег, перстней, стального палаша, ножа и кинжала в ножнах, инкрустированных золотом и драгоценными камнями) [Паршикова, 2016, с. 122]. Предметы были найдены в погребении знатного воина у с. Тугозвоново в 1959 г. и осмотрены группой сотрудников АККМ во главе с Алексеем

Павловичем Уманским. Все материалы этого погребения в 1963 г. были переданы на постоянное хранение в Государственный Эрмитаж. Для музея же в 1965 г. Государственный Эрмитаж изготовил 23 гальваноконии основных предметов из этого комплекса. В 1966 г. антрополог М.М. Герасимов по заказу музея выполнил реконструкцию внешнего облика человека по черепу погребенного «князя» [Уманский, 1978, с. 133, 162].

Летом 1961 г. Т.А. Полухин организует выездную выставку в Шелаболихинский район. Она состояла из 9 стендов и 100 вещественных экспонатов. Наибольший интерес представляли предметы быта, труда и охоты, найденные археологами при раскопе курганов, относящихся к V в. до н.э. За время поездки по району передвижной музей посетило около 2 тысяч человек, прочитано свыше 36 лекций [Гусельникова, Попова, 2007, с. 134].

В 1964 г. была оформлена экспозиция «Первобытнообщинный строй на Алтае». В витринах располагалось около 300 экспонатов, которые подробно «рассказывали» об основных вехах, пройденных населением Южной Сибири в древности. На стендах грубые каменные топоры сменялись бронзовыми кельтами, кремневые наконечники стрел – литыми бронзовыми и железными, экспонаты демонстрировали возникновение глиняной посуды, развитие скотоводства и земледелия. Вместе с коллекциями в экспозиции располагались вспомогательные материалы: фото стоянок у сел Сростки и Усть-Кан, могильника на оз. Иткуль и предметов из органики, картины – копии «Охота на мамонта» и «Рыбная ловля» (по З. Буриану), графические реконструкции из жизни древних людей, гальваноконии украшений, блях и предметов из погребения «тугозвоновского князя», карты расселения народов, макет жилища эпохи бронзы и «царского» кургана пазырыкцев [АГКМ. ОФ 19597/5]. Таким образом, в 1960-е гг. экспозиционно-выставочная работа музея кардинально изменилась и стала развиваться. Став заведующим отделом дореволюционного прошлого Алтая, Тимофей Афанасьевич, в первую очередь, начал коренную перестройку экспозиций, в том числе и по древнему прошлому Алтая. Заново были разработаны тематико-экспозиционные планы ряда экспозиций. Велись активная работа передвижных выставок и сбор музейных предметов в районах края.

Крупные археологические исследования в музее продолжил новый научный сотрудник отдела досоветской истории Эльвина Михайловна Медникова, которая была принята на работу в октябре 1965 г. В этом же году научным сотрудником была составлена экскурсия по древнему прошлому Алтая. В ее основу были положены сведения экспедиционных отчетов, научных трудов и археологических источников [Нестеров, 2014, с. 37].

В 1966 г. под ее руководством в музее появился археологический кружок. Э.М. Медникова проводила занятия с ребятами в музее и на детской станции туристов. Члены кружка непосредственно участвовали в экспедициях, работали над археологическими материалами, собран-

ными в последующие годы, занимались обработкой его, составляли коллекционные описи, принимали участие в экспедициях и последующей передаче найденных материалов в фонды музея [Гусельникова, Попова, 2007, с. 137]. Благодаря работам Эльвины Михайловны по изучению памятников археологии фонды музея пополнились новыми коллекциями, которые существенно дополнили действующую экспозицию музея. В течение 1971 г. был оформлен стенд «Из новых раскопок». В экспозицию вошли наиболее интересные вещи, найденные при раскопках Елбанского городища. В центре стенда – небольшой ведущий стенд, рисунок общего вида памятника и топографический план местности, на котором расположено городище. На нижнем плане показаны вещи, найденные в культурном слое городища: наконечники стрел, костяные проколки, острога, железный сошник, лезвие ножа, грузила для небольших сетей, пряслица, украшения, пряжки. Небольшие вещи (острога и сошник) даны в прорисовке, где виден принцип крепления с рукояткой. На стенде показана керамика – восстановленные сосуды всех трех типов, встречающихся на городище, а также реконструкция древнего жилища. Кроме того, постоянная экспозиция была дополнена сосудом афанасьевского времени, который найден у пос. Первомайского Ново-Егорьевского района. Он прекрасно дополнял экспозицию раздела «Алтай в эпоху бронзы», где были поставлены сосуды андроновской и карасукской эпох. Стенд «Алтай в эпоху раннего железного века» дополнен фото скифского бронзового котла с ручкой в виде фигуры лошади. По дополненной экспозиции проводились экскурсии по следующим темам: «Первобытнообщинный строй на Алтае», «Ленин и археология», «Заселение Алтая, начало горного производства» [Нестеров, 2014, с. 37].

Работы по дополнению действующей экспозиции были продолжены. Над стендом «Первобытнообщинный строй» художником Г.Ф. Бурковым был оформлен фриз из жизни первобытного человека. В годовых планах стоял ряд задач: дополнить стенд «Алтай в эпоху тюркского каганата» вещами и фото раскопок последних лет, стенд «Раннего железного века» – новыми материалами из раскопок у с. Новообинка, в том числе дополнить музей под открытым небом новыми археологическими экспонатами, собранными за июль 1975 г. [АГКМ. ОФ 19145/7].

Параллельно с научными изысканиями в районах края Э.М. Медникова в селах и городах проводила лекции на темы «О чем рассказывают курганы», «Древние жители Алтая», «Памятники археологии – свидетельства древней культуры Алтая». Лекции сопровождалась демонстрацией фото и выставками подлинных археологических предметов из фондов Алтайского краевого краеведческого музея.

Таким образом, благодаря интенсивной работе Эльвины Михайловны в музее (до конца 1980-х гг.) были достигнуты большие результаты в разных сферах деятельности музея. Ежегодно проводились археологические исследования в различных районах края, в результате которых

были открыты новые уникальные материалы. Вследствие этих действий основные разделы действующей экспозиции были существенно дополнены интереснейшими находками, и стенды стали более информативны. На основе этих работ стала развиваться и экскурсионная деятельность. Для различных групп посетителей разрабатываются новые темы экскурсий. Так, для учащихся 4-х классов были выбраны общие экскурсионные темы: «Что такое история», «Первобытные люди и их жизнь». Для школьников 5-х классов проводились экскурсии, освещавшие конкретные археологические эпохи: «Первобытнообщинный строй на Алтае», «Ранний железный век или сарматское время на Алтае». Для учащихся 6–7 классов организовывались экскурсии, посвященные археологическим культурам Алтая: «Каганат тюрок – государство феодального типа», «Бронзовый век Алтая: афанасьевское, андроновское, карасукское время», «Скифы Алтая: пазырыкская культура». Для взрослого населения – экскурсии на темы «Археология Алтая», «Происхождение человека», «Первобытнообщинный строй на Алтае», «Каменный век и эпоха бронзы на Алтае», «Алтай в эпоху раннего железного века», «Скифы и сарматы», «Пазырыкская культура Горного Алтая», «Гунны и тюрки Алтая» [Нестеров, 2014, с. 37].

Следовательно, начиная с середины XX в. экспозиционно-выставочная деятельность в Алтайском государственном краеведческом музее стала развиваться, включая демонстрацию археологического прошлого Алтая. Благодаря профессиональным археологическим исследованиям, которые организовывались исследователями-археологами края (А.П. Уманский, Э.М. Медникова и др.) и учеными Академии наук (В.А. Могильников), фонды пополнились большим числом материалов, которые отражали основные периоды исторического прошлого региона. Репрезентативные и отреставрированные находки стали основой для создания и реорганизации экспозиций и передвижных выставок. С помощью них в музее стало возможным распространение научных археологических данных, характеристика роли археологических исследований в изучении исторического прошлого края.

Библиографический список

Гусельникова М.В., Попова И.В. Музейный хронограф Алтайского государственного краеведческого музея 1946–1990 гг. // Краеведческие записки. Барнаул, 2007. Вып. 7. С. 122–154.

Нестеров Е.А. Опыт коммуникативного использования археологических коллекций краеведческими музеями Алтайского края в 1960–1980-е гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 34–40.

Падалкина О.В. А.П. Уманский и музеи края // Вопросы археологии и истории Сибири. Памяти профессора А.П. Уманского. Барнаул, 2008. С. 209–214.

Паршикова Т.С. Деятельность музеев Алтайского края в области археологии (конец 1940-х – 1950-е гг.) // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета: мат. XXXVIII науч. конф. студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Барнаул, 2011. Вып. 8. С. 39–41.

Паршикова Т.С. Результаты изучения археологических памятников (вторая половина 1940-х – конец 1970-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2016. 374 с.

Уманский А.П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.

A.S. Tolkatskaya

Altai State Museum of Local Lore, Barnaul

**ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS IN EXPOSITIONS
AND EXHIBITIONS OF THE ALTAI STATE
LOCAL HISTORY MUSEUM IN THE 1950s–1980s**

The article describes the activities of the Altai State Museum of Local Lore on exhibiting and exhibition work of the archaeological team. The characteristic is given to the period from the middle of the twentieth century to the 1980s. Starting from the middle of the 20th century, the exhibition and exhibition activities in the Altai State Museum of Local Lore began to develop including the demonstration of the archaeological heritage of Altai. Thanks to professional archaeological research organized by the archaeological researchers of the region (A.P. Umansky, E.M. Mednikova, etc.) and by the scientists of the Academy of Sciences (V.A. Mogilnikov), the funds were replenished with a large number of materials that reflected the main historical periods of region. Representative and restored finds became the basis for the creation and reorganization of expositions and traveling exhibitions. With the help of them, the museum was able to disseminate scientific archaeological information, the disclosure of the role of archaeological research in the study of the history of the region, including the satisfaction of the creative, cultural, educational needs of the audience.

Key words: Altai State Museum of Local Lore, archaeological collections, exposition and exhibition activities.

УДК 069:37

И.Г. Черляков

МОУ «Тондошенская ООШ», Турочакский район Республики Алтай, Россия

**МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ**

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме: активизации музейно-педагогической деятельности через широкое привлечение обучающихся к исследовательской деятельности, а также сохранение и развитие музеев в условиях сельской школы. Однако в среде руководителей школьных музеев нет единого понимания, как должны развиваться сельские школьные музеи, какие методы и формы музейно-педагогической деятельности являются эффективными в условиях становления информационного общества. В статье, во-первых, определено соотношение понятий музейно-педагогической деятельности и исследовательской деятельности обучающихся; во-вторых, описаны различные

формы организации сельских школьных музеев. Автор приходит к выводу, что музейно-педагогическая деятельность неразрывно связана с исследовательской работой школьников; специфика музеев в сельской школе разнообразна, а развитие инновационных технологий способствует дальнейшему их развитию.

Ключевые слова: сельская школа, школьный музей, исследовательская деятельность школьников, музейная экспозиция.

Школьные музеи по сути своей являются результатом исследовательской деятельности обучающихся как индивидуальной, так и совместной с руководителем работы [Скударь, 2004, с. 34–38]. Нередко в музейно-педагогической деятельности приходится встречать два понятия: учебное исследование и научное исследование, что вносит некоторую путаницу в среду педагогов. Тогда как они принципиально различаются: во-первых, по способам организации исследовательской деятельности обучающихся; во-вторых, оно является учебным и направлено на развитие личности школьников [Леонтович, 2003, с. 12–13].

Однако есть и то, что объединяет эти два понятия. Исследовательская работа школьников, как и научная, связана с решением поставленной задачи, предполагающей наличие основных этапов: постановка проблемы, изучение теории, посвященной данной проблематике, методология исследования, сбор материалов, анализ и обобщение последнего, выводы [Леонтович, 2003, с. 15].

В чем же состоит специфика музейно-педагогической деятельности в условиях сельской школы? Не секрет, что многие школьные музеи в лучшем случае располагаются в классе или в худшем – ютятся в какой-нибудь приспособленной для этого подсобке. Поэтому многие руководители школьных музеев ограничиваются статичными музейными экспозициями, посвященными истории школы, ветеранам Великой Отечественной войны, истории села и др., которые не предполагают широкого вовлечения детей в данную деятельность. Например, как привлечь школьников к народной культуре? Часто предметы повседневной жизни, собранные детьми в результате экспедиций, полевых исследований, остаются под спудом. Одним из таких направлений могла бы стать проектная деятельность, где исследовательская работа выступает в роли проекта. Таким проектом может служить «этнодеревня», расположенная на пришкольном участке. Финансовая сторона обеспечивается за счет грантов. Народная культура Турочакского района Республики Алтай представлена как коренными ее жителями (тубалары, челканцы, кумандинцы, кержаки), так и русскими переселенцами XIX–XX вв. Аилы (традиционное жилище алтайцев) – корьевые и рубленые, размещаются под открытым небом. Возведение осуществляется с соблюдением традиций: дверь – на восток, диаметр основания равен высоте, очаг – по центру, деление на женскую и мужскую половины, размещение идентичных предметов быта. Аналогичным образом представлены старообразческие пятистенки с русской печью, рушниками, полатами и проч.

Следовательно, музейные экспозиции из статичных превращаются в динамичные через ролевую игру, где школьники смогут постигать «живую» психологию людей прошлых веков. Недостаточно рассказывать детям о музейной экспозиции, гораздо важнее открыть то, что стоит за каждым предметом и экспонатом [Туруспекова, 2004, с. 59–62].

Тем не менее данная форма работы требует больших затрат и по силам не всем сельским школам. Поэтому в современных условиях организация виртуального музея как нельзя кстати применима в музейно-педагогической работе. Виртуальный музей (от *virtual* – возможный) – это информация о музее, который реально существует в сетевом пространстве. Для последнего характерно использование интерактивных возможностей: пользователь может «перемещаться» по трехмерным залам, получать любые сведения и изображения, самостоятельно моделировать на компьютере виртуальные собрания и экспозиции. Важной составляющей является постоянная обратная связь с посетителями сайта. При его организации руководителю музея и обучающимся важно определиться с жанром, в котором они будут работать. Например, такими, как тезисный доклад или статья, представленная в презентации [Леонтович, 2003, с. 16].

Таким образом, музейно-педагогическая деятельность неразрывно связана с исследовательской работой школьников. Специфика музея в сельской школе разнообразна. Она имеет свои минусы и плюсы. Развитие информационных технологий сглаживает эти различия.

Библиографический список

Леонтович А.В. Развитие исследовательской деятельности учащихся // Исследовательская работа школьников. М., 2003. №4. С. 12–17.

Скударь З. Школьный этнографический музей // Воспитание школьников. М., 2004. №7. С. 34–38.

Туруспекова Р.К. Школьный музей и его образовательная функция // Педагогический вестник. Горно-Алтайск. 2004. №8. С. 59–62.

I.G. Cherloyakov

*“Tondoshenskaya Secondary School”,
Turochaksky Region of the Altai Republic, Russia*

MUSEUM AND PEDAGOGICAL ACTIVITY IN RURAL SCHOOL

The article is devoted to the actual problem – the activation of museum and pedagogical activity through the wide involvement of students in research activities, and activities, preservation and development of museums in rural schools. However, among the authorities of school museums there is no common understanding of how rural school museums should develop, what methods and forms of museum and pedagogical activity are effective in the conditions of the formation of the information society. The article, firstly, correlates the concepts of museum and pedagogical activity and research activity of students; secondly, describes various forms of rural school museums organization. The author comes to the conclusion that museum and

pedagogical activity is closely linked with the research work of schoolchildren. The specificity of museums in rural schools is diverse, and the development of information technology contributes to their further development.

Key words: rural school, school museum, research activity of schoolchildren, museum exposition.

УДК 902(470.343)+069.02:908

Е.Г. Шалахов

*Государственное бюджетное учреждение культуры
Республики Марий Эл «Замок Шереметева», Юрино, Россия*

**ПЕРВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ СЛУЧАЙНЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК В ФОНДОВУЮ
КОЛЛЕКЦИЮ ЮРИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ
(Республика Марий Эл)**

В статье рассматриваются факты поступлений археологических находок в собрание Юринского краеведческого музея, созданного в 1968 г. Благодаря сохранившейся музейной документации удалось выяснить происхождение некоторых каменных орудий, собранных местными жителями. Наиболее информативными предметами, пополнившими фондовую коллекцию Юринского музея, стали кремневые наконечники стрелы и дротика, имеющие аналогии в древностях раннего и среднего бронзового века лесной полосы Среднего Поволжья. Исключительный интерес представляет кремневый наконечник стрелы сейминского типа, который был поднят в осыпях культурного слоя Юринской стоянки. Близкие изделия собраны почти на всех поселениях чирковской культуры.

Ключевые слова: археологическая коллекция, находка, наконечник стрелы, наконечник дротика, Юринский музей.

Важной заслугой сотрудников Юринского краеведческого музея, организованного на общественных началах в 1968 г., является формирование первой археологической коллекции. В результате изысканий автора настоящей статьи, посвященных истории музейного дела в Республике Марий Эл, был обнаружен любопытный архивный документ, подтверждающий ценность целой серии случайных находок, оказавшихся в фондах Юринского краеведческого музея.

«Акт приемки-сдачи» за номером 6, датированный 5 сентября 1968 г., подписан дарителем В.М. Капустиним. Личная подпись директора Юринского краеведческого музея П.М. Румянцевой почему-то отсутствует. В разделе «Наименование предметов» значится «Коллекция стоянки древних людей», в составе которой один предмет (!). К сожалению, нет подробного описания случайной находки, поступившей, как записано, в хорошем состоянии. Археологический предмет найден на южном склоне Шереметевского парка.

Находка В.М. Капустина, поступившая в фонды Юринского краеведческого музея в постоянное пользование полвека тому назад, в Глав-

ной книге поступлений давно не числится. Лишь в 2014 г. удалось проследить судьбу «затерявшегося» коллекционного предмета. В период ремонтных работ в вестибюле северного парадного подъезда «главного дома» Замка Шереметева рабочими были обнаружены два археологических предмета – кремневый наконечник стрелы треугольно-черешковой формы (рис. 1.-2) и наконечник стрелы или дротика вытянуто-линовидной формы (рис. 1.-1) со следами метательного (?) износа из того же каменного сырья [Шалахов, 2017, с. 100].

Высокой техникой обработки поверхности орудия отличается наконечник стрелы треугольно-черешковой формы с жальцами из плотного светло-серого кремня (рис. 1.-2). Очевидно, этот наконечник, судя по его сохранности, и был передан в дар Юринскому краеведческому музею в 1968 г. В.М. Капустинным.

Общая длина кремневого изделия составляет 5,8 см, толщина метательного орудия – 0,4 см, длина пера – 4,7 см, ширина пера у его основания – 1,5 см. Все широкие грани наконечника обработаны аккуратной уплощающей ретушью, боковые стороны пера – пильчатой. Возможно, для вторичной обработки заготовки орудия использовался металлический (медный) ретушер.

Полные аналоги этому предмету древнего вооружения мы находим в подкурганых абашевских древностях Среднего Поволжья. По типолого-морфологическим характеристикам наконечник стрелы соот-

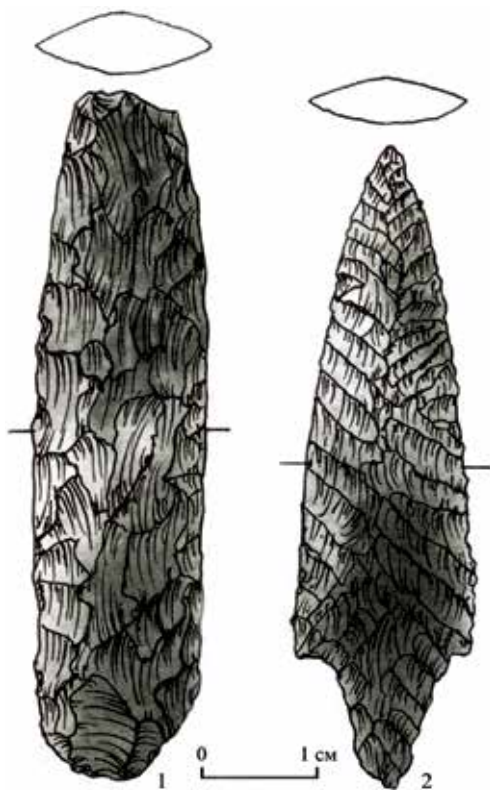

Рис. 1. Кремневые изделия эпохи бронзы, переданные местными жителями в археологическую коллекцию Юринского краеведческого музея: 1 – наконечник стрелы или дротика, найденный на одной из древних стоянок близ пос. Юрино; 2 – наконечник стрелы «сейминского» типа, происходящий из парковой зоны Шереметевской усадьбы в пос. Юрино

носится с метательными орудиями из знаменитого Пепкинского кургана (Горномарийский район Республики Марий Эл) [Большов, 2006, с. 200, рис. 19.-1; Большов, 2003, рис. 18.-12–19; Халиков, Лебединская, Герасимова, 1966, табл. V.-1–13] и некоторыми предметами вооружения с Сейминской дюны [Бадер, 1970, рис. 60.-1–3].

Кроме того, близкие изделия весьма характерны для свиты европейских археологических культур предсейминского времени и сейминского хронологического горизонта [Соловьев, 2007, с. 33, 50, рис. 5]. В лесном Поволжье треугольно-черешковые наконечники с жальцами сопровождаются керамикой чирковского облика (рис. 2). Аналогичный экземпляр имеется в сборах с поверхности Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа [Шалахов, 2014, рис. 1.-9].

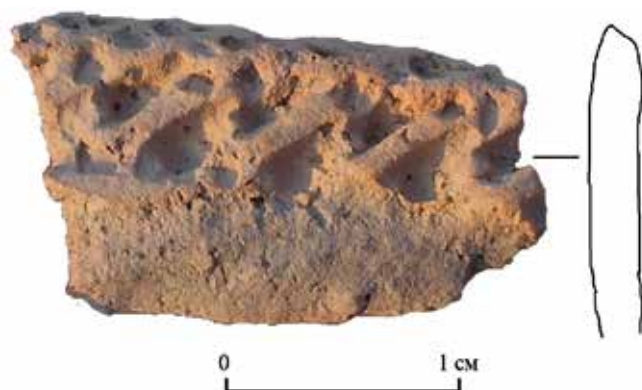

Рис. 2. Фрагмент чирковской керамики (венчик) с Юринской стоянки эпохи бронзы. Подъемный материал 2017 г.

Второй предмет из камня – наконечник стрелы или дротика вытянуто-листовидной формы с отломанным в древности (?) острием – изготовлен из крупного отщепа серого с темными включениями кремня (рис. 1.-1). Орудие обработано фасеточной ретушью по всем широким граням. Общая длина изделия – 6,1 см, толщина составляет 0,6 см, максимальная ширина пера – 1,5 см.

Мы не исключаем возможность вторичного использования сломанного наконечника в качестве ножа.

В Восточной Европе подобные метательные орудия бытовали в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке. Аналогичный наконечник введен в научный оборот В.С. Пагрушевым [1992, рис. 20.-8].

Точное местонахождение наконечника выяснить не удалось. Предположительно, предмет найден в окрестностях пос. Юрино в 70-е гг. XX в. Имя человека, сдавшего археологическую находку в Юринский краеведческий музей, нам пока неизвестно.

Таким образом, первые поступления случайных находок древних вещей в археологическую коллекцию Юринского краеведческого музея небезынтересны, прежде всего, для проведения дальнейших исследовательских работ по истории музейного дела в регионе. Возможно, скрупулезное изучение отдельных предметов, собранных еще в прошлом веке, приведет к открытию новых археологических памятников в западной части Республики Марий Эл.

Библиографический список

- Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. 176 с.
- Большов С.В. Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). Йошкар-Ола, 2006. 232 с.
- Большов С.В. Средневожская абашевская культура (по материалам могильников). Йошкар-Ола, 2003. 184 с.
- Патрушев В.С. Финно-угры России. Йошкар-Ола, 1992. 216 с.
- Соловьев Б.С. Хронологические рамки балановской культуры в Волго-Камье // Проблемы первобытной и средневековой археологии Волго-Камья. Йошкар-Ола, 2007. С. 26–50.
- Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган (Абашевский человек). Йошкар-Ола, 1966. 72 с.
- Шалахов Е.Г. Кремневый комплекс Усть-Ветлужского могильника сейминско-турбинского типа // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 2014. Вып. XX. С. 194–198.
- Шалахов Е.Г. Обретенные и вновь утраченные: о судьбе кремневых изделий эпохи бронзы из старого собрания Юринского краеведческого музея // Альманах современной науки и образования. 2017. №3 (117). С. 100–102.

E.G. Shalakhov

*State Budget Institution of Culture of the Republic
of Mari El "Sheremetev's Castle" Yurino, Russia*

FIRST ARRIVALS OF RANDOM ARCHAEOLOGICAL FINDS TO THE STOCK COLLECTION OF THE YURINSKY MUSEUM OF LOCAL LORE (Republic of Mari El)

The article deals with the facts of the arrival of archaeological finds in the collection of Yurinsky museum, established in 1968. Thanks to the preserved museum documentation, it was possible to find out the origin of some stone tools collected by local residents. The most informative items, added to the stock collection of the Yurinskiy museum were silicon arrow tips and dart, having analogies in the antiquities of the early and middle Bronze Age of the forest belt of the Middle Volga region. Of exceptional interest is the silicon tip of the Seyminsky type, which was raised in the scree of the cultural layer of the Yurinsky site. Similar products are almost in all settlements of Cherkovskaya culture.

Key words: archaeological collection, discovery, arrowhead, tip dart, Yurinsky museum.

Научное издание

**СОХРАНЕНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
Выпуск XXIV

Редактор: Н.Я. Тырышкина
Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 16.04.2018. Печать трафаретная.
Бумага офсетная. Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 15,4.
Тираж 500 экз. Заказ 136.

Издательство Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66

Отпечатано в типографии Алтайского государственного университета:
656049, Барнаул, ул. Димитрова, 66